РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО X–XX ВЕКОВ

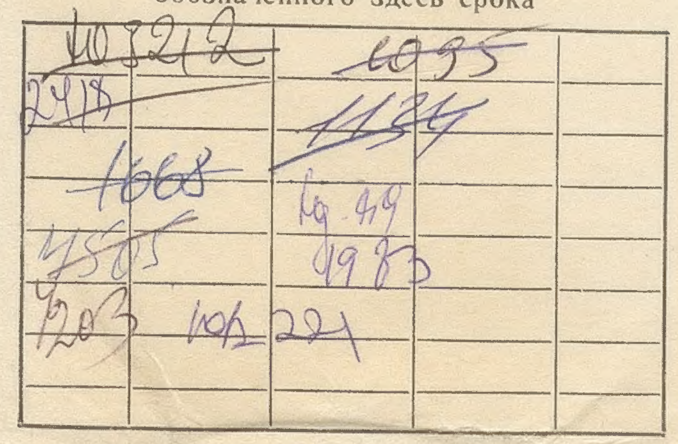

Законодательство Древней Руси

Том 1

МАЙ 2009

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Российское
законодательство
X—XX веков

Законодательство Древней Руси

Юридическая
литература
Москва
1984

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО X—XX ВЕКОВ

В девяти томах

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
О. И. Чистякова

Законодательство Древней Руси. Том 1

Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства
Том 2

Акты Земских соборов
Том 3

Законодательство периода становления абсолютизма
Том 4

Законодательство периода расцвета абсолютизма
Том 5

Законодательство первой половины XIX века
Том 6

Документы крестьянской реформы
Том 7

Судебная реформа
Том 8

Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций
Том 9

Законодательство Древней Руси

Том 1

Ответственный редактор тома
член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор
В. Л. Янин

67.3
Р76

Рецензенты:
Член-корреспондент АН СССР
В. Т. Пашуто,
сектор
истории государства, права и политических учений
ИГПАН СССР

Р $\frac{1203010000-046}{012(01)-84}$ **подписное**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право — элемент культуры человечества. Оно появляется тогда, когда общество достигает определенного уровня развития. Оно есть следствие роста материальной культуры, совершенствования орудий производства и вытекающего отсюда развития производственных отношений.

Право есть вместе с тем порождение классового общества, классовой борьбы, раскола общества на антагонистические классы. Оно закрепляет сложившееся социальное неравенство, эксплуатацию человека человеком, угнетение трудящихся эксплуататорами. Лишь при социализме право служит интересам трудящихся.

Право возникает вместе с государством. Оно не может ни возникнуть, ни существовать вне государства: законы издаются государственными органами, органы государства и обеспечивают выполнение правовых норм. В. И. Ленин говорил, что «воля, если она государственная, должна быть выражена как *закон*, установленный *властью*»[1], и в то же время «право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»[2]. Таким образом, проблема возникновения права — это одновременно и проблема возникновения государства.

Поскольку право и государство суть элементы культуры, и важные элементы, сразу возникает вопрос о правовой традиции, о правовой культуре, о том, «откуда оно есть пошло», когда возникло и кто у кого заимствовал те или иные правовые институты. Короче говоря, в наше время — это предмет оживленной идеологической борьбы. И отдаленность тех или иных институтов от нашего времени веками и тысячелетиями отнюдь не делает проблемы, с ними связанные, менее острыми и актуальными.

В любом споре важны аргументы, факты. Факты — хлеб ученого. К сожалению, история человечества не всегда оставляет нам свидетельства былого. Это и создает почву для ошибок и измышлений. Правда, история права в этом отношении находится в более выигрышном положении: она опирается на закон, а он чаще всего доходит до нас, хотя бы и не в первоисточнике. К тому же историкам права помогают археологи, источниковеды, специалисты других вспомогательных исторических дисциплин, дающие материал не только о том, что

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 340.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99.

было записано в законе, но и о том, как право осуществлялось на практике и почему возникли те или иные правовые нормы.

Но недостаток источников или их недостоверность создает почву не только для буржуазных фальсификаций. Состояние исторических источников порождает многочисленные споры и среди советских ученых. Мы еще многого не знаем, о многом можем судить только предположительно. Но путь науки — это путь от незнания к знанию, и то, чего мы не знаем сегодня, мы, может быть, будем знать завтра. Историк — как следователь. Он по крупицам собирает материал, создает картину былого, полного и преступлений, и примеров доблести, — сложную картину человеческого бытия со всеми его радостями и горестями.

Главный объект изучения для историка права, для всякого, кто хочет знать историю права, — это, конечно, закон, нормативные и иные правовые акты, ушедшие в прошлое. По законодательству можно судить о самых разных сторонах общественной жизни, государственной деятельности. Вот почему в предлагаемом читателю сборнике документов мы и публикуем законы, издававшиеся на Руси, в России.

Более трех десятилетий назад основоположник советской науки истории государства и права СССР профессор С. В. Юшков организовал издание серии «Памятники русского права». Хорошо подготовленный и отлично изданный многотомный сборник имел большую популярность и мгновенно разошелся, скоро став библиографической редкостью. С. В. Юшков умер, не доведя до конца задуманное им дело. Авторы настоящего издания — в большинстве своем ученики профессора С. В. Юшкова и ученики его учеников — рассматривают свой труд как осуществление на новом уровне идеи своего учителя. Пусть наша работа будет своеобразным памятником этому большому ученому.

К работе над «Российским законодательством X — XX веков» привлекаются не только юристы, но и историки СССР — преимущественно источниковеды. Такое содружество с виднейшими представителями исторической науки позволит, как нам кажется, лучше, всесторонней исследовать и подать историко-правовой материал.

Издание называется «*Российское* законодательство». Такое название, разумеется, условно. Оно не означает, что мы будем публиковать законы только России, как стали называть нашу страну в более поздние века. Мы дадим читателю возможность познакомиться с истоками законодательства на Руси, т. е. законодательством Древнерусского государства, которое явилось колыбелью трех славянских народов и трех славянских государств.

С течением веков в состав России входили одно за другим различные соседние государства на западе и на востоке. Они имели свои правовые системы, включавшиеся в той или иной мере затем в правовую систему Российской империи. Мы, однако, не будем публиковать феодальные законы Литвы, Гру-

зии, Армении, существовавшие до их вхождения в состав России, ибо это чрезмерно расширило бы рамки издания. Да и вряд ли возможно считать названные законы российским законодательством.

В отличие от «Памятников русского права» наше издание посвящается только законодательству, то есть законам. Мы не берем международно-правовые документы, гражданско-правовые договоры, акты наследования и иные правовые документы, дошедшие до нас, которые в свое время публиковались в «Памятниках...». Это позволяет расширить публикацию законов — главного историко-правового источника.

В первых трех томах «Российского законодательства» мы опубликуем все важнейшие законы, изданные до середины XVII века.

Со второй половины XVII века и особенно с XVIII века, с вступлением России в эпоху абсолютизма, масса законодательного материала резко возрастает. Это не позволяет публиковать все законы просто по техническим соображениям. Достаточно вспомнить, что Полное собрание законов Российской империи, выпущенное в XIX веке, составило полсотни громадных томов. Поэтому, начиная с IV тома, «Российское законодательство» будет включать избранные законы, представляющие наибольший интерес для читателя. Вместе с тем в нашем сборнике будут опубликованы некоторые законы — в особенности касающиеся церковной юрисдикции, — которых не было в «Памятниках...».

«Российское законодательство» охватит период с момента возникновения первых писаных законов на Руси до Великой Октябрьской социалистической революции. Следовательно, это в основном феодальное законодательство, относящееся ко всем трем этапам развития феодального государства — раннефеодальному государству, сословно-представительной и абсолютной монархии. Со второй половины XIX века феодальное государство в России делает один за другим шаги по пути превращения феодальной монархии в буржуазную, завершающегося — и то не полностью — после Февральской буржуазно-демократической революции. Этот процесс, естественно, нашел свое отражение и в праве, которое, однако, так и не стало до конца буржуазным. Задачу ликвидации пережитков феодализма в общественной жизни России разрешит лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

Тома «Российского законодательства» будут строиться по хронологическому принципу. Каждый из них включит в себя документы одного-двух исторических периодов в соответствии с периодизацией, принятой в нашей историко-правовой науке. Иногда документы одного периода будут помещаться в разных томах. Впрочем, это составит скорее исключение, чем правило.

Внутри томов документы располагаются по логическому принципу — исходя из формы законодательства, отраслей права и т. п.

Феодальное государство имеет свою специфическую правовую систему, которая, однако, связана определенной общностью и преемственностью с другими типами права. Действительно, в феодальном государстве имеются органы власти и управления, государственный механизм, организация государственного единства — институты государственного права; развиваются собственность, договоры, наследование — учреждения гражданского права; существуют институты уголовного права и т. д. Конечно, терминология меняется, меняется и содержание институтов и понятий, но сущность их остается. Это и позволяет проводить анализ и обобщение, без которых всякая наука перестает быть наукой.

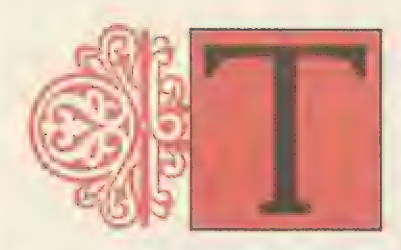
Настоящее издание будет состоять из 9 томов. Первый том включит документы Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности; второй — законы периода образования и развития Русского централизованного государства; третий — акты Земских соборов XVII века, в том числе — целиком Соборное уложение; четвертый — документы периода становления абсолютизма (конец XVII — начало XVIII века). Пятый том будет посвящен документам преимущественно второй половины XVIII века; в шестой войдет законодательство первой половины XIX века; седьмой и восьмой тома охватят реформы и контрреформы второй половины XIX века (крестьянскую, судебную и др.) и последний — девятый — том включит документы периода империализма и буржуазно-демократических революций.

Тексты законов даются по первоисточнику или по лучшим научным изданиям, ставшим в источниковедении каноном. При публикации древнерусского законодательства, где существуют различные варианты одного и того же закона, даются разночтения в рамках одной редакции, а также приводятся различные редакции одного и того же закона.

Все издаваемые документы объясняются и подробно комментируются. Мы стремимся к тому, чтобы сборник был доступен не только специалистам, но и широкому читателю.

Мы избегаем давать переводы документов на современный язык, как это делалось в некоторых изданиях. Во-первых, переводить закон с русского на русский — дело неблагодарное. Во-вторых, закон — это не литературное произведение, где тот или иной сюжет, образ можно описать разными словами; в законе каждая буква имеет специальный смысл, поэтому всякий перевод неизбежно искажает смысл закона. Наконец, в-третьих, перевод навязывает читателю одну какую-то трактовку текста, между тем как при чтении текстов древних законов часто возникают споры по их толкованию. Не давая перевода, мы стремились в комментариях показать различные точки зрения по спорным вопросам, с тем чтобы читатель мог сам выбрать убеждающее его решение. Соответственно этому дается текстологический и тесно связанный с ним историко-правовой комментарий к каждой статье или группе статей закона.

ВВЕДЕНИЕ

ом I предлагаемого читателю издания посвящен законодательству Древнерусского государства и его исторических преемников — тех государств, больших, малых и мельчайших, на которые распалась Киевская Русь. Таким образом, в книге освещены два тесно связанных периода истории государства и права СССР.

На переплете этой книги стоят слова «Российское законодательство». А что такое Россия, Русь, откуда пошли русские, кто придумал сами названия нашего народа и страны? Все это теряется во тьме веков, где достоверные факты перемешиваются с легендами. Мы можем лишь ввести вас, читатель, в круг споров и гипотез, познакомить с тем, что думали, писали исследователи, мнения которых очень и очень расходятся. Мы дадим вам вместе с тем ключ, который позволит решать, кто прав, а кто — нет в научном споре. Этим ключом является в большой мере законодательство, характеризующее многие стороны жизни общества. Конечно, этим ключом можно открыть не все двери, но, во всяком случае, — многие из них.

Разумеется, есть вопросы, которые можно считать уже решенными. В свое время обсуждался вопрос о том, являются ли наши предки коренным народом Восточной Европы. Теперь уже признано, что они жили на своей территории с незапамятных времен, заполняя бескрайнюю равнину к северу от Черного моря[1]. Из многочисленных славянских племен к концу I тысячелетия н. э. складывается древнерусская народность — праматерь трех братских народов — великороссов, украинцев, белорусов.

Но вот откуда взялось самое название нашего народа?

Наших предков середины I тысячелетия источники называют по-разному. В античных источниках не упоминается даже термин «славяне»[2]. Впервые его встречаем у историка VI века Иордана, причем он называет «склавенов» также антами и венетами[3]. Наряду с этим византийские авторы VI — VII веков различают антов и славян, хотя и отмечают, что они говорят на одном языке[4]. Накануне образования Древнерусского государства и в начальный период его истории наших предков именуют обычно по названиям племен (или племенных союзов), в которые они объединялись,— поляне, древляне, кривичи, вятичи и пр. Но в то же время в источниках появляется — в раз-

1 См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 35-36.

2 См.: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 29.

3 См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. M., 1960, с. 71, 72, 90.

4 См.: Седов В. В. Указ. соч., с. 124-125.

ных транскрипциях — слово «рос» («рус» и т. п.). Об этом говорят зарубежные авторы, почему-либо писавшие о наших предках. Уже в VI веке о росах говорит Псевдо-Захария[5], позже — Масуди, Ибн Хордадбе и др.

В источниках периода Древнерусского государства уже не упоминается об антах. Нет в них и племенных наименований. Зато все чаще появляются термины «русь», «русское». В договоре киевского князя Олега с Византией 911 года говорится о Руси как о договаривающейся стороне (другая сторона — Греки). А ст. 5 договора упоминает о «законе Русском». Важнейший законодательный памятник Древнерусского государства называется «Правда Роськая» (Академический список) или «Правда Русьская» (Троицкий I список).

Вместе с тем нельзя не отметить, что слово «русь» употребляется неоднозначно. Это и дало основание исследователям разделиться на две группы по их взглядам на проблему. Одни полагают, что «русь» первоначально было понятием социальным[6], другие — что этот термин с самого начала носил этническую окраску.

Доводы первых имеют под собой серьезные основания. Действительно, в источниках мы встречаем иногда противопоставление руси славянам. Иногда источник относит славян и русь к различным социальным группам, как это делает, например, ст. 1 Русской Правды: *Положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, ли словенин, то 40 гривен положити за нь.*

Все же большинство исследователей склоняется к точке зрения об этническом происхождении термина «русь», а также и об его этническом значении во времена Киевской Руси. Следует сказать, что сторонники первой концепции не отрицают, что со временем социальное звучание термина перешло в этническое. Весь вопрос в том, было ли слово «русь» когда-нибудь термином, обозначавшим социальную группу.

Сторонники этнического происхождения слова «русь» в свою очередь составляют несколько групп. В дореволюционной литературе возникло мнение, что под русью следует понимать варягов. Эту концепцию в тех или иных модификациях и в наше время пропагандируют на Западе. В новейшей литературе ее можно найти в работах американского профессора Р. Пайпса и в книге кэмбриджской преподавательницы Х. Дэвидсон[7].

Современные исследователи обычно производят термин «русь» от названия речки Рось — притока Днепра, — протекавшей в земле полян. По названию этой речки, говорят они, сначала поляне, а потом и жители всего Киевского государства стали именоваться русами. Впрочем, называют еще несколько рек в пределах нашей земли, носивших сходные названия, в том числе и Волгу, тоже называвшуюся Росью. Был и город Росия в устье Дона[8]. Отсюда и обратная мысль: вся эта топонимика произошла от имени народа русь, которое является самоназванием.

5 См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 520.

6 См.: Падалка Л. П. Происхождение и значение имени «Русь». Полтава, 1913; Юшков С. В. Указ. соч.

7 Pipes R. Russia Under the Old Regime. L., 1974; Davidson H. The Viking Road to Buzantiym. L., 1976.

8 См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 564.

Вопрос о происхождении термина «русь» теснейшим образом связан с проблемой возникновения Русского государства. На этот счет у нас, казалось бы, имеются надежные источники, в том числе первоклассное летописное произведение, наш древнейший летописный свод — «Повесть временных лет», где подробно описано, как возникло государство у славян. Это знаменитая легенда о призвании варягов: жили де славяне в своей богатой земле в беспорядке, надоела им такая жизнь и решили призвать они варяжских князей, чтобы те навели желанный порядок. Князьям за такую работу браться не очень хотелось, но потом они уступили настоятельным просьбам славян, пришли к ним, сели в трех городах и учредили государство.

Сказочность этой истории очевидна. Тем не менее такого материала оказалось достаточно, чтобы создать печально знаменитую норманскую теорию происхождения Русского государства. Этим занялись еще в XVIII веке немецкие историки, приглашенные для работы в Российскую Академию Наук, — Байер, Миллер, Шлецер. Материал был, конечно, очень соблазнителен, а параллели очевидны: русские — народ, ни на что не пригодный. В IX веке германцы создали им государство, в XVIII — создают науку, так и положено, чтобы русские сидели тихо и с обожанием взирали на своих благодетелей. Норманская теория имела тем больший успех, что, начиная с Петра I, пошла мода на все западное, что половина царей и цариц того века были если не чистокровными немцами, то с изрядной долей немецкой крови, не говоря уже о том, что придворная камарилья была в значительной степени иноземной.

Однако и в то время нашлись смелые и объективные ученые, которые возражали норманистам. Среди них, конечно, нужно назвать прежде всего великого Михайлу Ломоносова. Правда, М. В. Ломоносов, не решаясь отвергнуть полностью концепцию призвания варягов, пытался доказать лишь то, что Рюрик, Синеус, Трувор и прочие князья были не германцами, а представителями славянского племени русь, обитавшего на побережье Балтийского моря[9]. Но даже и такой подход к проблеме был прогрессивным для своего времени.

Так сложились в исторической науке два лагеря — норманистов и антинорманистов, которые просуществовали в нашей стране до самого Октября и даже несколько дольше. На Западе же норманская теория и по сей день пользуется успехом, хотя число ее сторонников и поубавилось. Соблазн все тот же: показать русских полностью зависящими от Запада в интеллектуальном отношении. Особым успехом пользовалась норманская теория у германских фашистов, но ее с удовольствием проповедуют и современные американские и западногерманские авторы.

Профессор университета штата Виргиния Ж. Вьежинский признает: «В большинстве наших исследований по средневековой истории России мы выделяем внешнее влияние как решающее. Редко можно найти оценку ранней русской истории, автор

9 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 32.

которой не отдавал бы предпочтения влиянию византийской, скандинавской или германской культур на развитие Русского государства»[10]. Конечно, в наши дни уже нельзя проповедовать норманизм в столь примитивной форме, как это делалось в XVIII веке. В новейших исследованиях буржуазной науки предлагаются более обтекаемые варианты норманской теории.

Еще в начале нашего века родилась теория норманской колонизации России. Сейчас ее проповедует упоминавшийся Р. Пайпс. С его точки зрения, норманны, главным занятием которых была торговля, создали свои колонии вдоль торговых путей на территории Руси, а «первое государство восточных славян появилось как побочный продукт в результате торговли двух иностранных народов — скандинавов и греков»[11]. Как просто, не правда ли? На аналогичных позициях стоит и Х. Дэвидсон[12].

История была, есть и будет классовой, партийной наукой. Она всегда служит господствующему классу. Наш летописец и его позднейшие редакторы служили той власти, которой требовалось обоснование своей правомерности, общественной необходимости, законного происхождения. Все это давала легенда о призвании варягов. Если изложить идею этой легенды современным языком, то она сведется к следующему: во-первых, власть князя, государственная власть есть представитель порядка в беспорядке; во-вторых, она установлена по воле самого народа, уставшего от беспорядка; в-третьих, она — явление надклассовое, в равной мере необходимое всем членам общества. Таков был социальный заказ летописцу, и он его выполнил.

Но почему все-таки варяги, почему нельзя было найти своих, русских, князей для создания Русского государства? И на это летописец дает ответ. Как известно, нет пророка в своем отечестве. Свой не может быть объективным, а для чужого все равны; он может править не оглядываясь на друзей и близких. К тому же варяги-норманны привлекали летописца своим европейским авторитетом. Этот народ играл заметную роль в Европе XI века. Достаточно вспомнить, что норманнский король Вильгельм Незаконнорожденный в 1066 году завоевал Англию, положив начало новому этапу в ее истории и снискав себе более благозвучное прозвище — Вильгельм Завоеватель. Породниться с такими монархами для русских князей было лестно.

К тому же, как известно, лучшая ложь приготовляется из полуправды. А правда состоит в том, что враждующие группировки новгородской знати действительно иногда приглашали варяжских князей с дружинами в качестве союзников или наемников в междоусобной борьбе. Отсюда — один шаг до создания легенды о возникновении русской государственности с помощью варягов.

Но если призвание варягов — это легенда, то как же в действительности возникло Русское государство? Вполне определенно на этот вопрос мы ответить не можем, но совершенно

10 Wieszynsky J. The Frontier in Early Russian History. The Russian Review, N.-Y., 1972, № 2, p. 110.

11 Pipes R. Op. cit., p. 29-30.

12 Davidson H. Op. cit., p. 63.

очевидно, что его создали не какие-то князья или герои, а оно возникло в силу объективных социальных закономерностей, т. е. за счет внутреннего развития древнерусского общества.

Недостаток источников и здесь очень затрудняет решение проблемы и вызывает также оживленные споры в науке. Прежде всего обсуждается вопрос, было ли Киевское государство первым государством восточных славян или у него были исторические предшественники? В источниках упоминается о разных политических образованиях, которые существовали в Восточной Европе накануне возникновения Киевского государства. Это известные Куявия, Славия и Артания, располагавшиеся предположительно в Киевской земле, по озеру Ильмень и на Таманском полуострове, приблизительно в VIII веке. Это еще более ранние образования во главе с Божем и Маджаком, имевшие место в VI и даже IV веках. Само существование всех названных политических образований не вызывает сомнений, однако скудность источников не позволяет с достоверностью судить, были ли они уже государствами или чем-то догосударственным, предгосударственным, например племенными союзами, являющимися, как известно, переходной ступенькой между родовым строем и государственной организацией. Для С. В. Юшкова все названные объединения восточных славян — государства[13]. Другие авторы в этом сомневаются.

При всех спорах и неясностях достоверным остается одно: в IX веке государственность у восточных славян уже существует; объединение земель вокруг Киева, безусловно, является государственным объединением, государством. Б. А. Рыбаков полагает, что о Киевском государстве можно говорить уже с самого начала IX века.

Иного мнения придерживается И. Я. Фроянов. В отличие, пожалуй, от всех советских исследователей И. Я. Фроянов выдвигает концепцию, по которой Русь, по крайней мере до конца X века, остается еще не государством, а племенным союзом, т. е. переходной к государственной организации формой, соответствующей этапу военной демократии[14].

Государство возникает как продукт классовых противоречий, как орудие классового угнетения, одним словом, как явление классовое. В разных странах становление государства складывается по-разному. В классических условиях (Двуречье, Египте, Греции, Риме) государство возникает как орудие класса рабовладельцев для подавления сопротивления рабов. Там рабовладельческие государства возникали как первая форма классовой организации общества. По-другому обстояло дело в Центральной и Восточной Европе, в Казахстане, Монголии и некоторых других районах. Здесь исторически первыми государствами стали государства феодального типа. Феодальным было и Древнерусское государство. Правда, в нашей литературе выдвигалась версия, что Киевское государство следует считать рабовладельческим (Б. И. Сыромятников), но она не нашла поддержки в науке.

Однако если Древнерусское государство было феодальным,

13 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 12 и сл. К нему присоединился Греков Б. Д. (см. Указ. соч., с. 526).

14 См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 32 и сл. Позиция И. Я. Фроянова уже подвергалась критике в нашей печати. См., например: Пашуто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории».— Вопросы истории, 1982, №9.

то почему так получилось, что наш народ миновал стадию рабовладения, рабовладельческую формацию, рабовладельческий тип государства? Проблема эта вызывает много споров и по сей день.

Б. Д. Греков отвечал на данный вопрос таким образом: у славян была община и у них был более высокий уровень средств производства[15]. Оба эти довода, конечно, имеют значение. Но каждый из них вызывает дополнительный вопрос: почему? Почему община в античном мире разложилась и не препятствовала возникновению рабовладения, а у нас на смену кровнородственной пришла территориальная община, просуществовавшая затем тысячу лет и действительно тормозившая классовую дифференциацию?

15 См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 526.

И второй вопрос. Действительно, уровень развития производительных сил у восточных славян был выше, чем у народов античного мира в период классообразования у них. Но ведь когда-то, несколько веков раньше, этот уровень совпадал с состоянием производительных сил у античных народов. Почему же тогда не возникло классовое общество, рабовладельческое государство у славян?

Выдвигают иногда и такой довод: восточные славяне вышли на историческую арену тогда, когда рабовладельческий строй уже изжил себя в передовых европейских странах, т. е., попросту говоря, славяне заимствовали готовый феодализм у своих соседей. Такие вещи в общем-то бывают, и с этим можно было бы согласиться. Но тут опять же возникает вопрос: почему славяне раньше не переняли у соседей рабовладельческий строй? Ведь они и их предки с давних пор имели контакты, скажем, с греческими колониями в Причерноморье, где рабовладение было в расцвете. Были и другие рабовладельческие государства по соседству, почему бы не перенять рабовладение у них?

Говорят, наконец, еще об одном факторе, препятствовавшем у славян существованию рабовладельческого строя, — о природной среде. Действительно, условия жизни и работы раба в Восточной Европе совсем не те, что в бассейне Средиземного моря. В Египте раба не надо было охранять — его хорошо охраняли львы Ливийской пустыни. Ему не нужна была даже крыша над головой: дожди в Египте — большая редкость. В жарком климате рабу не требуется и много пищи, калорийность ее может быть невысокой.

По-другому обстоит дело в лесах и степях Восточной Европы. Раба здесь надо серьезно охранять, убежать ему легче легкого; его надо одевать-обувать, иначе он не перенесет даже осень, не говоря о зиме; его надо прилично кормить, а то какой из него работник. Все это, конечно, требует затрат, и немалых. Поэтому, говорят, содержать раба у славян было просто невыгодно.

Все это очень логично, но тем не менее вызывает тоже законный вопрос. Климат — фактор довольно стабильный. Во всяком случае, в исторически обозримые сроки он не менялся

кардинальным образом. И если климат допускал рабство в Средиземноморье в VI веке до н. э., то почему бы ему не законсервировать рабовладельческий строй и до VI века н. э. и даже позже? С другой стороны, орудия производства — фактор подвижный. С их развитием производительность труда растет, а значит эксплуатация раба может стать рентабельной и в неблагоприятном климате Восточной Европы. Очевидно, что и географическая теория есть лишь часть объяснения, а не исчерпывающая концепция.

Как же тогда объяснить этот исторический скачок от первобытнообщинного строя к феодальному, который произошел у восточных славян и еще у многих народов Европы и Азии?

Думается, что ответить на этот вопрос можно следующим образом: когда производительные силы славян достигли примерно такого уровня, как в античном мире в эпоху классообразования, классы, а значит, и государство образоваться у них не могли. Рабский труд в природных условиях Восточной Европы при том уровне развития орудий производства не окупил бы себя, экономически рентабельным не стал бы. Но когда уровень производительных сил достиг у славян такой ступени, что эксплуатация человека человеком стала экономически возможной, а значит, возникли и классы, вступил в действие другой фактор. Теперь орудия производства стали настолько совершенны, что уже не допускали применения рабского труда, эксплуатации человека, совершенно не заинтересованного в своем труде. Таким образом, сначала рабовладение было еще невозможно, потом оно стало уже невозможным. Так совершился этот переход от первобытнообщинного строя к феодализму.

Конечно, такой переход не был скачком в полном смысле слова, это не был революционный взрыв, одномоментное явление. Переход от первобытнообщинного строя к феодализму был длительным эволюционным процессом, занявшим, по крайней мере, несколько веков. Общество того же периода имело специфическую структуру, которой соответствовала и специфическая политическая надстройка.

В нашей литературе этот период получил разные наименования: варварский период, дофеодальный[16], период становления феодализма, период формирования феодализма. Б. Д. Греков назвал его «полупатриархальным — полуфеодальным»[17]. Однако вне зависимости от названия природа его представляется более или менее однородной. Для периода, переходного от первобытнообщинного строя к феодализму, характерно наличие трех борющихся укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального. Первый из них неуклонно убывает, второй возникает, но не развивается, третьему же суждено будущее. В тот момент, когда феодальный уклад становится преобладающим, общество превращается в феодальное, феодализм побеждает.

Хронологически этот период разные исследователи помещают по-разному. С. В. Юшков датировал конец периода формирования феодализма X — XI веками, княжением Владимира

16 См., например: Юшков С. В. Указ. соч., с. 12.

17 См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 533.

и Ярослава, полагая, что Киевское государство возникает еще как дофеодальное[18]. Более поздние исследователи относят победу феодализма к IX веку, совмещая ее с образованием древнерусского Киевского государства. Б. Д. Греков, первоначально полагавший, что возникновение феодализма совпадает с феодальной раздробленностью, к концу своих дней перешел на кардинально противоположные позиции и отнес переход к феодализму к IX веку[19]. В то же время он признал возможность подразделения истории Киевского государства на два периода по развитию как базиса, так и надстройки[20].

Впрочем, в литературе встречаются концепции, полностью отрицающие период формирования феодализма как специфическую историческую категорию. И. Я. Фроянов, применяя термин «дофеодальный период», понимает под ним последнюю стадию первобытнообщинного строя.

Итак, Древнерусское государство и право — это феодальное государство и право. Правда, С. В. Юшков делил его историю на два периода — дофеодальный и феодальный, проводя границу между ними, как уже отмечалось, по X веку. Но эта концепция не прижилась, несмотря на тонкий и достаточно обоснованный анализ, проведенный ее автором. Большинство современных историков считают Древнерусское государство с самого начала раннефеодальным.

В Киевской Руси крестьянство (хотя еще и не все) уже находилось в феодальной зависимости. Вместе с тем закрепощение делает только первые шаги. Во всяком случае настоящего, юридически оформленного крепостного права нет еще и в помине. В. И. Ленин, говоря о феодальной зависимости, отмечал разные ее формы: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[21]. В Киевской Руси преобладала эта последняя форма.

Для господствующего класса характерно преобладание феодальной аристократии — боярства. Именно ему принадлежит решающая власть в обществе и государстве. Некоторое исключение составляет Псков, где нет данных о господстве крупного боярского землевладения и, соответственно, — политическом господстве крупного боярства[22].

Раннефеодальным государствам свойственны две формы правления — республика и монархия. В Киевском государстве на протяжении всей его истории существовала только монархическая форма правления. При этом народное собрание — вече — в Киеве функционировало слабо. Правда, И. Я. Фроянов полагает, что в Древнерусском государстве, во всех его землях, на протяжении X — XIII веков «глас народный на вече звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых «мужей»[23]. Вряд ли, однако, это соответствовало действительности.

Великому князю помогала в управлении узкая коллегия — совет из приближенных бояр, *княжи мужи*.

По-другому обстояло дело в Новгороде и Пскове, с тех пор

18 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 13.

19 См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 528.

20 См. там же, с. 532.

21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

22 См.: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси в XIV-XV вв. Л., 1980, с. 40-41.

23 Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 176-184.

как они освободились от киевской зависимости. Здесь сложились феодальные республики в их аристократическом варианте. И в Новгороде и в Пскове существовали князья, но они выполняли совсем не те функции, что в Киеве. В феодальных республиках князья были уже не монархами, не главами государства. Соответственно здесь была заметна роль других, республиканских органов — веча, осподы, — принимавших активное участие в управлении государством. Для Новгорода характерно также влияние на государственное управление руководителя церкви — владыки. Все это по рукам и ногам связывало князя, не оставляя ему самостоятельной власти ни в законодательстве, ни в управлении, ни в судопроизводстве. *А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамот ти даяти*, — говорится в договоре Новгорода с князем[24]. Это положение закреплено и в ст. 2 Новгородской Судной грамоты.

Действительной властью в Новгороде и Пскове была осподa — совет господ, собрание верхушки боярства. Однако и народное собрание — вече — имело большую силу в управлении государством[25].

Реальное соотношение роли осподы и веча, отражающее соотношение классовых сил в Новгороде и Пскове, является предметом спора в науке. Одни авторы полагают, что вече по преимуществу шло на поводу у осподы, умевшей прибирать новгородскую вольницу к рукам, другие настаивают на народном, демократическом характере веча. Ю. Г. Алексеев, который разделяет вторую точку зрения, отмечает, однако, тенденцию к усилению влияния феодалов на вече, развивающуюся со временем[26]. Советскими археологами было высказано серьезное сомнение относительно широкой представительности новгородского веча. В. Л. Янин показал, что Ярославово дворище, на котором собиралось вече, могло вместить лишь несколько сот человек, а отнюдь не всех граждан города.

Что касается системы управления, то первоначально в Киевском государстве действовала так называемая десятичная система, выросшая из военной организации[27]; затем, в X веке, она сменилась дворцово-вотчинной системой, наиболее характерной для раннефеодальной монархии. При дворцово-вотчинной системе государство управляется подобно феодальной вотчине. Управление государством есть как бы продолжение управления доменом великого князя; разницы здесь, собственно говоря, нет. Лица, обслуживающие потребности монарха, одновременно являются чиновниками государства, если подобный термин применим к той эпохе.

Десятичная система еще не знает разделения даже на центральные и местные органы. Дворцово-вотчинная система предполагает уже выделение местных органов управления. В этом качестве выступают местные князья, а также наместники и волостели — должностные лица, назначаемые великим князем. Складывается известная система кормления.

Для раннего феодализма свойственна неотделенность суда от администрации, отсутствие специальных судебных органов,

24 Цит. по: Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 20.

25 См. там же, с. 21.

26 См. там же, с. 22.

27 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 107.

т. е. те органы и должностные лица, которые осуществляют законодательную власть и управление, в той же мере выполняют и судебные функции. Это относится и к высшим органам и к местным, и в монархиях и в республиках.

С точки зрения организации государственного единства для раннефеодального государства характерна система сюзеренитета-вассалитета. Киевское государство первоначально было комплексом примитивных русских государств и племенных княжений[28]. Вместе с тем оно выступало как единое целое. Степень этого единства, однако, колебалась, имея тенденцию по мере развития феодальных отношений к ослаблению, пока на смену единству не пришла раздробленность, распад государства на множество самостоятельных государств, все более мельчавших.

Древнерусское право, как и всякое право, рождается вместе с Древнерусским государством[29]. Тип его, естественно, соответствует типу этого государства. Как всякое феодальное право, древнерусское право было правом-привилегией, т. е. закон прямо предусматривал, что равенства людей, принадлежащих к разным социальным группам, нет и быть не может. Он не только не скрывал этого неравенства, но всячески и постоянно его подчеркивал.

Холоп с точки зрения закона почти не человек. Русская Правда приравнивает детей холопов к приплоду скота: *от челяди плод или от скота*, говорит ст. 99 Троицкого списка. Поэтому жизнь челяди охраняется законом не как самостоятельная ценность, а лишь как имущество, принадлежащее какому-то хозяину. Правда, за убийство холопа налагается наказание, но не обычная в этом случае *вира*, а лишь маленький штраф в 5 гривен. В определенных случаях холопа вообще можно убить, не неся за это никакой ответственности.

Холопы не являются и субъектом права. Почему? Закон и это объясняет с обезоруживающей откровенностью: *зане суть не свободни* (ст. 46 Троицкого списка Русской Правды). Правда, холопы Древнерусского государства все же отличались от рабов античного мира. Некоторые черты правосубъектности у них появляются, но еще весьма малозаметные. Со временем, однако, правовое положение холопов меняется в лучшую сторону — они имеют тенденцию к сближению с крестьянами. Однако даже Новгородская Судная грамота в XV веке рисует нам положение холопа как весьма бесправное. Так, он все еще не может быть свидетелем, за исключением дел о холопах.

Главной же отличительной чертой древнерусского холопства было не столько его правовое положение, сколько практическое использование этого положения. Холопство на Руси было преимущественно патриархальным и использовалось не столько в процессе производства, сколько в быту, в роли всякого рода слуг. Со временем, правда, разовьется процесс привлечения холопов к крестьянскому труду, их начинают сажать на землю.

Следует отметить одну терминологическую тонкость древнерусского права. Слово *холоп* Русская Правда относит только

28 См. там же, с. 13.

29 Своеобразно смотрит на эту проблему американский исследователь Д. Кайзер. С его точки зрения, до XIII-XV веков на Руси действовали «горизонтальные» правовые связи, т. е. все уголовные и гражданские дела решались заинтересованными лицами без участия государства. Только после XIII века постепенно устанавливаются «вертикальные» правоотношения, когда эти дела начинают решать государственные органы и должностные лица (См.: Kaiser D. The Irowth of Law in Medieval Russie. Princeton University Press, 1980). Вряд ли хоть в какой-то мере можно согласиться с такой концепцией, противоречащей фактам, а объективно означающей принижение уровня развития государства и права Древней Руси.

к мужчине, несвободная женщина именуется *робой*. Собирательное имя для тех и других — челядь (*чадь*)[30].

Если холопы не имеют почти никаких прав, то остальное население Руси их имеет. Имеет, но разные. Круг правоспособности различается в зависимости от социальной принадлежности лица. Русская Правда формулирует это вполне откровенно. Особенно четко видна социальная дифференциация в уголовном праве. Закон устанавливает разную ответственность за посягательство на лиц, стоящих на разных ступеньках феодальной лестницы. За убийство наиболее знатных людей — двойная вира (80 гривен), за основную массу свободных — 40 гривен. Есть и категория людей, за убийство которых платится не вира, а особый штраф в меньшей сумме (12 гривен), за смерда же вообще платят лишь 5 гривен. Имеются различия и в наследственных правах феодалов и смердов.

Если Русская Правда проводит различие по объекту преступления, то Новгородская Судная грамота — по субъекту. Так, за клевету в суде с боярина взимается 50 рублей, с *житьего* человека — 20, а с *молодшего* — всего 10 рублей (ст. 6). Аналогичная мера применяется и в некоторых других случаях.

В отличие от Русской Правды и Новгородской Судной грамоты (НСГ), Псковская Судная грамота (ПСГ) не знала социальной дифференциации в применении права[31].

Древнерусское право возникает вместе с Древнерусским государством. Следовательно, хронологические рамки этого явления столь же не ясны. Установить точные даты здесь трудно еще и потому, что первой формой выражения правовой нормы явился обычай, который, конечно, не документировался. Правовой обычай, обычное право выросло из обычаев первобытнообщинного строя, со временем приспособленных к интересам эксплуататоров и соответственно трансформированных. У нас мало источников, по которым можно судить о древнерусском обычном праве. Тем не менее известна система норм уголовного, особенно семейного, в какой-то мере процессуального права.

В источниках, и довольно ранних, упоминается уже и о законе. Прокопий Кесарийский в VI веке писал, что у славян «вся жизнь и законы одинаковы»[32]. Встречаем мы упоминание о «законе русском» и в договоре Олега с греками 911 года[33]. Однако вряд ли можно понимать в том и другом случае слово «закон» в прямом, современном смысле. Скорее, здесь имелась в виду просто правовая система, русские обычаи и т. п., но не писаный закон. Во всяком случае, до нас не дошло не только какого-либо писаного закона, но даже и упоминания о каком-нибудь конкретном законе до X века.

Правда, еще в начале XX века высказывалось мнение, что древнейшую часть Русской Правды надо датировать IX или даже VIII веком[34]. В наше время эту идею воспринял Б. Д. Греков. Он утверждал даже, что древнейшую часть Русской Правды следует датировать VII — VIII веками, но сколько-нибудь серьезных доказательств в пользу такого утверждения не привел[35]. Б. Д. Греков зато отметил одно важное

30 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 19.

31 См.: Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 67, 68, 70.

32 Прокопий из Кесарии. Война с готами. Кн. VII (III), гл. 14, § 22.

33 Памятники русского права. Вып. первый. Под. ред. С. В. Юшкова. М., 1952, с. 7

34 См.: Goetz Das russische Recht. B. I. S. 9, 13, 15.

35 См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 529.

обстоятельство: само слово «закон» — древнерусского происхождения. Больше того — оно перешло в язык печенегов и было у них в ходу в X веке[36].

Первые законодательные памятники мы встречаем в Древнерусском государстве. Л. В. Черепнин полагал, что уже в начале X века существовал сборник законов — прообраз Русской Правды. Думается, однако, что прав И. Я. Фроянов, отмечающий недоказанность этого положения[37]. В свою очередь вряд ли можно согласиться и с И. Я. Фрояновым, сомневающимся в законодательной деятельности князя Владимира Святославича[38].

Важнейшим законодательным памятником Древнерусского государства явилась Русская Правда, ибо в ней охвачены чуть ли не все отрасли тогдашнего права. Наряду с Русской Правдой следует назвать и княжеские уставы, регламентировавшие отдельные вопросы жизни древнерусского общества.

Русская Правда и некоторые уставы известны в нескольких редакциях. Понятие редакции исторического источника — категория сложная. Оно включает в себя два компонента: деятельность законодателя, изменявшего закон по существу, и работу переписчиков, по-своему компоновавших доходивший до них текст, порой произвольно соединявших или разъединявших отдельные законы или нормы. Так, например, Краткая редакция Русской Правды включала два крупных закона, созданных с разрывом в несколько десятилетий, но объединенных исторической преемственностью, а также некоторые отдельные нормы. Правда Ярослава и Правда Ярославичей создавались князьями, законодательной властью, а переписчик затем объединил эти законы в один документ, который мы называем Краткой редакцией Русской Правды.

У нас мало сведений о законодательном процессе Древней Руси. Все законодательство Киевского государства — это акты княжеской власти. В силу монархической природы государства они не могли быть иными. Правда, И. Я. Фроянов сомневается в монархической природе Древнерусского государства, по крайней мере в X веке. Соответственно он сомневается в законодательных правах великих князей[39]. Думается, однако, что для подобных утверждений оснований явно недостаточно. Согласно точке зрения И. Я. Фроянова, получается, что в Киевском государстве вече играло такую роль, которая, по существу, делает это государство республикой. Похоже, что названный автор переносит на Киев те порядки, которые сложились в Новгороде с середины XII века. Эта позиция нам представляется малоубедительной.

Так или иначе, но подробностей о законодательном процессе у нас почти нет. Порой спорна даже точная датировка принятия закона и место его издания.

Иногда в монархии закон принимался коллегиально, не единоличным монархом, а съездом князей. Именно так было внесено изменение в Русскую Правду во второй половине XI века. Закон изменил не один монарх, а три сына Ярослава Му-

36 См. там же. с. 523.

37 См.: Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 28.

38 См. там же, с. 28-29.

39 См.: Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 27-28.

дрого, собравшиеся для этого. Притом они призвали к решению проблемы и своих приближенных — *мужей*. Таким образом, вторая часть Краткой редакции Русской Правды — плод коллективного законотворчества наследников Ярослава, которым отец завещал править вместе.

Принятые законы, очевидно, приобретали форму какой-то грамоты. Во всяком случае, так изображает летопись издание Ярославом Мудрым Русской Правды.

Подлинники ни одного древнего закона, однако, до нас не дошли. Мы знаем их содержание по летописным и иным записям, которые отличаются одна от другой, порой заметно. Так возникла проблема «списков» того или иного закона, т. е. рукописных вариантов одной и той же редакции закона. После распада Киевского государства законодательство выступает преимущественно в форме уставов тех или иных великих и удельных князей по отдельным вопросам. Законодательство мельчает в меру дробления самого государства. По-другому обстоит дело только в двух феодальных республиках, возникших на развалинах Киевского государства — Новгородской и Псковской.

Здесь были изданы два крупнейших закона, носивших название судных грамот. Новгородская Судная грамота дошла до нас не полностью.

Зато Псковская Судная грамота, сохранившаяся целиком, поражает богатством содержания и развитостью для своего времени правовых институтов и целых отраслей права. Псковская Судная грамота, подобно Русской Правде, представляет собой целый свод псковских законов, в котором заметно как общее развитие права, так и местные особенности, связанные со специфическим положением Пскова на западном рубеже Русской земли.

Конечно, когда мы говорим о Русской Правде или Псковской Судной грамоте как о сводах законов, это надо понимать в весьма условном смысле. Свод законов — всегда систематизированное собрание норм. Говорить же о сколько-нибудь серьезной системе в Русской Правде или даже в Псковской Судной грамоте не приходится. Конечно, можно отметить определенные части текста, посвященные той или иной проблеме, но какую-нибудь отраслевую или иную систематизацию увидеть здесь трудно. Да и вообще, система права в Киевском государстве или Пскове еще весьма примитивна.

Законодателя больше всего интересуют нормы уголовного права, им и посвящена большая группа статей, с них начинается Русская Правда. Большое внимание уделяется и процессуальным нормам, притом разделения на уголовный и гражданский процесс незаметно.

В литературе можно встретить утверждение о том, что Русская Правда не знала грани также между уголовным и гражданским материальным правом. Это, конечно, заблуждение, ибо названные отрасли права объективно при всем желании нельзя смешать. Как известно, формы ответственности в

уголовном и гражданском праве существенно различаются: уголовному праву свойственно наказание, гражданскому — возмещение ущерба. Некоторых читателей порой смущает, что в древнерусском праве преобладают имущественные наказания, которые иногда можно спутать с возмещением ущерба. К тому же часто наказание сопровождается и гражданской ответственностью. Так, Русская Правда предусматривает за один из видов убийства *виру* и *головничество*, где вира выступает в качестве наказания, а головничество — как возмещение ущерба семье убитого. Таким образом, здесь наличествуют сразу две формы ответственности. При этом и наказание выражается в уголовном штрафе, т. е. в уплате определенной суммы денег. Разница только в том, что вира идет в пользу князя — государственной власти, а головничество — семье потерпевшего. Таким образом, здесь нет никакой неразграниченности уголовного и гражданского права, а одновременное применение двух форм ответственности именно так, как это делается и в современном праве.

Для доказательства идеи о неразграниченности двух отраслей права иногда приводят статью Русской Правды, в которой говорится о наказании за неуплату долга. Вот, дескать, типично гражданские правоотношения, а за их нарушение установлено наказание, мера уголовно-правовая. Думается, что такой довод наивен. Законодатель вправе установить уголовную ответственность за нарушение гражданско-правовых обязательств, и это не будет означать слияния двух форм ответственности. Просто в этом случае нарушение гражданского закона объявляется преступлением. Наказание не исключает применения и гражданско-правовых форм воздействия. Опять же здесь будет не смешение двух форм ответственности, а просто одновременное их применение[40].

Есть и еще одна — крайняя — концепция, в соответствии с которой вообще нельзя говорить о традиционных отраслях права в Древнерусском государстве. Автор статьи «Древнерусское право» в сборнике «Советское источниковедение Киевской Руси» полагает, что «в системе феодального права Киевской Руси не может быть деления на гражданское, уголовное, земельное, семейное право и т. д.»[41]. Он полагает, что систему права при феодализме следует строить не по отраслям, а по сословиям — боярское право, крестьянское право, посадское право и т. д. Думается, однако, что такое предложение вряд ли приемлемо.

Следует подчеркнуть то значение, которое придавалось в древнерусском праве гражданским нормам. Это заметно и в Русской Правде, но особенно в Псковской Судной грамоте — документе, более позднем и к тому же принятом в торговом городе, где гражданский оборот был достаточно развит. Это отличает памятники древнерусского права от аналогичных законов Западной Европы, бывших по преимуществу уголовными и процессуальными.

В Русской Правде регламентируются вопросы собственности,

40 Своеобразно смотрит на эту проблему уже упоминавшийся американский историк Д. Кайзер С его точки зрения, в Древней Руси вообще не было уголовного права. Всякого рода правонарушения, касающиеся личности или имущества, рассматривались как гражданские и влекли за собой не наказание, а лишь возмещение ущерба потерпевшему. Только после XIII века постепенно на смену гражданской ответственности приходит уголовная, начинается применение наказаний (См.: Kaiser D. Op. cit.). Ошибочность такого утверждения очевидна: уже в Краткой редакции Русской Правды мы встречаем типичные уголовно-правовые нормы с вполне определенными уголовными санкциями — *продажей*. Уголовно-правовые нормы мы встречаем и еще раньше — в X веке. в Уставе князя Владимира

довольно развита система договоров. Больше всего внимания уделено договору займа, но регламентируются также и купля-продажа, хранение, личный наем. Еще более развиты эти институты в Псковской Судной грамоте. В законах содержатся также и нормы наследственного права.

Что касается семейного права, то оно отражено отчасти в княжеских уставах. Вообще же эта сфера регламентируется главным образом нормами канонического права. С введением христианства церковь взяла на себя эту важную сферу общественных отношений, ранее регулировавшуюся только обычным правом. Притом она в корне изменила нормы семейного права. На смену языческим формам вступления в брак (*умыкание у воды* и пр.), полигамии, пришел церковный брак с его моногамией, трудностью развода и пр.

41 Назв. сбор. Л.. 1979. с. 215.

Таким образом, Древнерусское государство и его исторические преемники имели уже достаточно развитую правовую систему, отражавшую высокий для своего времени уровень развития древнерусского общества.

В литературе ставился вопрос об исторических источниках древнерусского права. При этом в дореволюционных исследованиях настойчиво проводилась мысль об иноземном происхождении русского права или по крайней мере важнейших его актов. Так, дореволюционный автор Ф. Л. Морошкин считал, что Русскую Правду нам привезли варяги. Это было логическим развитием норманской теории: если государство на Руси создали варяги, то кому же, как не им, создавать и русское право. Н. М. Максимейко говорил о влиянии византийского законодательства на Краткую Правду.

Современные западные авторы повторяют зады старой историографии. Шел спор и о национальной принадлежности норм, содержащихся в договорах Руси с греками. Несмотря на прямое указание на «закон русский» в договоре Олега, некоторые авторы утверждают, что в названных договорах содержится преимущественно византийское, а не русское право. Пайпс и Дэвидсон считают русско-византийские договоры даже варяжским правом[42]. О сильном влиянии византийского права на русское неоднократно говорилось и по другим поводам[43]. Применительно к более позднему периоду дореволюционные авторы отмечали влияние на русское законодательство даже монгольского права. В частности, этим объяснялось ужесточение уголовной репрессии[44].

42 Pipes R. Op. cit., p. 29; Davidson H. Op. cit., p. 89.

43 Правда, и у некоторых современных буржуазных исследователей встречаются более объективные суждения по этому вопросу. Так, Д. Кайзер полагает, что влияние византийского права на древнерусское было незначительным (см.: Kaiser D. Op. cit.).

44 См.: Юшков С. В Указ. соч.. с. 23.

Конечно, Русь жила постоянно в окружении других народов, которые так или иначе влияли на нее и на которых влияла она. Известно, что славяне ассимилировали ираноязычные скифо-сарматские племена на юге, постоянно смешивались с финскими племенами на севере. Они взаимодействовали с западными и южными славянами. Б. Д. Греков провел сравнительный анализ законодательства Польши и Хорватии с русским правом и нашел много общего[45]. Киевские князья неоднократно вступали в династические браки, которые способствовали взаимопроникновению культур, в том числе и правовой культуры.

45 См.: Греков Б. Д Указ. соч.

Введение христианства не могло не отразиться на развитии русского права; с распространением православия стали применяться разнообразные нормы канонического права. Вошли в употребление даже целые сборники иноземного права. Так, например, при решении дел о религиозных преступлениях византийское духовенство, приехавшее в Киевское государство, применяло так называемый Градский закон, то есть Прохирон византийского императора Василия Македонянина, изданный в VIII веке. Применение византийского права церковными учреждениями и должностными лицами как по уголовным, так и по гражданским делам тем более было необходимо, что Русская Правда и другие древнерусские законы имели заметные пробелы[46].

46 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 223-224.

Однако считать древнерусское право собранием разноязычных норм было бы в высшей мере ошибочным. Древнерусское право создавалось на русской почве, оно отражало те общественные отношения, которые сложились на Руси, закрепляло те порядки, которые были обусловлены природой древнерусского феодального общества. Древнерусское законодательство выросло из обычного права, а обычаи уходят корнями глубоко в историю народа. Да, в древнерусском праве встречаются нормы, аналогичные западноевропейским. Иногда здесь имело место и заимствование. Однако чаще сходные нормы порождались просто сходными общественными отношениями. Самое же главное то, что основная масса правового материала не может быть сведена к чужеземным источникам, ее происхождение никак нельзя объяснить заимствованием.

Вопрос о национальной принадлежности древнерусского права имеет и еще один аспект. Буржуазные украинские националисты выдвинули концепцию, по которой Древнерусское государство и право принадлежат исторически не трем славянским народам, а являются по своей природе украинским государством и правом[47]. В свое время эту идею развивал буржуазный историк Грушевский, теперь ее проповедуют эмигранты нового поколения. Так, подвизающийся в Соединенных Штатах Америки националист Н. Чировский вновь говорит об украинском характере Киевской Руси. Но, угождая западным хозяевам (сначала немцам, а теперь американцам), дополняет свою концепцию норманизмом, объявляя, что Киевское государство имело «украинско-варяжское происхождение»[48]. Концепция эта в высшей степени надуманна. Конечно, Древнерусское государство включало в себя территорию современной Украины, хотя и не сводилось к ней. Конечно, столица Древнерусского государства совпадает со столицей современной Украины, хотя нельзя забывать и о другом важнейшем центре Древнерусского государства — Новгороде.

47 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 24.

48 Chirovsky N. A. History of the Russian Empire, V. I, Grand-ducal Vladimir and Moscow, p. 41-42, 57, 75.

Однако ни в IX, ни в XII веке нельзя еще говорить об Украине и украинцах. Нет еще исторически обособленной территории Украины, нет еще украинского языка, нет вообще специфически украинской культуры, нет специально украинских экономических связей. Одним словом, не существует еще укра-

инской народности, есть единая древнерусская народность, которая позже, уже за пределами исследуемого в настоящем томе периода, породит три самостоятельные народности, в том числе и украинскую. Таким образом, право Древнерусского государства — это именно древнерусское, а не какое-нибудь иное право.

Древнерусское государство возникло как инструмент подавления сопротивления трудящихся феодалами. Боярство, которое стремилось все больше закабалить смердов, нуждалось в сильной центральной власти, в относительном единстве государства. Но с течением времени местные князья и крупные бояре, осевшие в своих княжествах и вотчинах, разбогатевшие за счет эксплуатации крестьян и грабительских войн, почувствовав свою собственную силу, стали тяготиться центральной властью, властью великого князя и его аппарата. Центробежные силы в государстве усиливаются, пока не приводят к распаду Древнерусского Киевского государства. Так развитие феодальных отношений, которое в IX веке породило Киевское государство, в XII веке приводит к его распаду. Киевское государство прекратило свое существование. Но по-другому сложилась судьба его правовой системы, его законодательства. Оно продолжало действовать и в тех государствах и «государствишках», на которые распалась Древняя Русь. В них создаются свои законы — уставы тех или иных князей. Однако они не могут — да и не собираются — заменить собой всю сложную систему законодательства Киевской Руси. Во всяком случае, основа древнерусского права — Русская Правда продолжает действовать во всех землях феодально-раздробленной Руси. Даже в Новгороде и Пскове, создавших свои крупные законодательные акты, Русская Правда оставалась действующим источником права. Это обстоятельство, отмеченное в свое время еще С. В. Юшковым, в недавнее время подтвердил применительно к Пскову Ю. Г. Алексеев[49]. Историческое значение Русской Правды вышло и за пределы периода феодальной раздробленности; она действовала и в Московском и даже в Литовском государстве[50]. Конечно, древнерусское право не оставалось неизменным. Об этом свидетельствуют новые редакции Русской Правды, которые появляются после распада Киевской Руси.

Феодальная раздробленность не означала, что развитие Руси остановилось или, тем более, пошло вспfive. Это был необходимый период в истории русского феодализма, в ходе которого продолжалось развитие феодальных производственных отношений, политическое развитие. Неизбежно развивается и право. Однако в силу отсутствия единого общерусского государства не может теперь создаваться и общерусское право, новые общерусские законы. Конечно, действует, как уже сказано, по-прежнему Русская Правда, даже создаются ее новые редакции (III — V), но это, по существу, не новое законодательство, а лишь частная кодификация, творчество переписчиков, по свое-

49 См.: Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 42, 46.

50 См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 189.

му разумению подправляющих (или портящих) текст закона, принятого в период расцвета Древнерусского государства.

Придет время, и на месте раздробленной Руси встанет Русское централизованное государство, создающее вновь общерусские законы. Но это уже другой, новый период истории государства и права СССР.

I том «Российского законодательства X — XX веков» подготовлен коллективом авторов. Предисловие к изданию и Введение к тому написаны доктором юридических наук *О. И. Чистяковым*; введение к Русской Правде — доктором исторических наук *Я. Н. Щаповым*; текст Краткой редакции Русской Правды и комментарий к ней подготовлены кандидатом юридических наук *Т. Е. Новицкой*; Пространной редакции — *Я. Н. Щаповым*; библиография по Русской Правде составлена *Т. Е. Новицкой*.

Общее введение к разделу «Княжеские уставы и уставные грамоты» написано *Я. Н. Щаповым*. Им же написано введение к Уставу князя Владимира о церковных судах. Текст Синодальной редакции этого устава и комментарий к ней подготовлены кандидатом юридических наук *Н. А. Семидеркиным*; Оленинской редакции — *Я. Н. Щаповым*. Введение к Уставу князя Ярослава Владимировича, текст Краткой редакции и комментарий к ней подготовлены *Н. А. Семидеркиным*; текст Пространной редакции и комментарий к ней — *Я. Н. Щаповым*; библиография — *Н. А. Семидеркиным*.

Уставная грамота князя Мстислава Даниловича и смоленские уставные грамоты подготовлены *Я. Н. Щаповым*. Устав князя Святослава Ольговича о церковной десятине и устав князя Ярослава о мостех подготовил член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук *В. Л. Янин*. Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых подготовлен *Я. Н. Щаповым*, а Рукописание князя Всеволода — *В. Л. Яниным*.

Новгородская Судная грамота подготовлена кандидатом юридических наук *В. М. Клеандровой*. Введение к Псковской Судной грамоте написано доктором исторических наук *Ю. Г. Алексеевым*, текст ее подготовлен *Т. Е. Новицкой*, комментарии — *Т. Е. Новицкой* (ст. ст. 1—40), *В. М. Клеандровой* (ст. ст. 41—80), *Н. А. Семидеркиным* (ст. ст. 81—120), библиография — *Т. Е. Новицкой*.

Все указатели к тому составлены *Т. Е. Новицкой*.

Во Введении к тому использованы переводы новейшей англоязычной литературы, сделанные *Е. В. Державиной*.

Иллюстрации к тому подобраны *Я. Н. Щаповым* и кандидатом исторических наук *В. Д. Черным*.

Научно-вспомогательная работа по тому проведена *Е. В. Державиной* и *Г. А. Кутьиной*.

Русская Правда

I

Русская Правда — важнейший памятник древнерусского права. Она включает в себя нормы различных отраслей права, и в первую очередь уголовного и процессуального.

Русская Правда является официальным актом. В самом ее тексте содержатся указания на князей, принимавших или изменявших закон (Ярослав, его сыновья, Владимир Мономах). Основным источником Русской Правды являлось обычное право. Вместе с тем она обобщила отдельные законы, принимавшиеся князьями, т. е. означала определенную систематизацию права. С течением времени Русская Правда изменялась и дополнялась.

Русская Правда — памятник феодального права. Она всесторонне защищает интересы господствующего класса, — феодалов, гарантирует эксплуататорам возможность классового угнетения трудящихся, откровенно провозглашает бесправие несвободных тружеников — холопов, челяди.

Русская Правда — светский судебник. Она создана светской, государственной властью и охватывает дела, подведомственные светским, государственным органам, не вторгаясь в церковную юрисдикцию, которая возникла с крещением Руси и была предусмотрена специальными княжескими уставами. Разграничение это, однако, не вполне четкое. В некоторых сферах, например в наследственном праве, Русская Правда соотносится с областью церковной компетенции.

Важность Русской Правды как одного из основных источников для изучения Древней Руси, сложность и разнообразие ее текстов, сохранение их в списках, значительно более поздних, чем время, к которому она принадлежит по своему заглавию («Суд Ярославль Володимерич»), породили обширную литературу как в нашей стране, так и за рубежом. За два с половиной века появилось более 200 работ, содержащих ее исследования и публикации.

II

Краткая редакция Русской Правды была открыта В. Н. Татищевым в 1738 году и издана впервые А. Шлецером. Пространную редакцию ввел в науку В. В. Крестинин, опубликовав ее в 1788 году. Сокращенная редакция впервые была осмыслена как особая обработка Правды и издана Н. В. Калачовым (1846).

Вслед за указанными первыми публикациями отдельных текстов памятника появилось сводное их издание И. Н. Болтина (1792), первые исследования В. Н. Татищева, считавшего, что нормы Краткой Правды значительно древнее Ярослава; работы Ф. Штрубе де Пирмонта (1756), который, пользуясь текстом, подготовленным В. Н. Татищевым, нашел общее в нормах Правды с датскими законами, и Н. М. Карамзина, открывшего ряд новых ее текстов и тем самым значительно обогатившего возможности исследования памятника. Н. М. Карамзин считал краткий текст Правды в новгородских летописях результатом порчи древнего памятника, а в Пространной Правде видел «от начала до конца» законодательство князя Ярослава, введенное согласно «с древними законами скандинавскими»[1].

Серьезное исследование памятника связано с именем дерптского ученого И. Ф. Эверса (1826). Он рассматривал нормы Русской Правды как местное, русское право, выросшее на основе «древнего обычая», хотя и видел в основе сходства русского и скандинавского права общий источник — право германское. В истории памятника И.Ф. Эверс выделяет три этапа: первые 18 статей Краткой Правды — законодательство Ярослава; расширение ее сыновьями Ярослава (Правда Ярославичей) — второй этап и Пространная Правда — третий этап, который он связывает с Владимиром Мономахом. Обращая основное внимание на Краткую Правду, И. Ф. Эверс видел в Правде Ярослава «самый древний законодательный памятник, каким только могут хвалиться новейшие народы», ее постановления «восходят к глубочайшей древности, о происхождении коих в других государствах едва можно делать одни слабые гадания»[2].

Концепция местного, славянского происхождения древних норм Правды была развита польским исследователем И. Раковецким (1820—1822). Этот ученый-публицист обратил внимание также на сходство норм Правды с Литовскими статутами, что привело его к выводу о включении норм Правды, господствовавших, по его мнению, в Литве, в состав этого памятника XVI в.

С Русской Правдой оказалось связанным также имя одного из первых русских историков буржуазного направления — М. Т. Каченовского (1829, 1835). Однако для конкретного изучения памятника его работа практически ничего не могла дать: критик средневекового строя в Западной Европе и в России выбрал популярный уже тогда среди историков памятник древнерусского права в качестве объекта своей полемики. Не отрицая подлинности и ценности Правды, он стремился обосновать несоответствие ее норм и реалий условиям жизни северной Руси XI века.

Другому дерптскому профессору — юристу Э. С. Тобину принадлежали важные исследования истории текста Правды (1840, 1844). По мнению этого ученого, Правда, представляющая славянское право, в первоначальном виде возникла

1 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Спб., 1842, стб. 144 (первое издание 1816 года).

2 Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835, с. 337. 338.

до появления на Руси княжеской власти и не имела специфического новгородского характера. Э. С. Тобин считал Древнейшую Правду и Правду Ярославичей, как и Пространную Правду, особыми юридическими памятниками, отражающими последующие этапы развития русского права. Он выделил в составе древнейшей Правды тематические разделы, которые представляют собой «естественную и простую» систему права[3]. Правда Ярославичей была выработана на княжеском съезде с участием «мужей», причем таких съездов было два. Начальные статьи Правды Ярославичей, по Э. С. Тобину, примыкают к Древнейшей Правде, являясь развитием ее норм. Пространную Правду исследователь рассматривал как результат слияния Древнейшей Правды и добавлений к ней с новыми установлениями, в частности сводом законов, принятыми Владимиром Мономахом в связи с восстанием в Киеве. Одна часть Устава Мономаха является развитием и изменением статей Краткой Правды, другая — представляет новое законодательство. В своем издании Э. С. Тобин выделил эти разделы в качестве больших статей: устав о холопстве составляет у него одну статью, содержащую 16 параграфов. В состав Пространной Правды вошли, по Э. С. Тобину, и более поздние статьи, относящиеся к XIII веку.

Исследование Н. В. Калачова (1846) подвело к середине XIX в. итог изучению памятника и знаменовало собой новый период его изучения — период буржуазной историографии. Н. В. Калачов объединил списки Правды в четыре «фамилии», соответствующие 1) Краткой и 2) Пространной редакциям, 3) Карамзинскому виду Пространной Правды, включающему статьи с исчислением процентов по займам, и 4) Пространной Правде в соединении с Законом Судным людем. Важным достижением ученого было установление твердой связи редакции или вида Правды с составом рукописи, которая их включала. С именем Н. В. Калачова связано составление программы дальнейшего изучения памятника, которая включала издание его по всем спискам, филологическое и юридическое исследования, реконструкцию первоначального текста XI в. и тех дополнений и поновлений, которые связаны с позднейшим временем. Относительно происхождения Правды Н. В. Калачов писал, что это частный сборник законов, обычаев и судебных решений, размещенных без особой системы[4].

Н. В. Калачов издал тексты Правды, использовав большое число ставших ему известными рукописей. Важно предложенное им разделение текста на статьи. Вместе с тем сами тексты Правды даны в его издании не в соответствии с их следованием в списках, а в искусственном порядке, согласно научной систематизации права, отражающей состояние историко-правовой науки того времени.

В дальнейшем новые списки Правды были включены в издания П. Н. Мрочека-Дроздовского (1885) и В. И. Сергеевича (1904). П. Н. Мрочеку-Дроздовскому принадлежат также

3 Tobin E. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. B. I. Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands. Doprat, 1844. S. 20 (см.: Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20-40 годов XIX в.— Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960, с. 242).

4 Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. I. 2-е изд., Спб., 1880, с. 25, 44-55, 72-74.

«Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде» (том «А — М», 1917). В. И. Сергеевич следовал в своей классификации текстов за Э. С. Тобиным, выделив, однако, впервые в качестве особой «фамилии» Сокращенную Правду, время создания которой он отнес примерно к XIII в. В. И. Сергеевич предложил свое деление памятника на статьи, меньшие по объему и включающие каждая только один казус, начинающийся словами *аже*, *аще*, *но* и т. д. В I (Правде Ярослава) и во II редакции (Правде Ярославичей) у него оказалось по 25 статей, в III редакции (Пространная Правда) — 155 статей. Это деление не получило, однако, широкого применения.

Если все предшествовавшие исследователи рассматривали Правду как светский, государственный или частный кодекс, то В. О. Ключевский (1904) видел в ней церковный судебник, предназначенный для суда над церковными людьми по делам, не входившим в компетенцию церкви. Он основывался главным образом на таких наблюдениях, как отсутствие среди судебных доказательств *поля* — судебного поединка, осуждаемого церковью, и сохранение текста Правды в сборниках церковного права — Кормчих и Мериле праведном. В. О. Ключевский также необоснованно связывал нормы Правды в основном с городом, считая, что село в ней остается в тени, и видел в ней «кодекс капитала», в котором все взаимоотношения людей рассматриваются через призму денежных, имущественных отношений. Эти положения В. О. Ключевского не получили поддержки последующих исследователей.

Наиболее крупное по объему исследование Правды принадлежит боннскому профессору Л. Гётцу (4 тома, 1910—1913). Он рассматривал Древнейшую Правду как запись восточнославянского обычного права «доваряжского» времени. II редакция Правды, начинающаяся указанием на законодательство сыновей Ярослава, по Л. Гётцу, возникла при Ярославе также в Киеве, но ее заглавие относится к более позднему периоду. II редакция включает законы князей Владимира и Ярослава. Некоторые нормы I, Древнейшей, редакции — такие, как процедуры установления виновных в похищении имущества (*свод*) и в драке, вира, штраф за убийство в пользу государственной власти, Л. Гётц считал заимствованными из германских законов, в частности из Салической правды. Однако очевидные различия, существующие между нормами древнерусского и германского варварского права, заставили его в последнем, IV, томе исследования говорить лишь о сходстве этих норм[5].

Дореволюционные исследования Правды основывались на буржуазных идеалистических концепциях истории государства и права Древней Руси. Русская Правда рассматривалась главным образом как источник по истории права, в отрыве от общественного строя страны, и лекции В. О. Ключевского, уделившего большое внимание памятнику, были счастливым исключением. Ученые привлекали Правду для подтверждения

5 Goetz K. L. Das Russische Recht. Stuttgart, 1913, Bd. IV, S. 81 (см.: Филиппов А. Н. Русская Правда в исследованиях немецкого ученого. М., 1914, с. 53).

своих общих исторических концепций формирования сословного строя в России, истории отдельных институтов, влияния римского, византийского, скандинавского и другого права на русское право и пр.

Марксистско-ленинская методология истории открыла новые большие перспективы изучения Русской Правды как источника по изучению истории общественного и государственного строя Руси. В. И. Ленин в своих работах 1899 и 1907 годов обращался к Русской Правде для характеристики зависимого положения крестьян крепостной России[6]. В советской науке, поставившей своей задачей изучение истории трудящихся и эксплуатируемых, внимание к такому памятнику, как Русская Правда, значительно возросло, активизировались ее исследования, в которых приняли участие не только университеты, но и Академии наук СССР и УССР. Русская Правда стала основным источником каждой работы, посвященной истории общественного строя и права Древней Руси.

6 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3. с. 199; т. 15. с. 131.

Впервые полное издание Правды по всем выявленным спискам было осуществлено С. В. Юшковым (1935). С. В. Юшков разделил их на пять редакций, в зависимости от содержания и объема, а также от включения в текст Правды дополнительного материала. К I он отнес списки Краткой редакции, к V — Сокращенной, а во II — IV редакциях выделил отдельные группы Пространной Правды: списки в Кормчих и Мериле праведном без объединения их с другими памятниками — II редакция; списки типа Карамзинского, включающие расчеты приплода скота, — III редакция; списки, соединяющие Правду с Законом Судным людем, — IV редакция. В наиболее многочисленной списками II редакции он выделил три извода (группы текста). В исследовании Правды 1950 года С. В. Юшков вынес извод II редакции, включающий Пушкинский и Троицкий IV списки, в особую редакцию, которых, таким образом, стало шесть.

Результатом труда коллектива историков и археографов является академическое издание Правды, осуществленное под редакцией Б. Д. Грекова (1940—1963). Этот коллектив впервые смог выполнить определенную часть большой программы изучения памятника, которая была намечена Н. В. Калачовым. Издание Правды было осуществлено в первом томе по всем (88) известным спискам на основе классификации, выработанной В. П. Любимовым. Эта текстологическая классификация отличается от предшествовавших по своему принципу. При объединении списков в группы и расположении одних групп относительно других она учитывает не отражение в тексте этапов развития общественного и государственного строя и права, а взаимоотношения текстов и их развитие и взаимные влияния. Это выразилось в отсутствии в данной классификации термина «редакция» вообще, в объединении в числе «Пространных списков» Толстовского (сокращенного) вида, за названием которого скрывается Сокращенная Правда, в выделении среди «Пространных списков» трех групп

(Синодально-Троицкой, Пушкинской и Карамзинской) и членении их на большое число видов, каждый из которых издан отдельно. Однако, отвлекаясь от установления каких-либо связей отдельных обработок Правды с развитием права и государственного строя, эта классификация и соответствующее ей издание представляют ценный объективный материал для таких исследований. После выхода первого тома было введено в науку еще 8 списков Пространной Правды, некоторые «неразысканные» списки были опознаны среди известных. Историографические комментарии к текстам Правды — высказывания исследователей XVIII — XX вв., специально занимавшихся памятником, систематизированные по отдельным его статьям и терминам, составляют второй том издания. Он включает также переводы статей, сделанные в свое время, на современный русский и иностранные языки. Наконец, третий том издания включил факсимильное воспроизведение 15 основных списков памятника.

В своих исследованиях истории Древнерусского государства Б. Д. Греков первостепенное внимание уделял Русской Правде как источнику для характеристики общественного строя, характера верви, организации вотчинного хозяйства (1939, 1944). Его можно считать основателем того историографического направления в изучении Правды в советской науке, которое относит ранние ее нормы ко времени задолго до утверждения феодального способа производства. Б. Д. Греков считал, что Древнейшая Правда была записана и дана в начале XI века Новгороду, но части ее относятся к значительно более раннему времени, во всяком случае к VIII — IX вв. Правда Ярославичей, составленная в Киеве вскоре после 1054 года, отражает дальнейший шаг в развитии общественного строя, однако и в ней представлены отношения не только момента записи, середины XI в., но и более раннего времени. Она содержит сформулированные в виде закона положения, которые не являются новыми для X — XI вв. Правду Ярославичей он характеризует как специальный закон, призванный оберегать интересы княжеского имения от враждебно настроенных соседних крестьянских миров[7]. Пространная Правда, по Б. Д. Грекову, — памятник начала XII в. Исследователь изучал Правду в сравнительно-историческом плане среди других ранних памятников права славянских стран.

Специальное монографическое исследование, посвященное изучению происхождения Правды, ее отдельных редакций и изводов, было написано М. Н. Тихомировым, одним из участников академического издания 1940 г. М. Н. Тихомиров обосновал условия, время и место возникновения отдельных обработок Правды, представленных в этом издании. Он построил свое исследование на изучении как терминологии соответствующих текстов, так и состава рукописей, включающих эти тексты. Тихомиров считал Краткую, Пространную и Сокращенную Правды не редакциями одного памятника, а тремя

7
См.: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 82, 90.

отдельными памятниками, связанными содержанием и происхождением. Это своеобразная реакция исследователя на отказ от редакций в классификации В. П. Любимова. М. Н. Тихомиров тесно связывает этапы создания Правды с классовыми движениями на Руси. Возникновение и Краткой, и Пространной, и Сокращенной Правды исследователь относит к Новгороду. Краткая была составлена в начале XII века в среде новгородского духовенства на основе новгородской же Древнейшей Правды 1036 г. и киевской Правды Ярославичей, являвшейся ответом феодалов на крестьянские восстания 1068—1071 гг. Пространная Правда является неутвержденным проектом кодекса, возникшим в Новгороде вскоре после восстания 1209 года и основанным на Краткой Правде, Уставе Владимира Мономаха и других источниках. Последний устав, в свою очередь, появился в Киеве в результате восстания 1113 года. В составлении этого кодекса принимали участие церковные круги во главе с архиепископом. Сокращенная Правда, по М. Н. Тихомирову, — судебник, составленный в конце XIV — начале XV века для Пермской земли в результате компиляции нескольких не дошедших до нас текстов Правды. М. Н. Тихомирову принадлежит также учебное издание Правды (1953), снабженное комментариями, терминологическим словарем и вводными статьями, учитывающими литературу 1940 — начала 1950-х гг.

Особое место в литературе о Русской Правде занимают также работы С. В. Юшкова. С. В. Юшков считает возникновение Правды Ярослава (более обширной, чем Древнейшая Правда в составе Краткой редакции) результатом деятельности Ярослава, связанной с необходимостью отбора и утверждения норм, защищавших интересы феодалов. Он датирует ее 30 годами XI в. Правда Ярославичей вводит для охраны жизни администрации княжеского домена новые нормы права — привилегии, которые и были объединены вместе с избранным законодательством Ярослава и отдельными установлениями-новеллами великих князей в Краткую Правду в конце XI в. в Киеве.

В составе Пространной Правды С. В. Юшков видит два разновременных памятника, объединенных писцами, — *Суд Ярослава Владимировича* и *Устав Владимира Мономаха*. Первый из них был приписан имени Ярослава, но сложился в конце XI — начале XII в. в результате развития норм Краткой Правды и пополнения ее новыми нормами так, что они относились не только к княжескому хозяйству, но и к классу феодалов вообще и отражали развитие гражданского, уголовного и процессуального права. Устав Владимира Мономаха, к которому С. В. Юшков относит всю вторую часть Пространной Правды, он связывает со стремлением этого князя смягчить классовые противоречия в условиях киевского восстания 1113 года. Сокращенную Правду С. В. Юшков относил к XV в., до издания Судебника 1497 г.

С. В. Юшков занимался проблемой характера Правды как

официального или частного сборника права. Он пришел к выводу о необходимости отделения вопроса о происхождении первоначальных ее текстов, норм, княжеское, законодательное, т. е. официальное происхождение которых несомненно, и сохранившихся ее текстов — редакций и изводов, возникших позднее и в значительной степени в результате работы частных лиц.

В выпущенной под редакцией С. В. Юшкова серии «Памятники русского права» издание Русской Правды с переводами и комментариями подготовил А. А. Зимин. Он близок к мнению Б. Д. Грекова об отражении в Правде древнерусского права начиная с VIII — IX вв., показывая этапы его эволюции в связи с развитием государственности. А. А. Зимин считает одним из основных источников Правды Ярославичей, Пространной Правды и поздней части Древнейшей Правды не дошедший до нас устав, принятый в последние годы княжения Ярослава его сыновьями. Всю Пространную Правду он связывает с кодификаторской деятельностью Владимира Мономаха, считая, что общерусское значение кодекс мог приобрести в XIII — XV вв. только в том случае, если он был принят в Киеве в пору определенного единства русских земель. Сокращенную Правду он датирует началом XVII в.

Наконец, последний значительный опыт изучения текстов Правды принадлежит Л. В. Черепнину (1948, 1965). Исследователь видит в Древнейшей Правде, вызванной к жизни событиями 1015—1016 гг., результат подбора тех норм из существовавших в древнерусском праве, которые могли обеспечить сосуществование в Новгороде двух политических сил. Новгородцам гарантировалась охрана от притеснений со стороны княжеских дружинников и особенно варяжских наемников, а княжеской дружине обеспечивались условия для защиты от выступлений против них новгородцев. Л. В. Черепнин считает, что Древнейшая Правда имеет характер договора между этими социально-политическими силами. Однако возникновение древнерусских кодексов права он связывает с более ранним временем — с «Законом русским» начала X в., «Уставом земленым» конца X в. и другими упоминаемыми в источниках памятниками. Основное внимание Л. В. Черепнин уделяет установлению связи статей и их групп в составе Краткой и Пространной Правды с социальными движениями в различных частях Руси и деятельностью отдельных князей в Киеве, Владимире и Новгороде, выделяя в составе Пространной Правды несколько разновременных кодексов. Таким образом, по Л. В. Черепнину, сложение обеих редакций Правды шло попеременно и параллельно в Киеве и Новгороде, завершившись созданием в Новгороде сохранившегося текста Краткой редакции в 1136 году и Пространной — в 1209 году.

III

Правда Краткой редакции (сокращенно — Краткая Правда) представляет собой результат деятельности древнерусских князей по систематизации права. В составе ее еще И. Ф. Эверсом выделены древнейшая часть (ст. ст. 1—18), которая носит в науке название Правда Ярослава, или Древнейшая Правда, и Правда Ярославичей с дополнительными статьями (ст. ст. 19—41). Кроме того, в нее входят два самостоятельных установления: Покон вирный (ст. 42) и Урок мостникам (ст. 43).

Нормы Древнейшей Правды, возникшие еще до образования государства, касаются взаимоотношений лично свободных и вооруженных «мужей» внутри «мира», дружины или другого социального коллектива. Они выросли из старинных обычаев, а затем были закреплены в качестве правовых норм раннефеодального государства. В Древнейшей Правде не видно феодально-зависимых крестьян, но вполне определенно фиксируется положение челяди — патриархальных рабов, появившихся на этапе формирования феодального общества. Это, конечно, не означает, что отсутствуют феодально-зависимые крестьяне, живущие в соседской общине, — *верви*.

Согласно мнению, высказанному еще В. Н. Татищевым и подкрепленному Л. Гётцем, нормы Древнейшей Правды отражают раннее время истории Руси, еще до установления государственной власти и принятия христианства. В советской науке о сохранении в составе Правды норм VIII — IX вв. писал Б. Д. Греков; о соответствии норм Правды нормам договоров с Византией X в., в которых говорится о «Законе русском» (одном из важнейших источников Древнейшей Правды), писал Л. В. Черепнин. Напротив, М. Н. Тихомиров считает, что Правда знает нормы, несомненно более поздние, чем договор 945 г., он видит даже сходство терминологии Правды Ярослава и договора Новгорода с Готским берегом конца XII в. С. В. Юшков также считал, что многие нормы Древнейшей Правды сложились задолго до ее составления Ярославом, который произвел их отбор, закрепляя те, которые соответствовали интересам класса феодалов и становились новыми нормами права Древнерусского государства. Действительно, в Древнейшей Правде нашли отражение и архаичные нормы права, которые в течение XI — XII вв. отмирали или изменяли свой характер, превращаясь в нормы классового общества, и новые нормы, возникшие только в этом обществе.

Вопрос о времени составления Древнейшей Правды спорен. Важнейшим аргументом в пользу составления ее Ярославом в 1016 г. для Новгорода Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин считают то, что вся Краткая Правда включена в состав Новгородской Первой летописи в обработке середины XV в. (в младшем изводе) под 1016 г. В ней говорится, что новгородцы подняли восстание против варягов, находившихся на службе у князя Ярослава, и посекли их; Ярослав

в ответ на это самоуправство уничтожил многих новгородцев, виновных в гибели его дружинников, но вскоре получил извещение о смерти отца, князя Владимира, в Киеве и для похода в Киев был вынужден обратиться к новгородцам с просьбой об участии в этом предприятии. После победы над братом Святополком, заняв киевский стол, Ярослав щедро расплатился с новгородскими участниками похода *и отпусти их всех домовь, и дав им правду и устав списав, тако рекши* (сказав) *им: по сей грамоте ходите, якоже списав вам, тако же держите. А се есть Правда Рускаа: Убиеть муж мужа....* Далее следует текст Краткой Правды.

Правда Ярославичей представляет собой отдельный от Древнейшей Правды законодательный акт, принятый князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом вместе с боярами. В этом законе значительно сильнее, чем в Древнейшей Правде, выступает нормотворческая деятельность князей, изменявшая традиционные нормы уголовного и процессуального права в интересах феодальных земельных собственников.

Большинство советских исследователей связывают возникновение Правды Ярославичей с подавлением крестьянских и городских восстаний 1068—1071 гг. На время составления закона указывают имена его составителей-князей: Ярослав умер в 1054 г., Святослав умер в 1076 г., но в 1073 г. между Святославом и Изяславом произошел конфликт, который исключает их сотрудничество после этого года. Вслед за М. Н. Тихомировым исследователи считают, что Правда Ярославичей была принята во время съезда князей в Вышгороде в 1072 г. по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь. Однако этому противоречат два обстоятельства.

Как известно по источникам, в Вышгород съехались для участия в церковном торжестве не только три князя Ярославича, но и митрополит, четыре епископа и несколько игуменов; среди важных должностных лиц на съезде в Вышгороде указаны не только посадник Чюдин, но и настоятель княжеской церкви Лазорь. Однако в преамбуле закона ни один церковный деятель не упомянут — в утверждении принимали участие только князья и бояре. Неучастие представителей церкви в принятии Правды Ярославичей на съезде подтверждает и ее светский характер. В ее составе нет также норм, которые можно было бы связать с защитой интересов церковной организации, если не считать ст. 41, которая основана на грамоте Владимира. Вероятно, утверждение Правды Ярославичей нужно относить к другой их встрече, не связывая ее обязательно с известным по летописи церковным торжеством.

А. А. Зимин относит составление Устава Ярославичей в составе Краткой Правды ко времени жизни Ярослава, между 1036 (когда Ярослав ездил в Новгород) и 1054 годом.

Объем законодательства Ярославичей исследователи определяют по-разному. М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков включают в его состав ст. ст. 19—27, выделяя остальные в качестве до-

[illegible] списки Новгородской Пе[illegible]

бавочных, возникших после съезда Ярославичей. А. А. Зимин считает, что Ярославичами был издан Устав, охватывающий ст. ст. 19—41 Краткой Правды. Л. В. Черепнин также относит к этому закону все статьи между заглавием Правды Ярославичей и Поконом вирным, за исключением ст. ст. 29, 30 и 41. При этом он выделяет в его составе два близких по времени памятника: устав князя Изяслава, посвященный делам об убийствах, разбое, коллективной краже (ст. ст. 19—28, 31, 38—40), и устав князя Святослава, в котором рассматриваются правонарушения, подрывающие различные отрасли княжеского дворцового хозяйства (ст. ст. 32, 34—37, 39 и, вероятно, 33). Последний был включен в устав Изяслава уже во время съезда Ярославичей.

Покон вирный и Урок мостникам большая часть советских исследователей (С. В. Юшков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин) связывает с Древнейшей Правдой и датирует временем княжения Ярослава (1020-е или 1030-е гг.). М. Н. Тихомиров видит в ссылке *то ти урок Ярославль* указание на более позднее время (после 1054 г.), когда имя Ярослава как законодателя сделалось более известным. Юшков и Черепнин связывают с Древнейшей Правдой и предшествующую Покону вирному статью 41.

В целом создание Краткой Правды относится разными исследователями ко времени от середины XI до 30-х годов XII в. Составление ее еще в годы княжения Ярослава (после 1036 и до 1054 г.), как считают Л. Гётц и А. А. Зимин, маловероятно. Учитывая участие Ярослава в законодательстве до последних лет жизни, о чем говорит принятие им совместно с митрополитом Иларионом в 1051—1054 гг. церковного устава, законодательство Ярославичей без самого Ярослава скорее свидетельствует о том, что эта часть закона возникла после его смерти.

Если связывать Краткую Правду с Киевом, как делают большинство исследователей, то время ее возникновения нужно относить к 60—70 гг. XI в., после создания Правды Ярославичей. Л. Гётц обратил внимание на перечисление сыновей Ярослава в заглавии этой части памятника (Изяслав, Всеволод, Святослав) не в порядке их старшинства и наследования киевского стола (Изяслав, Святослав, Всеволод). М. Д. Приселков предположил в связи с этим, что Краткая Правда должна была быть создана после 1076 г., когда, после смерти Святослава и вокняжения Всеволода в Киеве возобладало отрицательное отношение к его предшественнику. Вслед за М. Д. Приселковым к концу XI в. отнес сложение памятника и С. В. Юшков. М. Н. Тихомиров объясняет этот порядок перечисления князей тем, что Краткая Правда возникла в Новгороде, где княжили внук и правнук Всеволода. Однако перестановка имен князей в Краткой Правде в составе новгородского летописного свода XV в. может быть связана с выяснившейся значительно позднее ролью Всеволода как родоначальника княжеской линии, которая получила особое

дѣ. Глагола имъ. по сеи грамотѣ хо-
дите, якоже списахъ вамъ, такоже
держите. Правда роськая.
Убьеть мужь мужа, то мьсти-
ть братоу брата. ли сынови оца, лю-
бо отцю сына, ли братоу чадоу, любо
сестрину сынови. Аще не будеть
кто мьстя. то .м. гривенъ за го-
лову. Аще будеть роусинъ, лю-
бо гридинъ. любо коупчина. любо
ябетникъ, любо мечникъ, аще
изгои будеть. любо словенинъ.
то .м. гривенъ положити за нь.
Или будеть кровавъ или синь на-
дражен, то не искати ему ви-
дока, человекоу сему. Аще не бу-
деть на немъ знамения никотораго
же, то ли приидеть видокъ, аще
ли не можеть, то ту тому конець.
Оже ли себе не можеть мьстити
то взяти ему за обиду .г. гри-
вне. а лѣтцю мъзда. Аще ли кто
кого оударить батогомь, любо
жердью, любо пястью, или чаши-
ю, или рогомь, или тылеснию.

значение в истории Руси XIII — XV вв. и нашла отражение в родословии князей 30-х годов XV в., в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи (*Ярослав роди Всеволода. Всеволод роди Володимера...*). Эту перестановку имен можно связывать, следовательно, с летописными трудами в Новгороде в XV в.

Новгородское происхождение Краткой Правды М. Н. Тихомиров обосновывает принадлежностью ее составителей церковным кругам и времени правления Всеволода Мстиславича (до 1136 г.), издателя двух церковных уставов и трех грамот, новгородским монастырям. Однако составление Краткой Правды церковными деятелями в свете результатов исследований сфер юрисдикции светской (княжеской) и церковной властей и характера памятников древнерусского церковного права, проведенных Я. Н. Щаповым, не может быть принято. Русская Правда — светский памятник, отразивший интересы церкви в ст. 41 только согласно установлению князя Владимира Святославича о десятине от даней и судебных штрафов (см. Устав кн. Владимира о десятинах).

Важным аргументом в пользу создания Краткой Правды в Новгороде в 30-х годах XII в. для М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина и Л. В. Черепнина является предполагаемое ими включение ее в состав новгородского летописания уже в XII в. Однако столь раннее объединение этого закона, тогда еще действующего, с летописью основывается на предположениях и не находит подтверждения в известных фактах истории летописания XII — XIV вв. По мнению Я. Н. Щапова, оно противоречит общей тенденции включения памятников права в состав летописей только после того, как они утрачивают свои первоначальные юридические функции, а используются как средство в политической борьбе. По мнению А. А. Шахматова, киевская Краткая Правда была внесена в летопись в XV в. в Москве, что маловероятно; М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, С. В. Юшков и Я. Н. Щапов связывают ее создание с Киевом и считают, что она была включена в свод, источник Археографического и Академического списков, в Новгороде в первой половине XV в. Это соответствует и наблюдениям лингвистов об отражении в Краткой Правде поздних черт языка и вторичности отдельных статей сравнительно с Пространной Правдой, что могло быть связано с сокращением ее текста и поновлением ее языка при включении в летопись.

Пространная Правда представляет собой свод развитого феодального права, в котором нашли отражение нормы уголовного и гражданского права и процесса. Она основана на тексте Краткой Правды, более раннем, чем сохранившийся в списках XV в., и Уставе Владимира Мономаха и других киевских князей конца XI — XII вв.

Мнению об объединении в составе Пространной Правды двух самостоятельных памятников — Суда Ярослава Владимировича и Устава Владимира Мономаха, которое отстаивал

С. В. Юшков, противоречат данные и археографического, и источниковедческого характера. Выделение киноварными заглавиями отдельных частей памятников составителями и переписчиками сборников XIV — XV вв., в которые входят расчлененные на главы и грани кодексы (правила соборов, Эклога, Закон Судный людем, Правило о церковных людях и др.), обычно. Оно отражает стремление облегчить читателю использование ранних памятников права в сложных по составу сборниках. Появление нумерации отдельных таких частей в составе сборников относится к концу XV в., и новейшая нумерация разделяет на части не только Пространную Правду, но и другие цельные памятники (Устав Ярослава о церковных судах и др.). Исследователями установлено, что Краткая Правда была использована при создании Пространной как в части до упоминания в тексте установлений Владимира Мономаха, так и после них, причем одни и те же статьи не заимствованы дважды, что свидетельствует о единовременном обращении составителя Пространной Правды к тексту Краткой.

Вместе с тем исследования 1950—60-х годов позволяют выделить в составе Пространной Правды группы статей, которые есть основания считать заимствованными из законодательства не только Владимира Мономаха, упомянутого в Правде, но и других киевских князей, социальная политика которых известна по источникам. Так, по Л. В. Черепнину, начальные статьи (1—46) Пространной Правды отражают правовой кодекс, который мог быть принят на княжеском съезде в Любече в 1097 г. Следующая группа статей (47—52), по мнению А. А. Зимина и Л. В. Черепнина, является продуктом творчества князя Святополка Изяславича, покровительствовавшего ростовщикам. Особенностью этой группы статей А. А. Зимин считает то, что в ней не встречается обычный для Пространной Правды штраф-*продажа*. Однако вряд ли это может служить доказательством, поскольку в названных статьях речь идет не о преступлениях, а о гражданских правоотношениях. К Уставу Владимира Мономаха исследователи относят ст. ст. 53—66, трактующие вопросы долговых обязательств и кабальных отношений. Этот устав появился после подавления народного восстания 1113 г. Далее Л. В. Черепнин выделяет Устав черниговского князя Всеволода Ольговича (1138—1146), регулирующий социальные отношения в феодальных вотчинах (ст. ст. 67—73, 75—85) и основанный на домениальном Уставе Святослава Ярославича 1072 г. Цельную группу статей 90—95, 98—106, представляющую собой самостоятельный устав о наследстве, Л. В. Черепнин также связывает с деятельностью князя Всеволода Ольговича. Статьи 74, 86—89, 107—109 объединяются в группу, посвященную связанным с судебным процессом нормам обеспечения судебно-административного аппарата, а ст. ст. 96—97 говорят о денежном довольствии лиц, ведавших некоторыми делами общественного характера. Наконец,

последняя часть Пространной Правды (ст. ст. 110—121) представляет собой устав о холопстве, выделенный в самостоятельный раздел еще Н. Л. Дювернуа, что было принято и последующими исследователями, датировавшими его вообще XII в. Л. В. Черепнин относит как статьи о судебно-административном аппарате, так и устав о холопстве к деятельности владимирского великого князя Всеволода Юрьевича и связывает последний с восстанием 1174—1175 гг., приведшим к гибели его брата Андрея Боголюбского. По И. И. Смирнову, начальные статьи этого устава (110, 111) — позднейшие, вставленные в Пространную Правду уже после объединения в ней всего прежнего законодательства.

Создание Пространной Правды в целом большинство исследователей относят к первой четверти XII в., вскоре после восстания 1113 г. в Киеве и вокняжения Владимира Мономаха. Этому противоречит, однако, то, что о самом князе в Правде говорится в третьем лице, что могло быть только после его смерти (1125). М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин полагают, что она составлена в Новгороде в связи с восстанием 1209 г. Первый исследователь считает, что она была создана во время княжения в Новгороде Мстислава Мстиславича Удалого (1210—1215), второй — видит в ней те «Уставы старых князей», которые были даны князем Всеволодом новгородцам после их участия в военных действиях князя против Рязани. Однако по Новгородской Первой летописи, этот поход и выдача новгородцам «всей воли и уставов» предшествовали восстанию, и сам социальный конфликт в Новгороде, по мнению исследователей, был вызван нарушением норм Правды. Это указывает на создание Правды и ее известность в Новгороде задолго до 1209 г.

Мнение о новгородском происхождении Пространной Правды основывается главным образом на сохранении старших ее списков в рукописях новгородского происхождения (Синодальный список кормчей 1282 г., Мусин-Пушкинский юридический сборник второй половины XIV в.). В полемике с С. В. Юшковым, считавшим, что Пространная Правда была создана в Киеве и проникла в новгородские рукописи из Северо-Восточной Руси, М. Н. Тихомиров обращал внимание на то, что Правда отсутствует в кормчих книгах не новгородского происхождения (Волынской 1286 г., Рязанской 1284 г., северо-восточной Варсонофьевской XIV в.), и только новгородская Синодальная кормчая 1282 г. содержит ее в своем составе. «Пока этот факт не опровергнут и не объяснен, гипотеза о новгородском происхождении Пространной Русской Правды имеет право на существование», — писал он[8]. Однако известно, что сам Синодальный список представляет позднейший, измененный состав Правды сравнительно с северо-восточным Троицким списком Мерила Праведного XIV в. В свое время было показано, что кормчие книги — сборники церковного, канонического права, не включавшие, как правило, светских памятников. Рязанская кормчая представляет со-

8 Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 25.

бой сборник сербского происхождения, в котором не нашлось места ни для одной славянской, сербской или русской статьи. Волынская кормчая отражает один из первых опытов включения местных русских канонических памятников — митрополичьих и епископских правил. Представляется, что Правда могла появиться в составе кормчей именно в Новгороде в конце XIII в. в связи с особым государственным строем Новгородской республики, когда архиепископ получил фактически право участия в суде по светским делам в других древнерусских землях, не принадлежавших церкви.

В этих особых условиях распространения церковной юрисдикции на дела, традиционно подлежавшие ведению княжеских и городских властей, и оказалось нужным впервые включить древнерусский светский кодекс в состав сборника церковного права[9].

Возникновение Пространной Правды поэтому скорее может быть связано с теми городами, в которых создавались отдельные ее части (Киев, Чернигов, Владимир Суздальский). Мнению А. А. Зимина о том, что общерусское распространение Пространной Правды свидетельствует о завершении работы над ней в столице государства, Киеве, и в то время, когда еще сохранялось определенное единство древнерусских земель (время Владимира Мономаха), может быть противопоставлено другое. Известная нам Пространная Правда может быть местной, северо-восточной редакцией конца XII — начала XIII в. древнего киевского текста, сохранившейся во владимиро-суздальской, новгородской и московской рукописной традиции конца XIII — XV вв. Другие существовавшие ее обработки XII — XIII вв., которые также основывались на тексте начала XII в. и могли быть связаны и с Киевской землей, и с такими важными центрами, как Владимир-Волынский, Галич, Туров, Смоленск и др., по нашему мнению, не сохранились вследствие не только монголо-татарского разорения, но и вхождения этих земель в состав Литовского великого княжества, где кормчие книги традиционно не включали местных светских юридических памятников[10]. В отличие от Русской Правды княжеские церковные уставы Владимира и Ярослава, также связанные первоначальным текстом с Киевом, легко входили в состав местных церковно-правовых сборников, чем и вызвано сохранение большого числа их редакций и списков не только великорусского (московского, новгородского и псковского), но и западного и юго-западного происхождения (см. Устав кн. Владимира о десятинах).

Среди списков Пространной Правды выделяются три текстологические группы. Синодально-Троицкая группа объединяет большую часть списков, которые сохраняют состав, наиболее близкий к первоначальному, архетипному тексту памятника. В эту группу входят старший Синодальный список, в котором порядок статей значительно отличается от других списков той же группы, Троицкий список XIV в., хорошо сохранивший архетипный текст, и др. Внутри группы существу-

9 Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978, с. 222-223.

10 См.: Щапов Я. Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права.— В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. Сборник статей. М., 1978, с. 13-14.

ет несколько различных видов, в которые входят списки, отличающиеся общими чтениями. В Мусин-Пушкинской (или просто Пушкинской) группе объединены списки, в которых Пространная Правда имеет добавочные статьи и соединена с другим юридическим памятником — Законом Судным людем, или со Словом Василия Великого о справедливых судьях, являющимся своеобразным предисловием к сборнику. Наконец, Карамзинская группа включает списки, также имеющие некоторые из этих особенностей, но большая часть их отличается тем, что содержит значительную вставку в текст Правды с расчетами, как считает М. Н. Тихомиров, прибыли от конкретного феодального хозяйства, имевшего мелкий скот, лошадей, пчел, посевы и луга. Внутри обеих последних групп также выделяются отдельные виды.

Сокращенная Правда, по мнению большинства исследователей, представляет собой памятник, возникший в результате значительного сокращения текста Пространной редакции. Работа редактора нового текста Правды заключалась в отборе из древнего памятника тех статей и норм, которые могли сохранить характер действующих в его время. Это время определяется различно. С. В. Юшков относит обработку к XV в., до издания Белозерской Судной грамоты и общерусского Судебника 1497 г., по сравнению с которыми, по его мнению, и Пространная и Сокращенная Правды представляли собой уже архаичное право[11]. Ряд исследователей датируют этот памятник XVI или XVII в. (П. Н. Мрочек-Дроздовский[12], Н. А. Максимейко[13]). В. П. Любимовым был установлен источник этого сокращения — Ферапонтовский вид Синодально-Троицкой группы Пространной Правды[14], который возник, по мнению М. Н. Тихомирова, как раз после создания Судебника 1497 г. — в конце XV — первой половине или середине XVI в.[15]. Основываясь на этом, А. А. Зимин датирует создание Сокращенной Правды началом XVII в.[16]. В этом случае в Сокращенной Правде, вероятно, нужно видеть памятник, юридическое значение которого было очень невелико, а распространение ограничено включавшими ее списками кормчей, из которых сохранилось два.

Особое мнение о происхождении Сокращенной Правды отстаивал М. Н. Тихомиров. Он не считал ее сокращением Пространной, но утверждал, что в ее основе лежит ранний текст второй половины XII в., который был использован при создании Пространной Правды. Важный аргумент в пользу такого соотношения Сокращенной и Пространной редакций М. Н. Тихомиров видел в том, что в ней отсутствуют почти все статьи Пространной Правды, заимствованные в нее из Краткой[17]. Однако еще Н. А. Максимейко объяснял это явление тем, что как раз статьи Краткой Правды содержали наиболее архаичные нормы в составе Пространной, почему они и были опущены.

11 См.: Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, с. 90.

12 Мрочек-Дроздовский П. Н. Новое издание Русской Правды. — Ученые записки Московского университета. Юридический факультет, вып. 26. М., 1907, с. 4.

13 Максимейко Н. А. Московская редакция Русской Правды. — Проблемы источниковедения. Сборник статей. М.-Л., 1940, с. 127-162.

14 Любимов В. П. Списки Правды Русской.— ПР, т. I, с. 51.

15 Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде (происхождение текстов). М.-Л., 1941, с. 125-127.

16 Памятники русского права. Вып. первый, с.76.

17 Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 183-197.

IV

В настоящем издании даются две старшие редакции Русской Правды — Краткая и Пространная. Сокращенная редакция, лишенная характера законодательного памятника, в него не включается. Тексты подготовлены по академическому изданию: Правда Русская. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1940.

В основе издания Краткой редакции — Академический список середины XV в., переписанный в Новгороде и хранящийся в Библиотеке АН СССР (БАН 17, 8, 36), а существенные для понимания текста варианты взяты из новгородского Археографического списка того же времени (Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР). Основной список («осн. сп.») при издании Пространной редакции — Троицкий второй половины XIV в. (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (далее ГБЛ), Отдел рукописей, собрание Троице-Сергиева монастыря, № 15), содержащийся в юридическом сборнике «Мерило праведное». К этому списку подводятся варианты (существенные смысловые разночтения) из нескольких наиболее древних списков всех трех групп.

Использованные для вариантов списки имеют следующие условные обозначения и находятся в таких хранилищах:

1) списки Синодально-Троицкой группы входят в состав кормчих книг русских редакций:

С — Государственный исторический музей в Москве (далее ГИМ), собрание Синодальной библиотеки № 132; переписан в Новгороде в 1282 г.

НС — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее ГПБ), собрание Новгородско-Софийской библиотеки № 1173; переписан в Новгороде в третьей четверти XV в.

ПМ — ГБЛ, собрание Рогожского монастыря № 257; переписан в Прилуцком монастыре под Вологдой в 1534 г.

РЛ — ГБЛ, Рогож. № 256; переписан в Пскове (?) в первой половине XVI в.

М — ГПБ, Q.II.49 первой половины XV в.

РМ — ГИМ, собрание Уварова № 791 конца XV в.

2) Списки Мусин-Пушкинской группы:

МП — Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), фонд 135, Древлехранилище, № V.I.I; переписан в Новгороде (?) во второй половине XIV в., в юридическом сборнике.

А II — Институт истории СССР АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Археографической комиссии № 240, в приложении к Новгородской Первой летописи.

СМ V — ГПБ, собрание Соловецкой библиотеки № 968/858, в кормчей; переписан в Новгороде в 1493 г.

3) Списки Карамзинской группы:

Т IV — ГБЛ, Троицк. № 765 первой половины XV в.
АО II — ЦГАДА, фонд 135, № V.2.3, второй половины XV в.
К — ГПБ, F. IV.298 конца XV в.
ИМ II — ГИМ, Музейское собрание № 1009 1420-х гг.

В приложении даются дополнительные статьи, примыкающие к тексту Пространной Правды или входящие в ее текст в отдельных списках. Добавочные статьи о приходе в феодальном поместье из списков Карамзинской группы в издание не включены.

Восполнения пропусков текста, допущенных писцом, даются составителем в скобках.

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ
ТЕКСТ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ СПИСКУ
ПРАВДА РОСЬКАЯ

1. Убьеть муж(ь) мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь.

2. Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли приидеть видок; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.

3. Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

4. Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен.

6. Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада[18] *смирять.*

7. Аще ли перст утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

8. А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

9. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить.

10. Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варяг или колбяг, то на роту.

11. Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду.

12. Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав ег(о), то по(ло)жити 3 гривне.

13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

14. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии.

15. Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть, достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне.

16. Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному

вести, у кого то будеть купил, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце.

17. Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его.

18. А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнеть хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже е҇сть изломил, аще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем.

Правда уставлена руськои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула.

19. Аще убьють огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиици, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен.

20. А иж(е) убьють огнищанина в разбои, или убиица не ищуть, то вирное платити, в неи же вири голова начнеть лежати.

21. Аже убиють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место; а то же покон и тивуницу.

22. А в княжи тивуне 80 гривен.

23. А конюх старыи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци.

24. А в сельском старосте княжи и в ра(та)инем 12 гривне.

25. А в рядовници княже 5 гривен.

26. А в смерде и в хо(ло)пе[19] *5 гривен.*

27. Аще роба кормилица любо кормиличиц 12.

28. А за княжь конь, иже тои с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьякь 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.

29. А оже уведеть чюжь холоп любо робу, платити ему за обиду 12 гривне[20]*.*

30. Аще же приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха.

31. А иже крадеть любо кон(ь), любо волы, или клеть, да аще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.

32. А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть любо изудруть.

33. Или смерд умучать, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в (о)гнищанине, и в тивунице, и в мечници 12 гривъне.

34. А иже межу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне.

35. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан.

36. А в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.

37. А оже украдуть чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны.

38. Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьють, а люди будуть видели связан, то платити в немь.

39. Оже сено крадуть, то 9 кун; а в дровех 9 кун.

40. Аже украдуть овъцу, или козу, или свинью, а их будеть 10 одину овьцу украле, да положать по 60 резан продажи; а хто изимал, тому 10 резан.

41. А от гривни мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а от 12 гривну емъцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен.

42. А се поклон вирныи: вирнику взяти 7 ведор солоду на неделю, тъж(е) овен любо полот, или две ногате; а в сред(у) резану въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по кольку могуть ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот, колько могут зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а переде гривна; или ся пригоди в говение р(ы)бами, то взяти за рыбы 7 резан; тъ всех кун 15 кун на неделю, а борошна колько могуть изъясти; до недели же виру (сберу)ть вирници; то ти урок Ярославль.

43. А се урок мостьников: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городници ногата; аще же будеть ветхаго моста подтвердити неколико доск, или 3, или 4, или 5, то тое же.

РАЗНОЧТЕНИЯ

18
В Арх. списке — *чадь.*

19
В Арх. списке — *А в смердь и в хо(ло)пе.*

20
В Арх. списке — *2 гривне.*

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Допущение кровной мести в Правде Ярослава говорит о влиянии на этот закон обычного права. Ко времени составления Правды Ярослава кровная месть во многом потеряла свой первоначальный характер. Прежде всего это выражается в ограничении круга возможных мстителей, что связано с превращением родовой общины в соседскую, распадом кровно-родственных связей. Правда Ярослава, по-видимому, зафиксировала уже сложившуюся практику.

Братучаду — дети братьев, т. е. двоюродные братья; иногда переводится как племянник со стороны брата.

В литературе высказываются различные мнения по вопросу о том, был ли перечисленный в статье круг родственников исчерпывающим или нет. В. И. Сергеевич отстаивал точку зрения о том, что в статье приводится примерный перечень мстителей.

Сестрину сынови — дети сестры, т. е. племянники.

Русин — 1) житель Киевской Руси; — 2) горожанин.

Гридин — княжеский дружинник, младший дружинник.

Ябетник — 1) княжеский приказчик; тиун; — 2) судебное должностное лицо.

Мечник — княжеский дружинник, судебный служитель.

Изгой — человек, вышедший из общины; имеются и другие толкования этого слова (см., например, Церковный Устав кн. Всеволода Мстиславича).

Словенин — 1) житель Новгородской земли; — 2) селянин.

Н. П. Мрочек-Дроздовский, напротив, доказывал исчерпывающий характер этого перечня. В пользу того, что круг родственников убитого, которым разрешено мстить, дан лишь приблизительно, приводят примеры из летописей (месть княгини Ольги за убитого мужа — князя Игоря, попытка мести Рогнеды за гибель отца и братьев, месть волхвам со стороны родственников убитых на Белоозере). Приводились и логические доводы расширительного толкования статьи. В частности, в пользу такого понимания говорит казуистичность изложения норм права в Русской Правде (напр., в ст. 3 перечень предметов, которыми наносится удар, конечно, не может быть признан исчерпывающим). В пользу же того, что перечень мстителей дается полный, говорит то, что в статье содержится перечисление мужского состава большой патриархальной семьи: отец, сын, братья, племянники.

Много споров в литературе вызывает вопрос о правовом основании кровной мести — досудебная эта расправа или послесудебная. Русская Правда прямого ответа на этот вопрос не дает. Исследователи основывают свои выводы на анализе систем права раннефеодального государства и летописях. Так, С. В. Юшков, например, считая, что преобладание в феодальном Древнерусском государстве кровной мести — явление невероятное, выводит из этого ее послесудебный характер. И. Ф. Эверс, рассматривая Древнерусское государство как стоящее на одной из низших ступеней развития, видел в кровной мести непосредственную реакцию варвара, предполагая ее досудебный характер.

Исторически кровная месть сложилась как непосредственная обязанность рода потерпевшего расправиться с преступником. Процесс феодализации Древнерусского государства, увеличение роли князя и княжеского суда внесли изменения и в применение обычая кровной мести. Появилась возможность выкупать себя *кунами* при посредничестве князя (хотя, без сомнения, и раньше убийца мог договориться с родственниками убитого). Выделяется категория лиц, нуждающихся в особой защите князя в связи с оторванностью их от своих родственников (*купцы*, *изгои*), а также служащие князя, дружинники (*гридни*, *ябетники*, *мечники*). Княжеский суд постепенно вытесняет общинный, хотя какое-то время они сосуществуют (см., напр., ст. 33). Одновременно вытесняется практика самовольной расправы с преступником: кровная месть, личная месть и некоторые разновидности самосуда. Можно предположить, что князь дает свою санкцию на кровную месть, и это положение впервые закрепляется первой статьей Правды Ярослава. Кровная месть по Русской Правде, таким образом, носит характер переходный от непосредственной расправы рода (а может быть, уже и патриархальной семьи) к наказанию, налагаемому и исполняемому государственным органом. В защиту тезиса о послесудебном характере кровной мести после принятия Правды Ярослава можно привести пример расправы

Яна Вышатича с волхвами. (Ян Вышатич был послан князем на подавление восстания на Белоозере. Руководили восстанием волхвы. После разгрома восстания и поимки зачинщиков Ян Вышатич разрешил родственникам погибших отомстить.) Речь здесь идет о государственном преступлении, поэтому, строго говоря, статьи Правды в этом случае неприменимы. Но если все же считать, что Ян Вышатич видел в преступлении волхвов лишь убийства отдельных частных лиц, то разрешение им мстить («*мстите своих*») указывает на то, что он выполнял обязанности княжеского суда.

Упоминаемая в статье дважды 40-гривенная плата рассматривается исследователями двояко: как штраф в пользу князя (т. е. вира) или как платеж родственникам убитого в случае их отказа от мести (т. е. головничество). Иногда различают платеж, о котором говорится в первой части статьи, от такового во второй ее части. А. А. Зимин, например, в первом случае видит головничество, а во втором — виру.

Статья 2

Статья содержит нормы уголовного, гражданского и процессуального права. Некоторые положения статьи являются, по-видимому, общими для нескольких последующих статей. Таковы доказательства совершения преступного деяния. Статья дает два вида доказательств: во-первых, внешний вид потерпевшего и, во-вторых, наличие свидетеля. Обращает на себя внимание техническое несовершенство статьи. Закон считает достаточным один вид доказательства (внешний вид или свидетель). Однако наличие синяков и кровоподтеков еще ничего не говорит о том, кто нанес эти телесные повреждения. Поэтому альтернатива в выборе доказательств не оправдана. В статье говорится об одном свидетеле, в то время как в других статьях требуется не менее двух (ср. ст. 10).

Надъражен - поражен (от слова *надразити* — нанести удары).

Видок - *свидетель, очевидец.*

Знамение — *зд.*— знак, следы, отмета.

Лечець — лекарь.

Допускается возможность мести; как и в первой статье, месть стоит на первом плане и лишь потом говорится о штрафе за обиду. Штраф назначается только в том случае, если мстить по какой-то причине нет возможности.

Вопрос о досудебном или послесудебном характере мести решается в литературе по-разному. И. Ф. Эверс, например, рассматривает ее как «частную месть», а В. О. Ключевский как послесудебную расправу. Аргументы В. О. Ключевского в пользу послесудебного поединка вызывают определенные сомнения. Если рассматривать месть, о которой говорится в этой статье, как «личную послесудебную расправу по приговору суда», то в том случае, если она соединялась с лишением обвиненного возможности защищаться, то это было телесное наказание, исполнителем которого являлся обиженный, если же у обидчика оставалась возможность дать отпор мстителю, выходила драка сторон по приговору суда, т. е. нечто вроде судебного поединка. Поскольку телесные наказания были неизвестны русскому светскому праву, В. О. Ключевский приходит

к заключению, что в статье имеется «намек на судебный поединок, поле». Но по обычному праву *поле* являлось само по себе лишь способом доказательства вины. Хотя *поле* отсутствует в Русской Правде, на практике оно все же применялось. Представляется странной организация по решению князя *поля* для наказания обидчика. Скорее всего статья содержит альтернативу: либо личная скорая месть обидчику, т. е. исстари применяемый порядок, освященный обычаем, не требующий чьей санкции, либо, в случае затруднительности мести, в силу ли физического состояния потерпевшего или общественного положения обидчика — княжий суд, определяющий плату за правонарушение.

3-гривенное взыскание с ответчика по Правде Ярослава представляется здесь вознаграждением обиженному — *взять ему за обиду*. Статья содержит также норму, согласно которой обидчик должен был уплатить лекарю за услуги, оказанные потерпевшему. Хотя это правило и содержится только в одной статье, представляется, что оно применялось во всех случаях, касающихся телесных повреждений.

Статья 3

Пясть — ладонь.

Тылеснь — тыльная сторона ладони; тупая сторона острого орудия.

Постигнути — догнать, настигнуть, найти.

Если в ст. 2 основное внимание уделено характеру телесных повреждений, то ст. 3 рассматривает орудия, какими наносятся побои: батог, жердь, ладонь, чаша, рог, тупая сторона острого орудия. Перечень предметов говорит о том, что для закона не имеет значения степень опасности для здоровья потерпевшего орудия, которым наносятся побои. Важен не столько сам удар, сколько обида, им нанесенная. Поэтому и ответный удар, т. е. месть, должен был следовать сразу за оскорблением. Чаще всего, по-видимому, местом совершения преступления являлись пиры: статья говорит о чаше и о роге (сосудах для напитков) как о возможных орудиях совершения преступления. В случае, если обиженный по той или иной причине не мог сразу же отомстить, обидчик подвергался денежному взысканию в размере 12 гривен. Размер взыскания также указывает, что удары в данном случае рассматривались как оскорбительные для мужчины (ср. со ст. ст. 4 и 7, где речь также идет об оскорблении).

Конец статьи вызывает определенные сомнения: слова *то ту конець*, по мнению некоторых авторов (А. И. Соболевский), не несут никакой смысловой нагрузки. Впрочем, они могут подчеркивать стремление княжеской власти быстро прекращать распри, возникающие в результате частных ссор.

Статья 4

Утяти, утнеть — ударить, ранить, отсечь.

Статья является логическим продолжением предшествующей. Удар мечом в ножнах или рукоятью меча рассматривался также как оскорбление. Этим обусловлен и столь высокий штраф (ср. ст. 6: за отнятие пальца — 3 гривны).

Членовредительству посвящено в Правде Ярослава три статьи. Выделяются три вида членовредительства: травма руки, ноги, пальца. Отнятие руки или лишение возможности ею пользоваться рассматривалось наравне с лишением жизни: за это преступление полагалась плата в 40 гривен, равная штрафу за убийство.

Хотя текст ст. 6 явно дефектен, М. Н. Тихомиров предполагает, что в ней содержались те же положения, что в предшествующей, т. е. в первоначальном виде она звучала так: *Оже ли утнеть ногу, и отпадеть нога, любо усохнеть, то 40 гривен*. Возможен и такой вариант: *Оже ли утнеть ногу и отпадеть нога, любо будеть нога цела или начьнеть храмати*.... Конец ст. 6 также недостаточно ясен из-за дефекта текста. Можно присоединиться к точке зрения Б. А. Романова и М. Н. Тихомирова о допущении в этой статье кровной мести — *чада смирять*. Такое разрешение логически вытекает из всего духа Правды Ярослава. Кровная месть разрешается в случае убийства, мстить разрешается и в случае оскорбления и побоев (см. ст. ст. 2 и 3). Было бы странным, если бы в случае увечья, которое, судя по санкциям, приравнивалось к убийству (штраф как за убийство — 40 гривен), месть была бы запрещена. Однако если в случае нанесения побоев и оскорбления мстить должен был лично сам оскорбленный, то в случае причинения увечья мстить могли близкие потерпевшего, поскольку сам он сделать это был не в состоянии.

Чадо — дитя.

Чадь — домочадцы, подвластные домовладыке.

Смирять — 1) примирить, смирить; 2) смирить обидчика, отомстить ему.

Статья 8

Особо выделяет Правда Ярослава оскорбление, выражавшееся в повреждении бороды и усов. Статья содержит только указание на размер штрафа за это действие. Понятно, что здесь подразумеваются и условия, при которых можно осудить обидчика (они изложены в ст. 2: необходимо иметь или свидетеля, или соответствующее *знамение*).

Статья 9

Статья трактовалась по-разному. Одни исследователи видели в ее диспозиции покушение на совершение преступления; другие — оконченное преступление (угроза, оскорбление). Текст дает возможность принять и то и другое толкование, поэтому оценивать статью нужно исходя из характера Правды Ярослава в целом. Это памятник раннего, неразвитого права. Допустить возможность, что законодательная техника выделила стадии совершения преступления, вряд ли будет обоснованно: учение о стадиях совершения преступления появляется позже. Скорее всего правы М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич, А. Е. Пресняков и другие историки, рассматривавшие упомянутые деяния как оконченное преступление. Очевидно, имелась в виду именно угроза, а не оскорбление (В. И. Сергеевич считал, что и то и другое). Обнаженным ме-

Тнети — ударить, ранить, отсечь, убить.

чом можно угрожать, нанести же оскорбление им, по понятиям того времени, было нельзя. Если взять примерный перечень предметов, удар которыми считался оскорбительным, то обнаженного меча в нем нет, хотя оговаривается удар мечом в ножнах и рукоятью меча (ст. ст. 3 и 4).

Статья 10

Ринути — бросить, толкнуть.

Варяг — житель Скандинавии.

Колбяг — предположительно житель северных районов Руси.

Рота — присяга, клятва.

Обида, о которой идет речь в статье, может рассматриваться двояко: или оскорбление действием, или нанесение побоев. В пользу первого говорит то, что в варианте статьи, встречаемом в Пространной редакции Русской Правды, это правонарушение дается вместе с явно оскорбительными действиями — ударом по лицу и ударом жердью (ст. 25). Однако в пользу второго предположения говорит сравнительно невысокая плата — 3 гривны (за оскорбление взималось 12 гривен — ст. ст. 3, 8). Таким образом, если рассматривать ст. 10 лишь в контексте Правды Ярослава, то здесь скорее всего имеется в виду физическое насилие.

Статья интересна как первая статья, определяющая статус иностранцев. Они упоминаются в Краткой Правде дважды: в ст. ст. 10 и 11. Терминами *варяг* и *колбяг* здесь обозначались иностранцы вообще, независимо от их национальной принадлежности. Варяги и колбяги чаще, чем остальные иностранцы, служили князю в качестве дружинников, торговали, имели свои дворы. Хотя они и жили в древнерусских городах, в частности в Новгороде, они не всегда находились в равных условиях с коренными жителями. Найти свидетеля им было труднее. Вину обидчика иностранцам допускалось поэтому доказывать личной присягой. Вероятно, что такой облегченный порядок представления доказательств иностранцами применялся и в других случаях.

Восстание 1071 года Миниат[illegible] Радзивило[illegible] летописи XV века

Статья 11

Статья говорит об укрывательстве иностранцами челядина. *Челядин* — термин, не получивший в современной литературе единого толкования. Челядь в интерпретации Б. Д. Грекова — familia, т. е. не только рабы, но и все подвластные домовладыке, феодально-зависимые люди. Для С. В. Юшкова челядь — рабы. А. А. Зимин занимает промежуточную позицию, видя в челяди X — начала XI века рабов, пленных, а в XI — XII веках — совокупность феодально-зависимых людей.[1] Укрывательство челядина иностранцами выделяется не столько из-за казуистичности изложения, сколько из-за большей возможности такого укрывательства. Варяги и колбяги могли жить особыми общинами, а это затрудняло поиски беглых. Позднее норма была распространена на всех подданных (ст. 26 Пространной Правды). В статье наказывается именно укрывательство беглого, а не *увод*, похищение: за последнее штраф гораздо выше (ср. ст. 34 Пространной Правды).

Порядок истребования челядина заставляет предполагать

…и же в Рима приключися · прииде ѿ Стослава · дань емлю
щю Яневи · сн҃у Вышатину · поведаша ему белозерци ·
яко два кудесника · избила уже многи жены · по Волзе и
по Шексне · и пришла еста семо · Ян же испытав чья
еста смерда · и увѣдав яко своего кнзя · и послав к ним
иже ѡколо ею суть · и рече им выдайте волхва та семо
яко смерда моего кнзя · ѡни же сего не послушаша · Ян же
сам поиде без оружия · и рекоша ему ѿроци не ходи
без оружия · и соромотита и моу · ѡн же повеле взяти
оружие ѿроком · бѣ бо у него 12 ѿроков · и поиде с ними
к лесу · ѡни же сташа исполчиша противу · Яневи же
идущу с топорцем · и выступиша ѿ них · 3 муже · и при
доша ко Яневи рекуще видя идеши на смерть не ходи ·
ѡному повелевшу бити я · ко прочим же поиде ·
ѡни же сунушася на Яна · един грешися Яна топором ·
Ян же оборотя топор · и ударив тыльем · и повеле ѿроком сечи я ·

Ѡни же бежаша в лес · и убиша попа Янева · Ян же
вшед в град к белозерцем · аще не имете волхву сею ·
не иду ѿ вас за лето · белозерци шедше имаша я · и при

о применении *заклича*, т. е. объявления на торгу о пропавшей вещи и обязанности незаконного владельца в трехдневный срок вернуть вещь (в том числе челядина). В случае невозвращения виновный платил 3 гривны *за обиду*.

Статья 12

В какой-то степени статья является продолжением предыдущей. Если в ст. 11 речь идет о незаконном укрывательстве чужого челядина, то в ст. 12 говорится о незаконном пользовании имуществом. Для законодателя здесь важен лишь сам факт незаконного пользования, поскольку кража коня каралась особо (кража коня рассматривается в статьях Правды Ярославичей — ст. ст. 28, 31 Краткой Правды).

Статьи 13, 14

Статьи содержат нормы права, определяющие порядок изъятия собственником своей вещи у владельца. Можно рассматривать ст. 13 как статью, содержащую норму материального права, в то время как в ст. 14 видеть изложение процедуры изъятия вещи, т. е. норму процессуальную. На это указывает и то, что штрафную санкцию содержит только ст. 13. Существует точка зрения, что обе рассматриваемые статьи содержат нормы процессуального права. Считают, что в Правде Ярослава предусмотрено два случая: 1) когда вещь найдена внутри общины и 2) когда владелец не является членом данной общины.

Однако возможна и иная трактовка статьи. В первом случае речь идет о недобросовестном владельце: вещь изымается без *свода* не потому, что дело происходит в одном миру, а потому, что свод не нужен — правонарушитель известен. В ст. 14 говорится о добросовестном владельце. Свод необходим, ибо нужно выявить истинного правонарушителя. Поскольку до его обнаружения вещь находится у добросовестного владельца, то для обеспечения интересов собственника должен быть выставлен поручник.

Статья 15

Статья вызывала множество толкований. Можно согласиться со старой точкой зрения Н. М. Карамзина, развитой в наше время А. А. Зиминым. Речь в статье идет о том случае, когда в результате свода похититель найден, но, помимо обнаруженной вещи, им были похищены и другие, не найденные, возвращения которых требует истец. Такой вывод соответствует и помещению статьи после статьи о своде.

12 мужей, о которых говорит статья, рассматриваются или как общинный суд, или как послухи. Если считать 12 мужей общинным судом, то следует признать, что этому суду подлежали все дела о кражах имущества, расследуемые при помощи свода. Территориально такой суд был ограничен землями об-

Поиметь — взять.

Порт — зд. одежда.

Мир — община, как сельская, так и городская. Термин, применяемый чаще всего в Новгородской Руси.

Свод — процесс отыскания недобросовестного владельца вещи (см. комментарий к ст. 16 Краткой Правды).

Поручник — поручитель или свидетель.

Друзе — другой, иной, следующий.

Проче — впредь, наконец.

Прок — остаток имущества.

Извод — показания свидетелей.

Достоино — (как) следует.

Скот — 1) скотина; — 2) деньги; — 3) имущество.

щины. Общинный суд, возможно, и существовавший в это время, вряд ли в данном случае имеется в виду. Скорее всего названные 12 мужей фигурируют здесь в качестве свидетелей доброй славы — послухов. Тем более, что в Пространной Правде (ст. 47 Троицкого списка) в аналогичной ситуации говорится именно о послухах.

В случае невозвращения ответчиком вещи он должен был возместить ущерб и заплатить штраф.

Статья 16

В статье описывается свод — процесс, при помощи которого отыскивается недобросовестный владелец вещи. Статья говорит о частном случае, когда предметом свода является челядин. Процесс свода, выработанный еще в древнейшие времена, был, видимо, достаточно хорошо урегулирован обычаем, поэтому мы не встречаем в Русской Правде подробного описания свода. В статье содержатся исключения из общего правила: свод ведется истцом до третьего покупателя. Далее его должен вести уже добросовестный покупатель, передав истцу своего челядина (ср. ст. 38 Пространной Правды).

Пояти, поняти — взять, принять, поимать, схватить.

Скот — зд. деньги (ср. ст. 38 Пространной Правды).

Статья 17

Статья интересна двояким отношением к холопу в древнерусском обществе. С одной стороны, холоп не субъект права — за свои действия он не отвечает и отвечать не может, поскольку имущественные санкции к нему даже и применить нельзя, т. к. он не имеет собственности. За холопа отвечает его господин. С другой стороны, на холопа, возможно, распространяется обычай мести. С этой точки зрения, может быть допустимо признание его в какой-то мере субъектом права. Такое отношение могло быть обусловлено патриархальным характером рабства в Древней Руси (ср. ст. о свидетельстве холопа — ст. 66 Пространной Правды).

12-гривенный штраф и является скорее штрафом за оскорбление, нанесенное холопом свободному: удар раба для свободного всегда оскорбителен. Трактовка А. А. Зиминым 12-гривенного штрафа как суммы выкупа жизни холопа вызывает сомнение: в более поздних статьях Правды Ярославичей цена холопа определена в 5 гривен (ст. 26).

Статья дает также представление о статусе жилища в Киевской Руси. Холоп, укрывшийся в доме своего господина, не может быть изъят оттуда. Нет в Русской Правде и статей, говорящих о праве обыска. Даже в случае уличения в краже Правда считает достаточным ограничиться показаниями послухов.

Налезуть — зд. встретить, найти.

Бити, бью — 1) бить; — 2) иногда переводится как убить.

Статья 18

Статья говорит о повреждении чужого имущества. Ее первая часть регулирует случаи, когда испортивший вещь желает оставить ее у себя. В таком случае собственнику вещи возвра-

щается ее цена. Во второй части говорится о случае, когда сломанную вещь хотят вернуть собственнику помимо его воли. В этом случае цена вещи все равно должна быть возмещена.

Правда уставлена руськои земли...

Приметати — 1) прикидывать, подбрасывать; — 2) отдавать, уступать.

Вторая часть Краткой редакции Русской Правды (начиная со ст. 19) носит в литературе название Правды Ярославичей (к ней относят первые три, восемь или двадцать две статьи). В литературе существует своеобразное, хотя и не очень убедительное мнение (Б. Д. Греков), что эта часть Русской Правды посвящена правовой регламентации жизни княжеской вотчины, ее охране от посягательств извне, в частности от свободных общинников, оказывающих сопротивление феодалам. Позднее положения этого закона были распространены и на другие феодальные владения.

И. Я. Фроянов считает, что в принятии Правды Ярославичей участвовали представители общины. На съезде Ярославичей, помимо князей, присутствовали наиболее именитые княжеские дружинники — наместники Киева и Вышегорода. И. Я. Фроянов утверждает, что они представляли интересы общины, земства и что «киевская и вышегородская общины через своих представителей оказались сопричастны к составлению Правды Ярославичей»[21].

21 Фроянов И. Я. Киевская Русь ..., с. 41.

Более точной будет, пожалуй, все же иная характеристика Правды Ярославичей. Эта часть Русской Правды посвящена охране феодальной собственности и жизни лиц, служащих князю, находящихся в той или иной форме зависимости от него, а также имущества и личности других феодалов.

Статья 19

Огнищанин — старший дружинник, боярин (*княж муж* по Пространной Правде), приближенный князя.

Подъездной — сборщик различных поступлений в пользу князя.

В статье устанавливается наказание за убийство *в обиду*. Представляется неверной точка зрения А. А. Зимина, что это убийство с целью кровной мести. Под обидой на древнерусском языке отнюдь не понималась месть. Местью нельзя было оскорбить, месть не могла рассматриваться как убийство *в обиду*: в Пространной Правде ст. 2 говорит о кровной мести как об *убиении за голову*. Кроме того, с чисто логической точки зрения невозможно ввести наказание за совершение мести, если не отменена сама месть. Скорее всего в статье имеется в виду не кровная месть, а убийство в отместку, в ответ на действия жертвы, *убийство за обиду* (как предполагал А. И. Соболевский). Это вполне вероятно в связи с обострением классовой борьбы.

Начиная со ст. 19 более четко выступает классовое деление общества. В законе устанавливаются штрафы за убийство княжеских слуг, начиная от высших, определяются штрафы за кражу и порчу княжеского имущества. Статья 19 говорит лишь о наиболее знатных княжеских слугах — огнищанине и подъездном княжи. Она устанавливает повышенную плату за

их убийство — 80 гривен, которые поступают в пользу князя. Чтобы сделать наказание более суровым, закон запрещал общине помогать преступнику в уплате штрафа.

Статья 20

Второй разновидностью умышленного убийства является убийство в разбое. Оно рассматривалось в Древней Руси как наитягчайшее преступление. Именно из-за участившихся разбоев духовенство посоветовало Владимиру Красное Солнышко ввести смертную казнь, что он и сделал.

Правда Ярославичей говорит о случае, когда жертвой преступления становится огнищанин. Обязанность разыскивать преступника, совершившего преступление на территории верви, по обычаю лежала на верви. Во времена Правды Ярославичей вервь должна была выдавать преступника князю головой (ст. 5 Пространной Правды). В случае отказа верви от поиска или выдачи на нее возлагалась уплата штрафа.

Существуют различные точки зрения на сущность верви. С. В. Юшков видит в ней большую патриархальную семью. Б. Д. Греков — общину-марку. Последняя точка зрения представляется более обоснованной. Исходя из текста настоящей статьи видно, что вервь располагает определенной территорией: *...в неи же вири голова начнеть лежати*. Вервь — это общественная единица; она платит штраф в случае убийства или выдает князю преступника. Следовательно, вервь — это общественно-территориальная единица. Она распадается на более мелкие единицы — семьи. Пространная Правда, описывая институт дикой виры, говорит о сложении средств отдельных членов верви, т. е., видимо, глав семейств.

Вири — по всей видимости, дефект текста; первоначально — верви, т. е. сельская община.

Статья 21

Статья вызывала много споров как в дореволюционной, так и в советской литературе: является ли огнищанин жертвой преступления или самим преступником, которого надлежит убить. Сторонники последнего суждения находят данную статью частным случаем ст. 38, когда вором явился огнищанин. Видимо, более обоснована точка зрения, что огнищанин является жертвой преступления (Б. А. Романов, А. Е. Пресняков). На это указывает несоответствие начала и конца фразы: *Аже убиють огнищанина... то убить в пса место*, что предполагает появление нового лица. К этому аргументу можно присоединить то соображение, что ст. 21 является третьей статьей, говорящей об убийствах чиновников князя. Статья 19: *Аще убьють огнищанина в обиду...*, ст. 20: *А иж(е) убьють огнищанина в разбои...*, ст. 21: *Аже убиють огнищанина у клети...*. Весь строй изложения говорит за то, что речь идет именно о различных случаях убийства высших княжеских слуг. Статья 21 разрешает убить убийцу огнищанина сразу, т. е. без суда, причем в данном случае имеется в виду расправа, анало-

Клеть — дом, хозяйственная постройка, амбар, кладовая.

Говядо — бык, рогатый скот.

...в пса место — как собаку.

Татьба — воровство, кража.

Тивунец — 1) домоуправитель, дворецкий; — 2) сын дворецкого.

гичная расправе с ночным вором (ст. 38). Причем ст. 21 разрешает убить убийцу огнищанина в **любое** время суток, в то время как ст. 38 допускает расправу только с **ночным**, не связанным вором. Таким образом, в ст. 21 подчеркивается опасный характер преступления. Последняя фраза носит характер более поздней приписки, подобной приписке о подъездном княжи (ст. 19).

Статьи 22, 23, 24, 25, 26, 27

Тиун — домоуправитель, дворецкий.

Конюх старыи — конюший, старший конюх.

Сельский староста и ратаиный — должностные лица, следящие за производством сельскохозяйственных работ.

Кормиличич — 1) воспитатель, дядька; — 2) молочный брат.

Третьякь — животное на третьем году.

Лоньщина — животное на втором году.

Яря — ягненок.

Соотношение денежных единиц: 1 гривна=20 ногат=25 кун=50 резан.

В статьях перечислены штрафы, взимаемые за убийство княжеских слуг, а также людей, находящихся в зависимости от князя. Это, во-первых, высшие слуги князя: княжеский тиун (должностное лицо, игравшее значительную роль, управитель. Он мог быть и холопом — ср. ст. 102 Пространной Правды) — ст. 22; конюх старый — ст. 23. Во-вторых, это среднее звено в управленческом аппарате княжеского домена: сельский и пахотный старосты — ст. 24. Возможно, что это были холопы князя. Интересно предположение Гётца, что в данной статье речь идет о слуге князя и о старосте свободных общинников. В связи со статьей 24 объясняет Л. Гётц и ст. 26: смерд — общинник, холоп — крестьянин, зависимый от князя. Однако все рассматриваемые статьи говорят о княжеском дворе, описывают штрафы за убийство зависимых от князя людей. Поэтому логичнее предположить, что в рассматриваемых статьях речь идет лишь о людях князя. Наконец, в-третьих, перечисляются штрафы за убийство мелких княжеских слуг — рядовичей (ст. 25). Рядовичи — полузависимая категория, возможно, лично свободные. С. В. Юшков видит в рядовиче хозяйственного агента князя, Б. Д. Греков — феодально-зависимого человека (разновидность рядовича — закуп Пространной Правды).

При всех условиях ст. 24 указывает нам на княжеское землевладение, а также на то, что князья эксплуатировали крестьян (или холопов, посаженных на землю), т. е., что они были феодалами.

Правда охраняет повышенным штрафом жизнь близких князю лиц — кормилицу и кормиличича (по всей вероятности, холопов) — ст. 27. На низшей ступени лестницы штрафов стоят холоп и смерд. По всей видимости, здесь смерд — зависимый от феодала крестьянин (наказание за убийство свободных общинников определялось ст. 1 Краткой Правды). Точки зрения на смерда как на феодально-зависимого крестьянина придерживался С. В. Юшков. Ряд авторов видят в смерде собирательное название всех крестьян, включая как свободных общинников, так и феодально-зависимых (напр., Б. Д. Греков). Существует также точка зрения на смердов как на свободных общинников.

В Археографическом списке имеется разночтение: *а в смердь и в холопе*, что позволяло некоторым авторам, например В. И. Сергеевичу, говорить о холопах смерда: *а в смерди*

в холопе. Однако такое прочтение статьи подверглось справедливой критике в литературе (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков).

Статья 28

Статья устанавливает штрафы за похищение или истребление княжеского скота. Здесь же упоминается и о коне смерда. Вряд ли разница штрафов за коней князя и смерда вызвана только различным их использованием: княжеский — военный, смердий — пахотный, как полагает А. А. Зимин. Скорее всего закон ставит княжеское имущество под бо́льшую охрану по сравнению с имуществом смерда. Однако сама постановка вопроса о коне смерда в статье, касающейся имущества князя, говорит, во-первых, о наличии собственного хозяйства смерда, в хорошем состоянии которого заинтересован и князь, и, во-вторых, о роли коней смердов в ополчении.

Статья 29

Рассматриваемая статья устанавливает размер штрафа за *увод*, похищение холопа. Нельзя не обратить внимания, что размер этого штрафа значительно превышает размер штрафа за убийство холопа.

Статья 30

Статья кажется выпадающей из общего смысла закона. Правда Ярославичей говорит в первых статьях о наказании за убийство слуг князя, затем за похищение имущества с княжеского двора. Статья о *кровавом муже* вклинивается как раз в статьи о похищении имущества. Вряд ли она представляет более древнее установление, как считает А. А. Зимин. Скорее всего здесь имеется дефект текста. Замена *видока* на *послуха* в смысле очевидца говорит о позднейшем времени появления статьи. *Послух* в этом смысле появляется только в Пространной Правде.

Послух — свидетель доброй славы; зд. очевидец.

Статья 31

Статья говорит о наказании в случае совершения преступления несколькими лицами. Русская Правда, таким образом, знает уже институт соучастия. Видимо, в тексте ст. 31 имеется неточность в указании размера штрафа: в случае совершения преступления одним человеком — одна гривна 30 резан; в случае, если воров несколько, то каждый платит по 3 гривны 30 резан. Вероятно, что в случае совершения кражи одним лицом, штраф был установлен также в 3 гривны 30 резан. Вознаграждение по 30 резан *мужеви*, видимо, плата в пользу лиц, задержавших воров, так как в ст. 40, содержащей аналогичную норму, *мужеви* раскрыто: *хто изимал*, т. е. кто схватил, поймал воров. Возможно, что здесь имеется в виду и княжеский человек — емец (см. ст. 41).

Статья 32

Имущество князя подлежит охране и в лесу: за уничтожение или повреждение борти платится штраф.

Статья 33

Статья косвенным образом указывает на существование, наряду с княжеским судом, суда общинного. Она содержит санкции за физическое насилие в отношении смерда, огнищанина, тиуна или мечника без разрешения князя. Перечисленные в статье лица подлежат суду князя: только он может судить своих дружинников и слуг.

Рассмотрение С. В. Юшковым данной статьи в связи с анализом статей о преступлениях против телесной неприкосновенности представляется необоснованным, так как в данном случае объектом посягательства является не столько телесная неприкосновенность людей князя, сколько княжеский суд.

Борть — колода для пчел, пасека, пчельник.

Мука — физическое насилие.

Умучити — замучить, подвергнуть наказанию.

Перетес — межевой знак, сделанный топором на дереве.

Жеравь — журавль.

Статья 34

Статья устанавливает высокий штраф за порчу межевых знаков. Речь идет об охране землевладения.

Статьи 35, 36, 37

Статьи носят казуистический характер, перечисляют штрафы за кражу имущества. Интересно появление в ст. ст. 35 и 36 термина *продажа*. В предыдущих статьях встречалось лишь взыскание за обиду. Оно толковалось исследователями Русской Правды или как штраф в пользу князя, или как вознаграждение потерпевшему. Появление *продажи* характеризует дальнейшее развитие правовой мысли: закон устанавливает штраф, взыскиваемый в пользу князя в качестве государственного органа, штраф, идущий в *казну* (если так можно выразиться, поскольку в тот период не было разграничения казенного, т. е. государственного, имущества и имущества князя). Помимо продажи устанавливается взыскание (*за обиду*) в пользу потерпевшего.

Статья 38

Здесь подтверждается правило, установленное, видимо, обычаем — право убить вора на месте преступления. Закон, однако, ограничивает это право: убивать можно только ночью и нельзя убивать связанного вора. Статья 38, как и ст. 33, имеет целью укрепить княжескую юрисдикцию, ограничивая самочинную расправу.

Статья 39

Статья устанавливает штраф за кражу сена или дров. Преступление состояло именно в краже уже готового продукта, а не в недозволенном сенокошении или рубке леса, как считает

А. А. Зимин. Сенокошение и рубка леса не представляли опасности во времена Древней Руси: леса и травы было достаточно.

Статья 40

Статья аналогично ст. 31 рассматривает случай, когда преступление — кража — совершено несколькими преступниками. Наказанию подвергается каждый из соучастников (будь их хоть десять — каждый платит штраф. Формулировка статьи кажется более близкой к первоначальному тексту по сравнению со ст. 31 — там будь их хоть 18). Статья устанавливает также таксу вознаграждения за поимку воров (ср. ст. 31, см. также ст. 41).

Изъимати — схватить, захватить.

Статья 41

Определяется размер вознаграждения за выполнение дружинниками князя судебных функций; кроме того, указан размер отчислений в пользу церкви. Хотя эти отчисления и носят название десятины, фактически они составляют 1/5 от суммы, положенной князю, и 1/6 от размера поступления в целом. В Краткой Правде, как и в более поздней Пространной Правде, нет четкого деления слуг князя, выполнявших судебные функции: это и емец, и мечник (ст. 41), и отрок (ст. 74 Пространной Правды). Важно, что размер вознаграждения за выполнение обязанностей, связанных с судопроизводством, оставался постоянным — 2 гривны 20 кун (или 70 кун) с 12 гривен (ст. 41 Краткой Правды и ст. 74 Пространной Правды) и 1/6 часть от более мелких штрафов (ст. ст. 31 и 40 Краткой Правды). Обращает на себя внимание казуистичность изложения статьи: размеры отчислений определяются не в долях, а применительно к конкретному случаю, отсюда и большая возможность ошибок.

Емец — 1) княжеский чиновник; — 2) поимщик (вора).

Статья 42

Покон вирный представляет собой третью составную часть Краткой Правды. Покон определяет типичный для раннефеодального государства порядок кормления княжеского слуги — вирника. Время происхождения Покона датируют по-разному: временем княжения Ярослава или после его смерти.

Вирник — сборщик виры.

Полот — кусок, туша.

Борошно — пища вообще.

Покон — устав.

Статья 43

Урок мостников непосредственно продолжает и завершает статьи Краткой Правды о порядке оплаты княжеских слуг. Место возникновения Урока определяют по-разному. М. Н. Тихомиров видит в нем новгородский памятник права, С. В. Юшков считает местом его происхождения Киев. *Мост* имеет двоякое значение: мост — переход через реку, овраг и т. п. и мост — мостовая.

Урок — 1) правило, установление; — 2) плата; — 3) налог, судебная пошлина, пеня, штраф.

ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ
[22]СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЕРИЧ[23]
ПРАВДА РУСЬСКАЯ

1. Аже убиеть муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь[24] или тиуна княжа; аще ли будеть русин[25], или гридь[26], любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положити за нь.

2. [27]По Ярославе же паки совкупишеся[28] сынове его[29]: Изяслав, Святослав[30], Всеволод и мужи их: Коснячько, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша.

3. О УБИЙСТВЕ. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника[31] не ищють, то виревную[32] платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин[33], то 40 гривен.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико лет заплатить[34] ту виру[35], зане же без головника им платити.

5. Будеть ли головник их в верви, зан(е)[36] к ним прикладываеть[37], того же деля им помагати головнику, любо си дикую виру[38]; но спла(ти)ти им вообчи 40 гривен, а головничьство, (а то) самому головнику; а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть.

6. Но оже будеть убил или в сваде, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають[39] вирою.

7. ОЖЕ СТАНЕТЬ БЕЗ ВИНЫ НА РАЗБОИ. Будеть ли стал на разбой без всякоя свады, то за разбойника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток[40] и на разграбление.

8. Аже кто не вложиться в дикую[41] виру[42], тому людье не помагають, но сам платить.

9. А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, (о)же овен любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна (о)же сыр, а в пятницю тако же; а кур по двою ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороху 7 уборков, а соли 7 голважень; то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конем на рот сути овес. Вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная[43], а метелнику[44] 12 векшии, а съсадная гривна.

10. (О вирах)[45]. Аже будеть вира во 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

11. О КНЯЖИ МУЖЕ[46]. Аже в княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривен.

12. А за тивун за огнищный и за конюший, то 80 гривен.

13. А в сельскомь тивуне княже или в ратайнемь, то 12 гривен.

14. А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск.

15. О РЕМЕСТВЕНИЦЕ И О РЕМЕСТВЕНИЦЕ. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривен.

16. [47]А за смердии[48] холоп 5 гривен[49], а за робу 6 гривен.

17. А за кормилця 12 (гривен), тако же и за кормилицю, хотя си буди холоп, хотя си роба.

18. [50]О ПОКЛЕПНЕЙ ВИРЕ[51]. Аще будеть на[52] кого поклепная вира, то (о)же будеть послухов 7, то ти выведуть виру[53]; паки ли варяг или кто ин то два[54].

19. [55]А по костех и по мертвеци не платить верви[56], аже имене не ведають, ни знають его.

20. [57]АЖЕ СВЕРЖЕТЬ ВИРУ[58]. А иже свержеть виру, то гривна кун сметная отроку; а кто и клепал, а тому дати другую гривну; а от виры помечнаго[59] 9 (кун).

21. Искавше ли послуха, (и) не налезуть, а истьц(ь)[60-61] начнеть головою клепати, то(да)ти[62] им правду[63] железо[64].

22. Тако же и во всех тяжах, в татбе и в поклепе; оже не будеть лиця, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли[65] м(е)не[66], то на воду, оли то до дву гривен[67]; аже мене, то роте ему ити по свое куны[68].

23. [69]Аже кто ударить мечемь, не[70] вынез его, или рукоятию, то 12 гривен продажи за обиду.

24. Аже ли вынез меч, а не утнеть, то гривна кун.

25. Аже кто кого ударить ботогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылеснию[71], то 12 гривен.

26. Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть.

27. Аче ли утнеть руку, и[72] отпадеть рука или усхнеть, или нога, или око, или не[73] утнеть, то полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен.

28. Аже перст утнеть[74] кии любо, 3 гривны продаже, а самому гривна кун[75].

29. [76]А ПРИДЕТЬ КРОВАВ МУЖ[77]. Аже придеть кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю[78] 3 гривны[79]; аще ли не будеть на нем знамения, то привести ему видок[80] слово противу слова; а кто будеть почал, тому платити) 60 кун; аче же и кровав придеть, или будеть сам почал, а вылезуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

30. [81]Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны[82], а самому гривна за рану, (о)же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.

31. Аче попъхнеть мужь мужа любо к собе, ли от собе, любо по лицю ударить, ли жердью ударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варяг или колбяг, то полная видока вывести, и идета на роту.

32. О ЧЕЛЯДИ. А челядин скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и (в) третии день, то свой челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

33. [83]АЖЕ КТО ВСЯДЕТЬ НА ЧЮЖЬ КОНЬ[84]. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашав, то 3 гривны[85].

34. [86]Аче кто конь погубить, или оружье, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицем взяти, а за обиду[87] платити ему[88] 3 гривны.

35. Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или украдено у него что[89], или конь, или порт, или скотина, то не рци[90]: се мое, но поиди на свод, кде есть взял; сведитеся[91], кто будеть виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возметь, а что погибло будеть с нимь, то же ему начнеть платити; аще будеть коневыи тать, выдати князю на поток; паки ли будеть клетныи тать, то 3 гривны платити ему.

36. О СВОДЕ. Аже будеть во одином городе, то ити истьцю до концу того свода; будеть ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемь ити до концу своду, а истьцю ждати прока; а кде снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

37. О ТАТБЕ. Паки ли будеть что татебно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купил, то ити по немь тем видоком[92] на роту, а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погибло, а того ему желети, а оному желети своих кун, зане не знаеть у кого купив; познаеть ли на долзе[93] у кого то купил, то свое куны возметь, и сему платити, что у него будеть погибло, а князю продажю.

38. [94]АЖЕ ПОЗНАЕТЬ КТО ЧЕЛЯДЬ[95]. Аще познаеть кто челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода; пояти же челядина в челядин место, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе речи: (не веде)[96], у кого есмь купил, но по языку ити до конця; а кде будеть конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь, и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше[97].

39. О СВОДЕ ЖЕ. А ис (с)воего города в чюжю землю свода[98] нетуть, но тако же вывести ему послухи любо мытника, перед кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желети, что с нимь погибло, а оному своих кун желети[99].

40. О ТАТБЕ. Аже убиють кого у клети или у которое татбы, то убиють во пса место; аже ли и додержать света, то вес-

ти на княжь двор; оже ли убиють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривен.

41. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то (о)же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит(и).

42. О ТАТБЕ ЖЕ[100]. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун[101]; будеть ли их много, то всем по 60 кун[102].

43. Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун.

44. А у него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь, а за лето возметь по полугривне.

45. Паки ли лиця не будеть, а будеть был княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по 2 гривны.

А СЕ УРОЦИ СКОТУ. Аже за кобылу (60)[103] кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину полгривны, за теля 5 кун[104], а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат; то ти уроци смердом, оже платять князю продажю.

46. АЖЕ БУДУТЬ ХОЛОПИ ТАТЬЕ, СУД КНЯЖЬ. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо черничь[105], их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

47. [106]ОЖЕ КТО СКОТА ВЗИЩЕТЬ[107]. Аже кто взищеть кун на друзе, а он ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он возметь свое куны; зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны.

48. Аже кто купець купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати.

49. О ПОКЛАЖАИ. Аже кто поклажаи[108] кладеть у кого любо, то ту послуха нетуть; но оже начнеть болшим клепати, тому ити роте, у кого то лежал товар: а толко еси у мене положил, зане же ему в бологодел[109] и хоронил товар того.

50. О РЕЗЕ. Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед, или жито во пр(и)соп[110], то послухи ему ставити, како ся будеть рядил, тако же ему имати.

51. О МЕСЯЧНЕМЬ РЕЗЕ. (А)[111] месячныи рез, оже за мало[112], то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячныи рез погренути.

52. Послухов ли не будеть, а будеть кун 3 гривны, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кун, то речи ему тако: промиловался[113] еси, оже еси не ставил послухов[114].

53. УСТАВ ВОЛОДИМЕРЬ ВСЕВОЛОДИЧА[115]. Володимер Всеволодичь по Святополце созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора киевьского тысячьского, Прокопью белгородьского тысячьского, Станислава переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа и уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны;

аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти.

[116]Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати.

54. АЖЕ КОТОРЫИ КУПЕЦЬ ИСТОПИТЬСЯ. Аже которыи купець, где любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть[117] от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то тако любо тем[118], чии то товар[119], ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.

55. О ДОЛЗЕ. Аже кто многим должен будеть, а пришед (гость)[120] из иного[121] города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гост(ю)[122] кун, а первии должебити[123] начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое[124] взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому.

56. АЖЕ ЗАКУП БЕЖИТЬ. Аже закуп[125] бежить от господы, то обель; идеть ли искат(и) кун, а явлено ходить, или ко князю, или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не работять его, но дати ему правду[126].

57. О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже у господина ролеиныи закуп, а погубить воискии[127] конь, то не платити ему; но, еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу[128] емлеть, то то погубивше платити; аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити[129].

58. О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже из хлева[130] выведуть, то закупу того не платити; но (о)же погубить на поли и в двор не вженеть[131] и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

59. Аже господин переобидить[132] закупа, а увидить[133] купу[134] его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун.

60. Паки ли приметь на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

61. Продасть ли господин закупа обель, то наимиту[135] свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже.

62. Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли[136] не смысля[137] пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платежь[138], тако же и в закупе[139].

63. О ХОЛОПЕ. Аже холоп обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

64. О ЗАКУПЕ. Аже закуп выведеть[140] что, то господин в немь[141]; но оже где и налезуть, то преди заплатить господин его конь или что будеть ино взял, (а)[142] ему холоп обелныи; и паки ли господин не хотети начнеть платити за нь,

а продаст и; отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будеть чюжего взял, а прок[143] ему самому взяти собе.

65. А СЕ АЖЕ ХОЛОП УДАРИТЬ. А се аже ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затем аче и кде налезеть удареныи тъ своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны[144], любо бити розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором.

66. О ПОСЛУШЬСТВЕ. А послушьства на холопа не складають[145]; но оже не будеть свободнаго, но[146] по нужи[147] сложити на боярьска тивуна[148], а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа.

67. О БОРОДЕ. А кто порветь бороду, а въньметь[149] знамение, а вылезуть[150] людие[151], то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже.

68. О ЗУБЕ. Аже выбьють зуб[152], а кровь видять у него во рте, а людье вылезуть[153], то 12 гривен продаже, а за зуб[154] гривна.

69. [155]Аже украдеть кто бобр[156], то 12 гривен[157].

70. Аже будеть росечена земля или[158] знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати[159] татя, ли[160] платити продажю.

71. АЖЕ КТО БОРТЬ РАЗНАМЕНАЕТЬ[161]. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен.

72. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыном перегородить межю, то 12 гривен продажи.

73. [162]Аже дуб подотнеть[163] знаменьныи или межьныи, то 12 гривен продаже[164].

74. А СЕ НАКЛАДИ. А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню, сути же на рот[165] овес, а мясо дати овен любо полоть, а инем кормом, что има черево возметь, писцю 10 кун, перекладнаго[166] 5 кун, на[167] мех две ногате.

75. А СЕ О БОРТИ. Аже борть подътнеть[168], то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны.

76. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за мед, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кун; будеть ли олек, то 5 кун.

77. Не будеть ли татя[169], то по следу женуть[170]; аже не будеть следа[171] ли к селу или к товару, а не отсочять от собе следа, ни едуть на след или отбьться, то тем платити татбу и продажю; а след гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять след на гостиньце на велице, а села не будеть, или на пусте[172], кде же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.

78. О СМЕРДЕ. Аже смерд мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи[173], а за муку гривна кун[174]; аже

огнищанина мучить, то 12 гривен продаже[175], а за муку гривна.

79. [176]Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже; а лодию лицем воротити; а[177] морьскую[178] лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за челн 20 кун[179], а за струг гривна.

80. О ПЕРЕВЕСЕХ. Аже кто подотнеть[180] вервь[181] в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь[182] гривна кун.

81. [183]Аже кто украдеть[184] в чьем перевесе[185] ястреб или сокол, то продаже 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кун, а за куря 9 кун, а за утовь 30 кун, а за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун[186], а за жеравль 30 кун[187].

82. А в сене и в дровех 9 кун, а господину колико будеть воз украдено, то имати ему за воз по 2 ногате.

83. О ГУМНЕ. Аже зажгуть[188] гумно, то[189] на поток[190], на грабеж дом его[191], переди пагубу исплатившю, а в проце князю источити[192] и; тако же аже кто двор зажьжеть.

84. А кто пакощами[193] конь порежеть[194] или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урок платити.

85. [195]Ты тяже все судять (с)[196] послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истец, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю ти, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ял и.

86. [197]А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а пол гривны детьскому; то ти железный урок, кто си в чем емлеть.

87. Аже иметь на железо по свободных людии речи, либо ли запа на нь будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образом аже не ожьжеться, то про муки не платити ему, но одино железное, кто и будеть ял.

88. О ЖЕНЕ. Аже кто убиеть жену, то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будеть виноват[198], то пол виры 20 гривен.

89. А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины убиен, то за холоп (урок)[199] платити или за робу, а князю 12 гривен продаже[200].

90. [201]АЖЕ УМЕРЕТЬ СМЕРД[202]. Аже смерд умреть[203], то задницю[204] князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им[205].

91. [206]О ЗАДНИЦЕ БОЯРЬСТЕИ И О ДРУЖЬНЕИ[207]. Аже в[208] боярех либо в[209] дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть.

92. Аже кто умирая разделить дом[210] свои детем[211], на том же стояти; паки ли без ряду умреть, то всем[212] детем, а на самого часть дати[213] души.

93. [214]Аже жена сядеть по мужи, то[215] на ню часть дати[216]; а что на ню муж възложить, тому же есть госпожа, а задница[217] еи мужня не надобе.

94. Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети

матере своея[218]; любо си на жену будеть[219] възложил, обаче матери своеи возмуть.

95. Аже будеть сестра в дому, то тои задниця не имати, но отдадять ю за муж братия[220], како си могуть[221].

96. [222]А СЕ ЗАКЛАДАЮЧЕ ГОРОД[223]. А се уроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за корм, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему, донеле город срубять, а солоду одину[224] дадять 10 лукон.

97. [225]О МОСТНИЦЕХ[226]. А се мостнику уроци: помостивше мост, взяти[227] от 10[228] локот по ногате; аже починить моста ветхаго, то колико городне починить, то взяти ему по куне от городне; а мостнику самому ехати со отроком на дву коню, 4 лукна овса на неделю, а есть что можеть.

98. А СЕ О ЗАДНИЦЕ[229]. Аже будуть робьи дети у мужа, то задници им не имати, но свобода им с матерью[230].

99. Аже будуть[231] в дому дети мали, а не дъжи[232] ся будуть сами собою печаловати, а мати им[233] поидеть за муж, то кто им ближии будеть, тому же дати на руце и с добытком и с домом, донеле же возмогуть; а товар дати перед[234] людми; а что срезить товаром тем или пригостить, то то ему собе, а истыи товар воротить им, а прикуп[235] ему собе, зане кормил и печаловался ими; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли[236] будеть[237] рестерял, то то все ему платити детем тем; аче же и отчим прииметь дети с задницею, то тако же есть ряд[238].

100. А двор без дела[239] отень всяк[240] меншему сынови.

101. О ЖЕНЕ, АЖЕ ВОРЧЕТЬСЯ СЕДЕТИ. Аже жена ворчеться[241] седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за муж, то платити еи все детем.

102. Не хотети ли начнуть дети еи ни на дворе, а она начнеть всяко хотети[242] и седети[243], то творити всяко волю, а детем не дати воли; но что еи дал муж, с тем же еи седети[244] или, свою часть вземше, седети же.

103. А матерня часть не надобе детем, но кому[245] мати дасть, тому же взяти[246], дасть ли всем, а вси розделять; без языка[247] ли умреть, то у кого будеть на дворе была[248] и кто ю кормил, то тому взяти.

104. Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отця задниця, а онем своего.

105. Будеть ли потерял своего иночима что, а онех отця, а умреть, то възворотить[249] брату[250], на не же и людье вылезуть, что будеть отец его истерял иночимля; а что ему своего отця, то держить.

106. А матери, которыи сын добр, перваго ли[251], другаго ли, тому же дасть свое[252]; аче и вси сынове еи будуть лиси, а[253] дчери можеть дати, кто ю кормить.

107. [254]А СЕ УРОЦИ СУДЕБНИИ. А се уроци судебнии: от виры 9 кун, а метелнику 9 векош, а от бортное земли 30 кун, (а метнику 12 векши, а от ролеинои земли такожде; а ос-

вободивше челядин 9 кун, а митнику 9 векош)[255]; а от инех от всех тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метелнику 6[256] векош.

108. О ЗАДНИЦЕ. Аже братья ростяжються перед князем о задницю[257], которыи детьскии идеть их делит(и), то тому взяти гривна кун.

109. [258]УРОЦИ РОТНИИ. А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьное земли 30 кун бес трии кун, тако же и от ролеиное земли, а от свободы 9 кун[259].

110. О ХОЛОПЬСТВЕ. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить[260], а ногату дасть перед самем холопом[261]; а второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоить[262]; а се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключ к собе без ряду; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить[263].

111. А[264] в даче[265] не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходять года, то ворочати[266] ему милость[267]; отходить ли, то не виноват есть.

112. Аже холоп бежить, а заповесть господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а дасть ему хлеба или укажеть ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен[268], а за робу 6 гривен[269].

113. Аже кто переиметь чюж холоп[270] и дасть весть господину его, то имати ему переем гривна; не ублюдеть ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть роба, то 5 гривен, а шестая на переем отходить.

114. Аже кто своего холопа сам досочиться в чьем любо городе[271], а будеть[272] посадник[273] не ведал[274] его, то, поведавше ему, пояти же ему отрок от него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную[275] 10 кун, а переима нетуть; аче упустить и гоня, а собе ему пагуба[276], а[277] платить в то никто же, тем же и переима нетуть.

115. Аже кто не ведая чюж холоп усрячеть и, или повесть деєть, любо держить и у собе, а идеть от него, то ити ему роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп[278], а платежа в том нетуть.

116. Аче же холоп кде куны в(ы)ложить[279], а он будеть не ведая вдал, то господину выкупати али лишитися его; ведая ли будеть дал, а кун ему лишитися.

117. Аже пустить холопа в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитися его.

118. Аже кто кренеть[280] чюжь холоп не ведая, то первому господину холоп поняти, а оному куны имати, роте ходивше, яко не ведая есмь купил; (ведая ли будеть купил, то кун ему лиху[281] быти)[282].

119. (Аже холоп бегая будеть добудеть товара, то господину долг)[283], господину же и товар, а не лишитися его.

120. Аже кто бежа[284] а поиметь суседне что или товар, то господину платити за нь урок, что будеть взял[285].

121. Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупа-

ти[286] и любо выдати[287] и, с ким будеть крал, а жене и детем не надобе; но оже будуть с ним крали и хоронили, то всех выдати, паки ли, а выкупаеть господин; аже будуть свободнии с ним крали или хоронили, то князю в продаже[288].

Дополнительные статьи

О КОНЕ. А кто конь купить княж, боярин, или купеч, или сирота, а будеть в коне червь или проесть, а то поидеть к осподарю[289], у кого будеть купил, а тому свое серебро взяти опять взад. (ПР, Т. I, с. 289).

А се бещестие. А за бещестную гривну золота, аще будеть баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота; аще будеть баба не[290] была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра; а за гривну сребра пол осме гривне[291]. (ПР, т. I, с. 316).

О ковании мужем. Аще ли скуеть муж мужа или кого ни есть в вине, или колико седить, взяти железнаго 5 кун, а кормить своим хлебом, ино ему взяти гривна да 5 кун. (ПР, т. I, с. 316, вар. 12).

А судным кунам ростов[292] нету. (ПР, т. I, с. 330, 348).

О СИРОТЬЕМ ВЫРЯТЬКЕ. А женка с дчерию, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами. (ПР, т. I, с. 354).

О муке. Аже утяжю(ть) в мукы, а поседи(ть) у дворянина, 8 ногат за ту муку. А у колоколници бьют(ь) кнутом, за ту муку 80 гривен. (ПР, т. I, с. 341, 362, 390).

[293]О человеце[294]. Аже человек полгав куны у людей, а побежить в чюжю землю, веры ему не иняти[295], аки и татю. (ПР, т. I, с. 340, 361, 389).

О МУЖИ КРОВАВЕ.

Аще приидеть кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков будеть; аще ли не будеть на нем знамения, то привести ему видок слово противу слова, а кто будеть почал, тому платити куны в что и объложать; аще же и кровав приидеть, или будеть сам почял, а вылезуть послуси, то то ему за платеж, оже и били.

Аще же ударить мечем или ножем, а не утьне(ть) на смерть, то князю вины 9 гривен, а истьцу за рану судять, а оже лечебное; потнеть ли на смерть, то вира платити.

Аще ль пьхнеть муж мужа любо к себе, любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить, а без зънамения, а видок будеть, бещестие ему платити; аже будеть болярин великых боляр или менших боляр, или людин городскыи, или селянин, то по его пути платити бесчестие; а оже будеть варяг или колобяг, крещения не имея, а будеть има бои, а видок не будеть, ити има роте по своеи вере, а любо на жребии, а виноватыи в продажи, в что и обложать. (ПР, т. I, с. 231, 262—263).

22—23
МП *Суд Ярослава князя. Устав о всяцих пошлинах и о уроцех;* АII Устав великого князя Ярослава; TIV *Суд Ярославль Володимерич о душегубстве;* АОII *Устав великого князя Ярослава Владимерича. Суд о душегубстве;*

24
TIV далее *ли тиун княж;*

25
МП, АII, CMV *горожанин,* TIV, АОII, К, ИМII *русин горожанин;*

26
МП, CMV *гридин;*

27
TIV в начале *Суд Ярославлих детей;*

28
НС далее *рустии;*

29
CMV далее *Володимер;*

30
CMV далее *Вячеслав;*

31
МП *боевника;* АII *убойника;*

32
РМ *вирную;* М *вирное;*

33
МП *один;*

34
С, НС, М *заплатять;* МП *за то платять;*

35
МП *вину;*

36
В осн. сп. *зань,* дается по др. спискам;

37
НС, М, РМ, МП, TIV *прикладывають;*

38
МП *вину;*

39
С, НС, М, РМ, МП, TIV *прикладываеть;*

40
НС *погнание;*

41
Е *людскую;*

42
МП, TIV *вину и виру;*

43
М, МП *прикладная;*

44
АОII, ИМII *метальнику;*

45
в ( ) в осн. сп. было стерто; РМ *О уроцех;*

46
С, НС, АII, TIV заглавие *О княже отроце,* РМ *О княжих отроцех и о епископлех вины;* МП *О отроце;*

47
TIV заглавие *О смердьи холопе,* ИМII *О смерди и холопе;* АОII *О смерди холопе;*

47—49
М, РМ нет;

48
ПМ, МП *смердь и;* АОII *смерди;* ИМII *смердии;*

50
С статьи нет;

50—51
МП *О поклепе;*

52
МП *у;*

53
TIV далее *то ти имуть веру;*

54
дается по Пушк. и Троицк. группам, в осн. списке *тогда;*

55
С статьи нет;

56
М, РМ, TIV, АОII, ИМII *виры;*

57—58
TIV, АОII, нет; РМ *О свержении виры;*

59
С. НС. РМ. *помоченого;*
М *помочного;*
МП *помоцного;*

60 — 61
так в осн. сп. и его группе, TIV, АОII *истьця, истца;* дается по МП. АII. CMV;

62
М. РМ. TIV. АОII *дати;*

63
АОII *исправа;*

64
М *с железом на поле;*

65—67
РМ *до двою гривен золота;*

66—67
М *до полугривны золота, оже ли до двою гривен золота;*

68
TIV. АОII, далее добавочная статья *А судным кунам ростов* (АОII, *К росту) нету.*

69
далее заглавие С, НС, МП, АII, CMV *Оже кто ударить мечем;* TIV. АОII *О мечи;*

70
МП. АII. CMV нет;

71
М *десницею,* СМ *лестницею,* TIV. АОII *тылесницею;*

72
ИМII далее *не;*

73
МП. АII. CMV. TIV. АОII *нос;*

74
МП. АII. CMV. TIV. АОII далее *мечем;*

75
МП. АII. CMV. TIV. АОII нет;

76—77
РМ *О мужи кровавe;* TIV, АОII *О муже;*

78—79
РМ *за бещестие;*

80
TIV *видоки;*

81
TIV. АОII *в начале о мече;*

82
МП. АII. CMV. TIV. АОII далее *продажа;*

83—84
АОII. ИМII *Оже на чюжем коне ездит;*

85
АОII, ИМII далее *продажи;*

86
TIV. АОII, К. ИМII, в начале *О изгибели;*

87—88
МП. АII. CMV, ЛА, ИМII *взяти;*

89
в осн. сп. далее *и;*

90
В осн. сп. далее *и;*

91
АОII, ИМII *сведутся.*

92
TIV. АОII. К. ИМII. ВА далее *на торгу;*

93
ИМII *дорозе;*

94—95
TIV *Извод татбе о челядине;*

96
в ( ) в осн. сп. нет, дается по С, РЛ, М, РМ, МП, TIV и др. спискам;

97
МП, АII, CMV, ЛА, TIV и др. далее *или уведше;*

98
АОII *извода;*

99
М *ждати;* АОII, ИМII далее *донже же налезеть.*

100
TIV, АОII, К, ИМII, ВА далее *уроци скоту;*

101—102
РЛ, МП нет;

103
так в С, НС, МП, TIV и др. списках; в осн. сп. 7;

104
CMV *резан.*

105
TIV, АОII, К, ИМII, ВА *чернеческыи;*

106—107
РМ *О взыскании товара;* МП *О кунах;* TIV *О запреньи кун;* CMV *О взыскании кун;*

108
РМ *покладежь;*

109
МП, АII, CMV, TIV и др. *деял;*

110
в осн. сп. *просоп*, исправлено по другим спискам;

111
в осн. сп. *О*, исправлено по другим спискам;

112
АОII, TIV далее *днии.*

113
АОII *провиновался;*

114
АОII, К, ИМII далее следуют статьи о приплоде скота и пчел, прибытке хлеба и далее: *О сиротьем вырятьке. А женка с дчерию, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами;*

115
С, НС, РА, М, РМ, МП, TIV далее *А се уставил князь;*

116
С, НС, РА, РМ, АII, TIV и др. в начале заглавие *О резе:*

117
МП далее *мочи;*

118—119
С, НС, РА, РМ, МП, TIV *чье то куны;*

120
в осн. сп. *господь*, исправляется по др. спискам;

121
ИМII *Нова:*

122
в осн. сп. *гости*, исправляется по другим спискам;

123
ВЧ, МП, TIV *должники;*

124
С, НС, РА, М, TIV *преже;*

125
CMV, АОII, ИМII *закупныи;*

126
РМ *исправу;*

127
АII, TIV *воиньскыи;* АОII, ИМII *своискы;*

128
НС, РА, М, МП, АII, CMV, ЛА, АОII, ИМII *копу;* С *кову;*

129
М, TIV далее *господину;* АОII далее *своему господину;*

130
МП, АII, CMV *забоя;* TIV, АОII, К, ИМII, ВА *хлева из забоя;*

131
МП, CMV *вьвезеть;*

132
МП, TIV *приобидить;*

133
С, НС, РА *уведить;* TIV *увидить;* АОII, ИМII *уведеть;* МП *въведеть;* М, РМ *уверидить;*

134
НС, МП *копу;* С *вражду;* М, РМ *цену,* TIV *вражду и уверидить цену, а введеть копу;*

135
РМ *закупу;*

136—137
МП *без ума;*

138
МП *продажа;*

139
CMV далее *по тому же продаж1*

140
C, НС, РЛ, М, РМ, TIV и др. *уведеть;*

141
С *томь;* МП *томь не платити;*

142
в Осн. сп. и Синод.-Троицкой группе нет, дается по Пушкинской и Карамзинской группам;

143
АОII *паробок;*

144
М далее *продати;*

145
М, РМ, TIV *въскладають;*

145—147
МП, АII, CMV нет;

146
С, НС, РЛ, М, РМ *то;*

148
МП, АII, CMV, TIV, АОII, К, ИМII далее *на дворскаго;*

149
МП, АII, CMV, TIV, АОII, К, ИМII *выиметь;*

150
TIV, АОII, К, ИМII *будуть;*

151
МП, АII, CMV *послуси;*

152
МП, АII, CMV *зубы;*

153
АII *выидуть;*

154
АОII далее *взяти ему;*

155
TIV, АОII, К, ИМII вначале заглавие *О бобре;*

156
С *борть;*

157
С, АОII, TIV, АОII, К, ИМII далее *продажи;*

158
С, TIV, АОII, К, ИМII далее *на земли;*

159
С, НС, МП, АII, CMV далее *в собе;* РЛ, TIV, АОII, К, ИМII далее *собе;*

160
МП, АII, CMV, TIV, АОII, К, ИМII *любо;*

161
М *знаменаеть;* АII, TIV, АОII *разломить;*

162
TIV, АОII, К, ИМII в начале заглавие *О лубе;*

163
РМ *посечеть;*

162—164
М нет;

165
АII *ворот;*

166
М *прикладного;*

167
С, НС, РЛ, М, РМ, МП, АII, CMV, TIV и др. *за;*

168
РМ *посечеть;* АОII *подъломить;*

169—170
АII *то 5 кун;*

170—171
РЛ, МП, АII, CMV, TIV, АОII, К, ИМII *аже будеть след;* НС, М *аже будеть ли след;*

172
МП *пущи,* АII *пути,* CMV *велице пути;*

173—175
НС нет;

174
TIV, АОII, К далее заглавие *О огнищанине;*

176
TIV, K в начале заглавие *О лодье.*

177
МП, AII, CMV, TIV и др. *не будеть лица;*

178
TIV, AOII, K, ИМII *заморскую;*

179
МП *8 ногат*, AII, TIV и др. *8 кун;*

180
С *перетнеть*, МП, AII, CMV, TIV и др. *посечеть;*

181
МП, AII *верею;* TIV и др. *верею или вервь;*

182
МП, AII, CMV *верею;* TIV и др. далее *и за верею;*

183
TIV в начале заглавие *О птицах;*

184—185
МП, AII, CMV, TIV и др. *чии пес или;*

186—187
МП, AII, CMV нет;

188
С, НС, РА, М, РМ, МП, AII, CMV, TIV и др. *зажжеть;*

189
CMV далее *он;*

190
М нет;

191
М далее *а сам на заточение;*

192
CMV *погубити;*

193
РМ *пакости дея;*

194
МП, CMV, AOII, ИМII *зарежеть;*

195
в начале заглавие: М *О свободных послусех*, РМ *О послусех;*

196
вставлено по МП, CMV, TIV и др.;

197
МП, AII, CMV в начале заглавие *О железном;*

198
МП, AII, CMV, TIV и др. *виновата;*

199
в осн. списке *укор*, исправляется по другим спискам;

200
М *вины;*

201—202
С, РМ *О задници;* TIV, AOII *О смердьи заднице;* ИМII *О смердии сьстатке;*

203
МП далее *безажю;* AII, CMV, TIV и др. далее *без детии;*

204
ИМII *статок его;*

205
ИМII далее *ничтоже;*

206—207
МП *О безадници;* AII, CMV, TIV и др. *О задници боярстии или людьстии;*

208—209
МП, AII, CMV *боярьстеи дружини;*

210—211
С *нет;*

211
М далее *своим;*

212
С *все;*

213
ИМII далее *по;*

214
TIV и др. в начале заглавие *О жене;*

215—216
С, TIV и др. *у своих детеи взяти часть;*

217
ИМII *статка;*

218—219
CMV *аще ли пакы будеть сеи на 2 жену;*

220—221
М, МП, CMV *по силе;*

222—223
РМ *О уроцех что кому;* МП, АII, CMV *Уроци городнии;*

224
МП, АII, CMV, TIV и др. *одиною;*

225—226
С *А се уроци мостнику;* МП *А мостнии уроци;* TIV и др. *А се уроци мостнии;*

225
в ИМII статьи 97 нет;

227
МП, АII, CMV, TIV и др. далее *от дела;*

228
РМ *пяти;*

229
МП, АII, CMV *безаднице;* ИМII далее *сиречь о сьстаткех;*

230
CMV, TIV *смертью;*

231
АII далее *у мужа;*

232
МП *почнуть;* TIV *могуть;*

233
РА, М, МП *их;*

234
ИМII далее *добрыми;*

235
М *а что пригостит;*

236
С далее *поимал;*

237
С далее *или истерял;*

238
АII *рядил;* CMV *рядил пред людми;*

239
CMV нет *без дела;*

240
С, НС, РА, РМ, АII *всяко;* МП *всякому;* TIV и др. *всякой;*

241
АОII, ИМII *оборчется;*

242—243
М *с детми жити;* TIV далее *с детми;*

244
М далее *и с детми жити;* TIV и др. далее *и з детми;*

245—246
АII *сию хощеть дати, тому дасть;*

247
АII *мужа;* CMV далее *и без мужа;*

248
TIV и др., далее *и мертва;*

249
С *возворотять;*

250
С *братья;*

251
НС, РА, М, РМ, МП, АII, CMV, TIV и др. далее *мужа;*

252
АОII *все;*

253
М *ино;*

254
М, РА статьи нет; МП есть только заглавие статьи;

255
в осн. списке, С, НС и др. списках Синодально-Троицкой группы текста в ( ) нет; дается по АII;

256
РМ *9;*

257
С, НС, РА, М, РМ, МП, АII, CMV, TIV и др. далее *то;*

258—259
М, АОII нет;

260—261
АII нет;

261
МП, АП, СМV, ТIV и др. далее *а не без него;*

262—263
МП нет;

264—265
М, Ч, МП *вда цену;*

266—267
МП *емлеть;*

268
МП далее *кун;*

269
МП далее *кун;*

270
АОП далее *или робу;*

271
АП храме; ТIV далее *или в хороме;*

272
СМV *не ведеть посаднику, а;*

273
АОП, ИМП *наместник;*

274
СМV *выдал;*

275—276
МП *гривна;*

277
С, НС, РА, М, РМ, МП, СМV, ТIV и др. далее *не;*

278
М далее *твои;*

279
Син.-Тр. группа *вложить,* Пушкинская и Карамзинская — *вылжеть;*

280
Пушк. и Карамз. гр. *купить;*

281
АП *лишену;*

282
в ( ) в Син. группе нет, дается по МП;

283
в ( ) в Синод. группе нет, дается по МП;

284
М далее *от господаря;*

285
МП *крал;*

286—287
М нет;

288
НС далее *До зде слово о Правде русьскои;*

289
СМV *государю;*

290
ИМП нет;

291
ИМП далее *кун;*

292
ОАП, *К росту;*

293—294
ИМП нет;

295
АОП, К, ИМП *яти;*

КОММЕНТАРИЙ

Заглавие

Во всех списках Пространной Правды сохраняется указание на связь памятника с именем кн. Ярослава Владимировича, однако противопоставление слов *Суд Ярославль* (т. е. Суд Ярослава) в заглавии словам *по Ярославе же...* (а после Ярослава...) в ст. 2 свидетельствует о том, что в восприятии автора, включившего это противопоставление, *Судом Ярослава* является только ст. 1, в которой говорится о праве кровной мести. Так понимали это расчленение и писцы Карамзинской группы списков, которые наряду с заглавием перед ст. 1 *Суд Ярославль Володимерич...* дали в начале ст. 2 дополнительное заглавие к следующим статьям. Другие заглавия в списках

XIV — XV вв. появились позднее XII в., при этом заглавия в Карамзинской группе также показывают, что переписчики имели дело с текстом, в котором с именем Ярослава связывались только статьи об убийстве (душегубстве). В Пушкинском сборнике второй половины XIV в. такого противопоставления уже нет, заглавие *Суд Ярослава князя* относится ко всему памятнику, но там дан новый подзаголовок *Устав О всяцих пошлинах и уроцех*, который был своеобразным резюме, раскрывающим широкое содержание Правды, не ограничивавшееся нормами только уголовного права. При этом во всех списках Пушкинской группы перед ст. 1 включен дополнительный текст — своего рода Введение к Русской Правде (и следовавшему за ней Закону Судному людем), представляющее собой выдержку из Поучения Василия Великого к судьям о соблюдении ими справедливости (*Не приимеши послушества лжа; Аще не виноват, долго не держи гнева; горе оправдающему нечестиваго мзды ради;* и пр.).

Статья 1

Статья повторяет нормы ст. 1 Краткой Правды в измененном виде, отражающем значительную социальную дифференциацию древнерусского общества и введение наряду с традиционной 40-гривенной вирой за убийство двойной — 80-гривенной — ставки, которой охраняется жизнь управителей княжеского феодального хозяйства и приближенных князя (*княжь муж, тиун княж*). Это соответствует нормам ст. ст. 19, 22—23 Краткой Правды, явившихся нововведением Ярославичей. Форма родительного падежа *тиуна княжа* предполагает подразумеваемое *голова*; некоторая неясность значения этой формы вызвала вставку в Карамзинской группе слов, восстанавливающих первоначальный ее смысл. Новым и знаменательным для того времени в социальной области является также охрана 40-гривенной вирой жизни работника боярской вотчины (*тивун бояреск*), который выполнял в ней функции управителя, способствуя эксплуатации трудившейся в вотчине челяди. Это (наряду со ст. ст. 14, 46, 66) важное свидетельство существования во время образования Пространной Правды боярского хозяйства.

Среди близких родственников, обязанных некогда мстить за убитого, в Пространной Правде названы *братни сынови* вместо *сестрину сынови* в Краткой Правде. Эта замена устраняет из текста Правды наиболее архаичный ее элемент, восходящий к эпохе материнского рода.

Термин *русин*, заимствованный из Краткой Правды, здесь по-прежнему, вероятно, обозначает жителя Южной Руси, «Русской земли» в узком значении. В обработках XIII — XIV вв., представленных в списках Пушкинской группы, бо́льшая часть которых имеет новгородское происхождение, *русин* заменен *горожанином*, что указывает на выделение в то время непривилегированного свободного жителя древне-

русского города в качестве субъекта права, отличного и от княжеских, и от боярских людей, и от сельского жителя; последнего, вероятно, подразумевает термин *словенин*. Списки московской Карамзинской группы, объединяющие *русина* и *горожанина*, свидетельствуют о том, что это новое значение могло быть актуальным в условиях городской жизни и других регионов Руси.

Статья содержит норму, по существу уже не действующую, так как кровная месть была отменена еще до создания Пространной Правды. Но поскольку замена мести вирой — общепринятая норма в Пространной Правде — была введена еще Ярославом (хотя и в особых случаях, когда отсутствовали лица, имевшие право мести), в статье было оставлено указание на порядки, существовавшие прежде, признанные Ярославом и, как говорится в ст. 2, отмененные позднее. Таким образом, противопоставление ст. 1 и ст. 2 существует не только в указании на установления князя Ярослава и его сыновей, но и в содержании этих установлений.

Включение в закон не только новых норм, но и старых, измененных последующим законодательством, применительно к древнерусским памятникам права известно и по новгородской уставной грамоте кн. Святослава Ольговича 1136/37 г. Здесь перед изложением нового порядка материального обеспечения новгородской епископии (фиксированная сумма, заменяющая десятину от вир и продаж) указывается система такого обеспечения в Южной (Киевской) Руси и в Новгороде до вокняжения Святослава Ольговича.

Статья 2

По Ярославе — после смерти Ярослава;

Совокупишеся — собрались;

Отложиша убиение за голову — отменили кровную месть.

Статья содержит историко-юридический экскурс во времена вскоре после смерти Ярослава, когда Ярославичи, вместе со своими боярами собравшись на съезд, отменили кровную месть, установив замену ее денежной вирой во всех случаях, а не только при отсутствии законных мстителей. В статье использовано заглавие Правды Ярославичей в составе Краткой Правды, причем, как считает Б. А. Романов, перечень княжеских мужей здесь прерывается на трех первых именах (в Краткой Правде он полнее).

Реформа, заменявшая кровную месть денежным выкупом, проведенная Ярославичами, не первая. Повесть временных лет под 996 г. сообщает о попытке изменения уголовного права, предпринятой Владимиром Святославичем, с введением смертной казни для разбойников. Попытка эта оказалась неудачной, и после нее последовала новая реформа, отменившая смертную казнь и восстановившая традиционную форму наказания — денежный штраф в пользу государственной власти[296]. Реформа Ярославичей, продолжая эту линию развития права, стремится полностью заменить такими же штрафами и все другие сферы применения кровной мести.

296 Повесть временных лет, ч. I, с. 86.

Наречие *паки* здесь обычно переводится как *вновь*, *опять*,

еще, в связи с чем иногда утверждают, что в статье говорится о второй встрече Ярославичей, произошедшей после смерти Ярослава (Н. Ланге, Л. Гётц, М. Н. Тихомиров). Однако грамматический строй фразы не позволяет видеть здесь такого значения. Это слово связывает действие ст. 2 с предшествующим действием ст. 1, а не каким-либо действием, о котором в контексте нет речи. *Паки* употреблялось в значении *также, кроме того (паки ли людин* в следующей ст. 3 Пространной Правды), *потом, затем (А инии пакы злии человеци почаша добрых людии домы зажигати)*[297]. Поэтому видеть здесь указание на отмену кровной мести на новом, повторном княжеском съезде нет оснований: в тексте говорится о встрече Ярославичей после смерти отца, не более того. Эта встреча произошла, вероятно, вскоре после 1054 г.; переносить ее на 15—20 лет, как отмечалось исследователями, вряд ли возможно.

Связывать отмену кровной мести с княжеским съездом 1072 г. в Вышгороде, собравшимся для церковного торжества — перенесения мощей Бориса и Глеба, можно было бы только в том случае, если бы существовала связь этой реформы с религиозным культом. В случае, если бы решение князей не только самим воздерживаться от покушений на человеческую жизнь (по тогдашним представлениям, дарованную богом), но и воспретить делать это в Русской земле вообще было бы принято у гроба князей, убитых их братом[298]. Однако ничего подобного в источниках нет: ни состав участников решения об отмене кровной мести, ни содержание ст. 2 не дают никаких оснований предполагать в нем участие церковных деятелей, игравших на вышгородском торжестве 1072 г. важную роль.

Вставки имен других сыновей Ярослава, Владимира и Вячеслава, в новгородской кормчей 1493 г. (CMV) относятся ко времени, когда Правда была уже не действующим законом, а историко-политическим памятником, рассказывающим о деятельности князя Ярослава, по представлениям современников давшего особый статус Новгороду. Старший сын *Владимир*, князь новгородский (умер в 1052 г.), строитель Софийского собора, в середине XV в. был в Новгороде причислен к святым, младший *Вячеслав*, князь смоленский (умер в 1057 г.).

Статья 3

Этой статьей начинается первый тематический раздел (ст. ст. 3—8) об ответственности за убийство на территории верви. Статья устанавливает порядок взыскания виры за убийство *в разбои* представителя княжеской администрации и рядового жителя в том случае, если вервь отказывается искать преступника в своей среде. Виру при этом платит вервь, на территории которой найден труп. Размер виры соответствует ставкам ст. 1. Статья кодифицирует нормы Краткой Правды, опуская дублирующие нормы (ст. 23) и, вероятно, те, ко-

297 Новгородская Первая летопись, с. 71, 279 (1231 г.).

298 См.: Повесть временных лет, ч. II. с. 357—359.

Головник — убийца.

Веревная, вирная (подразумевается гривна) — вира.

Вира — штраф, пеня, которую платит

торые не соответствовали новым условиям (убийство за обиду — в ст. 19, убийство у клети — в ст. 21). Вместе с тем в этих статьях Пространной Правды унифицируются обозначения юридических понятий, столь различных в Краткой Правде и в архаичной ст. 1 Пространной Правды: представители княжеской администрации (огнищанин, тиун, подъездный, старый конюх и др.) относятся к одной группе *княжьих мужей*; убийца называется *головником* (ст. ст. 3—5).

убийца в пользу государственной власти, князя.

Разбой в этой статье не есть преднамеренное убийство, более опасное в социальном отношении, чем случайное или происшедшее в драке. Об этом говорит соответствие норм ст. 3 и ст. 6, противостоящих норме ст. 7.

Вервь — зд. соседская, территориальная община.

Существует мнение, что убийство *в разбое* не отличается по социальной опасности от убийства *в сваде*, о чем якобы свидетельствует одинаковое наказание за оба вида убийства. Однако имеется и прямо противоположная концепция, исходящая из того, что ст. 7 Пространной Правды устанавливает за убийство *в разбое* не *виру*, а высшую меру наказания — *поток и разграбление*. *Вира* в ст. 3 предусмотрена потому, что здесь некого подвергать *потоку и разграблению*, так как преступник неизвестен.

Вече в Киеве 1147 год. Миниатюра Радзивиловской летописи конца XV века

Судя по сравнительно-историческому славянскому материалу, *вервь* первоначально восходит к родовому коллективу, архаичной большой семье, к XII в. уже утратившей свои важнейшие функции, которые наследовали выделившиеся из ее состава малые, индивидуальные семьи. Этимологически *вервь* связывается со словом *веревка* в смысле меры земли, ограниченной линией, или, может быть, линии первоначального расселения малых семей в процессе их отпочковывания (ср. платить *по верви*, искать преступника *по верви* в Пространной Правде).

Статья 4

Зане же — потому что, в связи с тем, что.

Статья устанавливает порядок выплаты вервью *дикой виры*. *Дикая вира* (возможно, от слова *дикий* — чужой, т. е. вира за чужую вину) — штраф, который платят сообща члены верви за убийство, происшедшее на ее территории, когда убийца неизвестен или вервь не хочет его выдавать. В статье установлено, что вервь имеет право платить дикую виру в рассрочку. Размеры виры — 40 и 80 гривен кун — очень значительные суммы, равные стоимости стада из 50 и 100 коров, которые составляли, вероятно, немалую часть собственности, принадлежавшей членам общины в целом. За вервью остается право распределения этих сумм между ее членами, что предполагает существование авторитетной общинной администрации, представляющей вервь и в общении с государственной властью. В свою очередь, государственная власть согласна с выплатой дикой виры в рассрочку для сохранения существования такого коллектива и его финансовой способности.

пьюсу предана . рекъ брату своему и к митрополиту . и ла
зареви тысяцкому всѣ . а тѣсимою да молвита . чтобы созвавши
кияне многы людии . и рече Володимиръ . к митрополиту . по
зови кияны . и приидоша многое множество кияне на
народа . и седоша у святои Софии слышити:~

рече Володимиръ к митрополиту . се прислалъ брат мой
кияне . а ть молвить ко братии своеи . и выступи До
брынка . и Радило . и рекоста целовал брата . а митро
политу поклонился . и Лазаря целовал . и кияне всѣ . ре
коша кияне молвита что князь вам . и рекоста . тако мол
вить князь . целовали ко мнѣ крестъ Давыдовича . и Свято
слав Всеволодичь . ему много добра створих . а ныне хотѣ
ли мя убити лестью . но Богъ застоупил мя и крестъ чест
ныи его ко мнѣ целовали . а ныне брате пойдите ко мнѣ . к Черни
гову . кто ли имать конь . кто ли не имать ладьи . тии бо
суть хотѣли не едино мене убити . но и вас искоренити .
кияне рекоша ради ся с князем бити с черниговцы . а здѣ ворогъ князя
нашего и нашь . хочем его убити . пойти на ся хочет пойти здѣ его
смысли и здѣ . и рече Володимиръ . тебѣ брат не
каза . Игоря стерегуть сторожеве . а мы пойдем . ко брату

Статья 5

Сплатити — платить вместе.

Ис дружины — совместно, в составе общины.

Данная статья — одна из наиболее сложных для понимания. Она предполагает другой случай уплаты виры вервью, — когда убийца — член общины и, как таковой, участвует (*прикладывает*) в денежной складчине для общих выплат от имени общины. Тогда община помогает преступнику в выплате виры в 40 гривен или, так же как в ст. 4, сама платит за него (дикую виру). Вторая часть статьи менее ясна. Кроме виры, преступник — член общины сам платит еще *головничество*, а что касается 40 гривен, то преступник участвует в их выплате вместе со всем коллективом. *Головничество* не встречается в других источниках; исследователи вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым считают, что этот термин обозначает вознаграждение родственникам убитого и значит то же, что плата «*за голову*» (ст. ст. 1—2 Пространной Правды, ст. 2 Краткой Правды). По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, А. И. Соболевского, Е. Н. Щепкина, размер головничества не фиксирован, но Б. А. Романов и А. А. Зимин считают, что он также равен размеру виры. Однако по ст. 10 Пространной Правды плата *за голову* установлена только в 3 гривны, по ст. 27 Пространной Правды возмещение пострадавшему в результате увечья составляло половину штрафа в пользу княжеской власти. См. также комментарий к ст. ст. 2—3 Устава кн. Ярослава о церковных судах.

Статья 6

Свада — ссора.

Статья отграничивает убийство, совершенное в общественном месте, на глазах у присутствующих, от убийства в разбое, очевидно, в корыстных целях. Оно расценивается как менее тяжкое преступление и подлежит наказанию выплатой виры с участием членов общины, как об этом говорит ст. 5.

Пиры были одной из форм общественной жизни в средневековье, сложившейся на более ранних этапах развития общества. Известны княжеские пиры в X — XII вв. с участием бояр, гридей, на которые специально приглашались и деклассированные элементы города, пиры у бояр и богатых горожан в XI в., городские братчины в XII в.; на пирах допускались словесные турниры между представителями разных социальных групп, не принятые в обычной жизни, но право XV в. уже знает запреты участия в пирах и братчинах незваных гостей.

В. И. Сергеевич обратил внимание на выступающее в ст. 5 и в ст. 6 выделение обстоятельств, облегчающих и отягощающих вину за убийство, причем отмечал, что в основе различия лежат внешние признаки, которые не соответствуют признакам наличия злой воли (что является характерным для римского права — ПР, т. II, с. 288). Действительно, Правда вводит свой принцип степени ответственности, основанный не на понимании умышленного и неумышленного убийства, а на том, было ли это убийство совершено открыто, в честной ли схватке (праву чести уделено много внимания в Правде), во время ли

ссоры на пиру, когда требования к поведению его участников были несколько снижены, или тайно, при совершении злого дела. Наречие *ныне* может говорить о том, что здесь вводится новая норма, которая заменила старую, не выделявшую убийство в *сваде* или в *пиру* в особый состав. М. Н. Тихомиров, объединяя ст. ст. 4—6 в одну, связывает ее с новгородским восстанием 1209 г., когда посадника Дмитра обвиняли в том, что он обложил *дикой вирой* и купцов[299]. Впрочем, некоторые исследователи (Л. К. Гётц, Б. Д. Греков и др.) считают это слово частью предшествующего (*платити по верви ныне* — платить вместе с общиной).

299
Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде, с. 228

Статья 7

Убийство в разбое является особо тяжелым. Преступник не имеет права рассчитывать на помощь в выплате виры со стороны общины и выдается вместе с семьей на *поток и разграбление*. *Поток* (от слова *поточити* — заставить бежать) — изгнание (ср. чтение в списке НС), позднее, вероятно, то же, что *заточение* (содержание под стражей, лишение свободы), при указании места — ссылка (в 1129 г. *поточи Мстислав князи полотьскые Царюграду с женами и с детьми*)[300]. *Разграбление* — не только конфискация имущества, но и превращение в холопов жены и детей преступника (ср. ст. 6 договора Смоленска с Ригой 1229 г.: *а будеть виноват немчицю русин, а отъиметь князь все, жену и дети у холопьство*)[301].

300
Полное собрание русских летописей. Изд. Археографической Комиссии (ПРСЛ). Спб., 1846 и сл., т. 1. стб. 301.

301
Памятники русского права. Вып. второй, с. 60.

Статья 8

Статья дает существенное дополнение к нормам ответственности общины за преступление ее члена. Эта ответственность не является абсолютной даже в случаях, когда преступник не изымался из общины и не лишался государственной властью права на ее помощь. Община платила дикую виру только за того своего члена, который *вкладывался* в ее сбор, нес определенные финансовые тяготы вместе с другими ее членами. Эта норма предполагает существование на территории общины людей, которые были ее членами, но не участвовали в сборах на дикую виру и платили за свои преступления самостоятельно, без ее помощи. Статья свидетельствует, во-первых, что община Пространной Правды — не родовой коллектив, участие в функциях которого связано не с желанием и возможностями его члена, а определяется рождением, родством между его членами, — это соседский, связанный территорией, на которой живут члены общины, и общностью ряда (как видно, не всех) их интересов коллектив. Во-вторых, подразумевается разное имущественное положение членов общины, часть из которых достаточно зажиточна, чтобы самостоятельно платить виру в размере если не 80, то 40 гривен. Дикую виру, в частности, не платили в Новгороде в XII — начале XIII в. купцы — члены общины; попытка, предпринятая при посаднике Дмитре

Мирошкиниче (1205—1207) возложить на них уплату дикой виры, была расценена как нарушение сословных прав купцов и привела к восстанию[302]. В-третьих, ясно, что установления, вошедшие в Пространную Правду, не всегда продиктованы интересами княжеской власти. Они отвечают и интересам членов общины, превратившейся в составную часть феодального общества, но сохранявшей определенную автономию в ней по отношению к государственной власти или феодальной вотчине. Как показывает указанное сообщение о деятельности посадника Дмитра, вмешательство этой власти в традиционные права членов общины встретило активное сопротивление. Термин *дикая* вира к XV в. стал забываться, об этом говорит появление вариантов *вложиться в люди, в людскую виру.*

302 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1952, с. 51, 248.

Статья 9

Статья содержит указание на традиционные (существовавшие во времена княжения Ярослава Владимировича) размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников, собиравших виры, хотя сами нормы обеспечения были в XII в. уточнены и изменены (по сравнению со ст. 42 Краткой Правды). Кроме того, в статье определен размер доли, которая поступает с каждой виры в 40 гривен вирнику (1/5, кроме *перекладной* и *съсадной гривны*) и метельнику.

Вирник — традиционное для *Покона вирного* название княжеского чиновника, приезжавшего в общину для получения виры вместе с младшим членом княжеского административного аппарата — *отроком.* В XII в., судя по ст. ст. 20 и 74 Пространной Правды, этим делом занимался уже сам отрок с помощниками. Указанные нормы имели смысл в деревнях или поселениях, достаточно отдаленных от столиц княжеств.

Съсадная гривна — по предположению П. Мрочека-Дроздовского, это пошлина, взимаемая представителем государственной власти при служебном въезде на территорию общины и сходе с коня (позднейшее въезжее). *Перекладная* (гривна) — по предположению Н. М. Карамзина, — пошлина, которую получал вирник за то, что, объезжая волость, он *перекладывался* с воза на воз. В некоторых списках уже в XIV в. эта пошлина осмысляется как *прикладная,* т. е. добавочная к 8 гривнам.

Роль *метельника* в сборе вир, как и этимология этого слова, неясна; небольшой размер вознаграждения ему (4 куны, т. е. менее чем 10% от общего вознаграждения вирнику) может указывать на то, что это не княжеский чиновник, а скорее, представитель местной общины, участвующий в сборе вир как понятой или счетчик (*мета* — заметка, зарубка); ср. чтение *метальник* в списках XV в. По мнению В. Л. Янина, *метельник* — синоним *отрока* (см. Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 145).

Солод — хлебное зерно, специально обработанное, для получения сладкого вкуса.

Овен — баран;

Полоть — половина, разрубленная вдоль туша коровы.

Уборок — мера объема.

Голважня — единица измерения соли.

Сути — сыпать.

Соотношение денежных единиц в Пространной Правде: 1 *гривна кун*=20 *ногат*=50 *кун (резан)*=150 *векш*.

Статья 10

Статья содержит расчет доли, причитающейся вирнику с каждой полученной виры в 80 гривен, т. е. за убийство высокопоставленного княжеского чиновника. Эта доля здесь также равна 1/5 виры, не считая *съсадной гривны*. Кроме того, статья устанавливает размер платы *за голову*, как можно думать, родственникам убитого. Размер этой платы, однако, необъяснимо мал.

Статья 11

В конюсе — относительно конюха, убийство конюха.

Статья начинает раздел (ст. ст. 11—17), устанавливающий ставки штрафов за убийство представителей различных социальных групп, связанных с княжеским (и отчасти боярским) хозяйством, начиная от высокопоставленных тиунов и кончая рядовичем, смердом и холопом.

Статья направлена на защиту жизни *княжеских отроков*, предусматривая виру в 40 гривен. Это новая статья, свидетельствующая о дифференциации княжеской дружины и выделении в качестве особой группы господствующего класса феодалов, принадлежащих к младшей дружине. Об этой тенденции упоминается в рассказе Повести временных лет о князе Всеволоде Ярославиче, который *нача любити смысл* (разум) *уных* (юных), они же настраивали старого князя против старшей дружины[303]. Особое внимание к этой части дружины показывает и заглавие статьи. В некоторых списках оно звучит *о княжем отроце* или *о княжих отроцех*. Ставка штрафа в 40 гривен, которой охраняется жизнь свободного человека, а не высокопоставленного княжеского чиновника, свидетельствует о том, что в младшую дружину входили люди, не связанные по своему происхождению с привилегированными группами общества.

303 Повесть временных лет, в. I. с. 142.

В списке конца XV в. заглавие статьи включает упоминание не только княжеских отроков, но и епископских. Это более позднее явление, свидетельствующее о службе светских дворян под сюзеренитетом церковных феодалов. Такие случаи известны: в 1377 г. кандидата в митрополиты Михаила (Митяя) сопровождали в Царьград *митрополичьи бояре*, дворяне и *слуги пошлые митрополичьи*; происхождение некоторых из них выяснено С. Б. Веселовским[304].

304 ПСРЛ. т. VIII. с. 31.

Статья 12

В какой степени можно отождествлять огнищанина с *огнищным тиуном* (как это делает А. А. Зимин), неясно. Стремление к унификации в социальной терминологии представителей различных групп *княжих людей* в ст. ст. 12—13 очевидно, но огнищане известны в XII — XIII вв. в летописной традиции не как управители княжеского хозяйства, а как бояре, вместе

с гридью и наиболее богатыми и влиятельными купцами представлявшие высшие круги Новгорода.

Конюший тиун ведал княжескими конюшнями; с развитием придворной титулатуры конюший к XVI в. занял первое место среди других чинов и даже возглавлял правительство.

Статья 13

За убийство низших представителей вотчинной администрации, распорядителей работ на пашне (возможно, бывших холопами) нужно платить 12 гривен.

Основываясь на сходстве этой статьи со ст. 24 Краткой Правды, можно считать, что *сельский тиун*, заменивший княжеского сельского старосту, распоряжался работой живших в княжеском селе крестьян или холопов; *ратайный тиун*, упоминаемый вместо ратайного старосты, мог руководить сельскохозяйственными работами на господском поле.

Статья 14

Рядович — крестьянин, феодально — зависимый от князя, с которым его формально связывает обязательство по договору (*ряду* — см. комментарий к ст. 92).

Статья устанавливает 5 гривен в качестве возмещения за жизнь *рядовича*. Под рядовичем (ср. ст. 25 Краткой Правды, где та же ставка защищает жизнь княжеского *рядовника*) в Пространной Правде мог подразумеваться закуп, положению которого посвящено несколько статей этого памятника (см. комментарий к ст. 56).

В выражении *тако же и за бояреск* упомянут труженик, зависимый от боярина. *Боярский рядович* — явление более позднее, чем княжеский. Это добавление к тексту Краткой Правды, как и упоминание тиуна боярского в ст. 1 Пространной Правды, свидетельствует о развитии феодального землевладения, охватившего не только княжеские, но и боярские земли, причем о значительном распространении этого явления, достаточном для того, чтобы получить отражение в кодификации XII в.

Статья 15

Древнерусские ремесленники хорошо известны своими изделиями[305]. Существовало не только мужское ремесло, но и женское (высококачественное шитье, вышивки, отдельные ювелирные изделия). Судя по месту статьи среди норм, касающихся населения, работавшего в княжеской (и боярской) вотчине и по возмещению в размере 12 гривен, а не виры, упоминаемые здесь ремесленник и ремесленница также не свободные, а принадлежащие такой вотчине[306].

Статья 16

Смердии холоп появился в Пространной Правде в результате переосмысления нормы ст. 26 Краткой Правды, где возмещение за жизнь смерда и холопа уравнено одной ставкой. Значение этого переосмысления исследователями оценивается по-разному. Возможно, что первоначально чтение — *смердь*

305 См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

306 О лично зависимых ремесленниках см.: Щапов Я. Н. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII вв.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 110-113.

и холопъ, как восстанавливают списки Карамзинской группы, где и в заглавии дается *О смерде и холопе*. Некоторые списки совсем пропускают эту искаженную норму, как не соответствующую реальной жизни. Раздельное упоминание здесь двух наиболее бесправных социальных групп отстаивают С. В. Юшков, Б. А. Рыбаков[307] и др. Некоторые исследователи, также считая, что *смердии холоп* не мог быть холопом, принадлежащим смерду (каким был, например, *смердий конь* в ст. 28 Краткой Правды), понимают прилагательное *смердии* как равнозначное *сельский* (В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов и М. Н. Тихомиров: *холоп, работавший на земле*, по А. А. Зимину — *пашенный*). Однако такое значение слова *смердий* ни самой Правде, ни другим памятникам неизвестно, да и особая забота об охране жизни холопа, работавшего на земле, а не более высокопоставленного холопа — тиуна, как считает Б. А. Рыбаков, не оправдана. Н. А. Максимейко связывает появление искусственного *смердьего холопа* со стремлением составителя Пространной Правды провести по всему тексту одну систему, различающую юридическое положение смердов и холопов; близок к такому объяснению появления *смердьего холопа* и А. А. Зимин, который, однако, связывает появление этого термина с унификацией наименования различных категорий челяди, что отражает развитие феодальных отношений и превращение «отдельных групп холопов в разряды феодально-зависимого населения»[308]. Независимо от того, как возникло в Пространной Правде такое чтение, смерд здесь, как и в ст. 26 Краткой Правды, не свободный лично член общины, защищенный вирой в 40 гривен, а зависимый труженик, за убийство которого платят урок 5 гривен, как и за холопа.

307 См.: Рыбаков Б. А. Смерды.— История СССР, 1979, № 1, с. 50.

308 Памятники русского права. Вып. второй, с. 145.

Статья 17

Уступительная форма фразы (*хотя си буди холоп...*) говорит о том, что кормильцами[309] могли быть как холопы, так и свободные, но эта вотчинная должность ставила их в правовом положении на один уровень с холопами. Установление за рабу возмещения, несколько большего, чем за холопа, необычно для Правды.

Указанные в ст. ст. 13—17 суммы в 12, 5 и 6 гривен — возмещение ущерба, нанесенного владельцу смертью зависимых работников. Кроме того, виновный платил 12 гривен продажи князю (см. ст. 89 Пространной Правды).

309 О кормилицах см.: Гарданов В. К. «Дядьки» древней Руси.— Исторические записки, т. 71, 1961, с. 236—250.

Кормилец и кормилица — воспитатели младших членов княжеской или боярской семьи.

Статья 18

Для отведения ложного обвинения в убийстве необходимо выставить не менее семи послухов, которые могут *вывести виру*, т. е. отвести это обвинение (в списке TIV: *то им и верят*). *Послухи* здесь не свидетели преступления, которых при убийстве, очевидно, совсем не было, а свидетели доброй жизни обвиняемого. Для иностранцев (варягов и др.), не

Поклёпная вира — ложное обвинение в убийстве.

имеющих широкого круга знающих их людей, число послухов может быть ограничено двумя. Двух послухов требует для иностранца и договор Смоленска с Ригой 1229 г. (ст. 8). Семь послухов — скорее всего, члены того же территориального коллектива (общины, улицы), к которому принадлежал и обвиняемый.

Статья 19

Вервь не отвечает за убийство и не платит дикой виры, если на ее территории найдены лишь человеческие кости или труп человека, которого никто не знает. Здесь косвенно вводится норма давности совершенного убийства, не подлежащего наказанию.

Статья 20

Данная статья по смыслу примыкает к ст. 18. Если обвиняемый *свержеть виру*, т. е. докажет безосновательность обвинения в убийстве, то он не платит виры, но вносит лишь *сметную* (от слова *сметати* — отвергать, отметать) *гривну кун* — плату представителю княжеской власти — отроку — за участие в суде и оправдании (об участии отрока в суде см. комментарий к ст. 74). Возможно, что оправданному помогает в этом община, внося примерно 1/5 часть указанной гривны (*помечное* — от слова *меч*, символ княжеского судьи — мечника или *помочное* — возможно, позднейшее переосмысление). Обвинитель (*кто и клепал*) в качестве наказания за ложное обвинение также вносит отроку ту же сумму.

Статья 21

Если обвиняемый в убийстве не может найти послухов, то дело решается путем испытания железом. *Железо* — одна из форм средневековых ордалий, определение виновности по степени ожога от раскаленного железа, которое должен взять в руки обвиняемый (*Русину не вести латинина ко железу горячему, аже сам въсхочеть* — договор 1229 г)[310].

310 Памятники русского права. Вып. второй, 61.

В Мясниковском списке Кормчей конца XIV — начала XV в. испытание железом заменяется другим видом ордалий — полем: *то дати им правду: с железом на поле*. Поле — открытая вооруженная схватка, единоборство, победитель которой признается невиновным. Поле хорошо известно в русских памятниках права XIII — XV вв., начиная с договоров Смоленска с немцами, но отсутствует в ранних текстах Правды, что является для некоторых исследователей (В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров) аргументом в пользу ее церковного происхождения. Однако *поле* вставлено в списке Кормчей — сборнике церковного права, вышедшем, несомненно, из рук церковного деятеля. Указанное поновление свидетельствует о вытеснении *полем железа* в XIII — XV вв. и о том, что Пространная Правда составлялась до XIII в., когда *поле* еще не имело в судебной практике на Руси распространения.

Статья 22

Статья определяет пределы применения ордалий в уголовном процессе при отсутствии поличного: раскаленным железом можно пользоваться при обвинении не только в убийстве, но и в краже значительных ценностей (стоимостью более половины гривны золота). При ценности украденного от двух гривен кун до половины гривны золота присуждается *вода*, для оправдания в более мелких кражах — до двух гривен — достаточно присяги (*роты*). При испытании водой невиновным признавался тонущий, как это видно, например, из слов епископа Серапиона, рекомендовавшего таким способом определять виновность женщины в колдовстве: *Вы же воду послухомь постависте и глаголисте: аще утапати начнеть, неповинна есть; аще ли поплыветь — волхвовь есть*[311].

Гривна золота приравнивалась в XII — XIII вв. примерно 10 гривнам серебра или 40 гривнам кун; в гривнах золота исчислялся ущерб, наносимый высшим слоям феодальной аристократии (статья *«О бесчестьи»*; Устав князя Ярослава).

Кто должен был доказывать свою правоту в этих конфликтах: обвинитель или обвиняемый? Указание на то, что *железо* и *воду* давали *из неволи*, т. е. насильно, говорит о том, что ордалиям подвергался обвиняемый; что касается *роты*, то на нее должен был идти скорее потерпевший, утративший деньги (*свое куны*), чем обвиняемый.

Тяжа — тяжба, спор.

Поклеп — ложное обвинение

311 Срезневский И. И. Материалы для словаря, т. I, стб. 277.

Статья 23

Статья начинает раздел об оскорблениях (ст. ст. 23—26), соответствующий ст. ст. 3, 4, 9 Краткой Правды. По возмещению ущерба оскорбление приравнивается к убийству холопа — специалиста (см. ст. ст. 13, 15, 17). В списках Пушкинской группы XIV — XVI вв. отсутствует указание на мотив оскорбления — удар ножнами, он заменен возмещением за нанесенную рану или ушиб. Шагом к этой новой трактовке нормы является и заглавие *Оже кто ударить мечем* в списках конца XIII — XV вв., которое не выделяет оскорбительного характера такого удара, а обращает внимание на сам его факт.

Продажа назначалась за такие преступления, как кража (ст. ст. 32, 36, 37, 70, 121), легкое членовредительство (ст. ст. 28, 68), нанесение ран и ушибов (ст. ст. 29, 31), а также оскорбление (ст. ст. 23, 67), поставленное в законе на первое место. *Продажа* в Пространной Правде заменяет возмещение *за обиду* в Краткой Правде (ср. ст. 4 Краткой Правды).

Продажа — денежный штраф.

Статья 24

Обнажение меча без применения, т. е. угроза им, также рассматривалось как оскорбление и наказывалось продажей в 1 гривну (ср. ст. 9 Краткой Правды).

Утнеть - ткнет, ударит.

Статья 25

Удар подручным предметом расценивался как оскорбление, равно как и удар ножнами меча (ср. ст. 3 Краткой Правды).

Слово *тылесния*, известное только Правде, в XIV — XV вв., судя по разночтениям, было уже непонятно и осмысливалось как *десница* — правая рука.

Статья 26

Ответ мечом на оскорбление действием не являлся преступлением и не подлежал наказанию. Вслед за А. А. Зиминым можно думать, что эта норма существовала и ранее XII в., но оказалась зафиксированной только в Пространной Правде. Ответ на вопрос, был ли такой удар мечом местью, как считал В. И. Сергеевич, зависит, вероятно, от того, заменялась ли ответным ударом ответственность обидчика перед государственной властью (12 гривен продажи). Раз удар не заменял ее, значит он не признавался санкцией, каковой была прежде месть, и являлся лишь частной акцией, вызванной состоянием сильного возбуждения оскорбленного.

Статья 27

Статья входит в раздел (ст. ст. 27—34) о других преступлениях — кражах, членовредительстве, нанесении ранений. Статья 27 связана со ст. ст. 5—6 Краткой Правды, но отражает развитие права, объединяя различные виды членовредительства и устанавливая за них новую ставку штрафа — *полувирье* (полвиры в 40 гривен) и возмещение потерпевшему в размере 10 гривен.

Оборот *не утнеть* труднообъясним. Возможно, это им обозначалось то же, что *не отпадеть*, т. е. останется не действующей. Распространение той же нормы на повреждение носа относится по крайней мере к XIV в., которым датируется Пушкинский список.

Статья 28

Это преступление наказывается государственной властью и, кроме того, устанавливается возмещение ущерба потерпевшему. Упоминание меча, появившееся в списках Пушкинской и Карамзинской групп, указывает на действие этой нормы только в случае драки, а не в результате бытовой травмы.

Статья 29

Слово противу слова — в подтверждение своих слов.

Видок — зд. (как и *послух*) свидетель самой драки, а не доброй жизни истца.

В статье рассматривается тот же случай, что и в ст. 2 Краткой Правды, но вместе с этим отражаются развитие и изменение правовых норм: упоминается княжеский *двор*, бывший в XII в. местом судебного разбирательства; прежнее наказание за избиение — месть заменяется продажей; *платити ему продажю* — подразумевается, конечно, тому, кто избил потерпевшего, хотя он еще не упоминался.

Статья фиксирует новую норму, касающуюся зачинщика драки, независимо от того, кто в ней больше пострадал: по свидетельству послухов, виновный наказывается продажей в 60 кун (по Л. Гётцу и А. А. Зимину, продажа составляла 1 гривну кун, т. е. 50 кун, а судебная пошлина — 10 кун). Таким же штрафом — 60 кун или резан — наказывается зачинщица в драке двух женщин по Уставу кн. Ярослава о церковных судах[312] (в Основном изводе Устава, издаваемом ниже, эта ставка заменена на «6 гривен»). Таким образом, в статье устанавливаются две продажи — одну (3 гривны) платит тот, кто избил, вторую (60 кун, или 1 гривну) — тот, кто начал драку.

312 См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв., с. 263.

Статья 30

Удар мечом рассматривается не как оскорбление, а как причинение телесного повреждения и наказывается поэтому не высокой продажей в 12 гривен, а низкой — в 3 гривны. Установление о возмещении пострадавшему платы за лечение восходит еще к Краткой Правде. М. Н. Тихомиров считает, что *лечебное* — дополнительная плата сверх 1 гривны, и ставит поэтому после слов *а самому гривна* запятую[313]. Убийство наказывается вирой, а что касается членовредительства, нанесенного в вооруженной схватке, то оно, конечно, рассматривается по ст. ст. 27—28.

313 Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды, с. 92.

Статья 31

Статья расширяет состав преступления сравнительно со ст. 10 Краткой Правды, включая и некоторые деяния, предусмотренные ст. 3 Краткой Правды. В отличие от Краткой Правды и ст. 25 Пространной Правды удар жердью, судя по санкции, рассматривается теперь не как оскорбление, а как нанесение побоев. Новая систематизация побоев в ст. 31 свидетельствует о тенденции сузить число оскорбительных действий за счет отнесения некоторых из них к числу наносящих только физический ущерб. Правонарушение, предусмотренное ст. 31, близко к случаю, предусмотренному ст. 29, когда следов физического воздействия на пострадавшем нет и для установления вины обидчика необходимы двое свидетелей (а не один, как в указанной статье). Иностранцы также обязаны представить двух свидетелей (*полная видока* — двойственное число, буквально — *полных двух свидетелей*), которые приносят присягу в верности своих слов.

Статья 32

Челядин, убежавший от своего господина и скрывшийся в чужом доме, должен быть выдан ему в течение первых двух дней; если же его не выдадут в эти дни, то, будучи опознан, все равно возвращается к хозяину, но его укрыватель наказывается тогда продажей в 3 гривны. По сравнению со ст. 11 Краткой Правды здесь эта норма отнесена ко всем домохозяе-

вам, а не только к варягам и колбягам. Кроме того, введено указание на форму информации о бежавшем (*закличють и* [его] *на торгу*) — публичное извещение на городской торговой площади, вероятно, с указанием отличительных особенностей пропавшего.

Статья 33

Использование коня, принадлежавшего другому лицу, без его разрешения не является похищением и наказывается только продажей, как и по ст. 12 Краткой Правды.

Статья 34

Лицем взяти — взять именно пропавшую вещь, а не другую, равноценную ей.

Данная статья примыкает по содержанию к ст. 32. Собственник утраченного коня или вещи (оружия, одежды) должен публично объявить о пропаже (этим ст. 34 отличается от ст. 13 Краткой Правды), после чего, если он обнаружит ее в чужом владении, то имеет право получить обратно. Закон предусматривает уплату в этом случае 3 гривен *за обиду*. А. А. Зимин считает эти 3 гривны продажей. Однако, по буквальному смыслу слов, названная сумма является возмещением ущерба потерпевшему. Но в этом случае получается, что преступление остается безнаказанным.

Норма ст. 34 имела действие на территории города, где произошла утрата вещи, и это (так же, как и торг) переносит действие Правды из любого соседского коллектива X — XI вв. в городскую жизнь XII в.

Статья 35

Статья открывает раздел (ст. ст. 35—39) о своде — розыске виновника похищения или присвоения домашнего животного или вещи. Эта процедура начинается при опознании собственником похищенной вещи и имеет своей целью найти лицо, которое украло или присвоило вещь, а затем, возможно, так или иначе передало ее другим лицам.

При краже коня — важнейшего элемента хозяйства — виновный подлежал высшей мере наказания — потоку и разграблению. При краже другого имущества устанавливается продажа. Виновный в похищении должен также выплатить потерпевшему стоимость других вещей, украденных вместе с главной вещью. Эта новая норма отличает ст. 35 Пространной Правды от архаичной ст. 14 Краткой Правды. Пространная Правда умалчивает также о 5-дневном льготном сроке, которым мог воспользоваться обвиняемый во владении украденной вещью.

Статья 36

Статья предусматривает различный порядок розыска совершившего кражу внутри города и в том случае, если похищенная вещь обнаружена вне его. Свод в городе не ограничен числом владевших украденной вещью, и его ведут до конца

(по Двинской судной грамоте конца XIV в. — *до десяти изводов*[314]); *свод по землям*, вне городских стен, истец ведет только до третьего владельца, который и берет на себя дальнейший розыск. Для того чтобы побудить его к продолжению свода и отысканию преступника, с этого третьего по счету владельца взыскивается стоимость *лица* — украденной вещи, но при установлении им подлинного похитителя с последнего взыскивается и стоимость *лица* (в пользу уплатившего за него временного владельца), и *прок* — стоимость других похищенных вещей, и продажа. Иллюстрацию применения этой нормы на практике представляет новгородская берестяная грамота № 109 конца XI в.

314 Памятники русского права. Вып. третий, с. 162.

Статья 37

Статья рассматривает, вероятно, типичный в условиях феодального города случай свода, когда владелец краденой вещи купил ее на торгу, и это подтверждается свидетелями, которыми выступают или два свободных горожанина, или *мытник* — чиновник, собиравший торговые пошлины и следивший за правильностью торговли. Если продавец ее остается неизвестным, то свод прекращается, пострадавший от кражи получает *лице* — найденную вещь — и теряет возможность получить возмещение за другие украденные вещи. Владелец краденого, отдав *лице* его собственнику, не получает никакого возмещения. Эта норма хорошо известна русскому праву и в XIV — XV вв., она есть в Псковской судной грамоте (ст. 46) и в Судебнике 1497 г. (ст. 46). Однако если незадачливый покупатель находил затем продавца краденого, он мог вновь возбудить против него дело, и тот должен был выплатить этому покупателю стоимость изъятого у него *лица*, пострадавшему от кражи — стоимость других украденных у него вещей, а также уплатить продажу.

Мытник — чиновник, собиравший торговые пошлины и следивший за соблюдением правил торговли.

На долзе — впоследствии, в вариантах *на дорозе* — при случайной встрече.

Статья 38

Статья посвящена особенностям свода, если украденным является челядин, который, конечно, знает, кто его украл у господина. Если украденный челядин был перепродан более трех раз, розыск похитителя передается от его господина этому третьему его владельцу, который получает в качестве *лица* для дальнейших розысков самого украденного челядина, но взамен отдает господину его другого — своего челядина (*пояти же челядина в челядин место*). При обнаружении вора оба челядина возвращаются их господам, а вор возмещает *протор* — убытки, понесенные потерпевшим в результате отсутствия у него челядина (по ст. 44 — полгривны в год), и платит штраф. Размер этого штрафа в четыре раза превосходит штраф за кражу вещи (см. ст. 35), в два с половиной раза выше штрафа за убийство рядового холопа и равен штрафу за убийство квалифицированного вотчинного специалиста (см. ст. 15, 17). Это свидетельствует о том, что краже подвер-

гался, вероятно, тоже холоп-ремесленник или другой специалист. В статье особо оговаривается, что существует различие между украденным скотом и челядином: последний обладает языком, позволяющим установить, кто был его предыдущим владельцем. Однако показания челядина не имеют самостоятельной ценности (ср. ст. 66) и должны быть подтверждены очными ставками его покупателей и продавцов.

Статья 39

Статья ограничивает процедуру свода территорией своей *земли*, молчаливо противопоставляя ее *чюжей земле* — другому княжеству, феодальной волости. Если краденая вещь была приобретена у человека, приехавшего из других мест, и это подтвердят присягой те же свидетели, которые упоминаются в ст. 37, то покупатель несет гражданскую ответственность: он утрачивает купленную вещь или деньги, полученные за ее перепродажу. Собственник же вещи лишается возможности получения возмещения за другие ценности, пропавшие вместе с нею. Некоторые списки конца XIV — XV вв. включают указания на возможность все же получения с вора возмещения в случае, если он будет обнаружен. О подсудности вора, схваченного с *лицем* на территории «иной страны» властителю тех мест, говорит статья «О установлении татьбы» в Мериле праведном.

Статья 40

Во пса место
как собака

Статья повторяет норму ст. 38 Краткой Правды. Вор, забравшийся ночью в дом, может быть убит на месте преступления (*во пса место* — как собака). Эта древняя норма имеет аналогию в ст. 6 договора Руси с Византией 911 г.: если *ят будеть в том часе тать* (вор), *егда татбу сътворить... и убьен будеть, да не взыщеться смерть его...*[315]. Если же его удалось связать, то он подлежит уголовной ответственности в обычном порядке; убийство связанного вора подлежало наказанию. Как правило, вором был человек, не обладавший возможностью выплаты штрафа и уже находившийся на грани закабаления. Возможно, поэтому для уплаты продажи его приходилось продавать в холопство.

315
Памятники
русского права.
Вып. первый, с. 7

Статья 41

Высокий штраф взыскивался за кражу из закрытого помещения — скота из хлева, продуктов сельского хозяйства и ремесла из *клети*. Это новая норма, отсутствующая в Краткой Правде, отражает усиление охраны частной собственности на средства производства и предметы потребления.

В статье предусмотрено соучастие в хищении, при котором каждый из воров несет равную ответственность. Указанная сумма в 3 гривны 30 кун складывается из самой продажи в 3 гривны и судебной пошлины, поступающей судебным чиновникам и исполнителям в размере 30 кун (1/5 часть продажи).

Статья 42

Кража скота на поле, т. е. имущества, не охраняемого специально, карается продажей, в 3 раза более низкой, чем за кражу из закрытого помещения.

Статья 43

Кража снопов или зерна из закрытого помещения также наказывается высшим штрафом.

Статья 44

Украденное, если оно имеется в наличии (у вора или других руках) должно быть возвращено собственнику. Кроме того, он получает с вора возмещение ущерба в том случае, если кража произошла более года назад и, следовательно, незаконный владелец пользовался вещью в течение этого времени. Размер возмещения — полгривны (25 кун) за 1 год пользования.

Лице – украденная вещь.

Статья 45

Если краденого в наличии нет, но вор известен, он должен возместить собственнику стоимость краденого, причем за коня, принадлежавшего княжескому хозяйству, в полтора раза больше, чем за коня другого собственника. Вторая часть статьи указывает размеры возмещения (*уроки*) за другие виды домашнего скота. Оно взыскивается в том случае, если воры являются смердами, в данном случае — лично свободными тружениками. Это их состояние находит выражение в том, что они платят продажу (*оже платять князю продажу*), чего не имели права делать холопы. По мнению Б. А. Рыбакова, последняя часть ст. 45 (*то ти уроци смердом...*) и ст. 46 объединяются в одну.

Третьяка — скотина на третьем году (В. И. Даль).

Лоньщина — телка, родившаяся в прошлом (лоне) году.

За коровье молоко — возможно, как предполагал В. Г. Гейман[316], возмещение за кражу удоя у пасущейся коровы. Ущерб в 6 ногат (15 кун), равный цене трех овец, однако, определен слишком высоко. А. А. Зимин считает эти 6 ногат платой «за пользование молоком коровы собственника (аналогично протору статей 38, 44)»[317].

316 Правда Русская. Под ред. Грекова Б. Д. Т. II, комментарий. М.-Л.. 1947. с. 401.

317 Памятники русского права. Вып. первый, с. 158.

Статья 46

В статье говорится об ответственности за кражу, произведенную холопами, которые не платят продажи, *зане суть не свободны*. Эта ответственность лежит на их господах, которые возмещают потерпевшему не одинарную, а двойную стоимость украденного. Такая норма предполагает, с одной стороны, значительно большие финансовые возможности владельца холопа — князя, боярина или монастыря, чем вора — обнищавшего крестьянина или горожанина; с другой — упоминание *обиды* может свидетельствовать о сохранении архаичной нормы, согласно которой ущерб, нанесенный холопом (челядином), более оскорбителен, т. е. более тяжел, чем вызванный действием

Зане — ибо.

Чернечь, чернеческый принадлежащий монахам, т. е. монастырю.

свободного человека. Можно предполагать, что в случае, если украденное обнаружено, пострадавшему оно возвращалось и еще платилась его стоимость *за обиду*.

Монастыри на Руси известны уже с середины XI в., но самостоятельными феодальными организациями они становятся в конце XI — первой половине XII в.

Статья примечательна тем, что в ней перечислены три основные категории феодалов — князья, бояре, монастыри.

Статья 47

Куны, как и *скот* — деньги.

Товар — как предметы торговли, так и деньги.

Статья начинает раздел, посвященный обязательственному праву.

Спор по договору займа решается с помощью послухов. В литературе принято считать их свидетелями заключения договора.

Длительное невозвращение долга рассматривается как преступление. Это установление отражает значительно более развитую кодификацию обязательственного права сравнительно с Краткой Правдой.

Статья 48

Купля — торговля.

Гостьба — то же, но касается гостей — купцов, приезжавших из другого города или другой страны.

Бологодел — благодеяние.

Купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег на торговые операции: при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание, подкрепленное клятвой. По мнению Н. Рожкова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, здесь говорится о купеческом товариществе на вере, торговле вскладчину.

Статья 49

Статья содержит положения о договоре поклажи, хранения, в котором, очевидно, участвуют купцы. Кладь (*поклажая, покладежь*) может быть оставлена на хранение и без свидетелей. При обвинении в утайке части оставленного товара хранителю для оправдания достаточно принести присягу, поскольку договор безвозмезден, рассматривается как дружеская услуга.

Статья 50

Статья регламентирует договор займа с процентами, хотя не ограничивает размера *реза*. Предписывается заключение этого договора в присутствии свидетелей. Ростовщичество было значительным социальным злом средневекового города, оно вело к закабалению неимущих горожан; в народных восстаниях в Древней Руси выступления против ростовщиков занимали большое место.

Статья 51

Погренути — забыть; зд.— отменить.

Статья вставлена между ст. 50 и ст. 52 позднее.

Величина процентов по займу находилась в зависимости от срока договора: больший срок предполагал более высокую

ставку процента. *Месячный рез* назначался при выплате долга в течение нескольких дней (см. чтение в списке А II) или месяца. Размер его не указан; возможно, что это ставка, предусмотренная второй частью ст. 53, т. е. 10 кун на гривну — 20%. Более высокий процент — *куны в треть* (т. е. 50%) — платился, если срок займа достигал года. Должник, запоздавший с уплатой краткосрочного займа, также платил этот высокий процент, если он не отдал долг (*зайдуть ли ся куны*) ранее года.

Закон не только защищает интересы ростовщика, но и поощряет длительные займы, приводящие к невозможности уплаты должником взятой суммы. По мнению И. И. Смирнова, эта статья свидетельствует о том, что уже Святополк был вынужден ограничить взимание месячного реза[318].

318 Смирнов И. И. Очерки, с. 271-273.

Статья 52

В случае невозможности представить свидетелей займа при отказе ответчика от его уплаты заимодавец все же может получить свои деньги, если их сумма не превышает 3 гривен. Для этого ему достаточно принести присягу в том, что он эти деньги должнику дал. Если же заем был на большую сумму, заимодатель терял право на иск.

Промиловался ошибся, прогадал.

Статья 53

Статья содержит изменения, внесенные законодательством Владимира Мономаха и представителей городских верхов Киева, Белгорода и Переяславля в установления о резах.

После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича, с которым исследователи связывают ст. ст. 47—52 Пространной Правды, принятые в интересах купцов и ростовщиков, в Киеве вспыхнуло народное восстание, направленное против тысяцкого, сотских и ростовщиков. Испугавшаяся киевская аристократия, не надеясь на авторитет его наследника — сына владимирского князя Ярослава, пригласила в Киев переяславского князя Владимира Мономаха, угрожая в случае его отказа тем, что восстание может представить опасность для княжеской семьи, бояр и монастырей. Владимир, который был известен как умный и опытный политик, способный противостоять своеволию феодалов и защитить интересы горожан, по мнению Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина, перед тем как официально въехать в город, принял на совещании в пригородной княжеской усадьбе Берестове ряд компромиссных решений, которые должны были погасить остроту народного восстания. В ст. 53 говорится об одном таком решении — ограничении размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам. В отличие от предшествующего законодательства, в 1113 г. было установлено, что если ростовщик уже дважды получил с должника свои 50% (т. е. 100% суммы долга), то он теряет право на дальнейшее получение процентов, но сохраняет его на получение данных в рост денег (*ис-*

га). Если же он получил с должника свои 50% уже трижды (т. е. 150% данных в долг денег), то должник объявляется свободным от долга. Как установлено в той же статье, изменения не касались займов под 20%, т. е. краткосрочных долгов.

Среди участников совещания в Берестове — три городских *тысяцких* — высших городских чиновников, ведавших городским ополчением, торговым и ремесленным населением. Киевский тысяцкий *Ратибор* перед встречей в Берестове сменил, вероятно, приближенного князю Святополку тысяцкого Путяту, двор которого был разграблен во время восстания. Предполагают, что именно он известен как посадник в Тмутаракани за тридцать лет до этого. В летописи упоминается *Станислав* Тудкович Добрый, участвовавший в 1136 г. в битве против Ольговичей со стороны переяславцев[319]. Возможно, что *Иванко Чюдинович* — сын киевского боярина Чюдина (см. заглавие Правды Ярославичей). По мнению А. А. Зимина, участие в съезде Олгова мужа, а не самого сюзерена, могло иметь место только после смерти этого князя, т. е. после 1116 г. Поэтому А. А. Зимин относит указанное совещание к тому времени, когда Владимир уже мог вести самостоятельную политику и, не приглашая других князей, опираться на свою дружину[320]. Однако надо учитывать, что решения берестовского совещания не касались распределения столов и других политических вопросов, требовавших княжеского съезда; решение таких вопросов входило в компетенцию высшей городской знати. К первоначальному законодательству Владимира Мономаха, связанному с совещанием в Берестове, А. А. Зимин и Л. В. Черепнин относят только ст. 53, считая, что следующие статьи (до 66) появились при нем позднее. М. Н. Тихомиров сомневается в том, что ст. ст. 54 и 55 относятся к Уставу Владимира. И. И. Смирнов не разделяет этих сомнений. С. В. Юшков относит к законодательству этого князя всю вторую часть Пространной Правды.

319 ПСРЛ. т. II. стб. 278.

320 Памятники русского права. Вып. первый, с. 162.

Статья 54

Истопиться — потерпит кораблекрушение.

Рать возметь — потеряет имущество в результате военных действий.

Пробиеться — утратит в драке, схватке

Статья примыкает по содержанию к ст. ст. 48 и 49 и также говорит об особом юридическом положении купца и его денежных и товарных операциях, на которые не распространяется право получения кредита обычным горожанином. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег (и, надо думать, купленных на них товаров) не влечет за собой уголовной ответственности. Ему дается возможность восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта льгота не распространяется на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий. Судьба такого купца в этом случае зависит от кредиторов, которые могут или получать возмещение также в рассрочку, или, по мнению большинства исследователей, потребовать возмещения ущерба путем продажи имущества и его самого в холопы. О такой продаже в холопы несостоятельного купца говорит проект договора Новгорода

с Любеком 1269 г.[321] и ст. 55 Пространной Правды. Как считают, однако, С. Г. Струмилин и Б. Д. Греков, *продадят* обозначает продажу не самого должника, а только его имущества.

Статья 55

Задолжавший многим купец, взявший для продажи товар у не знающего его положения приезжего купца и не могущий расплатиться с ним, подлежит той же ответственности, которая предусмотрена в предыдущей статье. Очередность возмещения долгов зависит от положения кредиторов: княжеские деньги отдаются в первую очередь, за ними — долги приезжего купца и затем местных (*домашних*) купцов, которые делят между собой остаток.

Заимодавец, злоупотреблявший процентами и получивший уже в их форме большую часть долга, лишается права на возврат самого займа.

Преимущественное право иноземных купцов на получение долгов, являющееся элементом международного права, знает и договор Смоленска с Ригой 1229 г. (ст. 5).

321 ГВНП. с. 61.

Прок в дел — оставшиеся деньги подлежат разделу

Статья 56

Статья впервые упоминает закупа, начиная раздел о нем (ст. ст. 56—61). По мнению большинства советских исследователей, закуп отрабатывал или должен был выплатить полученную от господина *купу* — денежную сумму или материальные ценности, орудия производства, позволяющие ему вести хозяйство на основе соглашения между ним и господином. В правовом отношении закуп был близок к холопу, но в отличие от него сохранял элементы прав лично свободного человека. По ст. 56 бегство закупа приводит к превращению его в *обельного* (полного) холопа. Ту же норму содержит Правосудие митрополичье — памятник XIV — XV вв.: *А се стоит в суде челядин — наймит, ...а побежить от осподаря — выдати его осподарю в полницу*[322]. Вместе с тем закуп может жаловаться на несоблюдение условий договора со стороны господина и имеет право открыто отлучаться в поисках денег для выплаты купы. О возможности такого заработка (ногата в день) говорит проложная Повесть о строительстве церкви Георгия в Киеве в первой половине XI в.[323].

Дати праву (исправу) - решить дело судом

Закуп (в списках Пушкинской и Карамзинской групп *закупный* (наймит) — феодально-зависимый крестьянин.

322 Древнерусские княжеские уставы. М., 1976, с. 210, ст. 29.

323 См.: Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М.-Л., 1961, с. 234.

Статья 57

Конь и орудия, которыми работает закуп, принадлежат господину. Если у него во время работы погибнет конь, он не оплачивает его стоимость, но если он потеряет или сломает плуг и борону, которые находятся в его пользовании постоянно, он должен возместить их стоимость, чтобы получить новые. Если же они придут в негодность в отсутствие работника, посланного господином по другому делу, то закуп в этом не виноват и за них не платит.

Наибольшую трудность для понимания представляет термин

Ролейный закуп — работающий на поле (ролье).

войскый (*воиньскый, свойскый*) конь. По мнению Н. М. Максимейко, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, это военный конь, принадлежащий господину, на котором закуп участвует в военных действиях в составе ополчения господина[324]. Большая часть исследователей принимает чтение Карамзинской группы списков — *свойскы* — и считает, что это конь, принадлежащий закупу (П. А. Аргунов, И. И. Полосин, Б. А. Романов) или господину (Б. Д. Греков, А. А. Зимин).

324 Правда Русская, т. II, с. 496.

Статья 58

Забой — закрывающееся помещение.

Статья регламентирует ответственность закупа за утрату господского скота: в случае пропажи скота из хлева закуп ответственности не несет, но если скот был оставлен в поле, не введен во двор или помещение и не закрыт, закуп обязан возместить убытки. Так же отвечает закуп и за гибель коня, когда он использует его для работы на себя (*орудья своя дея*).

Статья 59

Господин не имеет права нарушить условия заключенного с закупом соглашения о размере предоставленных ему средств (купы) или земельного участка (отарица, близкая по значению к пекулию). В противном случае законодатель предписывает вернуть закупу положенное и наказывает виновного штрафом в 60 кун. Другие списки называют здесь вместо купы *копу* — часть урожая, которую зависимый крестьянин платил феодалу за пользование землей[325]; речь идет, может быть, об употреблении этого слова в значении копна, куча снопов в 60 штук. Прочтение данного термина в Синодальном списке М. Н. Тихомиров связывает со словом «ковать» и относит его к плугу и бороне.

325 Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды, с. 100.

Отарица известна была в Белоруссии (атарица) как земля, засеянная работником по соглашению с хозяином. Современное слово отара (стадо овец), по А. Г. Преображенскому и М. Фасмеру, иного — тюркского — происхождения (казахск. «отар» — пастбище). Неясен смысл слов *увидить, уведить*. Кроме значения *увидит, узнает*, не приложимых к этому месту текста, они могли обозначать *повелит* (что-то сделать). К последнему значению близок и вариант *уверeдить* — повредит, нанесет ущерб. Чтения *уведеть и въведеть* копу можно осмыслить как *(незаконно) введет оброк*.

Статья 60

Паки ли — а если.

Примет — возьмет дополнительно, сверх уже взятого.

Статья (как и ст. 59) стремится ограничить произвол господина в расчетах с закупом: получив с закупа бо́льшую плату, чем обусловлено, господин обязан вернуть ему лишнее и наказывается продажей.

Статья 61

Если господин распорядится закупом как холопом и продаст его, сделка не может быть признана действительной (и господин обязан, вероятно, вернуть покупателю деньги за него), закуп получает свободу, а господин наказывается, кроме того, высшей продажей.

Законодательство стоит на защите социально зависимого и юридически неполноправного положения трудящегося земледельца, но препятствует его окончательному закабалению и полному лишению прав. Это отражает, очевидно, существование различных тенденций в эволюции феодальной эксплуатации в XII-XIII вв. Правда ничего не говорит о возможности закупа выкупиться из своего зависимого положения. В Правосудии митрополичьем зафиксирована, вероятно, старая норма (которую, однако, нет оснований связывать с Владимиром Мономахом) о внесении закупом для этого двойной купы (*дати ему вдвое задаток*)[326].

Обель — полностью, в состоянии полного холопа.

326 Древнерусские княжеские уставы, с. 210.

Статья 62

Статья дает возможность дополнительно характеризовать социальное и юридическое положение закупа: он может быть побуждаем к работе побоями, безнаказанно для господина. Если же последний злоупотребляет этим своим правом, то закуп может обратиться в суд (см. ст. 56), который должен взыскать с господина за самоуправство продажу как за избиение свободного (*яко же в свободнем платеж*), т. е. по ст. 29 — 3 гривны. Конечно, это установление имело больше декларативный характер, ибо злоупотребление господином своими правами было очень трудно доказать. Правда ничего не говорит об уголовном штрафе за убийство закупа. По справедливому предположению А. А. Зимина, он должен был защищаться вирой в 40 гривен.

Наймит (от слова *найм* — денежная плата за труд) — другое обозначение закупа, связанное, вероятно, с денежной формой купы.

Статья 63

Возмещение за кражу коня, произведенную полным (*обельным*) холопом, платит его господин. Остается неясным, сохраняет ли эта статья двойную ставку возмещения по ст. 46, раз вор не свободный, а холоп, как думают Б. А. Романов и А. А. Зимин, или отменяет ее, как считал М. Ф. Владимирский-Буданов. Представляется вероятным, что эта статья все же отменяет двойную ставку за кражу именно коня, причем не княжеского, а принадлежащего рядовому собственнику, и это сделано по настоянию хозяина холопа — феодала, не заинтересованного в уплате высоких штрафов за провинности своего холопа.

Статья 64

Статья вновь возвращается к юридическому положению закупа. За закупа, попавшегося на краже, отвечает его господин,

а закуп превращается в полного холопа. Господин может его оставить как холопа у себя, но обязан выплатить стоимость украденного (очевидно, при отсутствии самой украденной вещи). Если же он не хочет платить за вора, то должен его продать, уплатить из выручки стоимость украденного, а остаток может взять себе. Вариант Пушкинской группы не предусматривает ответственности господина за сокрытие им холопа-вора. В статье ничего не говорится об уплате продажи за воровство, учиненное закупом. Значит ли это, что он не приравнивался здесь ни к холопу (тогда возмещение украденного должно было быть по ст. 46 в двойном размере), ни платил продажу, несмотря на сохранение до преступления некоторых элементов свободы, а занимал промежуточное положение между закупом и холопом?

Статья 65

Статья воспроизводит норму ст. 17 Краткой Правды, отражая изменения, внесенные в нее ко времени создания Пространной Правды. Господин мог предоставить холопу, ударившему свободного, убежище и взять на себя выплату уголовного штрафа за это. Но потерпевший не лишался права расправиться с обидчиком в частном порядке. Эта норма, признанная еще Ярославом, была подтверждена Ярославичами, которые, однако, заменили избиение денежной компенсацией. В ст. 65 предусматривается возможность выбора потерпевшим средств наказания виновного: избиение обидчика или денежное возмещение, взыскиваемое с его господина. Наказание осуществлялось особым способом: *розвязавше* — растянув (по Слову Даниила Заточника, это делали на широких санях-розвальнях). По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, 12 гривен были уголовным штрафом с господина холопа за соучастие в преступлении — укрывательство преступника, а не штрафом за оскорбление. В. И. Сергеевич видел в ст. 65 указание на неприкосновенность жилища, а 12 гривен считал компенсацией потерпевшему за вину раба[327]. А. А. Зимин видит в ст. 65 отмену убийства холопа, что «...можно рассматривать как частичную амнистию холопам, участникам движения 1068—1071 гг.»[328]. Последняя трактовка, не очень состоятельная юридически, маловероятна и по существу.

327 Правда Русская, т. II, с. 537-538.

328 Памятники русского права. Вып. первый, с. 168.

Статья 66

Статья завершает раздел, который может быть связан с деятельностью Владимира Мономаха.

Свидетелем может выступать только свободный; показания холопа не принимаются в расчет; в случае отсутствия свободного свидетеля в качестве такового может выступать только боярский тиун. Закуп тоже может быть свидетелем, но только по крайней необходимости и по небольшим спорам. Здесь *послушество* скорее свидетельство происшедшего события (например, начала драки или дачи денег в долг и пр.), а не характе-

ра жизни подозреваемого в преступлении. Эта статья под названием *Володимера князя суд о послушестве* известна и вне текста Пространной Правды, в приложении к ней в составе юридических сборников и Кормчей книги.

Статья 67

Статья начинает новый раздел Пространной Правды (ст. ст. 67—89), посвященный уголовному и частично — процессуальному праву. Он содержит нормы жизни вотчины, восходящие к XI в. и близкие к нормам Краткой Правды, но получившие развитие в условиях феодального хозяйства XII в.

Повреждение бороды рассматривалось как тяжелое оскорбление и наказывалось высшей продажей. В отличие от ст. 8 Краткой Правды здесь регламентируется и процессуальная сторона дела: должны быть представлены вещественное доказательство (*знамение*) и свидетели преступления; без свидетелей обвинение расценивается в качестве ложного (*поклеп*), и штраф не присуждается. Повреждение бороды как оскорбление с той же ставкой штрафа известно и по Уставу кн. Ярослава о церковных судах (*Аще кто пострижеть кому голову или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнить*). То же оскорбление знает и Псковская Судная грамота (ст. 117).

Для разрыва отношений с Андреем Боголюбским киевский князь Мстислав Ростиславич в 1174 г. намеренно оскорбил его, приказав постричь его послу голову и бороду; за этим последовало объявление Андреем ему войны (ПСРЛ, т. II, стб. 573).

Знамение — знак.

Борть — первоначально дупло, затем дупло, наполненное сотами с медом.

Статья 68

Утрата зуба здесь рассматривается не столько как членовредительство, сколько как результат оскорбления — удара по лицу. С этим связан максимальный размер продажи, а за членовредительство установлено возмещение в размере одной гривны.

Статьи 69 и 70

Статьи тесно связаны между собой, так как рассматривают разные стороны одного и того же состава преступления — кражи бобра, совершенного (как видно по процедуре установления похитителя) крестьянином, членом общины. Бобровые угодья были феодальной собственностью и, соответственно, охота на бобров — княжеской и боярской монополией. С этим связана высшая ставка продажи за ее нарушение. Если на месте, где живут бобры, будут найдены следы разрушения норы (*росечена земля*) или организации лова (*знамение, им же ловлено, или сеть*), то при отсутствии свидетелей преступления, могущих указать на виновного, ответственность несет крестьянская община, на территории которой совершена кража. Эта общинная организация должна сама найти вора и выдать его государственной власти или выплатить уголовный штраф по

принципу *дикой виры*. Вариант *борть* вместо бобр в Синодальном списке распространяет эту норму на охрану диких пчелиных угодий, принадлежавших феодалам.

Статья 71

Деревья в лесу с пчелиными бортями или, скорее, участки леса с такими деревьями отмечались знаками собственности. Знаки обозначения княжеской собственности известны на монетах, привесках, строительной плинфе, сосудах и других предметах. Свои знаки имели, вероятно, и другие собственники-феодалы[329]. *Разнаменование* каралось высшей ставкой продажи. По наблюдениям И. И. Смирнова, группа ст. ст. 70—77 отражает борьбу верви против наступления феодала на общинную земельную собственность[330].

Статья 72

Тот же характер имеет нарушение других знаков собственности: участки леса с бортными деревьями ограничивались вырубленными на коре знаками, вокруг отдельных полей (*рольи*) шли межи — нейтральные земельные полосы. В грамоте новгородскому Юрьеву монастырю 1134 г. князь Всеволод велел *учинити межу промежь Юрьевым монастырем и Пантелеевым монастырем* и обозначил ее направление[331]. Нарушение и уничтожение межей, как и установка *тына* (забора, ограды), нарушающего границы дворового участка (*дворной межи*), также наказывались продажей. Норма соответствует ст. 34 Краткой Правды, но здесь введено указание на различные объекты земельной собственности и изменен характер ответственности нарушителя — продажа вместо возмещения ущерба.

Статья 73

Дубы — наиболее заметные и долговечные деревья — служили естественными ориентирами при установлении межи; на них наносились также знаки.

Статья 74

Статья устанавливает размеры дополнительной платы княжеским судебным чиновникам при взыскании ими продажи. Эта статья имеет близкое соответствие с установлением о *поконе вирном* (ст. 42 Краткой Правды и ст. 9 Пространной Правды), но посвящена обеспечению деятельности другого чиновника, собиравшего не виры, а продажи. Из продажи в 12 гривен судья получал 2 гривны 20 кун, т. е. 1/5 часть, как и при сборе вир. Кроме того, община, где происходил суд, обязана была обеспечить судью и его помощника (отрока) мясом и другими продуктами по потребности, а их коней — овсом и выплатить перекладную пошлину (см. о ней комментарий к ст. 9 Пространной Правды). Как и при сборе вир, долей уголовных штрафов обеспечивался только сам судья, а

329 О бортных знаменах, сохранившихся с XVI-XVII вв. см.: Коткова Н. С. Названия русских бортных знамен — историко-лингвистический источник. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.

330 Смирнов И. И. Очерки, с. 56.

331 ГВНП. с. 139.

Роззнаменование — уничтожение знака, т. е. нарушение права собственности.

Перетнеть (от *тяти* — рубить) — перерубит ограждение в лесу.

Разореть (орати — пахать) — перепашет межу в поле.

Подотнеть — подрубит

Знаменный — имеющий знак.

Межный стоящий на меже.

его помощник — отрок — получал лишь довольствие. Община оплачивала и стоимость *меха* — мешка, в котором хранились собранные продажи и отчисления в пользу судьи.

Некоторые исследователи (И. Беляев, А. А. Зимин) считают, что указанные 2 гривны 20 кун должны были выплачиваться судье сверх полученных в продажу 12 гривен, а не входили в состав этой суммы. Но аналогия с выделением вирнику 8 гривен из 40 и 16 из 80, другие расчеты ставок в 60 кун (50 и 10) и т. д. указывают на то, что и здесь судья получал долю продажи. Заглавие и термин *накладú* нужно, очевидно, относить не к этой доле продажи, а к другим платам (по Е. Ф. Карскому, это расход, издержка), в частности к содержанию общиной судьи с его отроком. Сравнение со статьями о *поконе вирном* позволяет согласиться с И. Болтиным и А. А. Зиминым, что отрок в первом случае назван вместо старшего княжеского дружинника — судьи (может быть, мечника), который сам приезжал с помощником-отроком. Эта замена связана с тем, что в XII в. в процессе развития дворцово-вотчинной системы управления отроки — младшие члены дружины все больше занимаются выполнением функций княжеских судей; они участвуют и в сборе *сметной гривны кун* (ст. 20), что должен был делать вирник, и, вероятно, в сборе вир.

Система денежных уголовных штрафов и процентного отчисления пошлин судьям от каждой виры, продажи или *сметной гривны* не могла не способствовать искусственному увеличению количества уголовных дел князьями, их вирниками, мечниками, отроками и числа связанных с ними штрафов. Об этом писал в конце XI в. современник, вспоминавший *древних князей и мужей их*, которые не в пример новым *не собираху многа имения, ни творимых* (искусственных) *вир, ни продажь въскладаху на люди, но оже будяаше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая*[332].

332 ПСРЛ. т. V. в. 1. 1925. с. 8-9.

Статьи 75—76

За уничтожение борти (возможно, во время рубки леса) устанавливался трехгривенный уголовный штраф, как и за сожжение борти по ст. 32 Краткой Правды. Кроме того, за дерево, на котором она находилась, — полгривны. Близость построения ст. 75 и ст. 80 может свидетельствовать о том, что плата *за дерево* — это возмещение собственнику бортного дерева, которым может быть и не князь, а другой землевладелец. Разграбление борти наказывалось той же продажей, а размер возмещения собственнику зависел от того, взят ли был хозяином собранный пчелами мед или нет (пчелы *не лажены*).

Олек — верхняя часть борти, где оставался мед для питания пчел.

Статья 77

Статья устанавливает пределы ответственности членов общины за преступление (кражу), которое было совершено неизвестным лицом на ее территории. Вора следует искать по его

Женути — гнать, преследовать.

следу. Предполагается несколько случаев. Первый — след вора может вести к *селу* феодала или к *товару* — купеческому обозу или пастушескому стану, временно обосновавшимся на земле общины. Второй случай — члены общины (*они*) определили по следу, что вор ушел за пределы их территории (*отсочать от собе следа*). Если они этого не сделают, не будут выяснять, куда ведет след, или откажутся это делать, они отвечают за кражу (платят и продажу и возмещение ущерба потерпевшему). Если след выводит на большую дорогу (*на гостинец*), где нет поселений, или к безлюдному месту (*на пусте*), община не должна отвечать за кражу. Процедура преследования по следу должна была вестись с участием чужих людей, не принадлежавших данной общине, являвшихся понятыми, чтобы исключить предвзятость ее результатов. Эта процедура отличалась от *свода* и была неизвестна Краткой Правде. Учитывая разнообразие возможных вариантов и обеспечивая объективность расследования, статья свидетельствует об определенном развитии процессуального права.

Эта новая статья, не имевшая аналогии в Краткой Правде и возникшая, вероятно, в XII в. (хотя и исходившая из ранних норм), указывает на существование соседской общины, подчиненной феодальному государству и осуществлявшей власть над определенной территорией.

Статья 78

Самоуправство относительно смерда со стороны не представителей государственной власти, а рядовых лично свободных смердов карается уголовным штрафом. Кроме того, потерпевшему полагается возмещение ущерба. Не санкционированное властью насилие над боярином карается штрафом, в четыре раза более высоким, но возмещение ущерба остается тем же, что и у простолюдина. М. Ф. Владимирский-Буданов объясняет это отсутствием корпоративности, которая могла бы объединить бояр юридически[333]. По сравнению со ст. 33 Краткой Правды данная статья показывает развитие феодальных отношений на Руси, предполагая существование наряду с лично свободными смердами также частновладельческих (боярских) смердов. Б. А. Романов считал, что вставка в Пространной Правде слова *смерд* относится только к смерду в первой части статьи, а не к огнищанину во второй ее части[334]. По мнению А. А. Зимина, «здесь делается особое ударение на возможность покушения на огнищанина со стороны смерда»[335].

Огнищане упоминаются среди новгородской знати в Новгородской Первой летописи: *Прииде Ростислав* (Мстиславич) *ис Кыева на Лукы* (будущие Великие Луки) *и позва новгородци на поряд* (на совет): *огнищаны, и гридьбу, и купце вятьшии* (лучшие)[336].

333 Правда Русская, т. II, с. 575.

334 Правда Русская, т. II, с. 576.

335 Памятники русского права. Вып. первый, с. 173.

336 Новгородская Первая летопись, с. 219, 1162 г.

Статья 79

Похищение речных и морских судов наказывается уголовным штрафом в зависимости от цены судна, а само судно должно быть возвращено владельцу. Перечислено пять видов судов: *челн* — малое пассажирское судно, выдолбленное из ствола дерева; речная *лодья* — грузовое судно; *струг* — также речное грузовое судно, гребное или парусное; *набойная лодья* — большегрузное судно с надставленными в высоту бортами, с палубой; *морская лодья* — большое килевое судно, также с палубой. Сравнительно со ст. 35 Краткой Правды эта статья показывает значительный успех в судостроении на Руси, что является также свидетельством и распространения судоходства, и развития частной собственности на эти средства транспорта. На страже последней стоит кодификатор, которого, однако, больше интересуют доходы, поступавшие от государственного суда, чем размеры возмещения собственнику.

Статья 80

За повреждение сети для ловли птиц (*перевеса*) выплачиваются продажа и возмещение собственнику.

Подотнеть вервь - перерубит веревку

Статья 81

Как и в случаях с повреждением борти и похищением из нее меда, предусмотренных в ст. ст. 75—76, кодификатор различает такие преступления, как повреждение ловчей сети и кража из нее диких птиц. Значительная (от 5 до 15 раз) разница в штрафах за похищение ястреба и сокола, с одной стороны, и дичи — с другой, связана с тем, что крупные хищные птицы, специально дрессированные, использовались для охоты. Перечень птиц, которых ловили в XII в., сравнительно со ст. 36 Краткой Правды не изменился — все они были известны на Руси очень давно.

Статья 82

Статья устанавливает за похищение воза сена или дров возмещение потерпевшему в размере 2 ногат, т. е. 5 кун вместо 9 кун по ст. 39 Краткой Правды. Это может свидетельствовать об изменении соотношения цен на указанные предметы и повышение курса денег (серебра или его заменителей). Необычна для Пространной Правды ставка продажи за кражу сена или дров — 9 кун, в то время как уголовные штрафы в ней имеют размеры 60 кун, 3 и 12 гривен. Как предполагают В. И. Сергеевич и А. А. Зимин, размер продажи внесен ошибочно в Пространную Правду из соответствующей статьи Краткой Правды, где ставка 9 кун является возмещением владельцу. Если это так, то можно считать, что здесь при формировании текста Пространной Правды кодификатор пользовался не практикой, записью норм обычного права, а обновлял и приспосабливал к условиям XII в. норму писаного права — Краткой Правды.

Статья 83

За поджог хранилища собранного урожая — *гумна* или *двора* (основного комплекса хозяйственных и жилых построек) виновный подвергался *потоку и грабежу*. Эта архаичная высшая мера наказания относилась только к преступлениям, которые ставили под угрозу самую возможность существования древнерусской семьи. На догосударственный период происхождения этой меры наказания указывает второстепенная, вспомогательная роль княжеской власти в ее осуществлении.

По мнению А. А. Зимина, эта статья свидетельствует, что представители господствующего класса добиваются принятия постановлений, карающих *потоком и разграблением* лиц, пытавшихся открыто выступать против них[337].

337 Памятники русского права. Вып. первый, с. 175.

Статья 84

Намеренное уничтожение чужого коня или рогатого скота влечет за собой уплату продажи по высшей ставке и возмещение ущерба потерпевшему. Противоречие мер наказания за преступление, которое здесь обозначено как *конь порежеть* (продажа), и за кражу коня (значительно более сильное наказание — *поток* (см. ст. 35) можно объяснить тем, что украденный конь мог быть продан, что приносит вору выгоду, а погубленный такой материальной выгоды не приносит.

Урок — в данном случае размер платы за ущерб в результате гибели скота (см. в ст. 45 *уроци скоту*).

Статья 85

Статья регламентирует порядок использования холопа в качестве свидетеля. Его показания можно привлекать только в исключительных случаях, когда на этом настаивает истец, и то, как оговорено в статье, не для определения действительной виновности обвиняемого (что мог бы сделать свободный свидетель своей присягой), а только для возбуждения уголовного дела против указанного холопом — свидетелем лица. Сама же вина определяется в результате «божьего суда» — испытания железом. Но если испытание железом не приводило к доказательству вины подозреваемого, то обвинитель должен был уплатить ему возмещение, поскольку поверил показаниям холопа. Использование свидетельства холопа в суде указывает на эволюцию положения холопа в сторону феодально-зависимого крестьянина, обладавшего определенной хозяйственной самостоятельностью.

Статья 86

Статья устанавливает размеры судебных пошлин при применении *железа* в судебном процессе: в государственную казну (*железное*), судебному чиновнику (мечнику) и судебному исполнителю — *детьскому*, который и проводил, вероятно, это испытание.

Статья 87

Если испытание железом проводится не потому, что использовано свидетельство холопа, а по подозрению (*запа*), которое трудно проверить (человека видели ночью около места преступления), или по показанию свободного, но оно не докажет вины обвиняемого, то возмещение ему не полагается, а обвинитель платит только *железное*.

Железное — судебный штраф

Статья 88

В Русской Правде до сих пор не предусматривалась защита жизни свободной женщины, а уделялось внимание только материальному ущербу, который наносило феодалу убийство принадлежащих вотчинному хозяйству ремесленницы, кормилицы и просто рабы (ст. ст. 15—17 Пространной Правды). Значит ли это, что жизнь женщины не была защищена и ее мог убить каждый? Конечно, нет. Церковное законодательство, судя по Уставу кн. Ярослава о церковных судах, охраняло честь замужней женщины и дочери и наказывало не только изнасилование, но и избиение, и оскорбление словом. Памятники древнерусского права, соединявшие светские и церковные нормы, такие, как международные договоры Новгорода с Готским берегом конца XII в., Смоленска с Ригой 1229 г. и середины XIII в., также охраняют честь женщины. Но церковное законодательство не устанавливало ответственности за убийство женщины перед церковной властью. Это свидетельствует о том, что такое преступление подлежало не церковной, а светской юрисдикции — княжеской. Таким образом, можно считать, что ст. 88 была заимствована Пространной Правдой из предшествующего источника, отличавшегося от Краткой Правды и содержащего нормы права, также относившиеся к раннему времени. Половинная ставка уголовного штрафа за убийство женщины по сравнению с мужчиной находит аналогию в половинной ставке штрафа за оскорбление женщины в Краткой редакции Устава кн. Ярослава о церковных судах: за острижение головы и бороды там установлено 12 гривен (кун), за избиение чужой жены — 6 гривен (кун).

Тем же судом судити — процедура установления виновного в убийстве и суда та же, что при убийстве мужчины. Изменение в списках Пушкинской и Карамзинской групп на *виновата* показывает, что позднейший редактор Правды XIII—XIV вв. видел различие в том, была ли женщина убита без вины с ее стороны или в ответ на ее виновные действия. Этот редактор считал, что полувирье платилось только во втором случае, а первое убийство, без смягчающих обстоятельств, могло, следовательно, наказываться полной вирой. Однако сведений, подкрепляющих такое разделение, в нашем распоряжении нет. В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов считали чтение *виновата* первоначальным, причем М. Ф. Владимирский-Буданов относил второй случай в статье к убийству мужем своей жены «за преступление против семейных прав»[338].

338 Правда Русская, т. II, с. 604.

Так полагал и Л. В. Черепнин[339]. Однако внутрисемейная компетенция мужа не входила в княжескую юрисдикцию, а церковь налагала за такие нарушения свои наказания (лишение прав христианина или ущемление их на определенный срок), а не денежные штрафы.

339 См.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 41.

Статья 89

За убийство холопа или рабы вира не платилась. За это преступление предусмотрена продажа, и то только в том случае, если убийство не было спровоцировано самими челядинами. Хозяину холопов, потерявшему свое имущество, уплачивается *урок*. Размер этого урока мог быть 5 или 12 гривен, в зависимости от хозяйственной ценности холопа (см. ст. ст. 15—17). Здесь имеется в виду, конечно, убийство чужого холопа, так как убийство хозяином собственного холопа также считалось не преступлением, а только грехом — нарушение моральной религиозной нормы и соответственно влекло за собой духовное наказание.

Статья 90

Задница, в некоторых списках *статок* — наследство.

Статья начинает раздел Пространной Правды, посвященный наследственному праву (ст. ст. 90—109), представляющий собой новый кодекс, не известный Краткой Правде.

В ней устанавливается особое юридическое положение *смердов* в отношении наследства. Их права ограничены. По смыслу первой части статьи оставшиеся после смерда дети не имели права наследования его имущества. Так понимали эту часть статьи и некоторые переписчики Правды в XIV — XV вв., добавляя слова *без детии*. Однако вторая ее часть уточняет смысл нормы: в том случае, если у смерда оставались дочери, они получали часть наследства, если они не были выданы замуж, на прокормление и, вероятно, свадебное приданое. Такое противопоставление двух условий указывает на то, что в первом случае имелось в виду, что смерд умрет не без детей вообще, а только без сыновей. Княжеская власть была заинтересована в существовании устойчивого хозяйства смерда, на котором не отражались бы смерть главы семьи и вступление во владение следующего поколения смердов. Вместе с тем она препятствовала выходу этого хозяйства из круга смердов и переходу в собственность членов других сословных групп, что могло бы иметь место, если бы дочери наследовали его и передавали в качестве приданого за пределы этого круга. С этим связано появление своеобразного русского *права мертвой руки*. *Смерд* здесь не общинник, а зависимый от княжеской вотчины земледелец, потерявший общинные наследственные и, вероятно, другие права, но возможно, что в результате брака дочери вотчинного смерда со смердом-общинником его владение могло вновь войти в число общинных, с чем и борется княжеское законодательство.

Безажю в Пушкинском списке может быть понято как наре-

чие *без наследника*[340]. Близкое к нему слово *безатщина, безащина* (от *беззадщина*) — выморочное имущество, имение, не имеющее наследников. По древнерусскому церковному праву, безатщина людей, зависимых от церкви и монастырей, должна была идти епископскому или митрополичьему волостелю.

Статья 91

В статье противопоставляется наследственное право различных групп феодального класса такому же праву смердов, подтверждая, что после смерти бояр и дружинников наследуют их сыновья, а при отсутствии последних — дочери. Переход феодальной собственности через дочерей в чужие руки не грозил выходом ее за пределы класса феодалов. Появление в некоторых списках XV в. в заглавии чтения *и о людстей*, как считал Н. А. Рожков, может относиться не к ст. 91, а к ст. 92, объединенной тем же заглавием[341]. Но поскольку правом на безатщину лично свободных людей князь не обладал, эта вставка в заглавие подтверждала право на наследование дочерьми не только феодалов, но и более широких кругов населения. Б. А. Рыбаков вслед за А. Е. Пресняковым видит в ст. 91 отмену более раннего *права мертвой руки* сеньора, осуществленную в интересах бояр[342].

Статья 92

В статье устанавливается существование обеих форм наследования — по завещанию и по закону. Наследниками без завещания в этой статье выступают только дети. Были ли наследниками по завещанию тоже только дети, на основании этой статьи сказать трудно: она начинается с условия, что наследодатель уже передает свое имущество детям, а не предписывает это. М. Ф. Владимирский-Буданов отстаивает мнение, что наследниками могли быть только дети, и поэтому «наследство по закону и наследство по завещанию — в сущности тождественны»[343]. Однако ко второй половине XIII в. относятся указания, что круг наследников по закону был более широким. Новгородский Синодальный список Правды 1282 г. опускает в этой статье упоминание детей и тем самым указывает на возможность завещания дома не только по прямой нисходящей линии, но и по боковым. В сохранившихся завещаниях этого времени волынского князя Владимира Васильковича, умершего в 1288 г., в качестве наследников выступают его брат и жена[344], в завещании Климента новгородскому Юрьеву монастырю (до 1270 г.) он оправдывает передачу своих имений тем, что у него не было наследников (*зане да не было у мене брата, ни сыну*)[345]. Это позволило некоторым исследователям (В. И. Сергеевичу, В. Н. Сторожеву, Н. А. Максимейко, С. В. Юшкову) составить мнение о том, что круг наследников-родственников по завещанию мог быть более широким. В тексте Устава князя Владимира о десятинах начиная с рубежа

340 Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I. М., 1975, с. 92

341 Правда Русская, т. II, с. 631.

342 Рыбаков Б. А. Смерды, с. 52.

Ряд – установление, распоряжение, при нескольких участниках — договор, соглашение.

343 Правда Русская, т. II, с. 636.

344 ПСРЛ, т. II, с. 902-904.

345 ГВНП, с. 163

XII — XIII вв. или первой половины XIII в. среди дел, подлежащих юрисдикции церкви, указано: *братья или дети тяжються о задницю*, в его текстах XIII — XVI вв. упоминается также о наследственных тяжбах между сестрами и детьми и внутри *племени*, т. е. вообще между родственниками. В новгородском Уставе Всеволода о церковных судах также упоминаются споры о наследстве братьев или детей. В Псковской Судной грамоте завещатель мог оставить наследство племяннику (ст. 100), а сын терял право наследования по закону, если он отказывался содержать отца до его смерти (ст. 53).

А на самого часть дати души — упоминание части имущества, отдаваемого в этом случае на помин души (в церковь или монастырь), свидетельствует о том, что составитель обладал христианским религиозным сознанием.

Дом — имущество, главным образом движимое, в отличие от двора (см. ст. 83), включающего и движимое, и недвижимое имущество;

Статья 93

Статья устанавливает наследственные права вдовы. Если вдова не выйдет еще раз замуж (*сядет по муже*), она получает на жизнь определенную часть имущества мужа (выдел). В Синодальном списке уточняется, откуда должна быть взята эта часть, — за счет уменьшения доли взрослых детей. Кроме того, вдова остается собственницей всего того, что было подарено мужем (украшения, одежда и пр., что можно было *возложить* — надеть на нее). Эта норма была связана со стремлением передать имущество отца сыновьям, а право вдовы на наследство могло привести к уходу его в руки нового мужа вдовы и его детей. По мнению А. А. Зимина, эта статья изменяет в условиях развития феодальных отношений старое общинное право наследования, по которому вдова оставалась полновластной хозяйкой имущества покойного супруга[346].

Вступление Владимира Мономаха в Киев. 1113 год. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век.

346 Памятники русского права. Вып. первый, с. 181.

Статья 94

Статья свидетельствует о существовании раздельной собственности супругов и особых правах на наследование этой собственности детьми. Имущество, принадлежавшее первой, покойной жене оставившего наследство, наследуется детьми не от второго, а только от первого брака. Это распространяется и на то ее имущество, которое он после ее смерти подарил своей второй жене, т. е. их мачехе. Особое имущество жены складывалось из приносимого ею в дом мужа приданого и подарков мужа. *Любо си... обаче* — даже если... все равно. О применении норм этой статьи свидетельствует новгородская берестяная грамота № 9 третьей четверти XII в.

Статья 95

Статья подтверждает древнерусскую норму, согласно которой дочери при наличии сыновей — их братьев не наследуют после отца, но они обеспечиваются приданым, которое после смерти отца выделяется им братьями. Эта норма касалась сво-

По преставлении же великаго князя киев
скаго. Стополка Изяславича. и кнѧ
дѧ Володимеръ Манамахъ в Переяславле.
ѿчины Ярославль. прия же у великое
Владимера в Киеве. и прияша его Кияне
с великою че
стию.

бодного населения. По Уставу князя Ярослава о церковных судах родители обязаны были выдать дочь замуж, в противном случае они облагались штрафом в пользу церковной власти. В XV в. дочери уравнены в наследственных правах с сыновьями[347].

347 Судебник 1497 г.— Судебники XV-XVI вв. М.-Л., 1952. с. 27: Соловецкий извод Устава Всеволода конца XV в.— ДКУ, с. 158.

Статья 96

Данная статья, как и следующая ст. 97, является механической вставкой в раздел о наследстве. Строительство деревянных городских укреплений и башен велось под руководством *городника* самими горожанами и окрестными жителями, являясь повинностью. Они же оплачивали и пребывание *городника* в денежной и натуральной формах. Он (вероятно, вместе с отроком, как вирник в ст. 9 и мостник в ст. 97) получал плату за труд в начале и в конце работы по сооружению каждой городни, деньги и продукты из расчета по неделям на себя и на четырех находившихся при нем коней.

Часть крепостной стены из бревен в виде сруба длиной в бревно называлась *городня*. При пожаре во Владимире в 1563 г. *сгорело стены от реки от Клязмы и розметали* (разобрали) *170 городень да 4 стрельницы* (башни)...[348].

348 Мрочек-Дроздовский. Материалы для словаря, с. 31.

Статья 97

Такая же система оплаты распространялась и на строительство мостов. Руководитель строительства — *мостник* — вместе с отроком получал с общины, на территории которой строился или ремонтировался мост, денежную плату в зависимости от длины полотна моста и количества опор — городней, а кроме того, питание и овес для коней.

Городник - архитектор, руководитель строительства, бывший княжеским чиновником

Волога (влага) — питье.

Лукно, уборок — меры объема сыпучих тел.

Одину — один раз на все время.

Статья 98

Существование холопства и других форм личной зависимости способствовало возникновению интимных связей феодала с принадлежащими ему женщинами-рабами. Дети господина, рожденные от робы, считались незаконными и поэтому не являлись наследниками, но после смерти господина и они и их мать, согласно норме Правды, получали свободу.

Статья 99

Мостник — княжеский чиновник, руководитель строительства деревянных мостов.

Статья посвящена праву опеки над сиротами и имеет в виду, очевидно, семью горожанина — купца или ростовщика. Если после смерти отца в семье оставались малые дети и мать выходила вторично замуж, то опекуном их назначался один из близких родственников или им мог быть отчим. Этому опекуну передавалось во временное пользование движимое и недвижимое имущество несовершеннолетних, причем передача цен-

ного имущества, служившего источником существования хозяина дома, осуществлялась при свидетелях. В статье оговариваются обязанности и права опекуна. Он имеет право продолжать торговую деятельность и брать себе доходы от нее, но обязан вернуть стоимость самого товара наследникам по окончании опеки. Приплод от скота и детей челяди, родившихся за время его опеки, он обязан отдать подопечным. Все утраты имущества, которые произошли по его вине, он также должен был восполнить. Окончание опеки связывается с достижением подопечным зрелости (*донеле же возмогуть*), без точного фиксирования возраста.

По мнению А. А. Зимина, «статья корнями уходит в седую старину» и в ней публичной властью являются не княжеские чиновники, а *люди*, т. е. члены общины[349]. Местное и раннее происхождение этих норм несомненно, его подтверждает и отсутствие упоминаний в статье церковной власти, которая претендовала на дела, связанные с опекой (см. также ст. 105). Но *люди* упоминаются здесь, как и в ст. 105, в качестве свидетелей, а не вершителей процесса. В ст. 50, говорящей о передаче денег в рост, также предписывается делать это при свидетелях, которые являются, вероятно, соседями.

349 Памятники русского права. Вып. первый, с. 182.

Статья 100

Статья закрепляет за младшим сыном при наследовании без завещания родительский дом со всеми связанными с ним хозяйственными помещениями.

По мнению Н. А. Максимейко и А. А. Зимина, статья ограничивала волю завещателя, если он хотел оставить свой двор другому сыну (одно из значений слова *всяко* — в любом случае, непременно). Однако вряд ли есть основание так сужать право наследования по завещанию. Этому противоречат слова в списках *всяк*, *всякому*, *всякой*, которые не имеют двойного смысла (как *всяко*). Статья свидетельствует, что взрослые дети жили в своих домах и с родителями, как правило, оставался только младший из них.

Статья 101

Статья примыкает к ст. 99. Вдова при малолетних детях обязана сохранять имущество семьи (юридически — имущество мужа) для передачи его детям. Если она его утратит и оставит детей без средств, а сама найдет обеспечение, выйдя вторично замуж, то обязана выплатить детям утраченное, вероятно, из средств второго мужа (на это указывает смысл контекста и слова в некоторых списках).

Статья 102

Вдова имеет право пожизненно жить во дворе своего покойного мужа, несмотря на возражения ее детей. Она остается главой семьи и хранителем всего ее имущества, оставленного мужем, препятствуя самочинным действиям детей. Вероятно,

Уроци (уроки) — установленное количество чего-либо.

Локоть — мера длины.

Городня в мосту — опора, сложенная в виде сруба из бревен и засыпанная камнем.

А не джи (дюжи) ся будуть — и если не будут в состоянии.

Печаловати — заботиться.

Срезить (от рез) — получит прибыль от данных в долг денег.

Истый — первоначальный, оставленный в наследство.

Ряд — зд. порядок, установление.

при достижении ими самостоятельности, после раздела имущества по завещанию или закону, она получает причитающуюся ей часть (выдел) и сохраняет право жить в доме. И. Беляев, Н. Дювернуа и Н. Рожков предполагали здесь условие, при котором вдова примет к себе в дом второго мужа[350]. Однако термин *седети* кроме общего значения имел в древнерусском праве смысл именно сохранения безбрачия (*сядет по мужи* в ст. 93, *ворчеться седети* в ст. 101, *аже девка засядеть* — не выйдет замуж — в Уставе кн. Ярослава о церковных судах).

350 Правда Русская, т. II. с. 672. 674.

Статья 103

Нормы наследования имущества матери отличались от права наследования после смерти отца, хотя здесь также существовало наследование по завещанию и по закону. Дети не могли претендовать на раздел материнской части, но она сама могла определить своего наследника или своих наследников, в том числе и дочерей (см. ст. 106). По закону наследство матери переходило тому, с кем она жила до смерти, или тому, кто обеспечивал ее пропитание. Были ли это обязательно ее дети, хотя бы от первого или второго брака? Это предполагается, но не безусловно. Вдова могла жить у своих родственников по боковой линии (сестры, например) и оставить свое имущество им.

Всяк — каждый, любой.

Без дела — без раздела, может быть — без распоряжения о разделе наследства, т. е. без завещания.

Статья 104

Статья отражает существование четко оформленного в сознании законодателя понятия частной собственности в семье, связанной с личностью ее главы — мужа. В этом случае, если после смерти первого мужа семейным имуществом пользовалась вдова с его детьми и со вторым мужем (их отчимом) и его детьми, родившимися в этом втором браке, наследование по закону определяется тем, что было нажито и осталось после смерти каждого из этих отцов: дети (сыновья) первого наследуют только его имущество, дети второго — только то, что принадлежало ему до брака или было нажито в этом браке.

Ворчеться (от *вречися*) — обещается. В некоторых списках осмыслено как *Оборочется* — будет вынуждена, обречена (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, стб. 535).

Статья 105

Статья продолжает изложение норм, связанных с той же ситуацией. Если второй муж во время пользования наследством первого утратит что-либо из него, то сын — наследник его обязан по показанию свидетелей восполнить своим сводным братьям утрату и не может претендовать на наследование имущества первого мужа своей матери.

Статья показывает, что наследование по древнерусскому праву предполагает не только получение имущества, но и переход на получившего наследство обязательств, не выполненных умершим. Эта норма зафиксирована и в договоре Смоленска с Ригой 1229 г.: *Аже латинин дасть княжю холопу в заем или иному добру человеку, а умреть не заплатив, а кто емлеть его останок, тому платити немчину*[351].

351 Памятники русского права. Вып. второй, с. 60-61.

Статья 106

Статья содержит дополнительные уточнения к нормам ст. 103. Мать имеет право оставить свое имущество по завещанию без ограничения любому из детей, сыну или дочери, как от первого, так и от второго брака, руководствуясь только отношением к ней детей.

Статья 107

Кроме пошлин, которые платились осужденными, в XII в. были введены еще дополнительные пошлины с выигравших процесс. На это указывают слова *кому помогут*, если их понимать так, что судебные чиновники осуществляют своеобразную помощь в процессе между истцом и ответчиком. Величина таких дополнительных пошлин значительно меньше, чем собираемых с осужденного, однако конкретный размер их неясен. С виры в 40 гривен указано 9 кун, т. е. примерно 1/200, а с преступления, облагаемого продажей в 12 гривен,— 30 кун, т. е. 1/20. Возможно, что в первом случае надо видеть описку; там скорее должны были стоять 2 гривны (100 кун). Возможность такой описки подтверждают списки Пушкинской и Карамзинской групп, которые сохранили текст, вероятно, более близкий к архетипу, где 9 кун пошлин и 9 кун векош метельнику отнесены также к делу по освобождению челядина. Если 9 кун составляют 1/20 продажи по этому делу, то сама продажа должна составлять 3 гривны 30 кун. Возможно, что описка в архетипе возникла в результате случайного перенесения на пошлины от виры ставок пошлин за освобождение челядина. Принадлежность чтений Пушкинской и Карамзинской групп к архетипному тексту Пространной Правды подтверждает соответствие их судебным делам (ст. 109) по всем спискам (бортная, ролейная земля, освобождение челядина).

Нарушение собственности на пашенную землю (*от ролейной земли*), судя по величине пошлины с выигравшего процесс, наказывалось также продажей в 12 гривен. При удовлетворении иска челядина о свободе, пошлину по нему платил сам освобожденный. Об отпуске челяди на волю говорят также ст. 61 (применительно к закупу), ст. 98 (применительно к робе — сожительнице свободного) и ст. 109, но этим, вероятно, случаи отпуска не ограничивались.

В некоторых списках ст. 107 (как и ст. 109) опущена. Это может свидетельствовать о том, что в XIV — XV вв. она уже не отражала действовавшего права в тех местах, где переписывались соответствующие рукописи.

Статья 108

Статья свидетельствует об отнесении споров братьев между собой о разделе наследства к княжеской компетенции, однако она изложена в условной форме (если спорящие обратятся к княжескому суду), как считал еще Н. Дювернуа. На этом ос-

Без языка ли умреть — если по состоянию здоровья не сможет сделать завещательного (устного) распоряжения.

Иночим — первый муж по отношению ко второму.

Людье вылезуть — окажутся свидетели, подтверждающие утрату.

От бортное земли — нарушение прав собственности на бортный участок в лесу.

Метельник — зд., как и в ст. 9, вероятно, лицо, ведущее письменный учет собранным вирам и пошлинам (см. варианты: ***метник***, ***метальник*** от слов ***мета***, ***метить*** наряду с ***метельник***, ***митник***).

От головы — при обвинении в убийстве.

новании предполагается, что они могут обратиться по данному делу к другому органу. Действительно, судя по Уставу кн. Владимира, на участие в решении конфликта, когда *дети или братья тяжутся о задници*, претендовала церковь. М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич, А. Е. Пресняков и Я. Н. Щапов видят здесь конкуренцию судов, к которым могли обратиться тяжущиеся. Иное мнение имел Е. Е. Голубинский, считавший, что наследственные дела подлежали только княжескому суду. В качестве судьи выступает по такому делу *детский*, который получает высокую пошлину в размере одной гривны кун.

Статья 109

Статья завершает группу из трех статей о судебных пошлинах. В ней идет речь о пошлинах, взимаемых при принесении роты. О такой присяге говорят договоры Руси с Византией, ст. 10 Краткой Правды и ряд статей Пространной Правды. Статья тесно связана с нормами ст. 107 по тексту списков Пушкинской и Карамзинской групп. Кто платил пошлину? Так же, как по ст. 107, это делал истец, возбуждавший судебный процесс. Именно он был заинтересован в проведении данной процедуры.

Статья 110

Статья начинает последний раздел Правды, который вслед за А. Е. Пресняковым называют *уставом о холопстве*. В статье устанавливаются три случая утраты личной свободы и перехода в состояние полного (*обельного*) холопства. Первый случай — продажа человека при свидетелях. В. И. Сергеевич и С. В. Юшков считают, что здесь речь идет о самопродаже. Второй случай — женитьба на робе без соответствующего соглашения. Третий — вступление в должности тиуна и ключника также без соответствующего соглашения.

Продажа в холопы должна совершаться при свидетелях, а сам продаваемый должен также присутствовать при этом, видеть внесение в счет платы за себя хотя бы одной ногаты. Женитьба на робе превращала свободного в холопа, принадлежащего ее господину. Однако жених мог заключить (вероятно, также при свидетелях) с господином невесты договор, по которому если не будущие дети, то он сам мог сохранять свободу на определенных условиях. По норме XV в. и выход свободной замуж за холопа также лишал ее независимости, но если она не знала о его социальном положении, то имела право расторгнуть с ним брак. Наконец, третий случай предусматривает службу тиуном и ключником — исполнителем воли господина в его доме и хозяйстве, которыми могли быть только несвободные люди, ибо доверие к ним господина было связано с неограниченным правом распоряжаться их судьбой и наказывать. Вступление в должность ключника, находившее симво-

лическое выражение в ношении с собой ключа от господского хозяйства, делало свободного человека также холопом. Однако норма Пространной Правды предусматривает и здесь ограничение, если при поступлении в услужение свободный заключал с господином соглашение о своих правах и обязанностях, например холопство на срок службы и освобождение при отказе ему в службе или по смерти господина.

Статья не перечисляет все источники холопства: за ее пределами остаются такие пути, как рождение от холопа, плен, попытка бегства закупа. Смысл статьи — в регламентации условий закрепощения и проведении малозаметной грани, когда одно и то же социально-экономическое состояние в зависимости от того, оформлено ли оно юридически, ведет к обельному холопству или к положению рядовича, тем самым — в ограничении источников полного холопства. Это свидетельствует о все большей роли, которую играли в княжеском и боярском хозяйствах другие категории феодально-зависимого населения.

Статья 111

Статья тесно связана с предыдущей. Отработки денежной ссуды (*дачи*), или ссуды зерном, а также процентов по ним (*придатка*) не ведут к состоянию полного холопства; предполагается, что взявший их может отработать все и на этом его обязанности кончатся. По Правосудию митрополичью (XIV — XV вв.), челядин-наймит мог уйти от господина, выплатив ему *вдвое задаток*[352]. Однако фактически значительная ссуда не могла быть отработана в течение всей жизни и зависимость распространялась на детей должника, остающихся в наследственном зависимом положении. По дополнительной статье *О сиротьем вырядке* отработка крестьянки с дочерью за год составляла 1 гривну на каждую. Эта зависимость не превращается в юридически оформленное полное холопство, но обнаруживает значительную близость к положению закупа или наймита, не упоминаемого в *уставе о холопстве*, который также берет у феодала ссуду (*купу*, *дачу*, *милость*) и остается зависимым от него до окончания отработок или выплаты за нее. Законодатель и здесь стремится сохранить зависимость крестьянина, не переходящую в полное холопство. По мнению Б. А. Романова, законодатель в ст. 111 защищал интересы церкви, выступая против порабощения *милостников* светскими феодалами. Церковный характер статьи он обосновывал применением в ней необычной для Правды терминологии (*дача*, *хлеб*, *милость*, *придаток*)[353]. М. Н. Тихомиров видел в этой статье защиту милостников — мелких феодалов, занимавших холопские места на боярском и княжеском дворах[354].

352 ДКУ, с. 210, ст. 29.

353 Правда Русская, т. II, с. 715.

354 Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание, с. 104.

Статья 112

Статья устанавливает денежную плату за сознательное пособничество беглому холопу. Ставка 5 и 6 гривен, совпадаю-

щая со ставками возмещения господину за убийство его холопов по ст. 16 Пространной Правды, и отсутствие упоминания о публичной власти, заинтересованной в получении штрафа, заставляют считать, что здесь закреплена также архаичная норма возмещения владельцу стоимости холопа и робы, которую, как и следующую — ст. 113, А. А. Зимин относит к X в. Однако в этом случае применялись, как считал М. Ф. Владимирский-Буданов, и уголовные штрафы, установленные в ст. ст. 32 и 38.

Заповесть — публично объявит.

Переем (переим) – вознаграждение за помощь в обнаружении беглого холопа или преступника.

Досочиться — выследит.

Отрок — младший судебный или административный исполнитель.

Вязебная — оплата за задержание, за то, что пойманный будет связан.

Пагуба — ущерб.

Статья 113

За удержание беглого холопа и извещение господина о поимке его задержавшему полагается вознаграждение от этого господина, но захвативший и затем упустивший раба неудачник наказывается штрафом, правда, уменьшенным на ту сумму, которую он имел право получить за удержание.

Статья 114

Хозяин убежавшего холопа, выследив его в каком-либо городе, может рассчитывать на помощь в его задержании городского *отрока*, выделяемого для этого посадником, и платит ему за такую помощь вознаграждение. Условный характер фразы *а будеть посадник не ведал его* позволяет считать, что, если посадник сам знал о беглом челядине, он сам должен был предпринять меры к его задержанию и возвращению хозяину. Это свидетельствует о том, что в XII в. наряду с истцом — инициатором и исполнителем розыска беглого холопа выступает уже государственная власть.

В списках Розенкампфовского вида *устрелить* предполагает вооруженную (с луком и стрелами) охоту на беглого холопа. *В хороме, хоромине, в храме* — эти чтения отражают переосмысление нормы, предполагая право убежища в доме феодала или в церкви. Слово *наместник* в списках Карамзинской группы заменяет слово *посадник*, отражая существование наместнического управления в городах Северо-Восточной Руси в XIII-XIV вв. Норма ст. 114 нашла отражение в новгородской берестяной грамоте № 411 конца XIII в.

Усрячеть — встретит.

Повесть деет — разговаривает.

Вложить, в других списках правильнее ***выльжеть*** — обманом получит.

Статья 115

В отличие от сознательного пособничества (ст. 112), помощь, оказанная беглому холопу по неведению о его положении, не наказывается, если его укрыватель подтвердит свое неведение присягой.

Статья 116

Холоп не обладал правом брать от своего имени деньги или материальные ценности. Если ему обманом удалось это сделать, то отвечал за возвращение долга его господин, а если он не хотел признавать его долги, то мог отдать своего холопа

заимодавцу. Если же заимодавец дал деньги, зная, что он дает их холопу, то он не имеет права требовать их с его господина.

Эта статья, как и следующая, свидетельствует, что холопы в феодальном городе XII в. на практике широко занимались торговлей и финансовыми операциями, но должны были делать это только с согласия своих господ. Против нарушения этого принципа и выступает законодатель в ст. 116. В условиях международной торговли княжеский или боярский холоп (тиун или ключник) участвовал в сделках наравне со свободным человеком, пользуясь доверием, как об этом свидетельствует договор Смоленска с Ригой 1229 г.[355].

355 Памятники русского права. Вып. второй, с. 60. ст. 7.

Статья 117

Статья дополняет норму предыдущей статьи. Холоп участвует в торговле по поручению господина, но последний в этом случае оплачивает его долги и не может отказаться от него. По мнению С. В. Юшкова и И. И. Смирнова, это свидетельствует о росте правоспособности холопов.

Статья 118

Купивший холопа не у его хозяина обязан вернуть его собственнику. Если он присягой подтвердит, что был введен в заблуждение, то может получить деньги с продавца обратно. Если же такой покупатель знал о неправомерности сделки, то он терял уплаченные деньги.

Кренеть — купит.

Некоторые исследователи (М. Ф. Владимирский-Буданов, Л. Гётц, Б. А. Романов) видят здесь самопродажу холопа, желавшего незаконно получить деньги, которые причитались бы его хозяину. Статья показывает, что в условиях феодального города холоп экономически мог не быть привязан к хозяйству своего господина и условия позволяли ему действовать самостоятельно, хотя господин сохранял на него права, и кодификатор стоял на его стороне.

Статья 119

Статья примыкает по смыслу к ст. 117, уточняя права и обязанности господина, которому принадлежит торгующий холоп. Господин сохранял ответственность и за холопа, находящегося в бегах, имея право на полученную последним в торговле прибыль. В то же время он оставался обязанным возместить долги холопа и не мог отказаться от него.

Статья 120

Господин бежавшего холопа отвечает по существующим нормам и за то чужое, что тот унес с собой. Эти нормы (уроки) частью изложены в ст. ст. 41—46, где за кражу холопом установлено возмещение пострадавшему в размере двойной цены украденного. Б. Д. Греков предположил, что здесь *кто* не холоп, а зависимый смерд, поскольку в *уставе о холопах* это местоимение не применяется к холопам.

Статья 121

Семья холопа, виновного в воровстве, не следует его судьбе, если она не помогала вору. При участии жены и детей холопа в краже или в сокрытии краденого господин должен поступить с ними так же, как и с самим холопом. Если в воровстве принимали участие свободные, то они наказываются уголовным штрафом. Формы и размеры ответственности в каждом случае были указаны в соответствующих статьях Правды. Как отметил А. А. Зимин, установление о соучастии свободных в воровстве добавлено в статью позднее, поскольку *устав о холопах* продажи не знает[356].

356 Памятники русского права. Вып. первый, с. 188.

Дополнительные статьи
Статья О конс

Статья касается торгового права. Она разрешает вернуть купленного коня продавцу и получить обратно деньги, если в коне обнаружится скрытый недостаток или болезнь. Эта общая норма «привязана» к конкретным обстоятельствам, когда купленный конь принадлежал княжеской конюшне (*конь... княжь*), а покупателем выступает боярин, купец или сирота (эту норму применительно к купленной корове см. в ст. 118 Псковской Судной грамоты).

Сироты — феодально-зависимые крестьяне.

Червь — болезнь.

Проесть — рана или язва.

Осподарь — господин.

Серебро — деньги.

По мнению А. А. Зимина, статья «ведет к новгородской действительности XIII — XIV вв.». Эта статья входит в состав Пространной Правды (следует после ст. 87) в Пушкинском списке XIV в. и в Соловецком V 1493 г.

Статья О бесчестии

Статья представляет собой запись о размерах и формах денежного возмещения за оскорбление, которые зависят от родовитости потерпевшего. Размер возмещения определяется правом двух поколений предков потерпевшего по женской линии (матери и бабушки) получать его в *золоте* (очень больших ценностях, что свидетельствует об их боярском происхождении) или в серебре, т. е. так, как зафиксировано в Пространной редакции Устава кн. Ярослава (ст. ст. 2—4, 7, 30). По буквальному смыслу статьи, если мать или бабушка обесчещенного обе имели боярское происхождение, он получал право на возмещение (*взяти ему*) в размере 50 гривен (или для великого боярина за 5 гривен золота — 250 гривен); если боярское происхождение имела только мать потерпевшего, т. е. оно не было наследственным в двух поколениях, то возмещение за бесчестье составляло гривну серебра — семь с половиной гривен кун. Статья говорит о нанесении бесчестья, т. е. тяжелого оскорбления действием. Кто был ему подвергнут? Судя по статье *О мужи кровавe*, где бесчестье упомянуто трижды и связано с избиением *мужа* и великого и меньшего *боярина*, а также *мужа* и *людина*, это оскорбление, нанесенное феодалу, представителю социальных верхов. Однако штрафы и возмещения в гривнах золота применительно к оскорблени-

ям, нанесенным мужчинам, в известных древнерусских источниках отсутствуют. Вместе с тем Устав кн. Ярослава о церковных судах, в котором за умыкание, изнасилование и избиение жены или дочери боярина установлены гривны золота, позволяет предположить, что здесь могло иметься в виду бесчестье, нанесенное главе семьи в результате оскорбления его жены или дочери. Однако не исключено, что ставки в золотых гривнах, сохранившиеся только в акте церковного права применительно к охране чести женщины-боярыни, существовали и играли роль при определении возмещения за оскорбления, нанесенные мужчинам-боярам. Кроме статей О *«мужи кроваве»*, в случае оскорбления боярина действием и словом *наместницы судят ему по его отечеству безщестие* и по Двинской уставной грамоте конца XIV в.

Статья указывает на существование в Древней Руси феодальных групп, пользовавшихся наследственными привилегиями, связанными с давностью их аристократического положения, причем исчисление давности велось по женской линии. Это предполагает составление генеалогических древ боярских родов и какие-то доказательства принадлежности представительниц предшествующих поколений к числу тех, кто *был в золоте*. Судя по двойному денежному счету на гривны серебра и гривны кун, статья не может быть старше времени составления договора Новгорода с Готским берегом конца XII в. (где упоминаются и *гривны старые, гривны старых кун* и *гривны серебра*) и договора Смоленска с Ригой и Готским берегом середины XIII в. (ставки в *гривнах серебра*, являющиеся перерасчетом ставок в гривнах кун). Это указывает на XIII в. По мнению А. А. Зимина, статья составлена позднее начала XIII в., поскольку в ней соотношение гривны серебра и гривны кун показывает значительное обесценивание последних[357]. Как выяснил В. Л. Янин, соотношение этих денежных единиц в статье указывает на ее составление не позднее конца XIII в. Эта статья следует за текстом Пространной Правды в списках Археографического вида Пушкинской группы и находится среди дополнительных статей к Закону Судному людем в других списках юридического сборника, включающего Правду.

357 Памятники русского права. Вып. первый, с. 212.

Статья О ковании мужем

Статья устанавливает тарифные ставки (*железное*), полагавшиеся полицейскому чиновнику за заковывание в *железа* (оковы, кандалы) обвиняемого. Заковывание обвиняемого, судя по договору Смоленска с Ригой 1229 г. (ст. 4) и Двинской уставной грамоте (ст. 8), производилось тогда, когда он не мог представить поручителя в том, что не скроется. По мнению М. Н. Тихомирова, статья возникла не ранее XIV в.[358], хотя включение ее нормы в договор 1229 г. позволяет отнести ее по крайней мере к XIII в. Статья примыкает к тексту Пространной Правды в Соловецком V списке 1493 г. Пушкинской группы.

358 Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде, с. 151.

Статья О судных кунах

Статья фиксирует норму, согласно которой денежные возмещения потерпевшему, присужденные судом, но не выплаченные сразу, не облагаются *ростом* (процентами) и не ведут к увеличению задолженности, как это было принято по денежным суммам, данным в долг. Статья находится в составе Пространной Правды Карамзинской группы списков (после ст. 22).

Статья О сиротьем вырядке

Вырядок (от слова *ряд* — соглашение) — установление об изменении ряда, о прекращении его действия через определенный срок.

Статья устанавливает срок отработки феодалу вдовой умершего рядовича-закупа за взятую им в свое время бессрочную ссуду. Эта отработка для двух женщин ограничивается сроком в 12 лет и исходит из расчета: один год *страды* (здесь: работы на господина) одного человека за 1 гривну, т. е. в денежном выражении — 24 гривны.

Статья также находится в составе Пространной Правды в списках Карамзинской группы (после ст. 52).

Статья О муке

Утяжют — присудят.

Статья определяет ставки штрафов, которые заменяют применение *мук* — ареста под надзором дворянина (полицейского чиновника) и публичного наказания кнутом.

Судя по приписке со ссылкой на князя Ярослава, редактор Карамзинской обработки Правды всю ее, вплоть до последней статьи, относил к знаменитому законодателю XI в. Княжеские *дворяне* упоминаются в договорах Новгорода с великими князьями начиная с 1264 г. Наказание *кнутом* в Пространной Правде не фигурирует, но известно памятникам XV в.

Статья О человеце

Человек, обманом получивший деньги и пытающийся скрыться в другой земле, т. е., по М. Ф. Владимирскому-Буданову, злостный банкрот, не может пользоваться доверием, так же, как и вор. Реалии статьи имеют очень широкие территориальные и хронологические пределы, с XII по начало XV в., к которому относится старший список. А. А. Зимин относит эту статью к Новгороду XIII — XIV вв. Статьи *О человеце* и *О муке* следуют за текстом Правды в списках Карамзинской группы.

Статьи О мужи кроваве

По его пути — по его положению.

Статьи являются переработкой ст. ст. 29—31 Пространной Правды, принадлежащей церковному автору (см. слова *варяг или колбяг, крещение не имея*; эти статьи находятся только в составе Кормчих книг — сборниках церковного права). Этот автор ввел в статьи социально-юридические градации, известные по Уставу кн. Ярослава о церковных судах (великие и

меньшие бояре, городской людин, селянин), чуждые светскому кодексу XI — XII вв., и предписал платить за бесчестье не твердую ставку продажи в 3 гривны, как было в Пространной Правде, а ставку, находящуюся в зависимости от того, *каков будеть* пострадавший. Зачинщик драки тоже должен был платить не постоянную ставку в 60 кун, а столько, сколько ему присудят (*во что и обложать*). Так же в суде определялась и плата, которая должна была идти за лечение (*за рану судять, а оже лечебное*). При драке-схватке между иностранцами они присягают по своей вере или бросают жребий.

М. Н. Тихомиров относил статьи *О мужи кроваве* к середине XII в. Основываясь на ставке штрафа за избиение в 9 гривен, в три раза более высокой, чем в Пространной Правде, и в полтора раза выше, чем по договору 1229 г., А. А. Зимин считал статью принадлежащей XIII — XIV вв.[359] Статьи сопровождают текст Пространной Правды Розенкампфовского и Ферапонтовского видов в составе Кормчих книг.

359 Памятники русского права. Вып. первый, с. 219.

БИБЛИОГРАФИЯ

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 21.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. — Полн. собр. соч., т. 15.

Ленин В. И. Левонародничество и марксизм. — Полн. собр. соч., т. 25.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Правда Русская/Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I, тексты. М., 1939; Т. II, комментарий. М. — Л., 1947.

Русская Правда (тексты на основании 7 списков и 5 редакций составил и подготовил к печати проф. **С. В. Юшков**). Киев, 1935.

Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиональности его перехода в развитой феодализм. — История СССР, 1981, № 2.

Аргунов П. А. К пересмотру построения закупничества Русской Правды. — Ученые записки / Сарат. ун-т. Саратов, 1927. Т. VI, вып. IV.

Аргунов П. А. О закупах Русской Правды. — Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. Л., 1934.

Гейман В. Г. Суд и право в Киевской Руси. — В кн.: Культура Древней Руси. Т. II. М. — Л., 1951.

Гончаров А. Ф. Кровнородственные группы в уголовном и наследственном праве по Русской Правде и другим европейским средневековым памятникам права. — В кн.: Методология историко-правовых исследований. М., 1980.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. I. М., 1952.

Дедов Н. Н. Древнерусское государство. Свердловск, 1958.

Древняя Русь — зона встреч цивилизаций. М., 1980.

Дьяконов М. А. Очерки государственного и общественного строя Древней Руси. М., 1926.

Ермолаев И. П., Камафутдинова Р. Г. Правда Русская. Казань, 1973.

Зимин А. А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — Труды ИАИ, т. 7, 1954.

Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— Исторические записки, т. 76, 1965.

Исаев М. М. Уголовное право Киевской Руси. — Ученые

труды ВИЮН. Вып. VIII. М., 1946.

Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. I. 2-е изд. Спб., 1880.

Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1, 2, 3, 5, 6. Спб., 1859—1860.

Любимов В. И. Смерд и холоп. — Исторические записки, т. 10. М., 1941.

Максимейко Н. А. Мнимые анахронизмы уголовного права Русской Правды. — Вестник Права, 1905, март, апрель.

Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. I. Харьков, 1914.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. — Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. Вып. I, II. М., 1981.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. — Чтения МОИДР, кн. II, 1917.

Орешников А. С. О композиции Пространной редакции Русской Правды. — Правоведение, 1973, № 1.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. Спб., 1897; Пг., 1924.

Покровский С. А. О наследственном праве древнерусских смердов. — Советское государство и право, 1946 № 3—4.

Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства. — Труды ВЮЗИ. Т. 14. Проблемы истории государства и права. М., 1970.

Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.

Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси. — История СССР, 1981, № 2.

Рыбаков Б. А. Смерды. — История СССР, 1979, № 1

Свердлов М. Б. Крестьянство в системе социальных отношений на Руси X — XIII веков. — В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1978.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. Спб., 1903.

Сергеевич В. И. Вече и князь Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.

Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1975.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. Спб., 1903.

Сыромятников Б. И. О смерде Древней Руси.— Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. Кн. 2. М., 1946.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М., 1941.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1956.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Хачатуров Р. Л. Классовая природа Русской Правды. — В кн.: Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. Томск, 1979.

Хачатуров Р. Л. Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права. Иркутск, 1974.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XV вв. Ч. I. М.—Л., 1948.

Щапов Я. Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. Сб. статей. М., 1978.

Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI — XIII вв. М., 1978.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI — XIV вв. М., 1979.

Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Юшков С. В. Русская Правда. М., 1950.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939.

Юшков С. В. Русская Правда как кодекс русского феодального права. — Проблемы социалистического права, 1939, № 4—5.

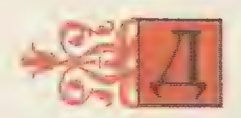
Яковкин И. И. Договор как нормативный факт в древнем праве. — Сборник статей по русской истории, посвященный **С. Ф. Платонову.** Пг., 1922.

Княжеские уставы и уставные грамоты

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусские княжеские уставы и уставные грамоты представляют собой памятники княжеского законодательства, акты, посвященные вопросам государственного управления, судопроизводства, налогообложения. Большая часть сохранившихся памятников такого рода определяет место церковной организации в системе государства. Появление их было вызвано тесной связью государства и церкви в Средневековье, существованием наряду со светской, государственной властью особой церковной власти митрополита, епископов и их чиновников, которая осуществлялась в общегосударственном и местном масштабах в финансовой сфере, в области управления и суда. Кроме того, церковь обладала рядом привилегий, обусловленных почти безраздельным ее господством в идеологии и особыми условиями формирования и развития публичной власти в раннефеодальном обществе.

Княжеские церковные уставы и уставные грамоты о десятинах, судах, церковных людях были документами, в которых отразился договор, определяющий взаимоотношения светской и церковной властей, их функции в государственном управлении и суде, их место в системе феодальной эксплуатации, участие в сборе и распределении даней, договор, устанавливающий разграничение земельных владений, т. е. соотношение земельных, финансовых и иных интересов государства и церкви.

Сохранившиеся княжеские церковные уставы можно разделить на группы в зависимости от того, какому периоду истории феодального государства они принадлежат, территорию какого государственного образования охватывает разделение властей по уставу, на какой ступени феодальной лестницы стоят фигурирующие в уставе стороны.

К первой группе относятся Устав князя Владимира Святославича о десятинах и церковных людях и Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. Эти уставы сохранились в большом числе позднейших переработок XIII — XIV вв. и во множестве списков XIV — XVIII вв., но их ранние тексты восходят ко времени существования Древнерусского государства и в их основе лежат установления названных древнерусских князей. В них оговариваются формы и размеры материального обеспечения церкви и пределы церковной юрисдикции применительно к столичной киевской митрополии. Это обстоятельство, и то, что законодателями в этих

уставах выступают великие киевские князья, а в создании Устава кн. Ярослава принимал участие киевский митрополит Иларион, обусловило действие названных уставов на территории всей Руси. Вместе с тем в их тексты вносились новые нормы, отражавшие изменения в соотношении светских и церковных властей в отдельных княжествах в процессе развития феодальных отношений и эволюции государственного строя и самой церковной организации.

Таким образом, по спискам церковных уставов Владимира и Ярослава можно не только установить систему материального обеспечения церкви, пределы церковной юрисдикции и нормы церковного права Древнерусского государства, но и проследить развитие этих институтов и норм в различных княжествах Руси в XIII — XV вв. вплоть до тех пор, когда сами княжеские уставы начинают переписываться и перерабатываться уже не как действующие сборники права, а как памятники, имеющие политическое значение в условиях образования Русского централизованного государства.

Вторая группа — это уставы и уставные грамоты, возникшие в период феодальной раздробленности в XII — XIV вв. Взаимоотношения княжеской и церковной властей в Смоленской земле в XII в. отражают грамоты князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила 1136—1150 гг. Условия, сложившиеся к тому времени в Новгороде, показывает грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. Изменения в положении церкви, связанные с развитием республиканского строя Новгорода, получили выражение в Уставе Всеволода о церковных судах и в уставе церкви Ивана на Опоках, известном как *рукописание* князя Всеволода Мстиславича.

Для истории взаимоотношений государственной власти и церкви на юго-западных и западных землях Руси в XIII — XIV вв. представляют интерес устав галицкого князя Льва Даниловича кафедральной церкви Успения 1301 г. и грамота луцкого и владимирского князя Любарта Гедиминовича соборной церкви и епископу 1321 г.

Особое место занимают княжеские уставы и грамоты, не связанные с церковной юрисдикцией. Таковы уставная грамота волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.), устанавливающая феодальные повинности в пользу княжеской администрации, и Устав князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц (*о мостех*). Эти документы являются важнейшими памятниками административной деятельности государственной власти XIII в. в условиях различных земель Руси.

В настоящий раздел включены некоторые уставы и уставные грамоты из перечисленных здесь. Уставной грамотой является документ, устанавливающий повинности феодально-зависимого населения, а применительно к церковным грамотам — документ, закрепляющий взаимоотношения светской и церковной властей в связи с конкретным случаем в определенном княжестве, на определенное время. Уставные грамоты,

имевшие местное и временное значение, не пользовались широким распространением и сохранились в небольшом числе списков или даже в единственных списках. Они воспроизводят текст, близкий к первоначальному.

В отличие от грамот уставы — памятники более сложного состава. В их основе лежит одна или несколько уставных грамот. Это документы, где уже обобщаются взаимоотношения государственной и церковной властей, существовавшие в течение длительного времени (иногда с момента составления такой грамоты до одной из последних переработок устава в форме соответствующей его редакции) и на различных территориях. Уставы содержат меньше указаний на конкретное место и время их создания, но отличаются широким содержанием, что способствует появлению большого числа их списков и обработок, которые оказываются применимы в различных условиях. В качестве княжеского устава особого типа можно рассматривать и Русскую Правду.

Списки княжеских уставов объединяются в редакции, изводы и виды. Редакциями уставов называются крупные переработки памятников, которые отражают изменения в политической, юридической или социально-экономической жизни общества и являются вместе с тем определенными этапами в истории текстов этих памятников. Каждая редакция может быть представлена одним или несколькими (многими) списками. Такими редакциями Устава кн. Владимира являются, например, Оленинская, сохранившая ранний текст XII в., Синодальная, отразившая изменения XIII — начала XIV в., и др. Редакциями Устава кн. Ярослава являются Краткая, сохранившая ранний текст XI в. в незначительном поновлении XIV в., Пространная, зафиксировавшая развитие древнерусского церковного права на рубеже XII — XIII вв., и др.

Каждая из редакций может быть связана не только с определенным временем, но и с местом, со столицами княжеств и епископскими кафедрами (Киев, Новгород, Галич, Туров, Владимир Суздальский, Москва, Новогрудок и др.). Изводы представляют собой менее значительные переработки текста уставов, результаты их приспособления к новым условиям места и времени, а также такие изменения, которые появляются при внесении памятника в состав летописи, юридического или другого сборника. Таковы, например, Белозерский извод Краткой редакции Устава Ярослава, который возник в XV в. под пером книжника Ефросина, когда он включал его в свой энциклопедический сборник, и Археографический извод Пространной редакции того же Устава в составе сборника, содержащего наряду с Новгородской Первой летописью многие юридические памятники, списки князей, посадников и епископов. В виды текста объединяются списки памятника, имеющие общие (иногда ошибочные) чтения и восходящие, возможно, к одному общему источнику — списку, называемому архетипом данного вида.

УСТАВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ И ЛЮДЯХ ЦЕРКОВНЫХ

Введение

Устав князя Владимира определяет место церковной организации в государстве — источники ее материального обеспечения, сферы юрисдикции. Он основан на соглашении между государственной и церковной властями.

Устав включает сведения о крещении Руси, создании в Киеве церкви Богородицы, установления о ее обеспечении в форме десятины от поступлений княжеских, судебных, торговых пошлин, от приплодов скота и сборов урожая. Устав содержит ссылку на соглашение князя Владимира с княгиней Анной и князьями-наследниками и нормы о передаче под юрисдикцию церкви круга дел, связанных с внутренней жизнью семьи, других дел, а также дел *людей церковных* — членов причта и отдельных социальных групп, в зависимости которых была заинтересована церковь. Это документ, отражающий раздел централизованной феодальной ренты и других пошлин между светской и церковной властями в периоды раннего и развитого феодального строя.

Устав был введен в науку в 1775 г. Г. Миллером, который опубликовал одну из наиболее поздних его обработок XVI в. в составе Степенной книги. Знакомство с отдельными поздними текстами привело Н. М. Ка́рамзина (1816) к мнению, что Устав представляет подделку, возникшую не позже XIII в. Того же мнения придерживались Е. Е. Голубинский (1880), относивший создание Устава к Новгороду, а также Н. С. Суворов (1888) и А. С. Павлов (1892), датировавшие его XIV в.

Расширение числа известных редакций Устава позволило митрополиту Евгению (Болховитинову) высказать мнение (1825), что в основе их лежит один и тот же ранний текст, который можно связывать с именем князя Владимира. Историко-юридическое исследование Устава в сравнении с Русской Правдой и памятниками византийского права привело К. Н. Неволина (1847) и затем митрополита Макария (Булгакова) к выводам, что широкое практическое употребление и поновления Устава явились причиной значительного изменения его текстов в течение столетий. Макарий характеризовал его древнюю основу как первый опыт применения к условиям Руси норм православной церкви и кодификации собственно русского церковного права. Специальное текстологическое исследование памятника С. В. Юшковым (1926), выполненное им на основе научного издания текстов устава В. Н. Бенешевичем (1915), показало, что Устав в том виде, который можно восстановить на основе многочисленных его обработок, при-

надлежит XII в. и что главным его источником является грамота князя Владимира Святославича начала XI в., подтвердившая ряд привилегий церковной организации на Руси. Мнение о принадлежности общей основы сохранившихся текстов Устава домонгольскому времени разделяют большинство современных исследователей. По нашему мнению, в основе Устава лежит грамота о выделении десятины церкви Богородицы в 995—996 гг., которая была переработана в первоначальный Устав в начале XI в. (до 1011 г.) в связи с учреждением епископских кафедр, распространения на них церковной десятины и установлением церковной юрисдикции. Устав продолжал складываться и развиваться в XI — XII вв. вместе с укреплением и расширением церковной организации. В него были внесены перечни «церковных судов» и церковных людей. Архетипный текст, лежащий в основе существующих редакций, сложился в середине или второй половине XII в. Он закреплял в это время соотношение светской (княжеской) и церковной властей в пределах их юрисдикции и оговаривал формы и размеры материального обеспечения церкви.

В процессе расширения числа епископских кафедр в XI—XIII вв. и обеспечения их отчислениями от поступлений централизованной феодальной ренты и пошлин, а затем и населенными крестьянами землями Устав отражал местные условия в положении церковной организации в различных княжествах.

Устав известен в семи редакциях, относящихся к XII — XIV вв. и более чем в двухстах списках. Ниже даются две его старшие редакции XII — XIII вв.— Оленинская и Синодальная. Другие принадлежат к более позднему времени: Варсонофьевская редакция возникла в начале XIV в. в Северо-Восточной Руси, Волынская и Печерская принадлежат XIV в. и связаны соответственно с Галичской землей и Туровом, или Пинском. Волынская редакция имела распространение и на территории Молдавии и Валахии. Троицкая редакция и редакция Степенной книги возникли в Москве XVI в.

ОЛЕНИНСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Введение

Оленинская редакция, наиболее близкая к архетипному тексту, относится к концу XII — первой половине XIII в. Отдельные группы ее списков, объединяемые в изводы, показывают связь с северо-западными и западными землями: Пушкинский и Археографический изводы — с Новгородом XIV — XV вв., Архангельский извод — с Полоцким княжеством XV в., Архивный — с Галицко-Волынской землей XIV в.

Синодальная редакция относится ко второй половине XIII — началу XIV в. Разнообразие текстов (известно шесть изводов этой редакции) связано с ее распространением на всей территории Руси, в том числе на украинских и белорусских землях.

Тексты подготовлены по изданию памятника: Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.). М., 1976.

В основе издания **Оленинской редакции** — список Архангельского извода, в большинстве мест лучше сохранившего ранний текст — ГПБ, F. II. 251 первой половины — середины XVI в.

Указаны существенные смысловые варианты по спискам того же Архангельского извода:

СЧ — ГИМ, Синодальное собр. № 951 1450-х — 60-х гг.

СМ — ГИМ, Синодальное собр. № 996, Новгород, 1545 г.

А — БАН, 10.4 втор. пол. XVI в.

У — ГИМ, собр. Уварова № 482 втор. пол. XVI в.

по списку Пушкинского извода:

П — ЦГАДА ф. 135, отд. V, I; № 1, Новгород (?) кон. XV — нач. XVI в.

по спискам Археографического извода:

Ар — ЛОИИ собр. Археографической комиссии № 240 Новгород, серед. XV в.

Сл — ГПБ собр. Соловецкого монастыря № 858 / 968 Новгород, 1493 г.

Текст

1. [1]Во имя отца, и сына, и святаго духа.

2. Се яз, князь великий[2] Василей, нарицаемыи Володимер[3], сын Святославль, внук Игорев (и)[4] блаженыя Ольгы, усприал есмь крещение святое от[5] греческых ца-

реи[6] Констянтина[7] и Василия[8] и Фотея патриарха[9], взях перваго митрополита Михаила[10] на Киев[11] и на всю Русь[12], иже крести всю землю Рускую.

3. И по том летом минувшим, создах церковь святую богородицю[13] и дах десятину к ней во всеи земли Рускои княжения[14] от всего[15] суда[16] 10-тыи грош[17], ис торгу 10-тую[18] неделю, из домов на всякое лето 10-е всякаго стада и всякаго живота[19] чюднои матери божии и чудному Спасу.

4. И по том[20] возрех в[21] греческии номоканун и обретох в нем, юже не подобает сих тяжь[22] и судов судити князю[23], ни бояром, ни судьям его.

5. И сгадав аз со своею княгиною Анною и со своими детьми, дал есмь[24] святой Богородици и митрополиту и всем епископом[25].

6. А ты[26] не ступають[27] ни[28] дети мои, ни внуци мои, ни род мои[29] в люди церковныя и во все суды[30].

7. И[31] по всем городом[32] дал есмь[33], и по погостом, и по свободам[34], где крестьяне суть[35].

8. А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред богом, а митрополиту проклинати его сбором.

9. Дал[36] есмь: роспусты, смильное, заставание[37], умыкание, пошибание, промежи мужем и женою[38] о животе[39], или о племени, или о сватовстве поимутся, ведство[40], урекание[41], узлы[42], зелье, еретичество, зубоядение[43], иже[44] отца и матерь бьют, или сын и[45] дочи[46] бьетася[47], иже[48] истяжются[49] о задници[50].

10. Митрополичи люди церковныи[51]: игумен, игумениа[52], (поп, попадья)[53], поповичеве[54], чернец, черница, дьякон, дьяконовая, проскурница[55], пономарь[56], вдовица, калика, стороник[57], задушный человек, прикладник, хромец, слепец[58], дьяк, и вси причетници церковныи[59].

11. Аще их кто внидет в вину, судити тех митрополиту и епископом опрочи мирян.

РАЗНОЧТЕНИЯ

1
Ар в начале заглавие *Рукописание святаго князя (Сл далее Владимира), крестившаго Рускую землю (Сл далее святым крещением);*

2—3
Ар *Володимер, нареченныи в святем крещении Василие;*

4
и вставлено по А, У, СЧ, СМ, Ар, Сл;

5—6
П *гречкаго царя;*

7—8
П нет;

9
Ар далее *Цареградскааго;*

10
Ар *Леона;*

11—12
П нет;

13
Ар далее *Десятинную;*

14
Ар *далее в соборную церковь;*

15
Ар *всякого княжа;*

16—17
П, Ар *десятую векшу;*

18
П *вторую;*

19
СЧ, П *жита,* П здесь заканчивается текст устава;

20—21
Ар *разгнувше;*

22
СЧ *тяжеб;*

23
СЧ *князем;*

24—25
Ар *тыя суды церквам, митрополиту и всем епискупом по Руськои земли;*

26
Ар *по том;*

27
А *вступаются,* Ар *надобе вступатися;*

28—29
Ар *детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века;*

30
Ар *далее их;*

31
Ар нет и статья 7 объединена с предыдущей;

32—33
Ар *и по волостем;*

34
СЧ, СМ *слободам;*

35
Ар далее *И своим тиуном приказываю церковного суда не обидети, ни судити без владычня наместника;*

36
Ар *А се церковныя суды дал;*

37
Ар *заставалное;*

38
Ар *далее и;*

39
Сч, См *далее их;*

40
СЧ, СМ *ведовьство;* Ар далее *зелеиничьство;*

41
Ар *урекания три;*

42
Ар *б..дьнею;*

43
Ар *зубоежа;*

44
Ар *или сын;*

45
СМ, СЧ *или;*

46
Ар далее *или сноха свекровь, или братиа;*

47
СЧ, СМ *бьются или братья бьються;*

48
СМ *или;* Ар *или дети;*

49
СМ, СЧ, Ар *тяжються;*

50
СМ, СЧ далее *А се;* Ар далее *потворы, чародеяниа, влъхвование, цалы;*

50—51
Ар *А се люди съборныя церкве преданы митрополитом и енископом;*

52—53
в основном списке, А, *У* нет, вставлено по СЧ, СМ, Ар, Сл;

54
СМ, СЧ *попович,* У *поп, дьякон;*

55
Ар *далее и кто в клиросе;*

56
Ар далее *дияк, и вси причетници церковнии, и дети их;*

57
Ар *лечець, прощеник;*

58
СМ нет;

58—59
Ар нет;

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Краткая инвокация (обращение к богу), наиболее распространенная в русских средневековых актах (см. Уставную грамоту Ростислава Мстиславича 1136 г., где инвокация пространнее).

Статья 2

Владимир Святославич (ок. 950—1015), князь новгородский (969—980), великий князь киевский с 980 г. Имя Василий получил при крещении (ок. 987—988).

Титул *князь великий* применяется к киевским князьям в Повести временных лет (начало XII в.) — к Олегу, Игорю и Святославу (в договорах с Византией 911, 944, 971 гг.), к Ярославу и Всеволоду (в рассказах о их смерти в 1054 и в 1093 гг.). В Синодальной, Варсонофьевской и Волынской редакциях Устава, восходящих к одному архетипу, применен титул *князь*. Сам княжеский титул стоит в интитуляции Устава перед именем князя, что характерно для княжеских грамот начиная со второй четверти XII в. (новгородские грамоты князя Всеволода Мстиславича 1134 г. и Изяслава Мстиславича того же года).

Учреждение великим князем Владимиром десятины. Миниатюра Радзивиловской летописи конца XV века.

Василий II (976—1025) и его брат *Константин* VIII (1025 — 1028) — византийские императоры, современники официального введения христианства на Руси при Владимире (988—989). Судя по вариантам, возможно, что в первоначальном тексте Устава упоминался только один царь, причем без имени. Упоминание младшего — Константина перед старшим — Василием может указывать на включение их имен в 1020-х гг., в царствование Константина.

Фотий, патриарх константинопольский (858—867). Христианство получило частичное распространение на Руси уже в 860-е гг. при Фотии и императоре Василии I (867—886), у которого был сын Константин; тогда на Руси появился и первый иерарх, присланный из Византии, как об этом сообщает сам Фотий (без указания имени). *Михаил, Леон* — возможно, что в первоначальном тексте Устава имя первого митрополита указано не было.

Статья 3

Статья закрепляет за церковной организацией в лице киевской Десятинной церкви десятую часть поступлений от централизованной феодальной ренты и других доходов. *Святая Богородица* — Десятинная церковь освящена в 996 г. По По-

...тви вырада и прчтыя бца. и помоливъшюся ему. ре
сице. се даю церкви сеи стѣи бци. от имѣнія моего
и от градов моих. десятую часть. и положи написав
клятву в церкви сеи рек. аще кто сего посудит да бу
деть проклят. и вдасть десятину настасу ко
рсуняниноу. и створи праздник велик в тои
дн. боляром и старцем градским. и убогым раздая имѣние

По сих же придоша печенѣзи к василеву. и воло
димир с малою дружиною изиде противоу.
и съступившимся. и не могы стерпѣти противоу
подбѣг ста под мостом. одва укрыся.
от противных. и тогда обѣщася
поставити церковь в василеве. святаго спаса преобра
жения. бѣ бо в тои день. преображение гос
гне. егда бысть сѣча. —

вести временных лет, Владимир передал ей десятую часть от княжеского имения и от княжеских городов и *положи написав клятву в церкви сей* с проклятьем тем, *аще кто сего посудить* (оспорит).

Десятина не всегда составляла одну десятую часть от княжеских доходов, торговых и судебных пошлин, поступающую в церковь. В Краткой Правде десятина от суда, собираемая мечником, являлась одной восьмой всех поступлений и одной пятой княжеской части, а десятина от даней, собираемая емцом, — одной шестой всех поступлений и одной пятой доли князя. Торговые пошлины собирались по неделям. В Пушкинском списке Устава XV в. торговая десятина указана в размере 50%. В Турове в XIV в. епископ собирал торговые пошлины две недели в году, вероятно, на ярмарках. *Грош* имел распространение на западных русских землях XIV — XV вв., входивших в состав Литовского великого княжества.

Десятина — форма обеспечения церковной организации в виде доли княжеских доходов, судебных и торговых пошлин.

Грош — мелкая монета

В других текстах Устава упоминается *векша* — одна шестая часть куны.

Статья 4

Статья ограничивает пределы светской юрисдикции, осуществляемой князем, боярами и судьями князя, вводя церковное судопроизводство.

Греческий номоканон — сборник правил церковных соборов IV — VII вв., правил епископов и установлений о церкви византийских императоров, бывший основным источником церковного права в Византии и вспомогательным источником на Руси (в XI — XII вв. в виде Кормчей Ефремовской редакции).

Статья 5

Княгиня Анна (ум. 1011) — сестра императоров Василия II и Константина VIII, выданная за князя Владимира (989) по договору об условиях военной помощи Василию. Упоминание ее в уставе отражает, вероятно, соглашение с ней как представительницей византийского императора — номинального главы восточной православной церкви — о патронате князя над церковной организацией.

Митрополичья кафедра создана в Киеве вскоре после принятия христианства, в 995—996 гг.; первые *епископии* (Белгород, Новгород, Полоцк и др.) возникли в конце X — начале XI в.

Статья 6

Род — зд.— потомки по косвенной линии, члены большой семьи.

Статья содержит отказ от вмешательства в церковную юрисдикцию потомков князя, имеющих право на наследование его власти.

Статья 7

Статья определяет действие закона в пространстве. Законодатель идет не по линии определения границ государства, а перечисляет основные категории населенных пунктов, исключая села. Подчеркивается, что имеются в виду пункты, где живет христианизированное население (крестьяне — здесь: христиане).

Статья 8

Санкция в духовной форме завершала первоначальный текст Устава.

Митрополиту предписывалось периодически собирать епископов на собор (*сбор*) для решения местных административных и дисциплинарных церковных вопросов.

Статья 9

Статья перечисляет дела, подлежащие ведению епископов, характеризует широкую юрисдикцию древнерусской церкви. Почти все перечисленные дела находились вне компетенции княжеского суда, который не составлял конкуренции суду церковному. Осуществляя судопроизводство по определенным делам, церковь превращалась в своего рода судебный орган феодального государства.

Промежи мужем и женою о животе — споры между супругами об имуществе, свидетельствующие о существовании в Древней Руси раздельной собственности супругов (см. также ст. ст. 93, 103, 106 Пространной Правды, где говорится об особом имуществе матери, ст. ст. 32—34 Пространной редакции Устава кн. Ярослава, упоминающие кражу вещей в семье). *Урекание* — оскорбление бранным словом и клеветой. *Зелье, зелейничество* — изготовление лекарств и *приворотных зелий*. В Археографическом изводе указано три вида оскорблений: бранным словом, обвинением в изготовлении зелий и в еретичестве. *Узлы* — один из видов чародейства, изготовление талисманов. *Зубоядение* — запрещенный, нечестный способ драки — кусание противника (см. также ст. 39 Пространной редакции Устава кн. Ярослава). *Иже истяжются о задници* — суд по спорам о наследстве между родственниками могли вести и церковные, и светские власти, но, судя по условной форме в ст. 108 Пространной Правды, княжеская власть рассматривала эти дела в каких-то особых случаях.

Статья 10

Статья перечисляет категории лиц, подлежащих особому судопроизводству. Сюда относятся не только члены причта и монашество, но и группы светского населения, не принадлежавшего к основным сословиям феодального общества, в патронате над которыми церковь была заинтересована.

Свободы (слободы) — поселения жители которых имели привилегии в выполнении феодальных повинностей

Смильное — незаконная связь мужчины и женщины

Заставание — нарушение супружеской верности, доказанное свидетелями

Умыкание — обрядовое похищение невесты для брака;

Пошибание — изнасилование;

Или о племени или в сватовстве поимутся — нарушение запретов браков между близкими родственниками и свойственниками;

Ведство — колдовство.

Задушный человек — холоп, отпущенный по завещанию (*за душу*)

Пропуск в Архангельском изводе упоминания об основном священнослужителе (*поп, попадья*) может быть связан с особым положением православной церковной организации на некоторых землях Литовского великого княжества конца XIV — начала XV в., где суд над священниками осуществляли местные феодалы — светские собственники церквей.

Прощеник — человек, получивший *прощение*, феодально-зависимое лицо. Происхождение *прощеника* объясняется по-разному: это бывший холоп или бывший свободный.

Прикладник — лицо, находящееся под патронатом церкви, происхождение которого неясно.

Статья 11

Статья говорит об особом порядке судопроизводства по делам лиц, перечисленных в ст. 10: *опрочи мирян*, т. е., очевидно, без участия светских свидетелей и сторонних людей.

СИНОДАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ
Введение

В основе издания Синодальной редакции — список Синодального извода из приложения XIV в. к Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов. Список находится в Государственном историческом музее (сокращенно — ГИМ, Синодальное собрание, № 132, лл. 628—630). Текст Устава публикуется по изданию: Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (издание подготовлено Щаповым Я. Н.)[60]. Нумерация статей в этом издании несколько отличается от той, которая принята в «Памятниках древнерусского канонического права»[61].

В вариантах к тексту указаны существенные смысловые разночтения по спискам Крестининского, Румянцевского и Волоколамского изводов Синодальной редакции. Буквенный шифр списков сохранен тот же, что и в издании Я. Н. Щапова.

А. Из списков Крестининского извода использованы:

1. **АП** — список Академический первой четверти XVI в. из Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград), 21.5.4, лл. 477 об. — 479 об. (из собр. Плигина, № 14).

2. **ИК** — список Музейский последней четверти XV в. из Государственного исторического музея, Музейское собрание 798, лл. 256 об. — 258.

3. **ЕФ** — список Егоровский середины XVI в. из Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Егорова 248, лл. 748—751.

4. **С** — список Синодальный 1586—1587 годов из Государственного исторического музея, Синодальное собрание 524, лл. 395—398.

5. **АА** — список бывшего Антониева Сийского монастыря 1560-х годов из Библиотеки Академии наук СССР, Арханг. Д 211, лл. 532 об. — 534 об.

6. **Ус** — список Успенский конца XVI в., составленный в Москве, из Государственного исторического музея, собрание Успенского собора 21/1072, лл. 463, 464—465 об.

7. **З** — список Забелинский XVII в. из Государственного исторического музея, собрание Забелина 236—399, лл. 409 об., 410 об. — 411 об.

8. **ОУ** — список Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина конца XV — начала XVI в. из ГПБ, Q I.385, лл. 28—30 об.

9. **Белоз** — список Кирилло-Белозерский 1470-х годов из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-

60 Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.

61 Русская историческая библиотека, XXXVI; Пг., 1920.

Щедрина, библиотека Кирилло-Белозерского монастыря 9/1086, лл. 97 об. — 102.

Б. Из списков Румянцевского извода использованы:

1. **РЕ** — список Румянцевский последней четверти XV в. из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Румянцева, № 232, лл. 198—199.

2. **Лв** — список Львовский 1565 г. из Львовского исторического музея, № 118 (из Собрания Ставропигийского братства церкви Успения во Львове, № 90), Зименский монастырь около г. Владимира-Волынского, лл. 263—264, 259 об.

В. Из списков Волоколамского извода использован один список:

1. **Вл** — список Волоколамский 1560-х годов из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Волоколамское 522, лл. 575 об. — 580 об.

Текст

УСТАВ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВОЛОДИМИРА, КРЕСТИВШАГО РУСЬСКУЮ ЗЕМЛЮ, О ЦЕРКОВНЫХ СУДЕХ[62]

1. Во имя отца, и сына, и святого духа.

2. Се яз, князь[63] Василии, нарицаемы Володимир[64], сын Святославль, внук Игорев, блаженыя княгини Олгы, въсприял есмь святое крещение от грецькаго царя[65] и от Фотия патриарха царегородьского, взях пьрваго митрополита Леона[66] Киеву, иже кьрсти всю землю Русьскую святымь крещеньемь.

3. По томь же летом многым минушем создах церковь святыя Богородица Десятиньную и дах еи десятину по всей земли Русьстеи ис княжения в сборную церковь от всего княжа суда десятую векшю, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чюдному Спасу и чюднеи[67] его матери[68].

4. По томь разверзъше грецьскыи номоканон и обретохом в немь, оже не подобаеть сих судов и тяжь князю судити, ни бояром его, ни судьям[69].

5. И яз, съгадав[70] с своею княгинею с Анною и[71] с своими детми[72], дал есмь ты суды церквам, митрополиту и всем пискупиям[73] по Русьскои земли.

6. А по семь не надобе въступатися ни детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века, ни в люди церковные, ни во все суды их.

7. То все[74] дал есмь[75] по всем городом и по погостом, и по свободам, где[76] нъ суть християне[77].

8. И своим тиуном приказываю церковнаго суда[78], не обидети[79] ни судити[80] без владычня наместника[81].

9. А се церковнии суди: роспуст[82], смилное[83], заставанье[84], пошибанье, умычка[85], промежи мужем и женою о животе[86], в племени или в сватьстве[87] поимуться, ведьство, зелииничьство, потвори[88], чародеяния, волхвования, урекания три: бляднею и зельи[89], еретичьство[90], зубоежа, или сын отца бьеть[91], или[92] матерь, или дчи[93], или снъха свекровь[94], братя или дети[95] тяжються о задницю, церковная татба, мертвеци сволочать[96], крест посекуть или на стенах режють[97], скот или псы, или поткы[98] без великы нужи въведет[99], или ино[100] что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить, или кого застануть с четвароножиною, или кто молиться под овином[101], или в рощеньи, или у воды, или девка детя повьржеть.

10. Те все суды церкви даны суть[102]. Князю и бояром и судьям их в ты суды нельзе въступатися.

11. То все дал есмь по първых царев уряженъю и по вселеньскых святых[103] семи зборов[104] великых святитель[105].

12. Аже кто преобидить нашь[106] устав, таковым непрощеным быти от закона божия и горе собе наследують.

13. А своим тиуном приказываю суда церковнаго не обидети и с суда[107] давати 9 частии князю, а 10-я святеи церкви.

14.[108] А кто пообидить суд церковныи, платити ему собою, а перед богомь тому же отвечати на страшнем суде пред тмами ангел, иде же когождо дела[109] не скрыються[110] благая или злая, иде же не поможеть никто же кому, но токмо правда[111] избавить от вторыя смерти, от вечныа мукы, от хрещения неспасенаго, от огня негасимаго. Господь рече: в день месть въздамь сдержащим неправду в разуме, тех огнь не угаснеть и червь их не умреть, створшим же благая — в жизнь и в радость и неизреченную. А створшим злая[112] в въскрешенье суда, им же рече[113], неизмолим суд обрести[114].

15. Еже искони уставлено есть и поручено[115] святым пископьям[116] городьскые и торговые всякая мерила и спуды извесы, ставила, от бога тако искони уставлено пискупу[117] блюсти бес пакости, ни умалити, ни умножити, за все то дати ему слово в день суда великаго, яко же и о душах человеческах.

16. А се[118] церковные люди[119]: игумен, поп, дьякон, дети их, попадия[120] и кто в клиросе, игуменья, чернець, черница, проскурница, паломник[121], лечець[122], прощеник, задушьныи человек[123], стороник, слепець, хромець. Манастыреве, болнице, гостинници, странноприимнице[124].

17. То люди церковные, богаделные[125]. Митрополит или[126] пискуп ведает межи ими суд, или обида или[127] котора, или[128] вражда, или задница.

18. Аже будеть иному человеку с тымь человекомь речь, то обчии суд[129].

19. Кто преступить си правила, яко же есмы управили по

святых отець правилом и първых царев управленью, кто иметь преступати правила си, или дети мои[130], *или правнучата, или в котором городе наместник, или тиун, или судья, а*[131] *пообидять суд церковныи, или кто иныи*[132], *да будуть прокляти в сии век и в будущии семию зборов святых отець вселеньскых*[133].

РАЗНОЧТЕНИЯ

62
АП *далее и о десятинех;*

63—64
АП *Володимер, нареченныи в святемь крещении Василии;*

65
Вл *далее Констянтина;*

66
Вл *Михаила;*

67—68
АП, ОУ *Богородици;*

69
АП, ОУ, *тиуном;*

70—71
АП, ОУ, РЕ *нет;*

72
ОУ *далее с всеми князи и с своими бояры;*

73
ОУ *епископиям;*

74—75
Белоз *ведает митрополит и епископи;*

76—77
Белоз *живуть;*

78—79
ОУ *не судити и наших судов без судии без владычня;*

80—81
ОУ *десятин деля;*

82
Белоз *роспуски;*

83
ИК *смилные;*

84
АП, ИК *застатье;*

85
в основном списке слово *умычка* вставлено над строкой;

86
АП *далее их;*

87
АП, Белоз *сватовьстве;*

88
З *плод твори;*

89
С *зелием;*

90
АП *еретичеством;*

91
АА, Ус *убиет;*

92—93
Лв *дочка матерь биеть;*

94—95
РЕ, Вл *или кто уречется скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дети, а любо племя;*

96
Белоз *одирають;*

97
АП, ОУ *трескы емлют из креста;*

98
ЕФ *птицы;*

99
АП *далее в церковь;*

100
АП *нет;*

101
АП, ОУ *или во ржи;*

102
РЕ *далее законом божьим по правилом святых отець*

христианьсъкыми цари и князи в всех христианьских людех;

103
АП, ОУ *далее отець;*

104
АП, ОУ *сбор вселенских;*

105
РЕ *далее князю и бояром и судиям не прощено от закона божьа вступатися в тыа суды;*

106
АП *сии;*

107
АП, ОУ *судов из городских;*

108—114
РЕ *нет;*

109—110
АП, ОУ *открыются яве;*

111
ОУ *далее и добрыя детели;*

112—113
АП, ОУ *рекше неправо судившем на сем свете и лукавно;*

115—116
АП *богом святителемь и спископиям их;*

117
РЕ *митрополиту;*

118—119
РЕ, Вл *люди церковни предании митрополиту по правилом;*

120
РЕ *далее диаконица;*

121
РЕ *пономарь;*

122
ОУ *далее вдовица;*

123
РЕ, ВЛ *далее прикладень;*

124
РЕ, Вл *далее а кто порты черненсскыя съврьжеть;*

125—126
АП, ОУ *нет;*

127—128
АП, ОУ *катория;*

129
РЕ, Вл *далее А присуд и пересуд наполы;*

130
АП, ОУ *далее князи;*

131—132
ОУ *имуть обидети суды церковныя или отимати;*

133
РЕ далее идет *Проклинание святого Владимера,* в которое почти дословно входит ст. 14 Основного списка. После последних слов этой статьи идет следующий текст: *А кто уставление мое порушаеть, или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего, или от боярь кто, а порушаеть ми ряд, или уступятся в суды митрополичи, что есми дал митрополиту и епископом, по правиломь святых отець, судивше казнити по закону. Аще кто иметь судити церковныи суды, что приданы митрополиту, станеть с мною на страшнем суде пред богомь и будеть на немь клятва святых отець 300 и 18, иже в Никеи всех святых. Аминь;*
Вл после последних слов ст. 19 Основного списка в Волоколамском списке идет далее следующий текст: *А се о десятинах. От всего княжа суда десятая векша, ис торгу десятая неделя, и от данеи, от веры и из всего схода и прибытка, и от лова княжа, и от всякого стада, и от всякого жита десятое в соборную церковь епископу. Царь или князь в девятих частих, а церкви соборная в десятои части. Основаниа же иного никто не может положити паче лежащего сего и да вси съгражают на сем основании. Иже кто разсыплет храм божии, разсыплет того бог, церкви бо божиа свята есть. И аще кто изменит святыи сеи устав, отечьскыи грех и горе себе наследуеть.* Далее почти дословно повторяется содержание *Проклинания святого Владимира.*

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Статья не несет нормативной нагрузки, а представляет собой традиционное обращение к богу, во имя которого издается закон.

Статья 2

Статья указывает на факт крещения Руси, что и породило необходимость издания Устава.

В разных списках Устава мы встречаемся с различными именами византийских царей и первых русских митрополитов. Даже в разных списках одной, в частности Синодальной, редакции в качестве первого русского митрополита упоминается то Леон (Основной список), то Михаил (список Волоколамского извода).

Аналогичная картина наблюдается и в списках Оленинской редакции. Этот факт, по-видимому, обусловлен различиями места и времени происхождения текстов и отражает стремление разных церковных кругов увековечить в русской истории имя того или иного митрополита[134]. Согласно мнению Я. Н. Щапова, в архетипе Устава значилось лишь имя Леона, его же в качестве первого митрополита называет и Е. Е. Голубинский.

134 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв., с. 74-75

Статья 3

Статья устанавливает доходы церковной организации в лице церкви Св. Богородицы Десятинной.

Сборную, зборную — соборную.

Статьи 4 и 5

Статьи написаны в соответствии с правилами греческой православной церкви и представляют собой отказ князя от вмешательства в дела, переданные церкви. Таким образом, закрепляется принцип разделения церковной и светской судебной компетенции.

Векшю, векша — денежная единица, сменившая веверицу.

Княгиня Анна — сестра византийских царей Василия и Константина — была выдана замуж за князя Владимира, заинтересованного в установлении династических связей с Византией. Согласно Повести временных лет, Владимир в противном случае грозил даже пойти походом на Константинополь.

Номоканон — сборник официальных и неофициальных церковных постановлений, возникший в Византии и распространившийся в Древней Руси под названием Кормчих книг.

Единственным условием для заключения брака, выдвинутым греческими царями, было принятие князем Владимиром христианского крещения. Это условие, по-видимому, сыграло решающую роль при утверждении князя в решении принять христианство и крестить Русь.

Пискупиям — епископствам.

Греческая царевна Анна стала последней и единственной христианской женой князя Владимира (до принятия христианства у него было 5 жен, называемых в летописи *водимыя*, и 800 наложниц: 300 содержались в Вышгороде, 300 — в Белгороде и 200 — в сельце Берестовом)[135]. Именно

135 ПСРЛ. т. I. Спб. 1846. с. 34. под 980 г.

княгиня Анна являлась проводницей идей византийской церкви и советником князя Владимира. В соответствии с византийским традиционным образцом отношений между царем и церковью на Руси сложилась такая система, при которой князь являлся покровителем церкви. Поэтому церковный Устав издавался от имени князя.

Статьи 6—7

Статьи представляют собой наказ князя Владимира своим многочисленным детям (одних только сыновей было 12), внукам и другим родственникам не вмешиваться в компетенцию церковного суда. Князь Владимир подчеркивает бессрочное во времени и неограниченное четкой территорией действие своих установлений.

Критерий для определения пределов действия закона скорее персональный, а не территориальный: *где живут христиане.*

Погостом — административно-территориальным единицам.

Свободам — слободам, поселкам.

Статья 8

Владыка — священнослужитель высшей церковной иерархии: архиерей, епископ, архиепископ или митрополит.

Данная статья содержит приказ князя своим судьям не вмешиваться в дела, отданные на рассмотрение церковного суда, и более того, не рассматривать впредь без участия наместника владыки даже те дела, которые традиционно входили в компетенцию княжеских судей (см. разночтения по списку ОУ).

Статья 9

Статья содержит перечень поступков, которые стали расцениваться с точки зрения церковного права как преступления. Устав кн. Владимира не определяет меру наказания за эти деяния.

Живот — имущество.

Можно было бы предположить, что приглашенные на Русь византийские церковные иерархи принесли вместе с новой религиозной системой и новую правовую систему. Действительно, в русские Кормчие книги неизменно включались такие законодательные акты, как Эклога — византийский законодательный свод VIII в., Закон Судный людем — южнославянская переработка Эклоги, дополненная покаянными правилами[136], Прохирон — византийский свод законов конца IX в. (879 г.), а также извлечения из Пятикнижия Моисея[137]. Эклога и Прохирон — скорее светские законодательные своды, содержащие нормы гражданского, семейного и уголовного права. В них отсутствуют указания на собственно церковные наказания — епитимии, отлучение, содержащиеся в канонических источниках права. Церковные наказания налагались в Византии наряду со светскими. А в Эклоге и в Прохироне широко представлены как членовредительные наказания (отсечение руки, отрезание носа, оскопление и т. п.), так и смертная

136 Закон Судный людем. Краткая редакция. Под ред. акад. Тихомирова М. Н. М., 1961, с. 24.

137 Ключевский В. О. Соч., М., 1956, т. 1, с. 209-210.

казнь. Включение таких законов в русские Кормчие книги служило скорее цели ознакомления русских судей с византийскими законодательными образцами (наряду с национальными законами), чем цели придания им обязательной силы закона. Соглашаясь с М. Н. Тихомировым, «можно сомневаться в том, что юридические нормы Закона Судного людем с их строгими византийскими наказаниями применялись в русской юридической практике XI — XIII вв.»[138]. Хорошо известно летописное сказание о том, как приглашенные на Русь византийские епископы предложили князю Владимиру ввести за некоторые преступления смертную казнь. Князь Владимир поначалу согласился, но вскоре вынужден был отказаться от несвойственных Древней Руси жестоких наказаний и вернуться к денежным взысканиям, что соответствовало и интересам самого князя. Очевидно, что византийская система наказаний не соответствовала русской обычно-прововой системе наказаний. Ведь ей, как это видно из Русской Правды, несвойственны ни членовредительные наказания, ни месть по принципу талиона, ни смертная казнь. Это несоответствие византийской системы наказаний русским обычаям, по-видимому, и привело к отсутствию в Уставе князя Владимира указаний на какие бы то ни было наказания вообще. Определенная система наказаний появляется в более позднем памятнике церковного права — Уставе кн. Ярослава. И хотя отсутствие собственных санкций в Уставе кн. Владимира не означает применения византийских наказаний, все же важно знать, с какими мерками пришли на Русь византийские служители церкви.

138 Закон Судный людем. Краткая редакция, 23.

Зелиничьство — лекарничество, знахарство, искусство исцелять или привораживать посредством чудодейственных снадобий из зелий, трав.

Потвори — чародейство, колдовство.

Волхвования — волшебство, знахарство, завораживание, искусство гадания, врачевания.

Еретичьство — вероотступничество, колдовство.

Нормы ст. 9 имеют, таким образом, двоякое значение — материальное и процессуальное. С одной стороны, они объявляют общественно опасными такие поступки, которые не рассматривались как преступления русским обычным правом; с другой — определяют подведомственность таких дел церковным судам.

Церковь стремилась к тому, чтобы брак заключался на всю жизнь и в идеале оставался бы нерасторжимым. Брак мог быть расторгнут лишь в исключительных случаях, причем лишь после церковного судебного разбирательства. Обоснованием нерасторжимости брака служили книги Священного писания Ветхого и Нового завета: книга Бытие (гл. 2, ст. 21—25; гл. 3), Евангелие от Матфея (гл. 19, ст. 1—12), Евангелие от Марка (гл. 10, ст. 1—12), Евангелие от Луки (гл. 16, ст. 18). Не вдаваясь в подробности канонического учения о браке, следует заметить, что даже не все христианские церкви признают вышеуказанные ссылки на Библию достаточным обоснованием нерасторжимости брака. Но тем не менее определенный смысл в возведении в закон этого принципа есть. Люди должны были привыкнуть к мысли, что брак почти нерасторжим, и стремиться выработать такие нормы поведения, которые бы позволили супругам ужиться. Это способствовало проявлению более бережного отношения их друг к другу. Но нельзя не заметить, что задача устранения антаго-

Снъха — жена сына.

Потки — птицы.

Четвароножини — скотина.

Овин — строение для просушки хлеба в снопах.

Рощенье — роща, лес.

низма при таких условиях могла быть решена лишь путем усмирения природных страстей.

Трактовка термина *смилное* как внебрачной связи мужчины и женщины не является общепризнанной. Е. Е. Голубинский, например, выводил понятие *смилное* от слова *мило* (приданое) и подразумевал здесь тяжбы из-за приданого[139]. А. С. Павлов же объединял рядом стоящие слова ст. 9 и понимал под *смилным заставаньем* — «брачный сговор с назначением неустойки»[140]. Но следует заметить, что термин, производный от слова «заставанье», употребляется также в словосочетании в ст. 9 *или кого застануть с четвароножиною*. Однако ни о каком «брачном сговоре» с *четвароножиною* говорить не приходится. Поэтому представляется более убедительным мнение К. А. Неволина, согласно которому *смилное* должно означать «любовную связь между лицами, как соединенными, так и несоединенными браком». При выдвижении такого объяснения К. А. Неволин осуществил сравнительный анализ других славянских языков, что помогло ему выяснить действительное значение слова *смилное*. При этом он оставался далеким от категоричности и допускал, что слово *смилное* означало не самостоятельный состав преступления, а служило прилагательным к слову *заставанье*, но при этом, как он верно заметил, мысль законодателя, по существу, не изменяется[141]. И. И. Срезневский переводил слово *смило* как приданое, но словосочетание *смилное заставанье* предлагал переводить как прелюбодеяние[142].

Думается, что *смилное* все же может быть выделено в самостоятельный состав преступления — не освященную церковью совместную жизнь мужчины и женщины. Определенным аргументом в пользу раздельного толкования понятия *смилное* и *заставанье* является употребление в одном из списков Крестининского вида (в вариантах он обозначен ИК) понятий *смилные* и *застатье* в разных числах: во множественном и единственном. По-видимому, составитель расценивал их как разные составы преступлений, поскольку не согласовал числа.

Таким образом, церковь стала признавать половую жизнь лишь в освященном ею браке и пресекать внебрачные связи. Согласно книге Исход (гл. XXII, ст. 16—17), внебрачная половая связь с девицей влекла следующие последствия: *Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено* (и возьмет ее) *себе в жену; а если отец не согласится* (и не захочет) *выдать ее за него, пусть заплатит* (отцу) *столько серебра, сколько полагается за вено девицы*. По византийским законам, добрачная связь влекла аналогичные последствия для мужчины: если он принадлежал к числу состоятельных, то должен был заплатить соблазненной им девушке литр золота; если он был среднего достатка — половину своего состояния; если бедный, то должен был быть высечен, острижен и выслан. Этих последствий можно было избежать лишь в случае заключения брака (Эклога, тит. XVII, ст. 29, аналогичные установления есть и в Прохироне). Очевидно, что

139 Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I, полутом I. М., 1901, с. 531.

140 Павлов А. С. Курс церковного права, Св.-Тр. лавра, 1902, с. 138.

141 Неволин К. А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого — Полн. собр. соч., т. VI. Спб., 1859, с. 282.

142 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. Спб., 1912, стб. 443.

Повьржеть — родит, но, возможно, выкинет, избавится от плода.

Роспуст — развод супругов без разрешения церковного суда.

Промежи мужем и женою о животе — имущественные споры между супругами.

природное влечение людей направлялось церковью в русло брачной жизни. Следует сказать, что наряду со стремлением к достижению нравственных целей церковноправовые нормы о браке были направлены на обеспечение господства церкви над массой. Семья — устойчивая общность людей. Общество составлялось из однородных социальных клеток. Если учесть, что, согласно церковным правилам, муж и жена должны были исповедоваться у одного и того же духовного лица[143], то станет ясным механизм управления семьей, а через нее — и массой.

Согласно книге Второзаконие (гл. XXII, ст. 22), *если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих...* А если муж тяготился лишь подозрениями о неверности своей жены, но не имел четких улик, то, согласно книге Чисел (гл. V, ст. 11—31), ему предлагалось передать ее в руки священнослужителей для испытания с помощью хитроумных ордалий. Предполагалось, что, подвергнув жену ревнивого мужа испытаниям, можно было получить четкие доказательства ее прелюбодеяния либо верности.

Устав кн. Владимира не указывал на последствия *заставанья*, по византийским же законам прелюбодеи подвергались отрезанию носа, после чего брак прелюбодейки подлежал расторжению, а прелюбодею, наоборот, запрещалось разлучаться с женою. Причем если муж прелюбодейки знал о ее связи с другим мужчиной и допускал это, его следовало высечь и изгнать (Эклога, тит. XVII, ст. 27—28).

Е. Е. Голубинский и К. А. Неволин относят слово *пошибанье* к словам *промежи мужем и женой о животе*, поскольку слово *умычка* вставлено в тексте использованного ими списка над строкой[144]. Но более вероятным кажется мнение А. С. Павлова, согласно которому *пошибанье* представляет самостоятельный состав, означающий изнасилование чужой жены или дочери[145]. *Пошибанье* как самостоятельный состав преступления встречается и в Уставе кн. Ярослава (ст. 3 Краткой ред.), и в договоре Новгорода с немцами (ст. 7)[146].

Согласно книге Второзаконие (гл. XXII, ст. 28—29), изнасилование влекло за собой следующие последствия: *Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит ее и ляжет с нею и застанут их, то лежавший с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят (сиклей) серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею.* Очевидно, наряду со штрафом в качестве наказания расценивалось и навязывание жены. Изнасилование же обрученной девицы каралось смертной казнью (Второзаконие, гл. XXII, ст. 25—27). По византийским законам, изнасилование каралось отрезанием носа (Эклога, тит. XVII, ст. 30).

В Повести временных лет описаны языческие обычаи славян, в том числе и умычка, являвшаяся обычной формой вступления в брак. Причем *умычке* предшествовала предварительная договоренность жениха с невестой. Церковь стала вес-

143 Заповедь св. отець ко исповедающимся сыном и дщерем, ст. 22.— Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I, пол. 1. с. 513.

144 Неволин К. А. О пространстве церковного суда., с. 121.

145 Павлов А. С. Курс церковного права, с. 138.

146 Памятники русского права. Вып. второй, с. 125.

ти борьбу с языческими браками, поскольку в результате заключения браков вне церкви масса выходила из-под влияния священнослужителей.

Фраза *промежи мужем и женою о животе* может быть прочтена, по мнению А. С. Павлова, как *пря межи мужем и женой*[147]. Подобные дела нетипичны для церковного суда. В основном церковь сосредоточивала внимание на регулировании личных неимущественных отношений супругов, т. е. на духовной стороне брака. Имущественные же отношения регулировались светской властью. Но следует обратить внимание на то, что Русская Правда регулирует имущественные отношения в семье лишь применительно к наследственному праву. В Уставе же кн. Владимира имеются в виду, очевидно, споры об имуществе при жизни супругов.

В племени или в сватьстве поимуться — нарушение запрета половых отношений в кругу близких родственников и свойственников. Этот запрет основывается на книге Левит (гл. XVIII, ст. 6—21; гл. XX, ст. 10—21), где предусматриваются за его нарушение очень суровые наказания, в основном в виде смертной казни.

Запрет был вызван стремлением исключить половые влечения сына к матери, брата к сестре и т. д. Соблюдение запрета способствовало сохранению мирных отношений в семье, если ее понимать в широком смысле, как объединение не только близких родственников, но и проживающих вместе с ними свойственников. Следует заметить, что нарушения запрета так называемых кровосмесительных связей сурово карались по византийским законам. Вступающие в половые отношения родители и дети или братья и сестры подлежали смертной казни, другие родственники, а также свойственники — отрезанию носа (Эклога, тит. XVII, ст. 33; аналогичные положения содержатся и в более поздних законах).

Ведьство, зелинничьство, потворы, чародеяния, волхования: все это подлежало суду церкви по крайней мере по двум причинам. С одной стороны, церковь стремилась изучить и использовать всевозможные способы исцеления людей или психологического воздействия на массы. Но помимо накопления знаний церковь преследовала и другую цель. Отстраняя лиц, обладающих известным влиянием на людей, церковь стремилась оградить свою собственную монополию воздействия на массы, поскольку люди, обладающие способностью исцелять, могли, с церковной точки зрения, составить определенную конкуренцию священнослужителям или даже Иисусу Христу. Таким образом церковь пыталась оберегать массы от веры в новых пророков и исцелителей.

В книге Второзаконие (гл. XIII, ст. 1—5) содержатся следующие предостережения: *Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им, — то не слушай слов пророка сего, или*

147 Павлов А. С. Курс церковного права, с. 139.

сновидца сего; ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, и от всей души вашей... Далее говорится о предании этих пророков смерти. В книге Левит предписываются аналогичные последствия для волхвов: *Мужчина ли или женщина, если они будут вызывать мертвых или волховать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них* (Левит, гл. XX, ст. 27).

Врачевание допускалось только под эгидой церкви. Недаром, согласно ст. 16 Устава кн. Владимира, *лечець* отнесен к церковным людям. По византийским законам колдуны и знахари подлежали казни мечом (Эклога, тит. XVII, ст. 43). Церковь пыталась жестоко расправляться с волхвами и на Руси. Новгородская летопись сохранила рассказ о сожжении четырех волхвов в 1227 г.: *Сожгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы деюще, а бог весть*[148]. Как подметил Я. Н. Щапов, даже сам летописец сомневался в справедливости этой кары по отношению к волхвам[149].

Урекания три: бляднею и зельи, еретичьство — К. А. Неволин усматривает в этих словах «укоризну или обвинение в незаконном сожительстве», зелейничестве или еретичестве[150]. Но, по всей видимости, справедливое обличение в поступках, которые стали рассматриваться церковью как противозаконные, не должно было подлежать пресечению, а скорее, наоборот, должно было поощряться церковью. Вероятно, подлежали пресечению не соответствующие действительности упреки, клеветнические наговоры. Именно так переводит слово *урекание* И. И. Срезневский: «Наговор, нарекание, осуждение наговором, клеветою»[151]. Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные в статье дела стали рассматриваться как преступные лишь после того, как на них стала распространяться юрисдикция церкви.

Зубоежа — В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов понимают под *зубоежей* укусы во время драки. Такое представление вытекает из сравнения Устава кн. Владимира с Уставом кн. Ярослава, в котором прямо указывается на случай драки с укусами (ст. 30 Устава кн. Ярослава Краткой редакции). А. С. Павлов, пытаясь выяснить, почему *зубоежа* была отнесена к церковному суду, высказал предположение, что под *зубоежей* следует понимать не простой укус, а соединенный с особенною волшебною силою, которая причиняла укушенному вред, *порчу*[152].

В. Н. Грибовский, специально исследовавший этот вопрос, попытался доказать, что под *зубоежей* следует понимать *звероядину*, т. е. запрет церкви употреблять в пищу животных, задушенных собаками во время охоты[153]. Обоснованием этого запрета В. Н. Грибовский считал ссылки на Ветхий завет, в котором сказано: *Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте* (Бытие, гл. 9, ст. 4). Но следует заметить, что между *зубоежей* и *звероядиной* мало общего. Пожалуй, не лишено смысла осторожное замечание К. А. Неволина, согласно кото-

148 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1952, с. 65.

149 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси, с. 48.

150 Неволин К. А. О пространстве церковного суда.., с. 282.

151 Срезневский И. И. Материалы для словаря.., т. III, стб. 1261.

152 Павлов А. С. Курс церковного права, с. 142.

153 Грибовский В. Н. Что такое «зубоежа» как преступление. Спб., 1905.

рому под *зубоежей* имеется в виду вампир, т. е. «мертвец, который по суеверному представлению, высасывает кровь у людей»[154]. Действительно, смысл этого слова не совсем ясен. Возможно, К. А. Неволин не так уж неправ, только речь, пожалуй, должна идти не о мертвеце, а о живых людях — людоедах. Магический каннибализм был широко распространенным явлением на низших ступенях развития человечества. Что касается вышеприведенного мнения В. И. Сергеевича и М. Ф. Владимирского-Буданова, то их трактовка *зубоежи* как пристрастия к укусам тоже не противоречит вышеприведенному объяснению.

154 Неволин К. А. О пространстве церковного суда..., с. 279.

Или сын отца бьеть, или матерь, или дчи, или сънха свекровь — в других списках той же Синодальной редакции эта фраза выглядит более четко, в частности в списках Румянцевского извода значится: *...или сын отца биеть, или дочка матерь, или сноха свекров*. Обоснованием отнесения к церковному суду названных дел являлось слово бога, обращенное к Моисею: *Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти* (Исход, гл. 21, ст. 15). Обращает на себя внимание то, что законодатель указал в данной статье на такие пары, ссоры среди которых проистекают на почве однотипных мотивов. Эта мотивация прекрасно раскрывается в русском эпосе, в частности в былине «Бой Ильи Муромца с сыном». Основным мотивом былины является мотив ревности сына к отцу и готовность убить отца на почве влечения к матери. После неудачного покушения на жизнь отца сын убивает мать, будучи не в силах совладать с собой. Трагедия завершается убийством Ильей Муромцем своего сына.

Братя или дети тяжються о задницю — судя по ст. 108 Русской Правды, дела о наследстве решались князем. В Уставе же кн. Владимира они отнесены к компетенции церковного суда. По-видимому, в XI в. этот вопрос еще не был четко урегулирован. Вероятно, по обычному праву, нашедшему отражение в Русской Правде, дела о наследстве решались князем. Впоследствии церковь, по-видимому, стала стремиться отвоевать эту категорию дел, распространить на них свою юрисдикцию, ссылаясь при том на книгу Чисел (гл. XXVII, ст. 1—11). Интерес к делам такого рода мог обусловливаться тем, что споры о наследстве нередко раскрывали тайны внутрисемейных отношений; кроме того, рассмотрение подобных дел давало церкви статью доходов.

Не только в XI в., но и в более позднее время существовала путаница в вопросе о подсудности этих споров. Как подметил В. О. Ключевский, внук Владимира Мономаха — Всеволод в своем Уставе о церковных судах, людях и мерилах торговых упомянул о том, что поначалу он сам рассматривал имущественные споры между детьми от одного отца и разных матерей. Но, не будучи уверенным в правильности своих поступков, он предписал впредь рассматривать такие дела епископам[155].

155 Ключевский В. О. Соч., т. I, с. 260; ср.: Павлов А. С Курс церковного права, с. 143-144. Текст Устава кн. Всеволода см.: ДКУ, с. 158, ст. ст. 24-25.

Церковная татба, мертвеци сволочать, крест посекуть или на стенах режють, скот или псы, или поткы без великы нужи

въвелет, или ино что неподобно церкви подееть — все это посягательства на церковное имущество, символику и порядок в церкви.

По византийским законам кража в церкви каралась ослеплением, если совершалась в алтарной части, или сечением, острижением и изгнанием — если совершалась в нефе (Эклога, тит. XVII, ст. 15).

По этим же законам разграбление могил каралось отсечением руки (Эклога, тит. XVII, ст. 14, то же самое предусматривалось и Прохироном, и другими более поздними законами).

Согласно 88 правилу Труллъского собора, введение скота в церковь запрещалось под страхом отлучения (Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования, т. I, вып. I, с. 195—196). Это правило было переработано в Уставе кн. Владимира в соответствии с русской действительностью, что выразилось в указании на *псы* и *поткы*.

Или два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить — в этой фразе, по-видимому, заключен казус, когда два друга станут биться, а жена одного из них схватит другого за гениталии и повредит их.

Основанием включения этого состава в Устав кн. Владимира являлась, по-видимому, одна из заповедей Моисея: *Когда дерутся между собою мужчины, и жена одного (из них) подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и протянув руку свою, схватит его за срамный уд, то отсеки руку ее: да не подащит* (ее) *глаз твой* (Второзаконие, гл. 25, ст. 11—12).

Или кого застануть с четвароножиною — обнаружение скотоложства. Запрет устанавливается церковью на основании слова бога, открытого Моисею: *Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина подойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них* (Левит, XX, 15—16). По византийским законам смертная казнь заменялась оскоплением (Эклога, тит. XVII, ст. 39; аналогичные положения повторяются и в более поздних законах). Таким образом, пресекая отклонения, церковь направляла влечение людей в русло брака.

Или кто молиться под овином, или в рощеньи, или у воды — речь идет о церковном суде над теми, кто не покончил с пережитками языческих обычаев. В данном контексте перечислены собственно древнерусские языческие обычаи; у иных язычников они могли отличаться своеобразием, что не влияло на воинственность церкви по отношению к ним. Причем эта воинственность характерна была не только и не столько для христианской церкви, сколько для иудейской. Но заповеди, переданные богом через Моисея, почитались и христианской церковью.

Б. А. Рыбаков упоминает о культе Сварожича (бога огня) под овином, где зажигали огонь для просушки снопов[156].

156 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 34.

Оберегая снопы от уничтожения огнем, славяне бросали в него необмолоченный сноп ржи как жертву огню.

Или девка детя повьржеть — данная фраза понимается И. И. Срезневским как *девка дитя родит*, но слово *повьржеть* может означать, согласно словарю И. И. Срезневского, также «бросит, покинет, оставит». Такое понимание слова *повьржеть* вытекает из летописного сказания: *И поведаши Володимиру яко поверженъ есть на торговищи и посла тысяцького, и приеха, види повержена Игоря мртвого* (Ипатьевская летопись под 6655 г.). Очевидно, что фраза может означать также случаи, когда «девка» избавится от младенца, а если толковать фразу расширительно, то речь может, вероятно, идти и об избавлении от плода. В пользу расширительного толкования фразы можно сослаться на следующие древнерусские документы: «Поучение новгородского архиепископа Ильи-Иоанна», в котором содержится недвусмысленная фраза: *Егда жена носит в утробе, не велите еи кланяться на коленях, ни рукою до земли, ни в великыи пост: от того бо вережаються и изметают младенца*[157], а также «Заповедь святых отець ко исповедающимся сыном и дщерем», предусматривающую наказание женщине, которая свой плод *зелья ради извережет*[158]. Кстати, вероятно, именно за это занятие зелейники подвергались гонениям со стороны церкви. Не оставались безнаказанными и обращавшиеся к ним женщины. Согласно постановлению Трулльского собора, избавление от плода приравнивалось к убийству и виновная подвергалась десятилетнему церковному отлучению. Византийское законодательство восприняло эти идеи. Согласно Эклоге, попытка избавления от плода замужней женщиной каралась сечением и изгнанием (Эклога, тит. XVII, ст. 36). В Прохироне наказание распространялось и на незамужних женщин. Ограничение свободы женщины решать свою собственную судьбу и судьбу еще не родившегося ребенка было направлено на пресечение внебрачных связей.

Обобщая содержание ст. 9 Устава кн. Владимира, следует заметить, что церковному суду подлежали дела, вытекающие из внутрисемейных конфликтов, необузданных проявлений природных влечений, из обращения к нецерковным авторитетам (волхвам, чародеям, зелейникам), из неуважения к церковной символике, имуществу и т. д.

157 РИБ. т. VI. Спб.: 1908, с. 363, ст. 16.

158 Заповедь св. отец... ст. 138. — Голубинский Е. Е. История русской церкви, с. 509-526.

Статьи 10—11

В статьях настойчиво повторяется запрет, содержащийся в ст. ст. 4—5 этого же Устава, причем указываются авторитетные правовые источники ст. 9: постановления первых христианских царей и семи Вселенских церковных соборов.

Уряженью распоряжению, постановлению.

Статья 12

Норма, содержащаяся в статье, сформулирована скорее как правило морали, а не как сугубо правовая норма.

Статья 13

Статья перекликается со ст. 3 и содержит приказ князя своим тиунам отдавать десятую часть доходов от светского суда в пользу церкви.

Статья 14

Статья адресовалась, вероятно, тиунам и иным должностным лицам, дерзнувшим вмешиваться в дела церковного суда, в то время как ст. 12 скорее всего адресовалась простым мирянам, нарушившим запреты Устава. Указание ст. 14 *платити ему собою* также характеризуется неконкретностью, но, вероятно, обозначает все же какую-то земную меру ответственности вдобавок к ответственности перед богом.

Статья 15

Хрещения — крещения.

Пискуп — епископ.

Спуды — мера объема сыпучих тел, например зерна.

Извесы, ставила — названия древнерусских весов.

И кто в клиросе — певцы, поющие во время службы у алтаря.

Котора — ссора, раздор, распря.

Статья указывает со ссылками на божественные установления на прерогативу церкви следить за правильностью мер и весов. Основаниями этой прерогативы служили книги Священного писания: Второзаконие, гл. 25, ст. 13—15, Левит, гл. 19, ст. 35—36, Иезекиль, гл. 45, ст. 10. Оговаривая исключительное право надзора за мерами и весами, церковь укрепляла свой авторитет и материальное положение за счет пошлин от взвешивания и т. п.

Статья 16

Статья содержит перечень лиц духовного сана, лиц, находившихся под патронатом церкви, а также заведений, состоящих на ее содержании. В состав церковных людей входило не только духовенство, но и люди светских сословий, пользовавшиеся защитой церкви: *лечцы, хромцы, слепцы* и др. Помощь несчастным и содержание благотворительных заведений, безусловно, повышали авторитет церкви.

Статья 17

Статья указывает на подсудность этих лиц суду митрополита или епископа и перечисляет основные категории дел.

Статья 18

Статья относит к компетенции общего суда — суда князя и епископа — дела, участниками которых являлись и церковные, и светские люди.

Статья 19

Статья вновь напоминает в заключительной части Устава о проклятии тем, кто станет вмешиваться в дела, переданные церкви.

Введение

Устав кн. Ярослава Мудрого развивает основные идеи, заложенные в Уставе кн. Владимира Святого. Если в Уставе кн. Владимира лишь намечаются предметы церковного регулирования, то в Уставе кн. Ярослава перечень церковных судов представлен в развернутом виде и к тому же с указанием последствий нарушения норм церковного права. Большинство статей Устава кн. Ярослава посвящено регулированию взаимоотношения полов вообще и брачно-семейных отношений в частности. Но отсюда вовсе не следует, что Устав кн. Ярослава — кодекс семейного права, поскольку отношения между полами рассматриваются преимущественно с уголовно-правовых позиций. Например, *умычка* чьей-либо дочери влечет материальную ответственность перед церковной властью (митрополитом или епископом) и перед князем. Наряду с уголовной ответственностью перед высшими авторитетами — церковью и государством — в статье предусматривается и гражданско-правовая ответственность перед потерпевшей. Таким образом, санкция нормы содержит указания сразу на два, а порой и на три вида ответственности — на уголовную, гражданскую и собственно церковно-правовую.

Есть в Уставе и типично семейно-правовые нормы. Их немного. Это норма о недопустимости расторжения брака из-за *лихого недуга* да норма о поводах к разводу.

В Уставе содержатся нормы, регулирующие различные брачно-семейные отношения, например норма, запрещающая родителям принуждать своих детей вступать в брак, или норма о краже женой имущества у мужа. Говоря о регулировании отношений между мирянами, следует сказать о целом комплексе статей Устава Пространной редакции, запрещающих лицам разных вероисповеданий вступать в половые отношения или участвовать в совместной трапезе. Выделяются статьи, знакомые по Русской Правде: о поджоге гумна или двора, о краже конопли, льна, белых полотен, портов и т. п.

Наконец, помимо норм, регулирующих отношения мирян (их абсолютное большинство), в Уставе содержатся несколько статей, регулирующих отношения церковных людей: о блуде, о пьянстве, о крещении попом за пределами своего уезда, о расстрижестве монахов и общая статья о подсудности церковных людей епископским или митрополичьим волостелям.

Устав был открыт для русской науки В. В. Крестининым в 1771 г. в Архангельске в сборнике первой половины XVI в. и опубликован И. И. Лепехиным в 1780 г.[159].

Первым русским ученым, обратившим внимание на Устав

159 Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Спб., 1780, с. 350-351. Раньше И. И. Лепехина Устав опубликовал И. Кульчинский в латинском переводе в 1733 г. (Kulczynski I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae. Romae, 1733, Appendix, p. 32-35).

кн. Ярослава, как, впрочем, и на Устав кн. Владимира, был Н. М. Карамзин. Списки Устава, известные Н. М. Карамзину, позволили ему оценить Устав как памятник, возникший не раньше XIV в. Он вынес категорическое суждение об Уставе как о более позднем подлоге[160].

Но уже в середине XIX в. оценка Н. М. Карамзина была серьезно поколеблена одним из основоположников отечественной историко-правовой науки К. А. Неволиным. Он привлек к анализу значительно большее количество списков Устава, чем Н. М. Карамзин, что позволило ему составить более обоснованное заключение о времени происхождения памятника. Хотя в его распоряжении были списки лишь XV в. и позднее, он сумел доказать, что в основе своей устав восходит ко времени Ярослава[161].

Последующие исследователи Устава или подкрепляли взгляд Н. М. Карамзина о подложности Устава, или находили аргументы в пользу выводов К. А. Неволина.

Крупнейший исследователь истории русской церкви Е. Е. Голубинский, соглашаясь с Н. М. Карамзиным в вопросе о неподлинности Устава, все же относил Устав к домонгольскому периоду русской истории[162].

Точку зрения К. А. Неволина разделяли известный русский юрист-канонист А. С. Павлов и В. О. Ключевский. А. С. Павлов расценивал появление Устава кн. Ярослава как логическое продолжение Устава кн. Владимира и дополнение к Русской Правде. В отличие от К. А. Неволина его не удивляло то, что церковь заимствовала систему мер имущественной ответственности, принятую в Русской Правде. Наоборот, он видел в этом свидетельство исторической необходимости[163].

В. О. Ключевский также полагал, что Устав кн. Ярослава является «сверстником» Русской Правды. Происхождение Устава В. О. Ключевский относил к первой половине XII века. Он верно расценивал Устав как «свод постановлений о греховно-преступных деяниях, суд по которым над всеми христианами, духовными и мирянами, был поручен русской церковной власти».

Исследование Устава кн. Ярослава было продолжено советскими учеными, среди которых следует выделить С. В. Юшкова, А. А. Зимина и особенно Я. Н. Щапова. В первом томе запланированного С. В. Юшковым Курса истории государства и права СССР анализируется Устав и высказывается предположение, что вводная статья Устава действительно восходит к Ярославу. Что же касается так называемого «судебника», то он сложился в известном нам виде, по мнению С. В. Юшкова, уже к середине XII в.[164].

Заслуга С. В. Юшкова заключается еще и в том, что он организовал и возглавил серийное издание Памятников русского права, в первый том которого вошел и Устав кн. Ярослава. А. А. Зимин, составитель первого тома, не разделял взглядов С. В. Юшкова по вопросу о происхождении Устава. Он полагал, что древнейший текст Устава кн. Ярослава был создан в

160 Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1819. т. II. с. 60-67.

161 Неволин К. А. О пространстве церковного суда. . с. 300-310.

162 Голубинский Е. Е. История русской церкви. с. 403-408

163 Павлов А. С. Курс церковного права, с. 150-154

164 Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 211-216.

канцелярии митрополита Киприана, т. е. в конце XIV — начале XV в. Этот первоначальный текст лучше сохранился в Краткой группе списков Восточнорусской редакции. Наряду со списками Краткой группы А. А. Зимин опубликовал списки Пространной группы Восточнорусской редакции, а также Западнорусскую редакцию — Свиток Ярославль (список 1499 г., основанный на списках Восточнорусской редакции). Всего он использовал 22 списка. Это издание до недавнего времени являлось наиболее полной публикацией списков Устава кн. Ярослава. Не имея цели специально останавливаться на данной работе А. А. Зимина, все же отметим неудовлетворительность данного им историко-правового обзора памятника[165]. Этот недостаток вряд ли может быть поставлен в вину А. А. Зимину лично, так как сам он оказался в сложных условиях при подготовке Устава к изданию. Во введении к Уставу он справедливо признал, что и в середине XX в. Устав все еще оставался «одним из наименее изученных памятников»[166].

Ситуация стала изменяться с появлением трудов Я. Н. Щапова. Основные положения многочисленных статей по истории Устава кн. Ярослава[167] получили отражение в фундаментальном источниковедческом исследовании «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI — XIV вв.» (М., Наука, 1972). А спустя несколько лет Я. Н. Щапов подготовил и опубликовал все известные списки Устава кн. Ярослава[168]. Их насчитывается около 100. Согласно исследованию Я. Н. Щапова, все списки можно разделить на 6 редакций: Краткую, Пространную, а также возникшие в результате переработки этих двух старших редакций Румянцевскую, Тарновскую, Устюжскую и Западнорусскую («Свиток Ярославль»). Самые ранние из дошедших до нас списков датируются второй четвертью XV в., самые поздние — XIX в. Данные источниковедческого исследования привели Я. Н. Щапова к выводу, что первоначальный архетип Устава сложился в XI — начале XII в. Поэтому упоминание в самом тексте Устава о составлении его кн. Ярославом по согласованию с митрополитом Иларионом расценивается как вполне достоверное. Это позволяет уточнить время создания — 1051—1054 гг.[169]. Архетипы обеих старших редакций Устава восходят к одному и тому же источнику — первоначальному архетипу XI — XII вв. Это означает, что Пространная редакция возникла в результате переработки не Краткой редакции, а первоначального архетипа. Более того, Пространная редакция возникла раньше Краткой. Данные текстологического анализа Пространной редакции позволяют отнести ее создание к XII — первой четверти XIII в.[170]. Создание же Краткой редакции можно связывать с именами московских князей и митрополитов середины XIV в. — князей Семена (1340—1353) или Ивана II (1353—1359) и митрополитов Феогноста или Алексея[171]. Несмотря на более позднее возникновение, Краткая редакция лучше сохранила архетип Устава кн. Ярослава. Именно поэтому для воссоздания первоначального архетипа Я. Н. Щапов

165 Памятники русского права. Вып. первый, с. 257-285.

166 Памятники русского права. Вып. первый, с. 257.

167 Щапов Я. Н. Редакции Устава кн. Ярослава Владимировича. — Проблемы источниковедения. Т. 1. М., 1963, с. 481-513; Он же. Церковь в системе государственной власти Древней Руси.— Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 279-352; Он же. Устав кн. Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в.— Византийский временник. Т. 31. М., 1971, с. 71-78.

168 Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв.

169 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь..., с. 301-302.

170 Щапов Я. Н. Указ. соч., с. 257.

использовал в качестве основы один из старейших (начала XIV в.) списков Краткой редакции — список Крестининского вида из Кормчей из собрания Плигина в Библиотеке АН СССР (публикуется ниже в качестве основного списка Краткой редакции).

Концепция Я. Н. Щапова получила признание не только в отечественной науке, но и за рубежом. Недавно (в 1980 г.) вышла работа американского историка права Даниэля Кайзера «Развитие права в средневековой России»[172], автор которой разделяет основные взгляды Я. Н. Щапова на Устав кн. Ярослава[173].

В заключение следует отметить, что Устав кн. Ярослава представляет собой памятник русского церковного права, значительно отличающийся от византийских церковно-правовых образцов — номоканонов, а также и от светских законодательных сводов. Это отличие проявляется в нескольких направлениях: во-первых, многие преступные, согласно Уставу, деяния в Византии карались светскими законами. Правда, наряду со светскими санкциями применялись и собственно церковные наказания. На Руси же перечисленные в Уставе деяния отнесены непосредственно к церковной юрисдикции, и некоторые из деяний, вероятно, прежде вообще не преследовались княжеской властью. Во-вторых, в Устав были включены новые составы преступлений, не известные византийскому праву. В-третьих, — и это, пожалуй, главное, — церковь на Руси, карая непреступные с точки зрения обычаев русского народа деяния, стала применять обычные имущественные наказания, а не членовредительные византийские санкции и тем более не смертную казнь, принятую в Византии. Все это свидетельствует о стремлении церкви учитывать национальные особенности Руси путем приведения чуждых языческой Руси церковно-правовых требований в соответствие с русской действительностью.

Ниже приводятся Краткая редакция Устава, известная более чем в 60 списках, и Пространная редакция, известная в 19 списках.

171 Там же. с. 243.

172 Kaiser. Daniel H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton University Press, 1980, p. 54

173 Ibid., p. 54-58.

Введение

В основе издания Краткой редакции — список из Кормчей первой четверти XVI в. из собрания Плигина в Библиотеке Академии Наук СССР — БАН, 21.5.4, собр. Плигина № 14, лл. 481 об. — 483. Нумерация статей и буквенный шифр списков даются в соответствии с изданием: Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.) (М., 1976).

Указаны существенные смысловые разночтения по спискам 5 изводов: извода Кормчих, Фроловского, Академического, Бальзеровского, Белозерского.

I. **Извод Кормчих** объединяет списки трех видов: Крестининского, Овчинниковского и Уваровского.

а) Из списков Крестининского вида использованы:

1. **СлД — ГПБ,** собр. Соловецкого монастыря № 475, третьей четверти XVI в., лл. 440—441 об.

2. **ИИ — ГИМ,** Музейское собр. № 3471, 1591/1592 г., лл. 452—453 об.

3. **Рж — ГБЛ,** Рогожское собр. № 251, XVII в., лл. 448—450 об.

4. **Х — ГИМ,** собр. Хлудова Д. 154, XVII в., лл. 535 537.

5. **Кс — ЦНБ** АН УССР, собр. Киево-Софийского собора № 223 (52), XVII в., лл. 608—610 об.

6. **Р — ГБЛ,** собр. Румянцева № 238. XVII в. (между 1620 и 1661 г.), лл. 308 об. — 310.

б) Из списков Овчинниковского вида использованы:

7. **ЕА — ГБЛ,** собр. Егорова № 472, кон. XV - нач. XVI в., лл. 527—529.

8. **Ус — ГИМ,** собр. Успенского собора № 21/1072, кон. XVI в., лл. 466—468.

9. **У I — ГИМ,** собр. Уварова № 296, XVII в., лл. 604—607.

10. **З — ГИМ,** собр. Забелина № 236/399, XVII в., лл. 412 об. — 414 об.

в) Из списков Уваровского вида использованы:

11. **У II — ГИМ,** собр. Уварова № 11, XVII в., лл. 266 об. — 271.

12. **ПК — ГПБ,** собр. Погодина № 237, XVII в. (не позже 1664 г.), лл. 597 об. — 599 об.

II. Из списков **Фроловского извода** использованы:

13. **ДП — ЦГАДА,** ф. 135, отд. V, рубр. I, № 2, 1621/1622 г., лл. 8 об. — 12 об.

14. **Тт — ГПБ,** собр. Титова № 3756/1687, XVII в., лл. 7—10.

15. **Е — ГБЛ,** собр. Егорова № 254, перв. пол. XVI в., лл. 455—456.

III. **Академический извод** известен в одном единственном списке:

16. **Ак — ГБЛ,** Синодальное собр. № 363, нач. XVI в., лл. 155—157.

IV. Из списков **Бальзеровского извода** использован один список:

17. **АрБ — ЛОИИ** СССР, собр. Археографической комиссии № 23, втор. пол. XV в., лл. 102 об. — 104 об.

V. Из списков **Белозерского извода** использован один список:

18. **Белоз — ГПБ,** собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086, 1470-х годов, лл. 106—110 об.

Текст

1[174]. Се яз, князь великыи Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего с.гадал есмь с митрополитом[175] с Ларионом[176], сложил[177] есмь греческыи номоканун; аже не подобаеть сих тяжь судити князю и бояром, дал есмь митрополиту и епископъм те суды, что писаны в правилех, в номаканune, по всем городом и по всеи области, где християнственое[178].

2[179]. Аже кто умчить[180] девку или насилить, аже боярьская дчи, за сором еи 5[181] гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а менших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людеи за сором 5 гривен серебра, а епископу 5 гривен серебра[182]; а на умычницех по гривне серебра[183] епископу, а князь казнить их[184].

3. Аще кто пошибаеть боярьскую дщерь или болярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота[185]; а менших бояр — гривна золота, а епископу — гривна золота; а нарочитых людеи 3 рубли, а епископу 3 рубли[186]; а простои чади 15 гривен[187], а епископу 15 гривен, а князю казнити[188].

4. Аже пустит болярин велик жену без вины, за сором ей 300[189] гривен[190], а епископу 5 гривен золота; а нарочитых людии 3 рубли, а епископу 3 рубли[191]; а [192]простои чади[193] 15 гривен, а епископу 15 гривен, а князь казнить[194].

5. Аже у отца и у матери дчи девкою[195] детяти добудеть[196], обдичив, ю поняти в дом церковныи.

6. Тако же и женка, [197]а чимь[198] ю род окупить.

7. Аже девку умолвить к себе кто и дасть в толоку, на умолвьнице[199] епископу 3 гривны серебра, а девце за сором 3 гривны серебра[200]; а на толочнех по рублю, а князь казнить.

8. *Аже муж от жены блядеть, епископу в вине, а князь казнить.*

9. *Аже муж ожениться иною женою, с.старою не[201] роспустився, муж тъи епископу в вине[202], а молодую в дом церковныи, а с старою жити.*

10. *Аже жене лихии недуг болить, или слепота, или долгая болезнь, про то ее не пустити.*

11. *Тако же и жене нельзе пустити мужа.*

12. *Аже кум с кумою створить блуд, епископу гривна золота[203], и во опитемии[204].*

13. *Аже кто зажжеть двор, или гумно, или что иное, епископу 100 гривен[205], а князь казнить.*

14. *Аже кто с сестрою съгрешить, епископу 100 гривен а во опитемии и в казни по закону.*

15. *Аже ближнии род поиметься, епископу 80 гривен[206], а их разлучити, а опитемию да примут.*

16. *Аже две жене кто водить, епископу 40 гривен[207], а которая подлегла[208], та поняти в дом церковныи, а первую держить[209] по закону. А иметь [210]лихо водити[211] ю, казнию[212] казнити его[213].*

17. *Аже муж с женою по своеи воли роспуститься[214], епископу 12 гривен[215], а буде не венчалныи, епископу 6 гривен[216].*

18. *Аже кто сблюдить с черницею, епископу 100 гривен, а с животиною 12 гривен, а во опитемию вложить.*

19. *Аже свекор с снохою сблудить, епископу 100 гривен[217], а опитемия по закону.*

20. *Аще кто с двема сестрома падеться, епископу 30 гривен[218].*

21. *Аже девер с ятровью падеться, епископу 30 гривен.*

22. *Аже кто с мачехою сблудить епископу 40 гривен[219].*

23. *Аже два брата будуть[220] со одиною женкою[221], епископу 100 гривен[222], а женка в дом[223].*

24. *Аже девка не восхочеть замуж, а отець и мати силою дадут, а что створить над собою — отець и мати епископу в вине, а истор има платити. Тако же и отрок.*

25. *Аже кто зоветь чюжу жену блядию великих бояр, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а князь казнить; а будеть менших бояр, за сором еи 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота; а буде городцких людии, за сором еи 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра[224], а селских людии за сором еи гривна серебра, а епископу гривна серебра[225].*

26. *Аже постриже[226] голову[227] или[228] бороду[229], епископу 12 гривен[230], а князь казнить.*

27. *Аже муж иметь красти конопли, или лен, и всякое жито, епископу в вине с князем наполы. Тако же и женка, аже иметь то красти.*

28. *Аже муж крадеть белые порты[231], или полотна, и портища, поневы[232], тако же и женка, епископу в вине[233] с князем наполы.*

29. Свадебное и сгородное[234] бои и убииство, аже что учиниться и душегубьство, платят виру князю с владыкою наполы.

30. Аще мужа два бьетася женскы[235], или укусить, или одереть, епископу три гривны[236].

31. Аже муж биеть чюжу жену, за сором еи по закону[237], а пискупу 6 гривен[238].

32. Аже сын бьеть отца или матерь, да казнять его волостелскою казнию, а епископу в вине.

33. Аже девка восхощеть замуж, а отець и мати не дадят, а что створить, епископу в вине отець и мати. Тако же и отрок.

34. Аже чернец, или черница, или поп, или попадия[239], или проскурница впадуть в блюд, тех судити епископу оприсно мирян и во что их осудить волен.

35. Аще поп или чернець упиются без времене, епископу в вине.

36. Аще чернец или черница рострижеться[240], епископу в вине, во что их обрядить[241].

37. А что дееться в домовных людех, и в церковных, и в самех манастырех, а не вступаются княжи волостели в то, а ть ведают их пископли волостели и безатщина их пископу поидеть.

38. А кто уставление мое порушить, или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего кто, или от бояр кто, а порушать ряд мои и вступяться, в суды митрополичи, что есмь дал митрополиту и церкви и пископьям по всем градом по правилом святых отець, судивше, казнити по закону.

39. А кто иметься в тыя суды в церковныя вступатися, християнско имя не наречется на том, а от святых отець 318[242] да будеть проклят[243].

РАЗНОЧТЕНИЯ

174
Е в начале *А се уставь князя Ярослава сына Владимира глава;*
на поле другой рукой *Суд митрополит;*

175—176
СлД, У I, Увар., Рж *Иларионом;*

177
СлД, Рж *разложил;*

178
Увар *кристьяньствьно есть,*
Ус, У I, У II *христианьство есть;*

179
Овчин, Увар А се о судех;

180
АрБ *умучить;*

181
Увар десять;

182
Ак далее *а князь казнить;*

183—184
Овчин князю казнить умычника;

185
Ак далее *а князь казнить;*

186
Ак далее *а князь казнить;*

187
Белоз далее *серебра;*

188—194
ПК статьи 4 нет;

189
АрБ; *Белоз З;*

190
Х далее *золота;*

191
Ак далее *а князь казнить;*

192—193
З *простых людии;*

195—196
Ак *дитя родить;*

197—198
Белоз или пакы;

199
Овчин умолвьце;

200
Ак далее *а князь казнить;*

201
ПК нет;

202
Ак далее *а князь казнить;*

203—204
Ак *а князь казнить;*

205
Ак далее *золота;*

206
Ак далее *а князь казнить;*

207
Ак далее *сребра, а князь казнить;*

208
Р, ЕА *подлеглая;*

209
Ус *держати;*

210—211
ПК *ли ходити;*

212
Ус *а князю;*

213
Кс *их;*

214
ПК *розпустятся;*

215
ИИ далее *а в опитемию вложить;*
Ак далее *сребра, а князь казнить;*

216
Ак далее *злата, а князь казнить;*

217
Ак далее *сребра, а князь казнить;*

218
Ак далее *злата;*

219
Ак далее *сребра, а князь казнить;*

220
Ус, З, У I *блудять;*

221
Рж *женою* испр. в *женкою;*

222
Ак далее *сребра, а князь казнить;*

223
У II далее *церковныи;*

224
Ак далее *а князь казнить;*

225
Ак далее *а князь казнить;*

226
Белоз далее *кто кому;*

227
У II далее *жена;* Белоз далее *за посмех;*

228
У II далее *муж;*

229
ДП далее *свою;*

230
Ак далее *сребра;*

231
Тт *ризы;*

232—233
Белоз нет;

234
Е городное;

235
Ак женских: Белоз женкы деля:

236
Ак далее золота, а князь казнить;

237
Белоз далее 6 гривен сребра:

238
Ак далее серебра,
а князь казнить;

239
Овчин диякон:

240
Белоз ростяжутся;

241
З осудить;

242
Белоз 300 и 18 иже в Никеи.

243
Белоз далее и в си век и в оудущ...
и всех святых.
Аминь

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

По данию — в соответствии с установлением.

Статья содержит указание боярам, а также собственное обязательство князя не вмешиваться в дела, отданные на рассмотрение митрополиту и епископам. Данный Устав был разработан в соответствии с Уставом кн. Владимира. Указание на митрополита Илариона как на соавтора Устава позволяет определить время возникновения памятника. Согласно Повести временных лет, Иларион возглавил русскую православную церковь в 1051 г. Ярослав же умер в 1054 г. Следовательно, Устав был составлен в период между 1051 и 1054 гг. Сложнее объяснить упоминание в данной статье греческого номоканона. С одной стороны, оно должно было служить авторитетным обоснованием того, что нижеперечисленные дела отдавались на рассмотрение церкви. С другой стороны, знакомство с системой наказаний Устава кн. Ярослава убеждает в том, что она противоречит византийскому церковному праву. На это противоречие впервые обратил внимание К. А. Неволин[244]. Помимо применения не свойственной Византии системы наказаний, Устав относил исключительно к церковной юрисдикции дела, которые по византийским законам были подсудны светским властям. Правда, светские законы в Византии были сами по себе насквозь пронизаны церковным духом. Византийская же церковь карала преступников собственно церковными наказаниями: епитимиями, отлучением от церкви. В Уставе кн. Ярослава наряду с епитимиями указываются денежные взыскания в пользу епископов, а также в пользу пострадавших, что роднит Устав кн. Ярослава с Русской Правдой, применявшей почти исключительно меры имущественной ответственности. Существенное отличие Устава кн. Ярослава от византийских источников права позволило Я. Н. Щапову высказать предположение о том, что фраза *сложил есмь греческыи номоканун* может означать «отверг греческий номоканон»[245]. Так или иначе, но система уголовных и гражданско-правовых мер ответственности, закрепленная в Уставе, действительно существенно отлича-

244 Неволин К. А. О пространстве церковного суда..., с. 300 и сл.

245 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь..., с. 306

ется от византийской и представляет собой традиционно русскую систему денежных взысканий. Возможность закрепления в законе типично русской системы наказаний открылась благодаря тому, что митрополичью кафедру возглавил русский по происхождению Иларион. Вряд ли подобная акция могла быть осуществлена раньше, когда русскую православную церковь возглавляли воспитанные на образцах византийской правовой мысли греческие митрополиты. Возможно, именно поэтому в Уставе кн. Владимира отсутствуют указания на меры ответственности за деяния, перечисленные в его ст. 9. Византийская система наказаний оказалась непригодной на Руси, а закрепить в законе обычно правовую русскую систему не позволяли, по-видимому, убеждения митрополитов из Византии и их зависимость от константинопольского патриарха. Но, стремясь укрепить свои позиции в русском обществе, церковь вынуждена была пойти на ряд компромиссов с русской действительностью: карая непреступные с точки зрения обычного права поступки, церковь применяла наказания, соответствующие русскому обычному праву.

Статья 2

Статья направлена против языческого брачного обычая умыкания невесты. В ней предусматриваются, по-видимому, два случая: добровольное умыкание и насильственное умыкание.

Обращает на себя внимание то, что добровольное умыкание приравнивается к насильственному по тем последствиям, которые наступают для жениха, причем на женщину возлагается роль союзницы церкви в борьбе с языческими браками, так как в любом случае женщина получала вознаграждение, равное сумме штрафа в пользу епископа. Анализ этой и других норм Устава показывает, что церковь ставила задачу воспитания новых психологических установок, способствующих усвоению взгляда на законность лишь церковного брака. Церковная санкция носит здесь имущественный характер, причем взыскания налагаются не только на жениха, но и на соучастников умыкания, которые обязывались платить по гривне серебра епископу.

Слова *а князь казнить их* очень трудны для понимания. По мнению В. О. Ключевского, под *казнию* следует понимать простое телесное наказание[246]. В частности, такое наказание следовало применять, согласно Правилам митрополита Иоанна II (1080—1089 гг.), к волхвам, которых надлежало *яро казнити навъзбраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрезати сих телесе*[247]. К. А. Неволин расценивал их как свидетельство двойного наказания за церковные преступления: денежные взыскания, обозначенные в статье, налагались епископом, а князь или устанавливал по своей воле денежное наказание вдобавок к церковному, или судил на основании греческих законов, на которые делается ссылка в ст. 1[248]. Последнее мало-

Умчить похитит для вступления в брак.

Дчи дочь.

Сором срам.

Умычницех соучастниках похищения

246 Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 256

247 РИБ, т. VI, Спб., 1908, стб. 331-332.

248 Неволин К. А. О пространстве церковного суда .. с. 301.

вероятно, если вспомнить неудавшийся опыт отца князя Ярослава с введением на Руси византийской системы наказаний. А в подтверждение того, что князь налагал денежные взыскания, можно сослаться на многие списки извода Кормчих (в частности, во всех списках Овчинниковского вида), в которых указывается, что князь применял по отношению к умычнику *казнь* в виде штрафа размером в гривну серебра. Правда, в других списках, число которых не меньше количества списков Овчинниковского вида, прямо говорится, что эта гривна серебра должна уплачиваться епископу. Таким образом, предположение К. А. Неволина остается лишь предположением. В пользу этой версии может служить уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича церкви Богородицы и епископу. В ст. 11 этой грамоты говорится: *Аже уволочет кто девку, што возметь князь с епископом наполы, или посадник что възметь свои тяжи, то с епископом наполы*[249]. Как видно из этой грамоты, *уволочка* вообще относилась здесь к юрисдикции князя или посадника. Последующие авторы стали расценивать слова *а князь казнит* как указание на двойную подсудность дел епископу и князю, причем князь тоже налагал денежные взыскания. Сам К. А. Неволин, однако, не считал свое объяснение достаточно убедительным и возлагал надежды на других исследователей[250].

249 Древнерусские княжеские уставы, с. 144.

250 Неволин К. А. О пространстве церковного суда.., с. 304.

Действительно, такое понимание плохо согласуется с наказом князю, его потомкам и боярам не вершить суд по делам, отданным церкви. А ведь этот наказ содержится как в Уставе князя Ярослава, так и в Уставе князя Владимира. Видимо, все-таки законодатель расценивал некоторые деяния заслуживающими не только церковного, но и княжеского наказания, что должно было свидетельствовать о единстве усилий церкви и князя в деле установления нового порядка. Но возможно, что слова *а князь казнит* указывают лишь на то, что исполнение решений епископа о денежных взысканиях возлагалось на государственный аппарат князя, поскольку церковь своим аппаратом не обладала[251].

251 См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 298-299.

Размер денежных взысканий, обозначенных в ст. 2 Устава, устанавливался в зависимости от социального положения женщины, причем женщины только свободного состояния. В данной статье не упоминается дочь родителей из *простой чади*, о которой говорится в следующей статье. Видимо, такая умычка расценивалась бы как посягательство на собственность господина. Обращают на себя внимание непомерно высокие ставки денежных взысканий. Я. Н. Щапов, специально исследовавший денежный счет Устава, выявил, что гривна золота равна по ценности слитку золота весом в 160 граммов[252]. По предположению В. О. Ключевского, денежные взыскания взимались лишь в том случае, если умычка не сопровождалась церковным браком. Обоснованием этого взгляда В. О. Ключевский считал появление ст. 7 Пространной редакции Устава кн. Ярослава, в которой говорится *аже девка засядет*, т. е. не выйдет замуж за своего похитителя. В случае же завершения

252 Там же, с. 268-269.

истории с умычкой церковным браком умычник и его жена наказывались только епитимией, *занеже не по закону божию съчеталася*, как об этом говорится в Поучении духовенству новгородского архиепископа Ильи — Иоанна (XII в.)[253].

Бояре и меньшие бояре — по мнению А. А. Зимина, это члены болгарского Боярского совета и рядовые бояре[254].

Неясно, однако, почему Устав князя Ярослава, рассчитанный на действие на Руси, должен защищать от умычки дочерей болгарских бояр. Более рационально мнение В. О. Ключевского, согласно которому это члены старшей и младшей княжеской дружины.

Статья 3

В статье говорится об изнасиловании женщины. Оно мало чем отличается от насильственного умыкания, о котором идет речь в предшествующей статье Устава. Даже размер взысканий и в том и в другом случае один и тот же. Но в этой статье появляется новая денежная единица — рубль. Эта денежная единица заменила гривну серебра в конце XIII — начале XIV в. Однако упоминание рубля в Уставе кн. Ярослава не может служить доказательством того, что эти статьи были составлены в более позднюю эпоху, когда на Руси получила распространение названная денежная единица. Между тем последний аргумент часто приводится исследователями в доказательство подложности Устава. В действительности составитель более позднего списка просто производил денежный перерасчет Устава в соответствии со своим временем.

Не исключено, что *пошибание* не всегда составляло предмет церковного разбирательства. Вероятно, до отнесения *пошибания* к церковной юрисдикции оно рассматривалось князем. После отнесения этого дела к церковной юрисдикции князь рассматривал лишь дела о *пошибании* между иноверцами. В частности, это предусматривается договором новгородского князя Ярослава Владимировича с немцами 1189—1199 гг.[255]. Ясно, что немец, будучи католиком, был неподсуден православному священнику, поэтому подлежал светскому суду князя.

Статья 4

Статья запрещает мужу разводиться с женой без вины с ее стороны. Под виной имеется в виду строго определенный перечень поводов к расторжению брака, признаваемых церковью. В Византии, согласно Эклоге, такими причинами являлись: прелюбодеяние жены, злоумышление против мужа или непредупреждение его о злоумышлении против него других, а также заболевание проказой. Аналогичные причины признавались основанием для освобождения и жены от мужа с той лишь разницей, что прелюбодеяние мужа, которое не расценивалось как основание расторжения брака, заменялось в этом перечне неспособностью мужа к брачному сожительству в течение трех

253 Ключевский В. О. Соч., т. I, с. 262; РИБ, т. VI, стб. 367

254 Памятники русского права. Вып. первый, с. 277.

Добрые люди — по мнению В. О. Ключевского, это степенные, состоятельные горожане.

255 См.: Памятники русского права. Вып. второй, с. 125, ст. 7.

Пустит — разведется, расторгнет брак самовольно.

лет со времени заключения брака (Эклога, тит. II, ст. 15). Очевидно, что желание супругов расторгнуть брак не находит места в данном перечне и не расценивается как основание для развода.

Статья 4 в Уставе кн. Ярослава Краткой редакции, так же как и в византийских законах, запрещает развод по одному лишь желанию мужа. Более того, даже самовольное прекращение брачных отношений по обоюдному желанию супругов каралось церковью (см. ст. 17 Устава кн. Ярослава Краткой редакции). Наказание в том и в другом случае различно: в случае развода по желанию лишь мужа с него взыскивается пеня в пользу епископа и в пользу жены, в случае же развода по обоюдному согласию супругов пеня поступает лишь в пользу епископа.

Великий князь Ярослав Мудрый на престоле. [illegible] Радзивиловской летописи [illegible]

Статьи 5—6

В статьях предусматриваются наказания в случае рождения внебрачного ребенка. При этом женщина подлежала заключению в *доме церковном*. Родственники могли выкупить мать незаконнорожденного ребенка. Понятие *незаконнорожденный ребенок* входит в употребление с появлением церковного брака, в котором только и допускалось рождение детей. Сопоставление ст. 5 Устава кн. Ярослава со ст. 9 Устава кн. Владимира (*или девка детя повьржеть*) показывает, что как избавление от плода влекло за собой церковный суд (согласно Заповедям митрополита Георгия, например, за это предусматривалась епитимия — трехлетний пост, которая отбывалась, вероятно, в церковном доме[256]), так и рождение внебрачного ребенка вело женщину в церковный дом.

Церковный Дом монастырское учреждение для отбывания церковного наказания.

Толока — помощь; сбор населения, к одному хозяину, по кличу, для дружной работы, на один день.

256 Голубинский Е. Е. История русской церкви. с. 509-526; ст. 138

Ю — ее.

Статья 7

В статье предусматривается случай, когда кто-либо из мужчин пригласит к себе девушку и вместе со своими друзьями совершит групповое изнасилование. Пригласивший подвергается трехгривенному взысканию в пользу епископа и такому же взысканию в пользу *девки*, а его друзья облагаются рублевым штрафом. Очевидно, данная норма порождена нарушением сразу двух церковных запретов: запрета внебрачных сношений и отступлением от христианского принципа моногамии.

Статьи 8—9

Статьи направлены на пресечение внебрачных связей мужа. Известно, что прелюбодеяние мужа не являлось поводом к расторжению брака ни в Византии, ни, вероятно, на Руси (только в одном-единственном списке Устава Архивного извода Пространной редакции говорится о прелюбодеянии мужа как основании развода). Однако и безнаказанным такое поведение также не оставалось.

Статья 8

Статья, указывающая на внебрачные связи мужа, говорит о вине мужа перед епископом и князем, но не содержит конкретного наказания. Отсутствие упоминания о денежных взысканиях позволяет предположить, что епископ применял собственно церковное наказание — епитимью. Но тогда не совсем ясно указание на княжескую «казнь», если ее понимать в том смысле, что на княжеский аппарат возлагалось исполнение решений церковного суда о денежных взысканиях.

Статья 9

Статья указывает на последствия второго брака при существовании нерасторгнутого первого. По-видимому, подразумевается ситуация, при которой происходит смена брачных партнеров. Принцип единобрачия не нарушается, но новый брак заключается без разрешения церкви, поскольку не расторгнут прежний. Прежний же брак мог не расторгаться церковью из-за отсутствия формальных поводов со стороны жены. Таким образом, в ст. 9 можно насчитать сразу два состава: во-первых, прекращение брачной жизни со *старою* женой без формального расторжения брака и, во-вторых, вступление в новый брак, не признаваемый церковью (недействительный брак). Наказанием для мужа, вероятно, служили денежные взыскания, обозначенные в ст. 4, а также предписание жить со *старою* женой, а для *молодой* жены — церковный дом.

Статьи 10—11

Статьи подчеркивают, что различные заболевания, недуги не являются ни поводом к разводу, ни поводом к самовольному прекращению брака. Можно вспомнить, что, согласно византийскому праву, развод все же допускался в случае заболевания, правда, только в случае заболевания проказой. Запрещая развод по причине болезни одного из супругов, церковь взывала к чувству христианского сострадания. Очевидно, однако, что высокой нравственной цели пытались достигнуть насильственным способом, которым она, конечно, достигнута быть не может. Вероятно, поэтому более поздний памятник русского права — Правосудие митрополичье — допустил все же развод в случае заболевания «лихим недугом»[257].

257 Древнерусские княжеские уставы, с. 209. ст. 8.

Статья 12

Статья начинает раздел устава (ст. ст. 12, 14, 15, 19, 21, 22), содержащий санкции за половые сношения в кругу кровных родственников, духовных родственников и свойственников.

Кум и кума — крестный отец и крестная мать, как бы духовные родители крестника, воспринимающие его от купели. Но церковь рассматривала духовное родство как препятствие к браку и строго карала кума и куму за вступление в половую связь. В данной статье предусматривается случай внебрачной

половой связи да еще и с квалифицирующим признаком. В качестве такого квалифицирующего признака расценивался выход за пределы церковнообрядовой роли: восприятие ребенка от купели вводило мужчину и женщину в роль как бы отца и матери, но церковь возлагала на них обязанность воздерживаться от роли мужа и жены. Устав кн. Ярослава не раскрывает, в чем заключалась епитимия. По Закону Судному людем, за блуд куму и куме отрезали носы и, кроме того, подвергали «по церковному закону» епитимии в виде 15-летнего поста[258]. Возможно, что аналогичная епитимия применялась и на Руси, так как «церковный закон», упоминаемый в Законе Судном людем, являлся общим для православной церкви епитимийником. Но не исключено также, что епитимия смягчалась в соответствии с заповедями митрополита Георгия (см. комментарий к ст. 14).

258 Закон Судный людем. Краткая редакция, с. 106, гл. 8.

Статья 13

Явно нарушает последовательное изложение статей, содержащих наказания за преступные, с точки зрения церкви, деяния в области половых отношений. Появление здесь ст. 13, предусматривающей ответственность перед епископом за совершение поджога, может указывать на то, что она была включена в Устав позже других статей. Действительно, дела о поджогах составляли судебную компетенцию князя, что видно из ст. 83 Русской Правды. Согласно норме Русской Правды, поджог гумна или двора карался *потоком и разграблением*. Показательно, что ст. 13 Устава сформулирована аналогично ст. 83 Русской Правды. По-видимому, церкви удалось добиться участия в доходах от дел о поджогах: по ст. 13 Устава, 100 гривен от общего количества вырученных в результате *потока и разграбления* денег должно было идти в пользу епископа. Остальные деньги, согласно ст. 83 Русской Правды, делились между пострадавшим от пожара лицом и князем. Не совсем ясно, чем мотивировалось участие церкви в делах о поджогах. Возможно, наряду со злоумышленниками в число преступников включались и пироманы. В этом случае церковь могла объяснить необходимость своего участия в данных делах интересом к лицам с необычной психикой. Но не следует преуменьшать и роль материального интереса церкви к этим делам.

Статья 14

Статья карает брата и сестру за вступление в половые отношения. Слова *а во опитемии и в казни по закону* вызывают различные толкования. М. Н. Тихомиров вслед за Л. В. Миловым видит в них прямое указание на Закон Судный людем[259]. Но такой вывод не может расцениваться как достаточно обоснованный по следующим причинам: во-первых, под законом, упоминаемым в ст. 14 Устава, не обязательно должен пониматься Закон Судный людем; а во-вторых, в Законе Судном людем нет конкретной статьи о связи брата с сестрой, а

259 Закон Судный людем. Краткая редакция, с. 25-26.

есть лишь общая норма о запрете так называемых кровосмесительных связей: *Кровь месящий в свою кровь, сватьбу деють, да разлучаться*[260].

Очевидно, что в этой норме нет указания ни на *казнь*, ни на *опитемию*. Такие указания содержатся в других главах Закона Судного людем, например в главах, карающих духовных родственников, вступающих в половые отношения: гл. 8 карает кума и куму (см. комментарий к ст. 12 Устава); гл. 9 — крестного отца и его крестную дочь. Можно было бы предположить, что, по Закону Судному людем, кровосмесительные связи родственников карались так же, как и связи духовных родственников: *казнью* в виде отрезания носа и епитимией. Но ст. 14 Устава кн. Ярослава вряд ли может указывать на членовредительную *казнь*, причем сам же М. Н. Тихомиров оговорил это во введении к Закону Судному людем[261].

На какой же *закон* делается ссылка в ст. 14 Устава? Под *законом* может пониматься Пятикнижие Моисея. Но, согласно третьей книге Моисея, брат и сестра подлежали истреблению уже за то, что они увидели наготу друг друга (Левит, гл. 20, ст. 17). Ясно, что в ст. 14 под *законом* имеется в виду не Библия, если кроме казни здесь говорится еще и об епитимии. Вероятнее всего, *закон* — это покаянные правила, именуемые *церковным законом* и в Законе Судном людем. Эти правила содержались в апостольских посланиях, в постановлениях Вселенских соборов, в епитимийниках типа Правил Василия Великого и в других канонах и своеобразно перерабатывались на Руси. В *Заповеди святых отець ко исповедающимся сыном и дщерем* — памятнике, приписываемом митрополиту всея Руси Георгию (1072—1073), Правила Василия Великого (архиепископа Кесарийского, IV в., одного из так называемых отцов церкви) изложены в смягченной форме. В частности, за блуд с сестрой по Правилам Василия Великого следовало не причащать (*не камкати*) в течение 15 лет, все это время следовало *поститися и плакати*, но митрополит Георгий смягчает епитимию: *Мы же 3 лета камкати же не повелеваем, но сухо ясти 12 час, и поклоны на день 500, аще ли обленится — 15 лет творить*[262].

260 Закон Судный людем. Краткая редакция, гл. 14, с. 106.

261 Закон Судный людем. Краткая редакция, с. 23.

262 Заповедь святых отець ко исповедающимся сыном и дщерем.— Голубинский Е. Е., с. 509-526, ст. 144.

Статья 15

Статья, подобно ст. 14, предусматривает наказание за вступление в половую связь близких родственников, но, очевидно, здесь имеются в виду уже не брат и сестра, поскольку о них специально говорится в предыдущей статье. В Уставе не расшифровывается понятие *ближний род*, но вероятно, в него следует включать такие пары, как племянник и тетка, племянница и дядя, двоюродные брат и сестра. За вступление в половую связь Устав предписывает их разлучить и подвергнуть епитимии и штрафу, правда, в несколько меньшем размере, чем предусмотрено в ст. 14.

Статья 16

Статья преследует двоеженство, допускаемое язычеством. Слово *водит* указывает на то, что церковного брака ни с одной из жен, возможно, и не было заключено, обе жены могли быть *водимыми* (это понятие употребляется в Повести временных лет для обозначения языческих жен), тем не менее такое положение не допускается церковным правом. Предписание *а первую держит по закону* означает требование оформить брачные отношения, согласно церковному закону, венчанием. Если муж продолжал жить с нею в языческом браке, невзирая на предписание церковного суда (*а иметь лихо водити ю*), его полагалось *казнию казнити*.

Применение наказания в виде заключения в церковном доме ко второй жене, именуемой в некоторых списках Устава *подлеглой (которая подлеглая* — по спискам из собрания Румянцева и Егорова в ГБЛ), указывает на то, что церковь отстаивала принцип единобрачия как в случае заключения церковного брака, так и в случае, если языческий брак не был оформлен церковью. Желание супругов жить в полигамном браке расценивалось как преступление. Таким образом, церковь противопоставляла языческому брачному праву институт единобрачия, давая понять, что она признает лишь такие отношения между полами, которые построены на основе одной-единственной и почти нерасторжимой связи между мужчиной и женщиной.

Статья 17

Статья предусматривает наказание за развод супругов по собственной воле (см. комментарий к ст. 4). Согласно Уставу, языческие браки в какой-то степени приравниваются к церковным бракам. В этом можно заметить стремление церкви найти компромисс с действительностью, раз уж церкви не удалось убедить идти под венец, то по крайней мере она не допускала *роспустов*. По свидетельству митрополита Иоанна II (1080—1089), церковные браки в XI веке заключали лишь бояре да князья, народ обходился без *благословения и венчания*, устраивал свадьбу с *плясаньем, гуденьем и плесканьем*. Возможно, поэтому штраф за расторжение невенчанного брака в два раза меньше, чем штраф за своевольное расторжение церковного брака (правда, в списке Академического извода эта разница в штрафах выглядит не столь очевидной, поскольку в одном случае штраф уплачивается серебром, а в другом случае — золотом). Но в том, что штраф взимался в пользу епископа и за расторжение языческого брака, проявилось стремление церкви в чем-то приравнять языческие браки к церковным. Борьба с невенчанными браками и разводами велась не только с помощью штрафов, но и посредством епитимий, о чем свидетельствуют правила вышеупомянутого митрополита Иоанна II[263], а также некоторые списки Устава.

263 Русская историческая библиотека, т. VI, стб. 18.

Статья 18

Статья содержит два состава: блуд с монахиней и скотоложство. Первого состава нет в Уставе кн. Владимира, вероятно, из-за отсутствия в то время монастырей. По византийским законам за это преступление обоим отрезали носы, по русскому же Уставу наказание ограничивалось штрафом и епитимией.

Статья 19

Статья карает свойственников за вступление в половую связь.

Статья 20

Падеться — вступит в половую связь.

В статье предусматривается наказание за вступление в половую связь мужчины одного рода с двумя сестрами другого рода. Этот запрет имеет то же основание, что и более общий запрет вступать в половую связь со своими близкими родственниками и свойственниками. Основная цель запрета — обезопасить отношения в семье от страстей, вызываемых духом соперничества. Указание на это находим в Библии: *Не бери жены вместе с сестрою ее, чтобы сделать ее соперницей, чтоб открыть наготу ее при ней, при жизни ее* (Левит, XVIII, 18). Кроме того, основанием запрета служило нарушение моногамной модели церковного брака.

Статья 21

Статья, подобно ст. 19, карает свойственников за вступление в половую близость. Если ст. 19 имеет целью оградить от полового соперничества отца и сына, вступающих при нарушении запрета в половые отношения с одной женщиной — женой сына, то ст. 21 имеет целью оградить от соперничества двух братьев, вступающих в половые отношения с женой одного из них. Обращают на себя внимание различные суммы штрафов в том и в другом случае. Сравнение статей дает основание считать, что законодатель более строго карает отца, нарушившего запрет, чем брата. Из этого можно сделать вывод, что законодатель более озабочен ограждением от соперничества отца и сына, чем братьев.

Статья 22

Статья наказывает пасынка за вступление в половую связь с мачехой. Эта норма оберегает также отношения отца и сына. Значительно меньший размер штрафа, чем предусмотрено в ст. 19, охраняющей те же отношения, может объясняться тем, что, во-первых, нарушение запрета ст. 22 совершается не отцом и поэтому не подрывает его авторитет, а во-вторых, соблазн нарушения ст. 22 не столь велик, сколь соблазн нарушения ст. 19. Показательно, что Устав не содержит прямого указания на запрет половых отношений сына с матерью, хотя, возможно, они охватываются более общим запретом ст. 15.

Статья 23

Статья предусматривает ситуацию, прямо противоположную той, которая отмечена в ст. 20. 100-гривенный штраф, налагаемый на братьев, вступивших в связь с одной и той же женщиной, вероятно, должен был делиться между ними пополам. Но и тогда все равно получается большая сумма, чем в случае, предусмотренном ст. 20 (лишь в списке Академического извода штрафы плохо сопоставимы, поскольку в одном случае за единицу измерения берется золото, а в другом — серебро). Очевидно, что законодатель стремился предотвратить соперничество мужчин более суровыми санкциями, чем соперничество женщин. Показательно, что и в том и в другом случае штраф налагается на мужчин. Женщина, вступившая в половые отношения с двумя братьями, заключалась в церковный дом; судьба же двух сестер, вступивших в близость с одним мужчиной, законодателем не раскрывается. Сравнение ст. 23 со ст. 21 заставляет провести необходимые разграничения. И в той и в другой статье регулируются отношения между двумя братьями: в ст. 21 один из братьев вступает в половые отношения с женой другого брата, а в ст. 23 два брата одновременно *блудят*, как сказано в нескольких списках, *со одиною женкою*, не являющейся ни для кого из них женою. Штраф во втором случае для каждого брата выше, чем штраф для одного из них в первом случае. Очевидно, что случай, предусмотренный ст. 23, расценивается церковью как более опасный. Почему? Это остается загадкой.

Статья 24

Статья запрещает родителям под страхом церковного наказания насильно выдавать замуж *девку* или женить *отрока*. Родители привлекались к ответственности в том случае, когда кто-либо из детей *что створит над собою*, т. е. покончит жизнь самоубийством или попытается осуществить такой замысел. Данные казусы указывают на психологическое отношение русских к замене языческой свободы природных отношений церковным браком.

Статья 25

Статья устанавливает ответственность за оскорбление чужой жены словом, которое расценивалось как позорящее. На взгляд В. О. Ключевского, установление ответственности за оскорбление словом «было первым опытом пробуждения в крещеном язычнике чувства уважения к нравственному достоинству личности человека»[264]. Не исключено, что, насаждая новую половую нравственность, сама церковь стала вкладывать в слово, обозначающее определенное поведение, позорящий смысл, в то время как в языческую эпоху такое поведение могло и не расцениваться как постыдное. Ведь известно, что со вступлением в христианскую эпоху, например, в римское право были включены странные нормы, согласно которым стало расцени-

264 Ключевский В. О. Соч., т. I, с. 255.

ваться как нечто позорное увлечение «церковными и сценическими представлениями» (Эклога, с. 103). Но известно также, что в языческую эпоху античности театральное искусство высоко почиталось как в Древней Греции, так и в Древнем Риме. Вероятно, гонения, которым стали подвергаться «церковные и сценические представления», могут быть объяснены тем, что они имели не меньший интерес, чем церковная служба, а поэтому отвлекали массу от церкви. Видимо, по той же причине церковь на Руси подвергала нападкам *игрища*. Это четко заметно в более позднем законодательстве — в Стоглаве 1551 г. В Уставе же кн. Ярослава Пространной редакции посещение женой *игрищ* стало расцениваться как повод к разводу.

Истор — то, что было истрачено родителями жениха во время приготовления к свадьбе.

Очевидно, в ст. 25 имеется в виду заведомо ложное обвинение в известном поведении, потому что в противном случае лицо, называющее женщину синонимом слова *блудница*, должно было расцениваться как блюститель церковной нравственности и, конечно же, поощряться, а не подвергаться денежным взысканиям. Подобно тому, как это сделано в ст. ст. 2—3 Устава, ст. 25 устанавливает различные штрафы за оскорбление в зависимости от социальной принадлежности женщины.

Статья 26

Статья запрещает остригать волосы на голове (в списках Уваровского вида запрет прямо адресуется женщинам) и сбривать бороду. Статья основывается на стихах Ветхого завета: *Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей* (Левит, гл. 19, ст. 27). Но известно, что не все христиане считали необходимым следовать ветхозаветной заповеди (католики, например). Почему же на Руси церковь легализовала ветхозаветную заповедь? Более того, насильственное лишение бороды каралось, согласно Русской Правде, самой крупной *продажей* в размере 12 гривен (ст. 67 Пространной ред.). Более поздние памятники права сохранили высокие санкции за вырывание бороды (например, Псковская Судная грамота предусматривает двухрублевую компенсацию за вырванную бороду). Для сравнения следует указать, что за убийство взимался штраф в пользу князя в размере только одного рубля (ст. ст. 117 и 96). И хотя в этих статьях речь идет о неоднозначных платежах (в первом случае два рубля присуждаются потерпевшему и о вознаграждении князя ничего не говорится, во втором случае, наоборот, говорится о *продаже* князю и ничего не говорится о платежах семье потерпевшего), тем не менее значительный размер суммы штрафа за вырывание бороды очевиден. Возможно, что вырывание бороды расценивалось как оскорбление действием, обезображение лица. Но не исключено и то, что, запрещая сбривать бороду (в одном из списков Фроловского извода прямо указывается на собственную бороду) и оберегая ее от посягательств других лиц, церковь и государство расценивали ее как внешний признак принадлежности к православному народу. Это служило

простым и наглядным средством консолидации внешне однообразной массы и противопоставления ее вне стоящим. Высокие санкции устанавливались именно потому, что изменение облика вело бы к ликвидации одного из признаков такой консолидации.

Для женщин это менее важно, но и у них были свои признаки принадлежности к православной массе: длинные волосы и повой (русский женский головной убор, платок). Срывание повоя с головы женщины каралось, в частности, по договору Новгорода с немцами 1189—1199 гг. Статья 8 договора указывала: *Оже съгренеть чюжее жене повои с головы или дщьри, явится простоволоса, 6 гривн старые за сором*[265].

265 Памятники русского права. Вып. второй, с. 124-126.

Статьи 27—28

В статьях устанавливается ответственность за кражу перечисленных в них предметов. Согласно ст. ст. 34, 35, 43 Русской Правды Пространной редакции, кража тех же предметов наказывалась князем. Устав же относит дела о краже определенных предметов уже к совместной юрисдикции епископа и князя, которые должны делить штраф пополам. Однако перечень объектов кражи мало проясняет специфический интерес церкви к этим делам. Можно было бы предположить, что появление в Уставе статей о краже *жита, портов* и пр. имеет целью урегулировать вопрос об ответственности мужа и жены. Действительно, в некоторых списках Устава употребляются понятия *муж* и *жена*. Но в большинстве списков используются термины *муж* и *женка*, которыми редко обозначаются супруги: *муж* — это обозначение как мужа, так и мужчины вообще, а *женкою* именовалась любая женщина. Но то, что по крайней мере в некоторых списках говорилось о муже и жене, указывает, что составители этих списков расценивали санкции данных статей как указание на индивидуальную ответственность мужа и жены.

Порты — холсты из грубой пряжи; одежда.

Портищи — отрезы ткани, необходимые для шитья одежды.

Поневы — лоскут, которым крестьянки окутывали бедра вместо юбки.

Статья 29

Статья содержит указание на виру, знакомую по Русской Правде, которую взимал князь в случае убийства. В ст. 6 Русской Правды Пространной редакции говорится об убийстве во время пира или в ссоре (*в сваде*). Русская Правда не раскрывает вопроса о том, по какому поводу созван пир. Для Русской Правды это неважно; важно то, что законодатель предписывает верви платить виру вместе с убийцей, может быть потому, что вервь должна была бы остановить кровопролитие, но не сделала этого. В Уставе кн. Ярослава ясно конкретизируется род убийств, в разбирательстве которых наряду с князем участвует владыка, соответственно и вира делится между ними пополам. В первую очередь, это убийство во время свадебных боев. Интерес церкви к этим делам обусловливался ее миротворческой миссией и монополизацией вопросов регулирования брачных отношений. Свадебные бои, являвшие-

ся обычной принадлежностью языческих *игрищ*, не могли не вызвать церковного вмешательства. Именно поэтому в Уставе оговаривается участие епископа (владыки) в судебном разбирательстве и разделе виры. В церковных правилах и поучениях содержатся предписания отказывать в отпевании убитых в таких *беззаконных боях*. В Поучении новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) 1166 г. говорится: *И про беззаконный бой вы, попове, уймайте детий своих; или кого убьють, и вы над ними в ризах не пойте, ни просфуры приимайте*[266].

Правила Владимирского собора 1274 г. запрещают также хоронить убитых в *бесовских* боях близ церквей: *Пакы же уведохом бесовськая аше торжаще обычая треклятых елин в божествьныя праздьники позоры некакы бесовьскыя творити, с свистанием, и с кличем, и с воплем съзывающе некьи скаредныя пьяница и бьющеся дрьколеем до самыя смерти и възимающе от убиваемых порты... Аще и умреть, то над ним не ходять иереи и службы за них да не творять; ни положити их близ божиих церкв*[267].

Помимо виры и *головничества*, о которых не упоминает Устав, но говорит Русская Правда, убийца в драке подвергался епитимии: *А по мертвеци дрался еси — опитемьи 15 дний*[268].

Сгородное бои — А. А. Зимин заменил в тексте Устава это непонятное слово на *зговорное*[269]. Но ни один из списков Устава кн. Ярослава не дает к этому оснований. В списках Маркеловского извода Пространной редакции вместо *сгородное* вставлено *изгородное* (ст. 33), в Румянцевской редакции — *огородное*, а в остальных употребляется слово *сгородное* или *городное* (список Е Фроловского извода). Смысл его не ясен.

Статья 30

Статья карает за драку двух мужчин, если они дерутся *женскы* (это определение отсутствует в Маркеловском (ст. 38) и в Архивном изводах (ст. 36) Пространной редакции) или кто-либо из них кусается. Слова *мужа два бьетася женскы* заменены в Белозерском изводе Устава словами *мужа два бьетася женкы деля*.

Что касается драки с укусами, составляющей либо второй состав, либо пояснение к предшествующим словам, то этот казус, по-видимому, близок к *зубоеже*, упоминаемой в Уставе кн. Владимира.

Статья 31

Статья охраняет чужую жену от побоев, в то время как ст. 25 — от необоснованных позорящих обвинений. Согласно ст. 31, побитой жене присуждалось, по-видимому, какое-то вознаграждение *за сором*. Не вполне ясно, на основании какого закона полагалось это вознаграждение. Ни Русская Правда, ни Закон Судный людем не содержат указаний на этот счет.

266 Русская историческая библиотека, т. VI. стб. 370.

267 Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стб. 95-96.

268 Смирнов С. И Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. № XXIV, с. 141. ст. 14 «Покаянья»; см. также: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 283

269 Памятники русского права. Вып. первый, с. 261. ст. 27.

Можно предположить, что вознаграждение за побои присуждалось по аналогии с другими статьями того же закона в зависимости от социальной принадлежности женщины (потерпевшей). Лишь в двух списках Белозерского извода прямо указывается: *за сором еи по закону 6 гривен сребра*, т. е. столько же, сколько и епископу.

Статья 32

Статья выделяет из нескольких дел, перечисленных в Уставе кн. Владимира *или сын отца бьеть, или матерь, или дчи, или снъха, свекровь*, лишь одно и указывает ответственность за него.

Волостельская казнь — наказание, налагаемое волостелем, управителем волости; это светское наказание, возможно, битье кнутом, но не смертная казнь, поскольку в статье говорится еще и о церковном наказании (*епископу в вине*). Для сравнения можно привести норму из Закона Судного людем Пространной ред., согласно которой даже ослушание родительской воли каралось убиением камнями: «*О сыну. Аще кому будеть сынъ непокоривъ, губитель, не послушая речи отца своего и ни матери, и кажють, и не послушаеть, а отечь его изъведеть передъ врата градная и места града того, глаголюще: сын нашь непокорливъ есть и губитель, не послушая речии наших, ветуя и пьяница, да побъють и каменией мужи града того, да умреть, да измуть злое сами по себе, да и друзии узревше убояться*»[270]. Очевидно, что норма Закона Судного людем резко расходится с основными началами Устава кн. Ярослава в вопросе о наказаниях. Поэтому вряд ли его можно расценивать как действовавший на Руси закон (ср. Закон Судный людем Пространной и Сводной редакций, с. 13, 21).

270 Закон Судный людем. Пространная и сводная редакция, с. 147.

Статья 33

Статья предусматривает случай, о котором говорится в ст. 24, но несколько в ином значении: ст. 24 запрещает родителям насильно принуждать к вступлению в брак, а ст. 33 запрещает препятствовать желанию детей жениться или выходить замуж.

Статьи 34—37

Статьи содержат указания на преступные деяния церковных людей и на суд епископа по этим делам.

Статья 34 указывает на закрытое для мирян разбирательство дел о блуде монахов, монахинь, попов или их жен, а также проскурниц. По византийским законам, а также по Закону Судному людем блуд монаха или монахини карался отрезанием носа и 15-летней епитимией (Эклога, тит. XVII, ст. 23; Закон Судный людем Краткой редакции, с. 106, гл. 7). Устав же кн. Ярослава оставляет вопрос о наказании на усмотрение епископа.

Статья 35 указывает на суд епископа по делам *без времене*

Проскурница — женщина, выпекающая просвиры.

Оприсно — без участия.

Рострижется — лишится монашества.

Обрядит — осудит.

Домовные люди — лица, отбывающие наказания в церковном доме.

Безатщина — выморочное имущество.

упившихся попов или монахов. Согласно церковным правилам, поп, проведший в пьянстве всю ночь до шести часов утра, не допускался к заутрене и рисковал быть извергнутым из сана[271].

Статья 36 содержит указание на суд епископа в случае, когда монах или монахиня *рострижеться*.

Статья 37 запрещает княжеским управителям вторгаться в дела, касающиеся церковных людей, и регулирует вопрос об их наследстве. Запрет аналогичен тому, который содержится в Уставе кн. Владимира.

271 Русская историческая библиотека, т. VI, стб. 20, ст. 34.

Статья 38

Статья запрещает под страхом *казни по закону* вмешиваться кому бы то ни было в церковные суды. Аналогичные увещевания содержатся в Уставе кн. Владимира.

Статья 39

Статья указывает на проклятие, т. е. отлучение от церкви, тем, кто посмеет вмешаться в церковные суды.

Введение

Из пяти изводов Пространной редакции (Основного, Ипатьевского, Археографического, Маркеловского и Архивного) здесь публикуются списки двух старших: Основного и Ипатьевского.

В основе публикации — список Основного извода в сборнике первой половины XVI в., хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Основное собрание F.I1.251, лл. 103 об. — 106 об.

Разночтения издаются по следующим спискам:

Основной извод:

1. **А** — Библиотека АН СССР в Ленинграде, 45.10.4, второй половины XVI в., лл. 134 об. — 139.

2. **У III** — Государственный исторический музей, собр. Уварова, № 482, второй половины XVI в., лл. 174—178 об.

3. **У IV** — Государственный исторический музей, собр. Уварова, № 611, XVII в., лл. 151 об. — 155.

Ипатьевский извод:

Ип — Государственный исторический музей, Музейское собрание № 1009, 1420-х гг., лл. 95—96 об., в сборнике.

Текст

1. А се аз, князь великыи Ярослав, сын Володимеров, по данию отца своего сгадал есмь с митрополитом киевским и всея Руси Иларионом, сложихом греческыи номоканон; еже не подобаеть сих тяж судити князю, ни бояром его, ни судиям его, дал есмь митрополиту и епископом: роспусты по всем городом, 10-ю неделю мыта[272] *к церкви и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде; осминечье дал есми.*

2. Аще кто умчить девку или насилить, аще боярская дочи будеть, за сором еи 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен золота; аще будеть менших бояр, гривна золота еи, а митрополиту гривна золота; а добрых людеи будеть, за сором рубль, а митрополиту рубль; на умыцех по 60 митрополиту, а князь их казнить.

3. Аще кто пошибаеть боярскую дочерь или боярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота[273]*; а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту — гривна золота*[274]*; нарочитых людеи — два рубля, а митропо-*

литу два рубля; простыи чади — 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен[275], а князь казнитель[276].

4. Аще же пустить боярин жену великых бояр, за сором еи 300 гривен, а митрополиту 5 гривен золота, а менших бояр гривна золота, а митрополиту гривна золота; а нарочитых людии 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простои чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

5. [277]Аще же девка блядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою, обличивше, пояти ю в дом церковныи.

6. Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи вверже́ть, или утопить, обличивши, пояти (и)[278] в дом церковныи, а чим ю[279] паки род окупить[280].

7. Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5[281] гривен золота, а менших бояр — гривна золота, а нарочитых людии — 12 гривен, а простои чади рубль.

8[282]. Аже муж от жены блядеть, митрополиту нет кун, князь казнити[283].

9. Аже муж[284] оженится иною женою, а с старою не роспустится, митрополиту вина, молодую поняти в дом церковны(и)[285], а с старою[286] жити.

10. Аже поидеть жена от своего мужа за иныи муж или[287] иметь блясти[288] от мужа, ту жену поняти в дом церковныи, а новоженя в продажи митрополиту.

11. Аще будеть жене лихыи недуг, или слепа, или долгая болезнь, про то еа не пустити.

12. Тако же и жене нелзе пустити мужа.

13[289]. Аще кум с кумою блуд створить, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от бога[290].

14. Аще кто зажжеть гумно, или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен, а опитемию подоимуть, а князь казнить[291].

15[292]. Аще кто с сестрою блуд створить, митрополиту 40 гривен, а во опитемии указано по закону.

16. Аще ближнии род поимется, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а опитемию приимуть.

17. Аще кто иметь две жены водити, митрополиту 20 гривен, а которая подлегла, тую пояти в дом церковныи, а первую жену держати по закону. Иметь ли лихо ею держати, казнью казнити.

18. Аще муж роспустится с женою по своеи воли, а будеть ли венчальная, и дадять митрополиту 12 гривен, будеть ли невенчальная, митрополиту 6 гривен.

19. Аще жидовин или бесерменин будеть с рускою, на иноязычницех митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковныи.

20. Аще кто блудить с черницею, митрополиту 40 гривен, а во опитемию вложити.

21. Аще ли кто с животиною блуд створить, митрополиту 12 гривен, а во опитемии и в казни.

22. Аще свекор с снохою блудить, митрополиту 40 гривен, а опитемию приимуть по закону.

23. Аще кто з двема сестрама в блуд впадеть, митрополиту 12 гривен.

24. Аще кто с падчерицею блудить, митрополиту 12 гривен.

25. Аще деверь с ятровию впадеть[293], митрополиту 12 гривен.

26. Аще кто с мачехою в блуд впадеть, митрополиту 12 гривен.

27. Аще два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку поняти в дом церковныи.

28. Аще отец с дочерию впадеть в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию приимуть[294] по закону.

29. Аще девка не въсхощеть замуж, то отец и мати силою дадять. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине.

30. Аще кто зоветь чюжую жену блядию, а будеть боярьская жена великых бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнить; а будеть меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; оже будеть городскых людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце — 60 резан, а митрополиту 3 гривны.

31. Аще кто пострижеть кому голову или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

32. Аще муж иметь красти конопле или лен и всякое жито, митрополиту 12 гривен. Тако же и женка.

33. Аще муж крадеть белыа порты, или портища, или полотны, и митрополиту 3 гривны, и тако же и женка.

34. Аще кто иметь красти сватебное и сгородное — все митрополиту.

35. Про девку сыр краявши, за сором еи 3 гривны, а что потеряно, тое[295] заплатити, а митрополиту 6 гривен, а князь казнить.

36. Аще жена мужа крадеть и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнить ю, и про то не разлучити.

37. Аще кто клеть крадеть, тако же творять.

38. Аще жена будеть чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнить ю, а не лишиться.

39. Аще мужа два бьетася женьскы, любо одереть, любо укусить, митрополиту 12 гривен.

40. Аще жена бьеть мужа, митрополиту 3 гривны.

41. И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой.

42. Аще который муж бьеть чюжюю жену, за сором ей по закону, а митрополиту 6 гривен.

43. Аще ли сын биеть отца или матерь, да казнять его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный[296] такий отрок.

44. Иже чернець или черница впадеть в блуд, тех судити митрополиту.

45. Тако же или поп[297], или попадиа, или проскурница,

а впадуть в блуд, тех судити митрополиту опроче миру, а въ что их осудить, волен.

46. Аще поп, или чернец, или черница упиеться без времени, митрополиту в вине.

47. Аще кто что поганое съясть по своей воли, или кобылину, или медведину, или ино что отреченое, митрополиту в вине и в казни.

48. Иже поп дети крестить в чюжем уезде иного попа, развеи нужа или при болезни, а что створить крещеньское не во своем уезде, митрополиту в вине.

49. С некрещеным, ни иноязычником, или от нашего языка будеть с некрещеным, ведая ясть и пиеть, митрополиту в вине.

50. Аще кто с отлученым ясть и пиеть, да будеть сам отлучен.

51. Аще кто с бесерменкою или с жидовкою блуд створить, а не лишиться — церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен.

52. Аще чернец или черница (рос)стрижються[298]*, митрополиту 40.*

53. А сими винами разлучити мужа с женою.

1). А се первая вина. Услышить жена от иных людей, что думати[299] *на царя или на князя, а мужу своему не скажеть, а опосли обличиться — розлучити.*

2). А се вторая вина, оже муж застанеть свою жену с любодеем[300] *или учинить на ню послухы и исправу, разлучити.*

3). А се 3-я вина, аще подумаеть жена на своего мужа или зелием, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажеть, а опосле объявиться, и разлучити и.

4). А се 4-я вина, аще без мужня слова иметь с чюжими людьми ходити, или пити, или ясти, или опроче мужа своего спати, потом обьявиться, разлучити и.

5). А се 5-я вина, оже иметь опроче мужа ходити по игрищам, или в дни, или в нощи, а не послушати иметь, розлучити и.

6). А се 6-я вина, оже жена на мужа наведеть тати, велить покрасти, или сама покрадеть, или товар, или церковь покрадши, инем подаеть, про то разлучити[301]*.*

54. А что ся деять в монастырьскых делех[302]*, в церковных, в самех монастырех, да не вступаеться князь, ни волостель*[303]*, безатщина приидеть к волостелю митрополичю.*

55. Аще кто устав мой и уставление мое порушить, или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего кто, или от рода боярьскаго бояр моих[304]*, а вступять*[305] *в суд митрополич, что есмь дал митрополиту церковныи суды, епискупом, по правилом святых отец, судивше, казнити по закону.*

56. *А хто иметь судити, станеть съ мною на страшнем суде пред богом, и да будеть не нем клятва святых отец 300 и 18, иже в Никии и всех святых. Аминь.*

РАЗНОЧТЕНИЯ

272
Ип нет;

273—274
Ип нет;

275
А, У III, Ип далее *кун;*

276
У III, Ип *казнить;*

277—280
Ип нет;

278
в списках *а;*

279—280
У III *родители окупят;*

281
Ип 2;

282—283
Ип нет;

284
Ип нет;

285
в осн. списке *церковных*, дается по А, У III;

286
Ип далее *мужу;*

287—288
Ип *блудити;*

289—290
Ип нет;

291
Ип далее *Иныя же вещи многы суть, яже не писаны зде срама ради;*

292—301
Ип нет;

293
А, У III *в блуд;*

294
У IV *приметь;*

295
А *то ей;*

296
У IV нет;

297
У IV далее *или диякон;*

298
А, У III *ростригутся*, Археогр. извод *рострижеться*, также Маркел. и Архивный;

299
У III *думают;*

300
О III, У IV *прелюбодеем;*

301
Ипат. извод *людех;*

302
Ипат. извод *властели, а;*

303—304
Ипат. извод далее *кто, а порушают моя ряды;*

305
Ипат. извод *вступятся;*

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Статья близка по тексту к Краткой редакции, имея некоторые существенные отличия.

Устав кн. Ярослава в сохранившихся текстах начинается с интитуляции — обозначения князя, издавшего документ, соединенной с наррацией — указанием на обстоятельства, связанные с его изданием, и аренгой, кратко излагающей причины передачи ряда публичных дел церкви.

Отсутствие инвокации — обращения к богу отличает Устав от других памятников древнерусского права. Возможно, это связано с тем, что он сохранился большей частью в составе комплексов юридических и политических памятников, после Правил о церковных людях, Правил 165 святых отец и Устава Владимира о десятинах, имеющего инвокацию.

Однако и в тех случаях, когда Устав кн. Ярослава дошел до нас отдельно (*Свиток Ярославль*, Архивный извод и Устюжская редакция) инвокации в нем также нет, правда, два последних текста были заимствованы в летописи, вероятно, из такого же комплекса. Можно предположить также, что инвокация была в форме креста и оказалась пропущенной при переписке.

В Основном, Ипатьевском и Археографическом изводах титул Илариона включает упоминание Киева (митрополит киевский), что появляется с присоединением в 1347 г. Галичской митрополии к Киевской (тогда уже Московской), в русских документах — с 1376 г. В других изводах этих переработок нет. То же относится к указаниям на передачу церкви прав на сбор *мыта* и *осминечьего*, упоминаемых с XIV в.

Мыто — пошлина, взимавшаяся за провоз товаров на рынок.

Осминечье — торговая пошлина, которую платили при торговле зерном, измерявшимся осминами.

Статья имеет сложный юридический состав: кроме преамбулы ко всему Уставу, в ней содержатся конкретные процессуальные и материальные нормы.

Добавления в Уставе освобождают торговцев, подведомственных церкви, от уплаты мыта.

Упоминание *роспустов* — разводов, дела по которым переданы церковному суду, можно связывать с появлением в Пространной редакции небольшого кодекса о разводах (ст. 53), отсутствующего в Краткой редакции.

Статья 2

Статья устанавливает дифференцированную ответственность за умыкание девушки или насилие над ней, зависящую от социального положения потерпевшей.

Денежный счет в Уставе содержит единицы и ставки XI—XII вв. с упоминанием рублей, известных с конца XIII в. Возмещение потерпевшей, принадлежащей к сословным группам боярства, и штрафы церковной власти указаны в гривнах золота — очень больших ценностях (1 гривна золота = 10 или 12 гривнам серебра; 1 гривна серебра = 4 гривнам кун). При-

надлежность потерпевшей к сословной группе, которая получает за оскорбление возмещение не в серебре, а в золоте, т. е. к аристократической боярской группе, ставила ее в особо привилегированное положение. На то, что такое положение определялось несколькими поколениями предков, получивших возмещение в золоте, указывает самостоятельная статья *О бесчестии*, находящаяся в тех же рукописях, что и Пространная Правда, публикуемая в настоящем томе.

Ставка штрафа «60» (без указания на денежную единицу), которая повторяется в нескольких статьях Устава, близка к 60-кунной ставке Краткой Правды за кражу (ст. ст. 28, 35, 36, 40) и к возмещению закупу за несправедливость к нему в Пространной Правде (ст. 59).

В Пространной редакции Устава кн. Ярослава церковная власть, перед которой ответствен за свои проступки обвиняемый, представлена митрополитом, в отличие от Краткой редакции, где в этой роли постоянно выступает епископ. Это указывает на то, что Пространная редакция была создана при митрополичьей кафедре, в Киеве.

Статьи 3 и 4

Статьи устанавливают такие же штрафы за изнасилование женщины или избиение ее, а также за оставление мужем жены (с учетом социального положения потерпевшей). Они отличаются от Краткой редакции присутствием или отсутствием отдельных градаций и некоторыми денежными ставками.

Статья 5

В отличие от ст. 5 Краткой редакции здесь предусмотрено, что *блуд* незамужней женщины, за который она должна быть помещена в *дом церковный*, может быть ее постоянным занятием; это распространяется и на вдову. Как и в следующей ст. 6, для применения санкции необходимо *обличение*. Этот термин обозначал обычно не судебное разбирательство, а публичное извещение о проступке (*прелюбодеюща жены обличати не повелеша отци наши* — 34 правило Василия Великого)[306].

306 Срезневский И. И. Материалы для словаря.., т. II, стб. 521.

Статья 6

Статья (по сравнению с Краткой редакцией) дополнена перечнем различных видов детоубийства, совершаемого замужней женщиной.

Статья 7

Статья содержит уникальную для памятников феодального права архаичную норму семейного права об ответственности родителей перед публичной властью за невыдачу замуж дочери. В Архивном изводе уточняется, что штраф взыскивается

Засядеть - не выйдет замуж; останется «сидеть в девах».

с родителей или родственников девушки (*на отци или на племени*)[307].

Эта норма, неизвестная византийскому праву, отражала переход в церковное право древнего обычая восточнославянского общества, согласно которому старшие члены семьи несли ответственность за обеспечение младших после своей смерти. Традиционное наследственное право не обеспечивало дочерей (в отличие от сыновей) после смерти родителей. В силу этого общинная организация, а с XI в. церковь обязывали родителей устраивать будущее дочерей и наказывать их за нарушение такой обязанности. С развитием семейного права в Юго-Западной Руси эта статья сохранила свое значение и даже получила указанное уточнение; отсутствие ее в Краткой редакции позволяет предположить, что она была опущена как не соответствующая условиям Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. На принадлежность статьи архетипу Устава указывает, кроме архаичности самой нормы, также принадлежность ее к группе статей с социальными градациями и штрафами в гривнах золота[308].

307 Древнерусские княжеские уставы, с. 104.

308 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь..., с. 285-287.

Статья 8

Статья повторяет ст. 8 Краткой редакции. Основной извод содержит, однако, изменение, которое не находит соответствия в других текстах Устава. Здесь митрополиту отказано в праве получения штрафа за измену мужа жене; такой штраф установлен только в пользу княжеской власти. Это изменение связано, вероятно, с особенностями церковно-политической жизни той территории (по мнению Я. Н. Щапова, это мог быть Полоцк начала XV в.), где возникла переработка Устава, сохранившаяся как Основной извод.

Ближнии род поиметься (от ***поимати*** — брать в жены) — поженятся близкие родственники.

Статья 9

Статья повторяет ст. 9 Краткой редакции. Она предполагает заключение второго брака мужчиной без расторжения первого и устанавливает, что он не является действительным — муж должен продолжать жить с первой женой, а вторая передается под опеку церкви. Можно думать, что второй брак (возможно, как и первый) был заключен здесь без участия церкви: священник не имел права венчать второй брак без расторжения первого.

Статья 10

Статья является новой. Церковь не признавала за женщиной права на одностороннее расторжение брака. В случае, если женщиной был заключен брак без расторжения первого, объявлялся недействительным не только второй брак, но и первый, жена передавалась под опеку церкви, а оба мужа после епитимьи были, вероятно, свободны заключать новые браки. Ответственной перед церковной властью за правонарушение была не только жена, но и ее второй муж, *новоженя*.

По норме Основного извода, отсутствующей в других текстах, те же последствия влечет не только смена мужа, но и несоблюдение верности мужу. В этой статье подразумевается не заключение второго (а может быть, и первого) брака по церковному обряду, а фактическое сожительство, вероятно, оформленное традиционным, языческим способом.

Статьи 11—12

Статьи повторяют нормы ст. ст. 10—11 Краткой редакции: тяжелая или неизлечимая болезнь как жены, так и мужа не является основанием для развода. Законодатель признает, что одной из целей семейного союза является поддержание супруга в тяжелую для него пору.

Статья 13

Статья в отличие от ст. 12 Краткой редакции содержит ставку штрафа не в гривнах золота, а в гривнах кун. Размер штрафа уравнивает наказание за связь между крестным отцом и крестной матерью одного ребенка с наказанием за связь между свойственниками. Кроме штрафа, в пользу церковной власти на виновных налагается епитимья.

Статья 14

Статья соответствует ст. 13 Краткой редакции. Поджог наказывается высокой ставкой штрафа в пользу митрополита, равной вире (40 гривен). Санкция Пространной редакции включает также упоминание епитимьи, отсутствующее в Краткой редакции.

Статья о поджоге выглядит в Уставе посторонней, поскольку находится между статьями о блуде. Она появилась, вероятно, позднее других статей, когда в основном структура закона уже сложилась. Очевидно, эта статья касается вотчинной сферы церковной юрисдикции, т. е. имеет в виду крестьян, сидящих на принадлежащих церкви землях. За поджоги, происходившие в церковных селах, судили и наказывали церковные власти с участием представителей княжеской власти. Возникновение церковной земельной собственности на рубеже XI и XII вв. позволяет датировать эту статью первой половиной — серединой XII в., ибо со второй половиной века можно связывать возникновение Пространной редакции Устава.

Статьи 15—16

Статьи близки к тексту Краткой редакции, отличаясь денежными единицами штрафов. Как связь со своей сестрой, так и брак между близкими родственниками наказываются высшей ставкой штрафа, равной вире; виновные должны были также нести епитимью. Брак между близкими родственниками объявлялся недействительным.

Родство между желающими вступить в брак исчислялось *коленами* — количеством родственников в генеалогической ли-

нии от жениха вверх к общему предку и далее вниз к невесте. По нормам *Устава о брацех*, сохранившегося в русских списках кормчих XIII — XV вв. и в Мериле праведном XIV в., который восходит к XI в., как и по соответствующим византийским нормам, до конца X в. был разрешен брак только между 7 и 8 коленами, т. е. между четвероюродными братом и сестрой. Более близкие родственники пожениться не могли. Кроме того, запрещалось двум братьям или сестрам брать в качестве супругов лиц, бывших детьми одних родителей или тех, кто был между собой тетей или дядей и племянниками[309]. Эти нормы, возникшие в древности еще на Ближнем Востоке, призваны были, как представляется, сохранить популяцию от вымирания, предохранив ее от суженного объема генетической информации, поступающей потомкам от близких родственников, и накапливания у них отрицательных признаков.

309 Русская историческая библиотека, т. VI. стб. 143-144.

Статья 17

Статья соответствует ст. 16 Краткой редакции. Двоеженство наказывается *полувирьем* в пользу митрополита, брак со второй женой расторгается, и она передается под опеку церкви, а первый брак подтверждается властью. За плохое обращение со своей первой — признаваемой законной — женой виновный также может быть подвергнут наказанию.

Статья 18

Статья воспроизводит норму ст. 17 Краткой редакции о наказании за самовольный развод по инициативе мужа. Церковь препятствует расторжению брака, не только венчанного церковью, но и невенчанного, устанавливая во втором случае лишь вдвое меньший штраф. Таким образом, в условиях, когда церковная свадебная обрядность не имела широкого распространения, церковь была вынуждена признавать законность традиционных форм брака.

Этот компромиссный характер норм Устава, заботящегося о сохранении невенчанных браков, свидетельствует о том, что комментируемое законодательство принадлежит времени, когда публичная власть и церковная обрядность только проникали в эту сферу жизни, т. е. к XI — XII вв., которыми и датируются ранние тексты памятника.

Жидовин человек, исповедовавший иудейскую религию.

Бесерменин — человек, исповедовавший мусульманскую религию, в условиях Древней Руси — выходец из Среднего и Нижнего Поволжья (см. также ст. 49 и 51).

Статья 19

Статья не имеет аналогий в Краткой редакции. Она запрещает связь русской девушки с лицами, исповедовавшими религии Востока, жившими на территории Руси.

Статья 20

Статья повторяет ст. 18 Краткой редакции. Она предусматривает наказание за блуд с монахиней высшей ставкой штрафа в размере виры и наложение на виновных епитимьи.

Статья 21

Данная статья также соответствует ст. 18 Краткой редакции. Скотоложство наказывается штрафом, равным высшей продаже, так же как и блуд между близкими свойственниками (см. ст. ст. 24—26) и наложением епитимьи.

Статья 22

Статья соответствует ст. 19 Краткой редакции. Связь свекра (отца мужа) со снохой (женой сына) наказывается максимальным штрафом размером в виру и епитимьей. В условиях существования неразделенных крестьянских семей в период позднего феодализма было известно *снохачество* — обычное право свекра — главы семьи на сожительство со снохами.

Статьи 23, 25—27

Статьи аналогичны ст. ст. 20—23 Краткой редакции, они содержат нормы наказания за связи между близкими свойственниками, половые сношения с двумя родными братьями или сестрами, между мачехой и пасынком. За эти нарушения установлен штраф в размере высшей продажи, а в ст. 27 — даже 30 гривен. Все эти нормы вызывались необходимостью обеспечить нормальное функционирование древнерусской семьи, но они могли быть включены в Устав по образцу широко распространенного в переводе византийского памятника *Избрания от закона, богом данного израильтяном Моисеем, о суде и о правде*. Закон представлял собой компиляцию VIII в. библейских книг Второзакония. Однако условия Древней Руси диктовали совершенно другие санкции. Так, в этом Законе за блуд с мачехой установлена смертная казнь для обоих (*Аже кто будеть с женою отца своего, да умрета оба, понеже срамоту отца своего откры*[310]), а по Уставу — штраф в размере 12 гривен.

310 Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961, с. 248.

Статьи 24 и 28

Статья не имеет аналогии в Краткой редакции, но она устанавливает за блуд отчима с падчерицей тот же штраф в 12 гривен. Значительно выше санкция за сожительство отца с дочерью, поскольку здесь имеет место кровосмешение (ст. 28).

Статья 29

Ст. 24 повторяет норму ст. 24 Краткой редакции в измененном виде. Здесь возможность выдачи дочери замуж родителями силой превращена в их обязанность в случае ее несогласия. Согласно ст. 7, за нарушение этой обязанности родители отвечали перед публичной властью. Однако изменение нормы не снимало с них ответственности в случае самоубийства дочери в результате такого принуждения. Другим отличием статьи от Краткой редакции является отсутствие упоминания о том, что эта же норма распространяется на от-

рока. Возможно, последнее положение могло отражать иное юридическое положение сына в семье сравнительно с дочерью.

Статья 30

Суд митрополита над еретиком. 1123 год. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век.

Статья соответствует ст. 25 Краткой редакции. Оскорбление женщины позорным словом наказывается штрафом также в зависимости от сословной принадлежности потерпевшей, как и оскорбление действием. Это указывает на актуальность для Древней Руси тех норм рабовладельческого и поздних этапов первобытнообщинного строя, согласно которым между замужней женщиной, матерью семейства, и женщиной свободного поведения проводилось резкое различие, между тем, как в отношении мужской части населения указанные нормы актуальности не имели. Публично отнести уважаемую замужнюю женщину к числу женщин легкого поведения значило тяжело оскорбить не только ее, но и ее мужа, и всю ее семью. С этим связаны значительные суммы возмещения потерпевшей и штрафы в пользу церковной власти.

Статья 31

Статья воспроизводит норму ст. 26 Краткой редакции. Повреждение (в том числе пострижение) бороды или волос на голове считалось оскорблением, за которое потерпевший имел право в судебном порядке получить возмещение. Устав кн. Ярослава, однако, устанавливает штраф только в пользу церкви. Это сближает норму Устава с Краткой Правдой (ст. 8) и Пространной Правдой (ст. 67), где за повреждение бороды также установлена только продажа размером в те же 12 гривен.

Статьи 32—33

Статьи близки к ст. ст. 27—28 Краткой редакции Устава. Они устанавливают церковную юрисдикцию по делам о кражах в семье, не подлежащих ведению княжеской власти, и размеры штрафов за них. В отличие от краж, подпадавших под действие Русской Правды, внутрисемейные похищения имущества не были вызваны классовыми конфликтами и не угрожали феодалам, но происходили внутри ограниченных социальных коллективов и имели место главным образом тогда, когда семья переживала кризисное состояние. Это обстоятельство и предопределяет церковный, а не княжеский суд по делам такого рода. Кража одежды была социально менее опасной, чем кража зерна и урожая вообще, с этим связаны различия в ставках штрафа за такие преступления (в 4 раза). Появление в этих статьях упоминания жены (*тако же и женка*) относится, вероятно, к более позднему времени, ибо женеворовке посвящена особая статья — ст. 36. А. А. Зимин связывает штраф в 3 гривны в ст. 33 (и такой же штраф

[illegible] проходити [illegible] в
своемъ градѣ [illegible]
затвориша темницы
благовѣр
[illegible]
[illegible]
[illegible]

в ст. 32 Археографического извода) с заимствованием из Пространной Правды: из ст. 34 (о краже одежды) и ст. 43 (о краже жита)[311].

Статья 34

Статья отличается от ст. 29 Краткой редакции Устава, поскольку в ней говорится о краже *сватебного и сгородного*, а не о свадебных боях. Возможно, что Пространная редакция сохранила более ранний текст, переосмысленный в Краткой в соответствии с условиями XIV в.[312].

311 Памятники русского права. Вып. первый, с. 281.

312 Подробнее см.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 235-238.

Статья 35

Статья не имеет аналогии в Краткой редакции. Она посвящена установлениям о нарушении сговора о браке. Резание сыра — одна из важных составных частей обряда предсвадебного сговора: сыр выносила невеста, он резался сватом и раздавался всем присутствующим в ее доме. Отказ жениха от невесты наносил ей моральный ущерб, создавал ситуацию, при которой она могла остаться в девицах. Жених или его родители, согласно Уставу, должны были возместить расходы на угощение (*а что потеряно*), за оскорбление невесты (*за сором*), а также заплатить штраф в пользу церковной власти.

Опроче миру — без участия светских свидетелей и судей.

Эта норма принадлежит еще дохристианскому времени и существовала, несомненно, в XI в., но ее включение в Устав можно связывать только с созданием Пространной редакции. Нет оснований объяснять отсутствие ее в Краткой редакции пропуском в рукописи XIV в., например, в связи с тем, что она утратила к этому времени свое значение. И в Домострое (XVI в.), и в рассказе Г. Котошихина (вторая половина XVII в.) говорится об обряде с резанием сыра, причем Г. Котошихин сообщает и о возмещении ущерба, связанного с нарушением сговора, что по смыслу близко к тексту Устава[313].

313 Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. Спб., 1859, с. 130.

Статьи 36—37

Статьи не повторяются в Краткой редакции и связаны, вероятно, с созданием Пространной редакции (см. также ст. ст. 32—33). Кража женой у мужа не является основанием для развода, но муж как глава семьи осуществляет власть в ней, и только ему принадлежит право и обязанность наказания жены за ее деяние. Однако, согласно Уставу, церковная власть претендует и в этом случае на получение штрафа в размере 3 гривен. Это связано, вероятно, с предполагаемым *обличением* жены, т. е. преданием ее поступка гласности.

Статья 38

Статья, также не имеющая аналогии в Краткой редакции, рассматривает еще одну группу проступков жены, не являющихся основанием для развода (отправление ею языческих культов или совершение действий, осуждаемых церковью).

Волхва, чародеица — в представлении средневекового человека это женщина, умевшая оказывать влияние на людей, животных и природу с помощью особых магических действий. *Наузница* (от *наузы* — узлы) — занимающаяся изготовлением амулетов, якобы предохранявших от болезней и несчастий, т. е. навязыванием узлов, которым придавалась магическая сила (*Согреших: наузы вязах на себе...*[314]). *Зелейница* — применявшая зелья (травы) для чародейства, которое в средневековье не отличали иногда от лечения. На мужа возлагалась обязанность наказывать жену, изобличив (*доличив*) ее в этих поступках. Обращает на себя внимание отсутствие указания на штраф в пользу митрополита. Вероятно, разбирательство этого внутреннего семейного дела не обязательно должно было становиться достоянием общественности и государственной власти.

314 Срезневский И. И. Материалы для словаря.., т. II, стб. 343.

Статья 39

Статья повторяет норму ст. 30 Краткой редакции. Она устанавливает штраф в пользу митрополита за схватки и драки, которые ведутся с нарушением правил, нечестно, так, как дерутся женщины (*женьскы*), когда в драке кусают или царапают, сдирают кожу (*одереть*). Вооруженные схватки, связанные с определенными ритуалами (в частности, с брачными, похоронными и др.), с различными конфликтами, с необходимостью решить судебный спор (*поле*), были широко распространены в средневековье, о некоторых из них говорят статьи Русской Правды. Но они должны были быть публичными, следовать установленным обычаям, нарушение которых каралось властями. По Уставу кн. Ярослава, на это в XI в. претендовала церковь, хотя уже к XII-XIII вв. епископы и митрополиты требовали запрещения всяких боев, не разрешали отпевать и хоронить вблизи церквей убитых в этих боях.

Статья 40

Статья не имеет аналогии в Краткой редакции. Жена не вправе поднимать руку на мужа, бить его. Это наказывается штрафом в пользу митрополита в размере 3 гривен. Предполагается, что такая норма должна была воспитывать не только жену в повиновении, но и мужа в исполнении его долга главы семьи: платит штраф все же, вероятно, он, как глава семьи.

Статья 41

Статья также не имеет соответствия в Краткой редакции. Драки между женщинами, не имевшие характера социальных стычек, в отличие от боев между мужчинами подлежали ведению не светской, а церковной власти. Новые статьи в Пространной редакции отражают развитие древнерусского права и более подробно его кодифицируют.

Установка налогов княгиней Ольгой. 947 год. Миниатюра Радзивиловской летописи конца XV века.

Статья 42

Статья воспроизводит норму ст. 31 Краткой редакции. Статья рассматривает то же преступление, что и ст. 3, — избиение женщины, но без указания на социальную принадлежность потерпевшей и без указания на сумму возмещения. Это может свидетельствовать о разном времени включения статей в Устав и разных их источниках.

Статья 43

Статья соответствует ст. 43 Краткой редакции. Закон охраняет телесную неприкосновенность родителей от посягательства на нее сыновей. Церковная власть не устанавливает наказания нарушителю, оставляя его на усмотрение светской власти (*волостель* здесь — правитель), но предписывает передать виновного *отрока* (юношу) под опеку церкви. Таким образом, оказывается, что нарушитель — не взрослый мужчина, а распоясавшийся юнец.

Статьи 44 и 45

Установления о блуде монахов и попов в Пространной редакции изложены в двух статьях, в отличие от Краткой редакции, где они объединены в одну ст. 34. Первоначальная статья 44 — о монахах, к которой добавлена ст. 45 (*такоже или* ...).

Эта статья (как и ст. ст. 46, 48) связана с особой внутрицерковной категорией дел, которые рассматривались закрытыми церковными судами. Наказания за названные деяния не выходили, вероятно, за пределы различных форм епитимьи.

Статья 46

Статья очень сходна со ст. 35 Краткой редакции, но упоминает среди духовных лиц, злоупотребляющих вином, также монахиню. Христианское богослужение, возникшее среди средиземноморских греков, предполагает применение виноградного вина, и нарушением является только употребление его в неположенные дни и в значительном количестве, с чем и борется законодатель.

Статья 47

Эта статья, как и следующие, отсутствует в Краткой редакции и является дополнением Пространной редакции.

Запрет употребления в пищу мяса определенных животных (*кобылина, медведина*) имел различное значение в течение XI — XIII вв. Возможно, что запрет на мясо медведя был связан с борьбой против языческого культа. *Кобылина* (конина) была обычной пищей кочевых народов, в частности половцев. *Отреченным* (запрещенным) было также мясо задушенных (а не зарезанных) животных и птиц[315].

315 Русская историческая библиотека, т. VI. стб. 47.

и иде Олга по деревьскои земли с сыномъ своимъ и со дружиною. оуставляющи оуставы и оуроки. и суть становища ея. и ловища. и приде въ градъ свои Киевъ с сыномъ своимъ Святославомъ. и пребывши лѣто едино :—

В лѣто ѕ҃у҃не. иде Ольга Новугороду. и оустави по Мьстѣ погосты и дани. и по Лузѣ оброки и дани. и ловища ея суть по всеи земли знамения. и мѣста и погосты. и сани стоять въ Плесковѣ и до сего дни. и по Днепру перевѣсища и по Деснѣ. и есть село ея Ольжичи и доселе. и изрядивши възвратися к сыну своему Киеву. и пребываше с нимъ в любви :—

В лѣто ѕ҃у҃нѕ. В лѣто ѕ҃у҃нз. В лѣто ѕ҃у҃ни. В лѣто ѕ҃у҃нѳ. В лѣто ѕ҃у҃ѯ. В лѣто ѕ҃у҃ѯа. В лѣто ѕ҃у҃ѯв. В лѣто ѕ҃у҃ѯг.

Статья 48

Статья запрещает священникам нарушать границы своих приходов (*уездов*) — крестить, причащать и совершать иные требы на территории другого прихода. С усилением церковной организации и увеличением числа церквей в густонаселенных районах страны сферы влияния храмов пришли в соприкосновение и стали возможны столкновения, затрагивающие имущественные интересы каждого попа. Однако термин *уезд*, обозначающий участок, принадлежащий храму, в XII в. свидетельствует о слабом еще проникновении церкви в сельские районы и отдаленности храмов друг от друга, что требовало от попа поездок по своим прихожанам. Только болезнь и угроза смерти чужого прихожанина без причащения извиняла нарушителя этого установления, восходящего к правилам, собранным во 2 главе 8 грани номоканона 14 титулов.

Статья 49

Статья содержит запрещение совместной еды с иноверцами, в том числе с принадлежавшими к той же древнерусской (*от нашего языка будеть с некрещеным*), а также другим народностям. Это запрещение продолжает ряд установлений против браков и сожительства с иноверцами, но принадлежит только Пространной редакции второй половины XII — первой половины XIII вв. Оправданием для нарушителя может быть лишь незнание того, что его сотрапезник исповедует другую веру.

Запрет тесных связей с представителями иных вероисповеданий характерен для многих религий. В условиях средневековья он способствовал тому, что религиозная общность была, в частности на Руси, составной частью этнической общности. Важно отсутствие в Уставе запретов общения с христианами других вероисповеданий (католики, несториане). В XI—XII вв., до католической агрессии на северо-западные земли, в древнерусском обществе отсутствует вражда к христианам-католикам, и попытки греческих иерархов обострить отношения между христианами разных вероисповеданий не имели успеха.

Статья 50

В XII — XIII вв. было запрещено тесное общение не только с иноверцами, но и с людьми, отлученными от церкви, т. е. совершившими преступления против веры.

Статья 51

Статья запрещает сожительство с представительницами нехристианских вероисповеданий (тех же, кто поименован в ст. 19). Однако санкция здесь отличается: виновный платит штраф в 12 гривен и отлучается от церкви.

Статья 52

Добровольный уход из монашества был нередким явлением и по каноническим правилам наказывался епитимьей. Здесь, следуя нормам древнерусского церковного права, законодатель устанавливает за него штраф в пользу церкви размером в виру. Эта большая статья представляет собой особый случай развода по вине жены, включенный в Устав при создании Пространной редакции и существующий в рукописях также самостоятельно.

Статья 53

В статье перечисляются следующие деяния жены, которые дают основания для расторжения брака: 1) несообщение женой мужу о ставшем ей известном готовящемся посягательстве на власть и жизнь монарха; 2) прелюбодеяние, за которым ее застал муж или подтвержденное послухами; 3) покушение на убийство мужа или недонесение о готовящемся его убийстве; 4) общение жены с чужими людьми, в частности ночевка вне своего дома и без разрешения мужа, что может представлять угрозу для ее чести; 5) посещение женой без сопровождения мужа днем или ночью игрищ и несоблюдение соответствующего запрета, сделанного мужем; 6) участие в обворовывании мужа, или самостоятельное похищение его имущества, или другое воровство, в частности из церкви.

Первые пять «вин» указаны в памятниках византийского права — в 117 новелле Юстиниана, в извлечении из новелл *От различных тител рекше граний* и во включившем эту новеллу Прохироне (два последних памятника известны в славянских переводах). Однако статьи Устава кн. Ярослава, восходя к тексту византийских памятников, не являются ни воспроизведением известных славянских переводов, ни самостоятельным переводом их, а излагают соответствующие нормы со значительными изменениями, сокращениями и дополнениями. Последняя «вина» — о воровстве жены отсутствует в византийских источниках. По норме, зафиксированной в Кормчей книге, это преступление не являлось основанием для развода. И на Руси эта норма не была единственной. Новгородский архиепископ Нифонт определяет в качестве наказания за кражу, совершенную мужем у жены, не развод, а епитимью в течение трех лет[316]. В самом Уставе кн. Ярослава содержится ст. 36, по которой за кражу жена наказывается мужем и платится штраф митрополиту, но специально отмечается, что здесь нет основания для развода. Это свидетельствует, что в пору создания Пространной редакции Устава на Руси не было единых норм, регулирующих разводы. Местные христианские традиции и обычаи сосуществовали с противоречивыми нормами переводных памятников, и выбор тех или иных диктовался конкретными условиями, взглядами или знаниями местного иерарха или другого составителя правово-

316 Русская историческая библиотека, т. VI, стб. 48.

го свода. На то, что эта статья принадлежит перу церковного юриста, указывает упоминание в ней о краже из церкви[317].

317 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 248-254.

Статья 54

Эта статья имеет аналогию в ст. 37 Краткой редакции. Она принадлежит к вотчинной сфере церковной юрисдикции относительно населения, жившего на церковной и монастырской землях и бывшего феодально-зависимым от этих собственников. Здесь говорится о судебном иммунитете церкви от княжеской власти и праве на наследование выморочного (не имеющего законных наследников) имущества *домовных* (епископских, митрополичьих) и церковных людей.

Волостель княжь, волостель митрополичь — чиновники княжеской и церковной администрации, осуществляющие управление на местах.

Чтение *делех* характерно только для Основного извода, все другие тексты Устава дают здесь *людех*.

Статья 55

Статья (близкая к ст. 38 Краткой редакции) перечисляет возможных нарушителей основного принципа Устава. Это князья, наследники или родственники (*от рода моего кто*) Ярослава, княжеские бояре и их родственники. Статья включает вновь ссылку на источник права — правила святых отцов, важнейшую часть номоканона.

Святых отец 300 и 18, иже в Никии — первый вселенский Никейский собор 325 г., утвердивший христианское учение в борьбе со сторонниками арианства.

Санкция Устава состоит из двух частей. В эту статью входит угроза нарушителям земным, княжеским судом и наказанием «по закону».

Статья 56

Статья содержит духовную санкцию — наказание «на том свете» — заклятье.

УСТАВНАЯ ГРАМОТА ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЗЯ МСТИСЛАВА ДАНИЛОВИЧА 1289 Г.

Введение

Уставная грамота представляет собой княжеское установление о размерах и формах феодальных повинностей с городского населения в пользу государственной власти.

Возникновение ее связано с овладением князем Мстиславом городом Берестьем, который был прежде захвачен его племянником князем холмским Юрием Львовичем. Берестье вместе с другими городами бездетный владимирский князь Владимир Василькович завещал своему двоюродному брату Мстиславу. Однако, воспользовавшись тяжелой болезнью Владимира Васильковича, жители Берестья заключили соглашение с князем Юрием, по которому он стал княжить в этом городе и в других городах северной части Волыни — Каменце и Бельске. Берестье находилось на торговом пути, связывавшем Галицкое и Волынское княжества с Прибалтикой. По мнению В. Т. Пашуто, галичские князья, владевшие Львовом и Дорогичиным на этом пути, были заинтересованы и во владении Берестьем[318].

Путем дипломатических переговоров и военных угроз Мстислав Данилович заставил князя Юрия уйти из занятых им городов и в начале 1289 года вступил в Берестье.

По словам летописца, *сретоша (встретили) его горожане со кресты от мала до велика и прияша и (его) с радостью великою, своего господина.* Зачинщики измены (*коромолы*) — вероятно, крупные купцы, связанные с международной торговлей, — бежали из Берестья в Дорогичин, принадлежавший Юрию[319]. Укрепившись в северополынских городах, Мстислав Данилович выяснил, что Берестье не платит *ловчего*, и вместо кровавой расправы над изменниками установил, по словам летописца, в качестве возмещения новые повинности. *И повеле писцю своему писати грамоту*[320].

Изданная в связи с политическими событиями 1288 года грамота эта, однако, отражает социально-экономические условия, существовавшие в Галицко-Волынской Руси XIII в.

Грамота сохранилась в официальной княжеской летописи г. Владимира-Волынского в составе Ипатьевского летописного свода XIV в. и публикуется здесь по спискам:

Ипатьевскому (основной список), Библиотека АН СССР в Ленинграде, 16.4.4, первой половины XV в., л. 306;

Х — Хлебниковскому, ГПБ F.IV.230, XVI в.;

318 Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 168.

319 ПСРЛ. т. II. Спб., 1908, стб. 931-932.

320 ПСРЛ. т. II. стб. 932.

П — Погодинскому, ГПБ, Погодинское собрание, № 1401, начала XVII в.

Текст печатается по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2. Спб., 1908, стб. 932.

Текст

1. Се аз князь Мьстислав, сын королев, внук Романов, уставляю ловчее на берестьяны и[321] *в векы за их коромолу; со ста по две лукне меду, а*[322] *по две овце, а*[323] *по пят(на)дцать*[324] *десяткъв лну, а по сту*[325] *хлеба*[326]*, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур. А по толку со всякого ста.*

2. А на горожанах 4 гривны кун.

3. А хто мое слово порушить, а станеть со мною перед богом.

А вопсал есмь в летописец коромолу их.

РАЗНОЧТЕНИЯ

321
Х, П нет;

322
Х, П нет;

323
Х, П нет;

324
в осн. списке *пятидцать*, Х *пятнадесять;*

325
Х, П *сто;*

326
Х, П *хлебов;*

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Грамота не имеет инвокации, что отличает ее от двух других волынских грамот, также включенных в княжескую Владимиро-Волынскую летопись XIII в. и принадлежащих князю Владимиру Васильковичу[327]. По мнению А. И. Генсёрского, инвокация могла быть в виде креста, который летописец не воспроизвел[328]. Не исключено, что на соблюдение дипломатической формы акта оказало влияние его содержание. Обе грамоты Владимира Васильковича являются духовными, связанными с завещательными распоряжениями на случай смерти, и снабжены однотипной пространной инвокацией, а содержание уставной грамоты Мстислава иное и не требовало такого благословения. Вместе с тем ст. 1 содержит другие основные элементы дипломатического формуляра, в том числе указания на обстоятельства издания грамоты (*за их коромолу*).

Она содержит перечень поступлений в натуральной форме того же типа, что и содержащиеся в Русской Правде установления об обеспечении вирника и городника.

327 ПСРЛ, т. II, стб. 903-904.

328 Генсьорський А. І. З коментарів до Галицько-Волинського літопису. В кн.: Історичні джерела та їх використання. Вип. 4. Київ, 1969, с. 174.

Ловчее — феодальная повинность.

Мстислав, сын королев, внук Романов — князь Мстислав был сыном Даниила Романовича Галицкого, принявшего в 1254 году королевский титул, что отражало политическое усиление Галицко-Волынской Руси и вместе с тем способствовало этому процессу.

Статья 2

Статья устанавливает денежную подать с горожан Берестья в размере 4 гривен кун, т. е. 1 гривны серебра. Это уже не традиционное ловчее, а своеобразная контрибуция, возложенная на каждого *горожанина* — владельца городской усадьбы. Если эти деньги не входят в состав ловчего, то к ним может не иметь отношения указание на уплату их *в векы*, т. е. постоянно. Возможно, что это единовременный экстраординарный штраф.

Берестяны — жители г. Берестья (ныне г. Брест);

Сто — административная единица в городе, обладавшая определенными обязанностями (см. также Устав кн. Ярослава о мостех);

Лукно, цебр — меры объема.

Статья 3

Статья содержит духовную санкцию, которая отсутствует в других владимиро-волынских грамотах, упомянутых выше.

Заключительная фраза указывает на внесение грамоты в летопись как документа, иллюстрирующего измену берестян и милостивое отношение к ним князя. На то, что эта фраза написана от имени князя и принадлежит грамоте, а не вписана от своего имени княжеским писцом, указывает первое лицо глагола (*вопсал есмь* — я вписал). Княжеский писец — составитель летописного текста — в этой части свода нигде от своего имени не пишет, и первое лицо употребляется только в княжеских грамотах, включенных в летопись. А. И. Генсёрский считает эту фразу своеобразной короборацией документа — указанием на его подтверждение[329]. Но соотношение грамоты и летописного текста здесь скорее противоположное: невключение в летопись должно подтвердить действенность установления, а само оно документально подтверждало правильность освещения политики князя в историческом труде, посвященном его княжению.

329 Генсьорсьский А. І. Указ. работа, с. 174.

СМОЛЕНСКИЕ УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ

Введение

Уставная и жалованная грамота князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу связана с учреждением в Смоленске епископии, обеспечением ее материальными средствами и передачей церковной власти ряда публичных прав. Документ отражает положение государственной церковной организации одного из крупнейших русских княжеств в период феодальной раздробленности. В отличие от условий, существовавших при создании Уставов Владимира и Ярослава, основание новой епископской кафедры в Смоленске сопровождалось обеспечением ее земельной собственностью, что получило отражение в грамоте. Вместе с тем грамота включает подробный перечень поступлений церкви в форме десятины от отдельных погостов и волостей Смоленской земли, что позволяет воссоздать систему административно-финансовых единиц княжества. В уставной грамоте обозначен объем церковной юрисдикции и указаны случаи, когда в получении судебных пошлин участвуют как светская, так и церковная власти.

Смоленская грамота представляет особую ценность тем, что она является документом об основании епископии, в котором зафиксировано ее первоначальное место в системе власти и управления, причем это сделано подробно, с исключительной полнотой. Ее основное содержание — перераспределение феодальной ренты в разных формах (дани, села, ненаселенные земли) между князем и вновь возникшей церковной организацией.

В отличие от Уставов Владимира и Ярослава смоленская уставная грамота сохранилась в близком к первоначальному тексту виде. Являясь местным установлением, грамота не имела распространения в других церковных центрах и не подвергалась переработкам[330]. Она была переписана в первой половине XVI в. в Смоленске же без существенных изменений. Это делает ее ценным источником XII в.

В документе дата не указана. Но он может быть датирован достаточно точно по летописному указанию на время поставления епископа для Смоленска — 1136 год[331]. Именно тогда в грамоте могло появиться имя епископа (ст. 13), и она была утверждена, будучи снабженной подтвердительной грамотой этого епископа.

Уставная грамота Ростислава (документ 1) дошла до нас в комплексе с тремя другими связанными с ней по содержанию и следующими за ней документами. Ее сопровождает прежде всего грамота епископа Мануила (документ 2), со своей стороны подтверждающего княжескую грамоту. Она долж-

330 Предпринятая недавно попытка переставить часть статей грамоты на другое место (Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— В сб. Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974) не представляется обоснованной.

331 Полное собрание русских летописей, т. I, стб. 304; т. II, стб. 300. 6645 г., как показал Н. Г. Бережков, это ультрамартовский год, который приходится на 1136 — начало 1137 г., но солнечное затмение в июне 1136 г. позволяет датировать поставление Мануила мартом — маем этого года (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 50-51, 137).

на быть датирована также 1136 г., вскоре после грамоты Ростислава. Далее следует княжеская жалованная запись (документ 3) — акт, передающий кафедральной церкви и епископу в дополнение к уставной грамоте 1136 г. земельный участок. Эта запись имеет дату 30 сентября 1150 г. Последней частью комплекса (документ 4) является анонимная уставная запись о размерах поступающих епископу пошлин с городов Смоленской земли. Эта запись, по Я. Н. Щапову, может быть датирована концом XII — первой половиной XIII в. [332], Л. В. Алексеев обосновывает ее составление десятыми годами XIII в.

332 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 146-147.

Смоленские грамоты сохранились в единственном списке первой половины XVI в. (архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, коллекция 174, оп. I, дела 3 и 4). Листы повреждены, утраты текста восстанавливаются и указываются в скобках.

Текст печатается по изданию:

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976, с. 141—146.

Тексты

1

1. Во имя отца, и сына, и святого духа. Бог, и святая Богородица, и отца моего молитва.

2. Приведох епископа Смоленску, здумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити, (и)но есть (зд)е первее сего не бывало епископьи, да яз недостойный, грешный се уста(в)ляю епископью, о нем же епископу быти живу и с клиросом своим в свои дни и в свое княженье, еже ми бог дал и отчя молитва.

3. А се даю святей Богородици и епископу: прощеники с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами, и не надобе их судити никакому же человеку.

4. И се даю святей Богородици (и) епископу: десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходить истых (к)ун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья.

У Вержавлянех у Великих 9 погост, а в тех погостех платить кто же свою дань и передмер истужници по силе, кто что мога. А в тех погостех, а некоторыи погибнеть, то тии десятины убудеть. А в тых погостех, во всех сходиться дани осм сот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницех сто гривен, то ти ис того взяти епископу к святей Богородици сто гривен.

А во Врочницех (200) гривен, то ти ис того взяти епископу 20 гривен.

А в Торопчи дани четыриста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен.

А в Жижци дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен.

А в Каспли 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен.

А в Хотшине дани 200 гривен, а ис того епископу взяти 20 гривен.

А в Жабачеве дани 200 гривен, а ис того епископу взяти 20 гривен.

А в Вото(р)овичех дани 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен.

А в Шуйспей да(н)и 80 гривен, а ис того епископу 8 гривен.

А в Дешнянюх 30 гривен, а ис того (е)пископу три гривны.

А в Ветьской дани 40 гривен, а ис того епископу четыре гривны.

А в Былеве дани 20 гривен, а и епископу ис того 2 гривны.

(А) в Бортницех на оной стороне 40 гривен, а ис того епископу 4 гривны.

В Витрине дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны.

В Жидчичих 10 гривен, (а) ис того епископу гривна.

В Басеи 15 гривен, а и епископу ис того полторы гривны.

(В) Миряичех дани 10 гривен, а епископу ис того гривна.

В Добрятине дани (30) гривен, а епископу ис того три гривны.

В Доброчкове дани 20 гривен, а ис того епископу две гривне.

В Бобровницех дани 10 гривен, а ис того епископу гривна.

В Дедогостичех 10 гривен, а ис того епископу гривна.

А в Зарубе дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны.

А в Женни дани 200 гривен, у Велицей, ис того святей Богородици и епископу 20 гривен.

В Пацини дани 30 гривен, а ис того епископу три гривны, а в гостиней дани не ведомо, а что ся соидеть, ис того святей Богородици и епископу десятина.

В Солодовницех 20 гривен, ис того святей Богородици (и е)пископу две гривны.

На Путьтине присно платять четыре гривны, бе(...)ници две гривны, коромити полпяты гривны, дедичи и дань, и вира 15 гривен, гость 7 гривен. А ис того святей Богородици и епископу три гривны без семи ногат.

На Копысе полюдья четыре гривны, а перевоза четыре гривны, а торгового 4 гривны, а с корчьмити, не ведомо, но что ся соидеть, ис того десятина святей Богородици.

На Прупой 10 гривен, а ис того епископу гривна, а в корчмитех не ведати, но что ся соидеть, ис того десятина святей Богородици.

(У) Кречюта дани 10 гривен, а святей Богородици и епископу гривна.

В Лучине полюдья (...) гривны, а мыта и корчмити не ведомо, но что ся снидеть, ис того епископу десятина.

Во Оболви гостинная дань, и что ся в ней снидеться, ис того святей Богородици и епископу десятина.

Во Искони дани 40 гривен, а ис того святей Богородици и епископу 4 гривны.

Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги, а что будеть в ней, ис того святей Богородици десятина.

У Вержавску в городе три гривны десятины святей Богородици.

В Лодейницех 10 гривен дани, а ис того гривна святей Богородици.

5. И се даю ис Торопча от всех рыб, иже идеть ко мне, десятину святей Богородици и епископу.

6. (А ч)то ся наречеть области Смоленьское, или мала, или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чия си хотя, правити десятину святей Богородици, без всякого отпису деяти.

7. Село Дросенское со изгои и з землею святей Богородици и епископу и село Ясеньское и з бортником, и з землею, и с изгои святей Богородици.

8. И се есми дал землю в Погоновичох Мойшиньскую святей Богородици и епископу и озера Нимикорская и с сеножатьми, и уезд княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезд княжь, озеро Колодарское святей Богородици.

9. И се даю на посвет святей Богородици из двора своего осмь капий воску и на горе огород с капустником, и з женою, и з детьми; за рекою тетеревник с женою и з детми святей Богородици и епископу.

10. Бысть мое сотщание к святей Богородици по повелению святого отца моего, что же мога, то же даю.

11. А т(я)жь епископълих не судити никому же, судить их сам епископ:

первая тяжа роспуст;

другая тяжа, аже водить кто две жоне;

третьяя тяжа, аще кто поиметься чрес закон;

а четвертая — уволочская, аже уволочет кто девку; што возметь князь — с епископом наполы, или посадник что възметь свои тяжи, то с епископом наполы;

а пятое, аже ту женку, то епископу;

шестая вопрос, а то епископу: зелья и душегубства — тяжа епископля;

семая, аже бьетася две жене, то епископля тяжа.

(А)же церковный человек доидеть чего, то своему епископу.

Девятая, аже кого бог отведеть церковных людей.

12. А не будеть зла ничего церкви, да се яз молъвлю, и уставил есми епископью, поручен Смоленеск богом, и деднею, и отцовою молитвою.

13. Да се яз, князь Ростислав с первым епископом своим Маноилом, да се уставляю яз: аже будеть или тяжа, или продажа епископля, да не надобе ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же от мала и до велика, и по всей волости смоленьской.

14. Се же ныне с божиею помощью и со святою Богородицею в сии дни полны дани, а по сем что бог устроить. По божью строю чи которая дань оскудееть, или ратью, или

коим образом, (а п)о силе что почнеть давати тыи дани, а ис того десятина святей Богородици.

15. Да сего (н)е посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие. Аже ли кто посудить сея грамоты, что есми дал к святей Богородици, да той отвечаеть в страшный день святей Богородици и сия клятва будеть на нем, а яз буду без греха.

16. Паки ли приложить кто сию епископью опять к Переяславстей епископьи, завистию переступя слово святого митрополита русского Михаила, а разрушить сию епископью Смоленьскую, то князь отиметь свое опять, еже был уставил епископу пристроивати святей Богородици. Да же кто разрушить сей замысл святого отца моего Мьстислава и митрополита русского Михаила, (аже) яз, грешный сын Мстиславль, надеяся на матерь божью, на святею Богородицу, (у)ставляю сию епископью, да же кто разрушить ю, да сам отвечаеть святей Богородици и сия клятва святых отец буди на нем, а яз буду без греха.

2

1. Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Маноил с благородным и христолюбивым князем моим Михаилом утвержаеве, еже написана, утвержена и сотворена о благодати и благословением святого духа поставлеником моим митрополитом русским кир Михаилом при благовернем и христолюбивем князи моем кир Михаил(е) и утвердил устав церковный именем Ростислав, по отца своего святого молитвы и по повелению его уставил есть епископью Смоленьскую.

2. Да же кто по моем князи или по мне переступить (или) посудить сию грамоту и уставо с(и) или князь, или ин кто, да будеть ему бог противен в день судный и святая Богородица, да будеть проклят от святых апостол и святых отец 318, иже повелеша: в кыим граде достоить епископу быти, да поставять и от всех святых; аще кто разрушить се, да будеть проклят.

3. Или епископ который начнеть несытьством хотя ити в Переяславль и сию епископью приложити к Переясловлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого митрополита русскаго Михаила, иже составил сию епископью.

4. Или отдасть что, и не правити иметь святей Богородици, еже есть написано зде, буди ему тая же клятва и буди ему анафема.

3

(А) се и еще и холм даю святей Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископу строити наряд церковный и утверженье.

В лето 6659, индикта 14, месяца сентября 30.

А се погородие.

От Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисици.

А се от Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу.

А се от Вержавска две гривне урока, а за три лисици 40 кун без ногаты.

А се от Копосы 6 гривен урока й две лисици, а почестья 35 кун.

А се от Поциня урока полторы гривны, а за две лисици 22 куне.

А от Лучина три гривны урока, а две лисици, и осетр.

А се от Ростиславля три гривны, а почестья гривна и четыри лисици.

От Елны урока три гривны и лисица.

А Изяславлее гривна.

А у Торопчи урока 40 гривен, и 15 лисиц, и 10 черных кун, невод, тре(...)ица, бредник, трои сани рыбы, полавочник, две скатерти, три убрусы, берковеск меду.

А се в Жижци пять гривен, а почестья гривна и лисица.

А у Дорогобужи три гоны короткии, а почестья гривна, а пять лисиц.

КОММЕНТАРИЙ

Документ 1

Статья 1

Статья представляет инвокацию, которая сопровождается преамбулой, упоминающей богородицу (ей посвящена смоленская церковь) и отца Ростислава — князя Мстислава Владимировича.

Клирос — организация духовенства (клирошан) при кафедральной или соборной церкви, обладавшая особыми привилегиями в городе.

Статья 2

Статья говорит об основании в Смоленске епископии и содержит важные указания на то, что это было сделано по согласованию с *людьми своими* (вероятно, городской верхушкой) и соответствовало желанию еще князя Мстислава.

Мстислав Владимирович — великий князь киевский (1125—1132), который, как и его отец Владимир Мономах, придавал княжению в Смоленске важное значение в системе политических отношений своего времени.

Мед — феодальная натуральная повинность. Мед использовался для изготовления вина, применявшегося в церковной службе;

Куны — феодальная рента в денежной форме.

Статья 3

Статья закрепляет за епископией особую социальную группу прощеников. Их происхождение объясняется по-разному: это или бывшие холопы, работающие на церковных землях (С. В. Юшков, Л. В. Черепнин, Л. В. Алексеев), или люди, попавшие в зависимость от церкви (Б. Д. Греков, Я. Н. Щапов). На особое социально-юридическое положение прощеников, отличное от других крестьян, указывает подробное обо-

значение их связей с кафедрой через феодальную ренту (*мед, куны*) и через подсудность (*виры* и *продажи*). Положение прощеников как особой группы подтверждает и включение их в перечень Устава князя Владимира конца XII — начала XIII в. (*А се церковные люди: ...лечец, прощеник, задушный человек...*— см. выше).

Статьи 4—5

Статьи передают епископии десятую часть даней, которые поступают со Смоленской земли князю как верховному феодальному собственнику и содержат подробный перечень волостей и погостов с указанием размеров даней, которые поступают от этих территориально-административных единиц. В ст. 4 оговаривается, что на обеспечение церкви идет десятая часть не всех поступлений на княжеский двор, а только даней. Судебные штрафы (виры, продажи) и *полюдье* — особая архаичная форма получения даней путем ежегодного объезда князем и его дружиной подвластной территории — в десятину в Смоленской земле не шли.

Истые куны — зд.— денежные поступления в виде даней, без дополнений за счет судебных штрафов и пр.;

Истужници (истужники) — группа крестьян, социальный статус которой не ясен;

Присно — постоянно.

Неясным в статье является слово *коромити*. Исследователи обычно исправляют его в *корчмити* (см. ниже). Однако его можно связывать со словом *мит* — мыт, провозная пошлина. В Смоленской земле была известна близкая по звучанию пошлина *коромысл* (неисправная по тексту грамота начала XVI в.)[333].

333 См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря.., т. I, стб. 1291.

Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги — князь Ростислав обещает давать епископии десятину от своей доли даней, которые он вновь надеется получать с Суздальской земли от Юрия (Гюргия) Владимировича Долгорукого. Юрий постоянно княжил в Ростово-Суздальской земле, и ему удавалось укрепиться на Юге (Переяславль, Киев) лишь эпизодически, в частности в 1134—1135 гг. Исследователи не нашли еще убедительного объяснения причин, по которым Ростислав Смоленский мог надеяться на получение суздальской дани в 1136 г. Предполагается, что эта дань могла некоторое время поступать в Смоленск в 1134 г. по соглашению между Ростиславом и киевским князем Ярополком, получившим права на Суздальскую землю в результате обмена с Юрием Долгоруким за нейтралитет по отношению к Ярополку, или еще ранее, по соглашению Ростислава с братом Изяславом[334].

Передмер — один из видов податей, отличавшийся от даней, но также шедший в десятину;

334 Поппе А. В. Учредительная грамота смоленской епископии.— Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 64—67; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X— первой трети XIII вв.—История СССР, 1969, № 2, с. 77.

Как видно по ставкам даней и десятины, последняя составляла действительно одну десятую часть даней. Реальная доля десятины в княжеских доходах по Уставу кн. Владимира не ясна.

В тексте ст. 5 число 15 (еі) исправлено из другого числа (см. Древнерусские княжеские уставы, с. 143). В. Л. Янин определил, что здесь должно быть число 9 (фита), ибо сумма поступлений из Путтина составляет 26 с половиной гривен, десятая часть которых и есть 3 гривны без 7 ногат. Грамота содержит большое число упоминаний волостей, погостов, горо-

дов и сел Смоленской земли, местоположение большей части которых установлено в работах П. В. Голубовского, А. Н. Насонова, В. В. Седова[335], Л. В. Алексеева[336] и других.

Хотя в грамоте только один населенный пункт — Вержавск — упоминается как город, это не значит, что других городов, кроме Смоленска и Вержавска, в 30-х годах XII в. в этой земле не было. Вержавск — город здесь специально противопоставлен Вержавлянам Великим — волости. В других случаях такое выделение было не нужно.

335 Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. с. 240-259.

336 Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Статья 6

Статья устанавливает, что десятина должна идти не только с перечисленных поступлений, но и со всех других княжеских даней, получаемых со Смоленской земли. Специально оговаривается существование даней, которые поступают княгине.

Без всякого отпису деяти — отчисление десятины могло встретить препятствия, которые и обещает преодолевать князь.

Статья 7

По этой статье смоленская епископия становится земельным собственником, получая два княжеских села с населявшими их крестьянами и землей.

Гостинная дань, гость, торговое — пошлины, которые платили купцы при продаже товаров.

Статья 8

Статья передает епископии также сельскохозяйственные земли, озера для ловли рыбы.

Уезд княжь — земли, отличавшиеся от других территорий княжества тем, что они принадлежали князю как вотчиннику, на них не распространялось владельческое право крестьянских общин и других вотчинников.

Дедичи — возможно, одно из обозначений лично свободных крестьян-общинников, обладавших правом наследования имущества отца и деда.

Статья 9

Князь передает церкви для ее освещения (*на посвет*) воск для изготовления свечей. Кроме того, церкви передаются зависимые люди со своими семьями: крестьянин-огородник (*капустник*) и охотник (*тетеревник*), поставлявший на княжеский стол дичь.

Корчьмит — содержатель корчмы, плативший пошлину.

Статья 10

Статья содержит сентенцию, связанную со ст. 2.

Статья 11

Уставная грамота содержит перечень правонарушений, подлежащих ведению церковного суда. Это девять категорий дел:

1) самовольные разводы (*роспуст*);
2) двоеженство;
3) брак, в котором супруги находятся в близком родстве;
4) похищение невесты для брака (*уволочская тяжа*);

Сеножати — луга.

Капь — мера веса.

5) возможно, оскорбление женщины словом и действием;

6) дело (*вопрос*) о применении зелий — трав, лекарств и убийство, совершенное таким образом;

7) драка между женщинами;

8) конфликты и тяжбы между церковниками;

9) наследственные дела, связанные со служителями церкви.

Под *церковными людьми* здесь могли подразумеваться как члены церковного причта, служители церкви, так и крестьяне и другие люди.

Все эти дела известны по Уставу кн. Владимира и Уставу кн. Ярослава. Вместе с тем в отличие от Устава кн. Владимира похищение невесты по Смоленской грамоте относится не только к церковной юрисдикции. Такие дела должны были разбираться как епископом, так и князем или посадником. Эта норма является особенностью грамоты Ростислава, возможно, связанной со слабостью церковного судебного ведомства в Смоленске в XI — первой половине XII вв., сравнительно поздним созданием государственной церковной организации в этом княжестве и переходом поэтому некоторых дел о ликвидации языческих обычаев к светской власти[337].

337 См.: Щапов Я. Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 180.

Статья 12

Статья также содержит сентенцию, которая связана с преамбулой в ст. 1. Дед князя — Владимир Мономах (*деднею... молитвою*) упомянут, несомненно, потому, что именно им была заложена в 1101 г. церковь Богородицы в Смоленске, ставшая затем епископской кафедрой.

Статья 13

Князь, на этот раз вместе с епископом Мануилом, еще раз подтверждает неподсудность дел, перечисленных в ст. 11, светским властям на территории Смоленского княжества (в ст. 6 оно названо *областью Смоленской*, здесь — *волостью Смоленской*). К таким властям принадлежали в XII в. князь, посадник и исполнитель их воли тиун.

Упоминание епископской *продажи* свидетельствует о том, что церковный суд в Смоленской земле в XII в. производился по нормам русского церковного права, зафиксированным в Уставе кн. Ярослава, где в качестве санкций выступают штрафы в пользу епископа или митрополита. По нормам канонического права восточной православной церкви, представленного в византийских номоканонах и их славянских переводах, церковь воздействовала на массы только церковно-дисциплинарным способом (епитимьи, отлучение от церкви и др.), а государственная власть — телесными наказаниями либо штрафами.

Статья 14

Издание грамоты в 1136 г. относится ко времени, когда в Смоленской земле были неизвестны ни неурожаи, ни воен-

ные действия (*рать*), которые могли уменьшить размеры даней. При наличии таких бедствий десятина также должна быть сокращена.

Статья 15

Статья содержит запрет отмены устава и духовную санкцию за это. Такая формула свидетельствует об окончании здесь основного текста устава.

Посуживати — отменять.

Статья 16

После издания грамоты об основании и обеспечении епископии в Смоленске князь добавил в нее специальную статью, запрещающую воссоединение смоленской епархии с переяславской, к которой принадлежало Смоленское княжество до 1136 г. В качестве санкции за нарушение такого запрета Ростислав Мстиславич угрожает отнять обратно все то, что он дал епископу по акту 1136 г. Кроме того, упоминается и духовная санкция. Князь указывает, что такое воссоединение будет идти против желания (*слова* и *замысла*) великого князя киевского Мстислава и митрополита киевского Михаила, т. е. верховных глав светской и церковной властей на Руси.

Добавление ст. 16 к грамоте могло быть сделано вскоре после ее создания, например по совету епископа. Но ряд данных позволяет предположить, что оно могло быть произведено и позднее, после возникновения реальной угрозы такого воссоединения. На это указывает прежде всего история политических отношений на Руси в 40-е годы XII в., когда смоленский епископ Мануил был устранен от должности в Смоленске, а его соперник, переяславский епископ Евфимий, пользовался значительным авторитетом и поддержкой киевского великого князя Изяслава. При восстановлении своей власти в Смоленске в 1150 г. епископ Мануил заново освятил кафедральную церковь[338].

338 См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 138-146.

Кроме того, важно изменение грамматической формы рассказа об учреждении епископии в этой статье сравнительно с основной частью грамоты. Здесь о событиях говорится уже не в настоящем (*се уставляю* — ст. ст. 2, 14), *даю* (ст. ст. 3—5, 9) или в прошедшем времени (*приведох епископа* — ст. 2, *есми дал землю* — ст. 8, *уставил есми епископью* — ст. 12), а в предпрошедшем, как о давно совершенном действии: *еже был уставил епископу пристроивати святей Богородици*. Правда, в следующей фразе рассказ вновь ведется в настоящем времени (*уставляю сию епископию*).

Документ 2
Статья 1

Первый смоленский епископ со своей стороны подтверждает княжеские постановления, связанные с созданием епископии и ее обеспечением.

Утвержаеве — мы утверждаем.

Маноил (умер после 1068 г.) — грек, пришедший на Русь до 1032 г. Летописец отмечает вокальные данные епископа,

называя его *певец гораздый*[339]. Поставлен в епископы киевским митрополитом *Михаилом*, также греком, находившимся на кафедре в 1129 (1131?) — 1145 гг.

С... князем моим Михаилом — христианское имя князя Ростислава было Михаил.

339 ПСРЛ, т. II, стб. 300.

Статья 2

Статья содержит духовную санкцию, которая включает также ссылку на апостольские правила и правила Первого вселенского собора в Никее в 325 г. (*святых отец 318*). Эта ссылка не является точной. Ни в апостольском 1 правиле, ни в никейском 4 правиле не говорится о том, в каком городе нужно ставить епископа. По византийским обычаям, каждый город имел своего епископа, и Мануил сообщает в своей грамоте об условиях, с которыми он столкнулся на Руси.

Не правити иметь — не будем исполнять;

Анафема — отлучение от церкви, наивысшее дисциплинарное взыскание по каноническому праву.

Статья 3

Ст. 3 (как и ст. 16 грамоты Ростислава) содержит заклятье нарушителям установлений.

Статья 4

Статья также содержит духовную санкцию, на этот раз тем, кто лишит церковь выделенных ей десятин и земель (что связано со ст. 16 грамоты Ростислава).

Документ 3

Жалованная (данная) запись князя Ростислава на *холм* (смоленский детинец или его часть), который князь передает в 1150 г. кафедральной церкви, находившейся на этом холме. Такая щедрость князя может быть объяснена желанием возместить епископу тот ущерб, который он понес в 1140-е годы, возможно, отчасти, из-за недостаточной его защиты князем. Предполагается, что княжеская резиденция была перенесена за пределы города, на Смядынь.

Симеон епископ — переяславский епископ в 1101 г., когда Владимир Мономах заложил в Смоленске церковь Богородицы.

Строити наряд церковный и утверженье — обеспечивать деятельность церкви. Дата княжеской записи — 30 сентября 1150 г. с упоминанием *индикта* — 15-летнего цикла — дана по византийскому стилю, в котором начало года приходится на 1 сентября. Такой календарный стиль использован в этой записи, как и в летописной записи о вторичном освящении 15 сентября 1150 г. смоленской церкви, вероятно, в связи с деятельностью епископа-грека. В других русских городах использовался в летописях мартовский стиль.

Документ 4

Документ представляет собой анонимную уставную запись о поступлении смоленской епископии пошлин с городов Смоленской земли. Эти пошлины назывались *погородием* и состояли из двух частей — урока и почестья. *Урок* взимался епископом уже без участия княжеской власти, в дополнение к указанным в документе 1 десятинам от даней. *Почестье*, судя по этимологии этого слова (от *честь, честити* — оказывать уважение), — первоначально угощение и подарки, связанные с выполнением епископом или его представителем публичных (судебных и административных) функций. К XIII в. это пошлина в денежной и натуральной формах. Запись перечисляет 12 городов Смоленской земли, в которых, естественно, существовали храмы.

Документ не имеет даты. В пользу датировки его более поздним временем, чем 1136—1150 гг., скорее концом XII — первой половины XIII в., могут указывать следующие соображения. Во-первых, денежный счет записи принадлежит к тому же периоду, что и грамота 1136 г. В записи не упоминаются гривны серебра, известные в документах середины XIII в. и тем более гроши конца XIV в. Во-вторых, система исчисления пошлин не имеет архаичной формы доли поступлений, а обозначена в твердых ставках, что свидетельствует об определенном времени, нужном для выработки новой системы. В-третьих, запись относится ко времени, когда церковная организация могла самостоятельно собирать с городов причитающиеся ей пошлины, не опираясь на княжескую систему сбора даней. В-четвертых, экономическое положение смоленских городов было достаточным для удовлетворения среди других и финансовых претензий владыки. Л. В. Алексеев обратил внимание на отсутствие указания на *почестье* от Торопца — крупнейшего, наряду с Мстиславлем и Ростиславлем, провинциального города княжества — и нашел, что это свидетельствует о времени, когда смоленский епископ не мог приезжать в этот город. Он связывает составление записи с 1211—1218 гг., когда новгородский архиепископ Митрофан был изгнан из Новгорода в Торопец[340].

Три гоны короткии — значение этих слов не ясно. *Гоны* — мера площади земли и расстояния (*Земли орамой* [пахотной] *пятери гоне*[341]), а также участки, отведенные для разведения бобров или для охоты на зверя.

Невод, тр[...]ица, бредник — вероятно эти слова обозначали орудия рыбной ловли.

Полавочник, скатерти, убрусы — тканые изделия разного назначения;

Берковеск — мера веса, равная десяти пудам, 160 кг.

340 Алексеев Л. В. Смоленская земля.., с. 24-25.

341 Словарь русского языка XI—XVII вв. в. 4. М., 1977, с. 72.

УСТАВ НОВГОРОДСКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА О ЦЕРКОВНОЙ ДЕСЯТИНЕ 1137 Г.

Введение

Устав князя Святослава представляет собой законодательный акт, регулирующий отчисления в пользу новгородской епископии от судебных доходов князя.

В Уставе содержатся ценные сведения об организации управления в северных и северо-восточных землях Новгорода. Наличие в нем позднейших приписок, отразивших изменившийся в XIII в. порядок распределения юрисдикции между князем и органами боярской республиканской государственности, дает возможность исследовать динамику укрепления новгородской независимости от княжеской власти.

Материалы Устава имеют значительную ценность также для изучения развития новгородской денежной системы.

Устав Святослава Ольговича известен в двух списках:

1. С — второй половины XIV в., в приложении к Синодальной кормчей 1280-х гг. (ГИМ, Син. 132); используется здесь как основной;

2. Е — конца XV — начала XVI в., в Кормчей (ГБЛ, Егор. 472).

В обоих известных сейчас списках Устав Святослава оказывается прямым продолжением помещенного перед ним Церковного устава князя Владимира. По мнению Я. Н. Щапова, предшествующая документу редакция Устава Владимира сложилась в XIII в.; следовательно, интересующий нас текст воссоединился с ней не ранее второй половины XIII в.[342]. Так же в обоих случаях Устав Святослава дополнен припиской, состоящей из двух рубрик: *А се обонезьскый ряд* (ст. 6) и *А се бежичьскый ряд* (ст. 7). Временем составления этих приписок А. А. Зимин и Я. Н. Щапов считают XIII в.[343].

Дата составления самого Устава Святослава обозначена в его тексте — *в лето 6645, индикта 15,* что соответствует 1137 г.

Князь Святослав Ольгович занимал новгородский стол дважды: с 19 июля 1136 г. по 17 апреля 1138 г., а затем с 25 декабря 1139 г. по февраль 1141 г.[344].

342 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь.., с. 150-165.

343 Там же, с. 164-165; Памятники русского права. Вып. второй. Составитель Зимин А. А. М., 1953, с. 120.

344 Новгородская Первая летопись, с. 24-26, 209-211.

Текст

1. Устав[345], бывъшии[346] прежде нас[347] в Руси[348] от прадед[349] и от дед[350] наших, имати пискупом[351] десятину[352] от дании[353] и от вир[354], и продажь[355], что входить в[356] княжь двор[357] всего[358].

2. А зде, в Новегороде, что есть десятина от дании обретох упряжено преже мене бывъшими князи. Толико от вир и продажь десятины зьрел, олико днии в руце княжи и в клеть его.

3. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю в томь, в десятои части божии. Того деля уставил есмь святои Софьи, а ть емлеть пискуп зв десятину от вир и продажь 100 гривен новых кун, иже выдаваеть домажиричь из Онега. Аче не будеть полна ста у домажирича, а[359] *осмьдесят выдасть, а дополнок възметь 20 гривен у князя ис клети.*

4. Урадил есмь аз святеи Софии и написал Никола князь новогородьскыи Святослав: в Онеге на Волдутове погосте два сорочка, на Тудорове[360] *погосте два сорочька, на Ивани погосте с даромь 3 сорочькы*[361]*, на Ракуле 3, на Спиркове*[362] *два, у Вихтуя сорочек, в Пинезе 3, в Кегреле 3, устье Емьце два, устье Ваг два, у Пуите сорочек, у Чюдина пол сорочька, у Лигуя с*[363] *даромь два, у Вавдита с даром два, у Вели два, у Векшензе два, на Борку сорочек, в Отмине*[364] *сорочек, в Тоиме сорочек, у Поме пол сорочка, у Тошьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць пол сорочка, у Валдита два сорочка, на Волоце в Моши два, у Еми скора, а на мори от чрена и от салгы по пузу, у Тудора сорочек.*

В лето 6645, индикта 15.

5. Оже ли кто в которое время а то рюшить или отиметь, что я урядил князь Никола Святослав с владыкою Нифонтом, князь ли, или ин кто сильных новогородець, а будеть богу противен и святеи Софии.

6. А се обонезьскыи ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери гривна, на Юсколе 3[365] *гривны, в Тервиничах 3 гривны, у Вьюнице гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши пол гривны, на Кукуеве горе гривна, у Пермина гривна, у Кокорка пол гривны, на Масиеге низ Сяси пол гривны, в поезде от всее земли владыце 10 гривен, а попу две гривны, у Липсуевичь пол гривны, у Тоивота гривна, в Липне пол гривны.*

7. А се бежичьскыи ряд: в Бежичих 6 гривен и 8 кун, Городецьке полъпяты гривны, в Змени 5 гривен, Езьске 4 гривны и 8 кун, Рыбаньске гривна волжьская, в Низьске пол гривны волжьская[366].

РАЗНОЧТЕНИЯ

345
СН *далее в Руси;*

346
НВ *бывших;*

347—348
СН, КЕ, Сд *нет;*

348
СН *Русе;*

349—350
ОФ *нет;*

351
РЕ *митрополиту;*

352
ОФ *нет;*

353
П *дати;*

354
П *мер;* Тт *веры;*

355
Крестин.
далее и от лова княжа;
КЕ. Сд *далее и от лов княжих,*
и от виноград,
и от всего;

356—357
КЕ. Сд *дом княж;*
Крестин.,
РЫЕ *двор княжь от;*

358
КЕ. Сд.
ЯТ нет;

359
Е нет:

360
Е *Турове:*

361
Е *сорочьке;*

362
Е *Спирове;*

363
Е *з;*

364
Е *Обине:*

365
Е *10*:

366
Е нет.

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Первая статья Устава содержит ссылку на существующее законодательство, идущее *в Руси* от *прадедов и дедов*, т. е. имеющее общерусский характер. Это законодательство касается предоставления епископам (*пискупом*) десятины от всех княжеских доходов (*что входить в княжь двор всего*), в том числе от даней, вир и продаж. Статья, следовательно, говорит о двух формах десятины — от даней и от вир и продажь.

Следует заметить, что несмотря на ссылку на устав прадедов и дедов, порядок назначения обеих форм десятины отнюдь не был непреложным. В практически синхронном памятнике — Уставе князя Ростислава смоленской епископии 1136 г. десятина формируется на основе только податного иммунитета: *И се даю святеи Богородици и епископу десятину от всех данеи смоленских что ся в них сходит истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья*[367].

Статья 2

В момент вокняжения Святослав Ольгович обнаружил, что податной иммунитет новгородской епископии обеспечен *преже него бывшими князи*, тогда как организация судебного иммунитета нуждается в особом вмешательстве. Неясная фраза *Толико от вир и продажь десятины зьрел, олико днии в руце княжи и в клеть его* порождает противоречивые толкования.

Слово *днии* в этой фразе М. Н. Тихомиров переводил как *дней* и соответственно усматривал в нем указание на былое существование порядка дележа доходов между князем и епископом по дням[368].

367 Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. с. 141.

368 Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 21. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955. с. 195.

Более убедительным представляется общепризнанное понимание в слове *днии* испорченного *даней*, позволяющее толковать всю фразу как: десятина от вир и продаж находилась в соответствии с теми суммами дани, которые собирались в руках князя и в его казне. Очевидно, слово *даней* имеет здесь расширительное значение, подразумевая именно поступления от вир и продаж, а не от податей, что в данном контексте было бы бессмысленным.

Десятина от податей, как явствует из самого факта ее противопоставления, до Святослава Ольговича была уже установлена кем-то из его предшественников.

Надо особо оговорить это обстоятельство, поскольку Б. Д. Греков был склонен переводить спорную фразу следующим образом: к моменту вокняжения Святослава сумма одной только десятины от вир и продаж равнялась всей сумме княжеской дани, собираемой с Новгородской земли[369]. Такое толкование отодвигает момент фиксации судебной десятины в отдаленное прошлое, что противоречит Уставу Святослава Ольговича.

369 Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 4. М., 1960, с. 144.

Статья 3

Существо нововведений Устава сформулировано в ст. 3. Она устанавливает фиксированную сумму ежегодной судебной десятины независимо от реальных доходов князя, получаемых от судебного иммунитета. Устав определяет, что епископу надлежит получать 100 гривен новых кун «от вир и продаж», а выдавать ему эту сумму должен *домажирич* из Онега. Если у домажирича (сборщика податей) не будет полной суммы десятинных отчислений, то разницу епископ получает из княжеской казны (*клети*). Этот порядок пояснен конкретным примером: если у домажирича будет только 80 гривен, то недостающие 20 гривен берутся из *клети*. Начальная фраза статьи свидетельствует о равной заинтересованности епископа и князя в установлении такого порядка.

В литературе давно уже стала дискуссионной проблема политической направленности этого документа. В чью пользу он был составлен? Кто получал выгоды в результате фиксации судебной десятины — князь или епископ? Мнения исследователей по этому вопросу можно разделить на три группы: Устав носит прокняжеский характер; Устав практически нейтрален; Устав — результат победы Новгорода в антикняжеской борьбе.

Выразителем первой точки зрения был Б. Д. Греков. В самом деле, если в соответствии с его пониманием спорной фразы в ст. 2 судебная десятина до Святослава была равна всей сумме даней, собиравшихся княжеской казной, то ее фиксация в 1137 г. резко ограничивала доходы епископа. «Может быть, — спрашивал Б. Д. Греков, — эта реформа была одной из причин оппозиции владыки Нифонта по отношению к князю Святославу?»[370].

370 Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в.— Ученые записки Института истории РАНИОН. Т. 4. М., 1929. с. 18.

Вторая точка зрения изложена С. В. Юшковым: «Содержание этого Устава весьма бедное; никаких особых привилегий он не обеспечивает новгородской церкви»[371].

Наконец, последняя точка зрения безраздельно господствует сегодня. Впрочем, она была провозглашена еще Н. М. Карамзиным, увидевшим в Уставе стремление князя Святослава «обезоружить Нифонта своею щедростию»[372]. Д. С. Лихачев обратил внимание на форму заклятия против возможных нарушителей Устава: гарантом Устава в ст. 5 названа св. София, патронесса епископии, а не св. Николай, патрон князя Святослава[373]. А. А. Зимин отметил, что фиксация десятины создает известную независимость епископии от князя[374]. М. Н. Тихомиров пошел дальше других исследователей, склоняющихся к общей оценке документа как памятника победы новгородцев в антикняжеской борьбе. Он признал в Уставе Святослава государственный акт, отражающий интересы смердов, повинности которых отныне строго определены законодательным путем[375].

На наш взгляд, сама постановка вопроса при всей его важности носит несколько идеальный характер, исходя главным образом из оценки не самого Устава, а обстоятельств, сопутствовавших его появлению. И дело здесь даже не в личности Святослава Ольговича, которая не вполне сочетается с тем представлением, которое может быть составлено о князе, пришедшем в Новгород на гребне антикняжеских волнений 1136 г. Хорошо известно, что сразу по вокняжении Святослав вступает в конфликт с епископом Нифонтом, отказавшим князю в церковном венчании. Святослава дважды изгоняют с новгородского стола. Все эти события характеризуют его как последовательного защитника княжеских привилегий, опиравшегося не на Новгород как таковой, а на определенные боярские группировки в нем. Деятельность князя позволяет оппозиционным боярским группам дважды добиваться его изгнания.

В этой связи представляется, что распространенная оценка Устава Святослава как важнейшего памятника, порожденного успехами восстания 1136 г., основывается главным образом на прямолинейном привлечении в качестве аргумента той схемы периодизации новгородской истории, в которой восстание 1136 г. признано поворотным пунктом от княжества к боярской республике. Дает ли сам Устав материалы именно для такой его оценки? Разумеется, он выгоден епископии. Действительно, он укрепляет ее независимость от князя. Но возможно ли говорить о значительных материальных льготах, предоставленных князем новгородской церкви?

Фиксированный Уставом доход епископа в 100 гривен новых кун сравнительно невелик. Под гривнами новых кун, которые к концу XII в. стали гривнами ветхих кун[376], возможно понимать лишь гривны кун Пространной Правды. Их соотношение с гривной серебра, отмеченное договором Новгорода с немцами конца XII в., равнялось 4:1. Иными словами, 100 гривен новых кун равны 25 гривнам серебра. Для сравнения отметим, что такая сумма составляет половину вступительного взноса «пошло-

371 Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 222.

372 Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 2, с. 185-186.

373 Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г.— Исторические записки, № 25, 1948, с. 244-249.

374 Памятники русского права. Вып. второй, с. 116, 119.

375 Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв., с. 195.

376 ГВНП, с. 55-56, № 28.

го» купца в иванскую корпорацию. Эту сумму, бывшую лишь одним из источников дохода новгородской епископии, можно было бы при желании признать заметной, если бы она впервые назначалась князем в качестве десятины. Однако судебная десятина в виде нефиксированной величины и прежде поступала в Софийский дом. Следовательно, вопрос о материальной выгодности для новгородской епископии рассматриваемого Устава вообще может быть сведен к обсуждению мизерной суммы, составлявшей разницу между прежними и новыми поступлениями в епископскую казну десятины от вир и продаж. Если оставаться в русле материальных расчетов, следует признать правоту С. В. Юшкова, говорившего об отсутствии особых привилегий новгородской церкви, якобы декларированных этим документом.

Статья 4

В ст. 4 определяется порядок обеспечения суммы в 100 гривен новых кун, которая собирается в форме княжеской ренты с ряда погостов по фиксированным для каждого погоста нормам. Погосты, перечисленные в Уставе, составляя область недавней колонизации Новгорода, локализованы А. Н. Насоновым в районе нижней Двины и ее притоков, а также в районе Пинеги и ее притоков. Сборщик податей с этой территории — «домажирич», как это видно из ст. 3, находится в Онеге[377].

Сборы с погостов в большинстве случаев выражены в «сорочках», в двух случаях — в иных единицах измерения: *мех* (с Еми) и *от чрена и от салги по пузу* (на море). Результат подсчета сорочков выражается в цифре 43 1/2. Добавляя к этой сумме сборы, выраженные в других единицах, можно говорить об итоге, близком 45 сорочкам.

Между тем при равенстве гривны серебра примерно 196 гр 100 гривен новых кун приравниваются 4912 гр серебра. В таком случае сорочек оказывается соответствующим 109,15 гр серебра, а лежащая в его основе единица (одна сороковая) — 2,73 гр серебра, что поразительно совпадает с куной-дирхемом русской денежной системы IX — X вв.[378]. Полагаем поэтому, что счет на сорочки является реликтовым, отражающим очень древнюю денежную практику Новгорода. Вместе с тем мы видим, что данные ст. ст. 3 и 4 Устава находят взаимное подтверждение.

Статья 5

Содержит заклятие возможным нарушителям Устава и является логической концовкой документа.

Свидетельство того, что Святослав Ольгович действительно в крещении назывался Николаем, содержит группа принадлежавших ему свинцовых печатей из Новгорода с изображением святых Николая и Михаила (Михаилом звали в крещении отца Святослава — Олега Святославича)[379]. Нифонт был новгородским епископом с 1131 по 1156 гг.

377 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, гл. V и VI.

378 Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 52.

379 Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. I. М., 1970, с. 194-195, № 140-142

Статьи 6 и 7

А. Н. Насонов полагал, что территорией, сборы с которой передавались епископу взамен десятины с судебных пошлин, была территория Обонежья, подробно описанная в ст. 6 и локализуемая в районе, примыкавшем с востока к Ладожскому озеру и к поволховским владениям Новгорода. Погосты, перечисленные в ст. 4, располагаются вне Обонежья, на восток и северо-восток от него, и составляют район недавней колонизации Новгорода. А. Н. Насонов не ставил вопрос о разновременности Устава и приписок к нему. Напротив, по его мнению, установленный в «Обонежском ряде» порядок имеет более глубокую древность, коль скоро территория Обонежья была колонизована ранее Двинской земли[380].

380 Насонов А. Н. «Русская земля»... М., 1951.

Мы вынуждены подвергнуть эту аргументацию существенной критике, основанной прежде всего на подсчете перечисленных в документе отчислений, поскольку А. Н. Насонов заключал: «...св. Софии выдавалось, во-первых, за десятину от вир и продаж 100 гривен из Онега и, во-вторых, по отдельным погостам, начиная от Валдутова и Тудорова на Онеге и кончая погостами, лежащими на Двине и Сухоне». И далее: «...можно заключить, что 100 гривен в пользу св. Софии выплачивались с Обонежского ряда»[381].

381 Там же. с. 94.

Как уже показано выше, сумма в 100 гривен новых кун тождественна сумме сборов с погостов, перечисленных в ст. 4. Между тем легко подсчитать, что в Обонежье (по ст. 6) собирается 29 1/2 гривен (без владычного подъезда — 17 1/2 гривен), что даже отдаленно не напоминает уставной единицы в 100 гривен новых кун. В Бежицах (по ст. 7) собирается 19 1/2 гривен 16 кун и 1 1/2 волжских гривны. Даже общая сумма сборов по ст. ст. 6 и 7 оказывается много меньше той, которая обозначена в ст. 3.

Приведенное сопоставление еще раз позволяет утверждать, что в тексте Устава Святослава имеется в виду только территория погостов, перечисленных в ст. 4, которые и дают в сумме фиксированную в 100 гривен новых кун судебную десятину. Заметим, что разница в денежной терминологии собственно Устава и «Обонежского ряда» прямо свидетельствует о разновременности этих записей.

Итак, в Уставе Святослава речь идет о сборе судебной десятины с земель, находящихся в Заволочье. В этой связи наибольший интерес должен представлять статус таких земель относительно князя в будущем.

Начиная с древнейшего дошедшего до нас докончания Новгорода с князем (а такое докончание датируется 60-ми годами XIII в.), во всех договорах вплоть до падения новгородской независимости присутствует обязательная формула: *А волостии ти, княже, новгородьскых своими мужи не држати, нъ держати мужи новгородьскыми; а дар от тех волостии имати. А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера;*

а ты волости дьржати мужи новгородьскыми; а дар от них имати... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца[382]

Существо этого постановления заключается в разграничении земель, на которые в XIII — XV вв. не распространялась судебная власть князя, от тех территорий, где он распоряжался и судебными доходами на основе обычного смесного с посадниками порядка. Такое разделение было одним из важнейших завоеваний боярской республики. Прилагая это разделение к интересующим нас территориям, мы увидим, что они вовсе не однородны. На земли перечисленных в Уставе Святослава погостов (ст. 4) в XIII в. и в последующих столетиях князю доступа не было, тогда как район, описанный в ст. 6, не входил в систему «новгородских волостей», а принадлежал к той части владений Новгорода, где и в позднейшее время деятельность князя не подлежала специальным ограничениям.

382 ГВНП, № 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

Между тем многие исследователи склонны (не замечая указанных противоречий, порожденных Уставом Святослава) вслед за Б. Д. Грековым относить создание указанных ограничений княжеской власти к событиям 1136 г., т. е. ко времени, предшествующему возникновению Устава Святослава Ольговича.

Иными словами, мы приходим к выводу, согласно которому формирование нового порядка взаимоотношений новгородского князя и новгородских колоний отнюдь не порождается непосредственно преобразованиями 1136 г., а принадлежит ко времени более позднему (однако не позднее 60-х годов XIII в., когда такой порядок уже фиксирует докончание Новгорода и князя Ярослава Ярославича). В 1137 г., спустя год после восстания, самого противопоставления новгородских волостей и метрополии еще не существовало, на что указывает деятельность княжеского домажирича, сидевшего в Онеге, но управлявшего также и Заволочьем.

В связи с такой постановкой вопроса большой интерес представляет объяснение причин, в силу которых к Уставу Святослава в какой-то момент добавились приписки об Обонежском и Бежецком рядах. Позволим себе сформулировать проблему следующим образом. Коль скоро во второй половине XIII в., когда к Уставу Святослава был проявлен особый интерес, его постановления уже не имели юридической силы (Заволочье, фигурирующее в Уставе, было изъято из юрисдикции князя), имели ли такую силу разделы, касающиеся Обонежского и Бежецкого рядов?

Положительный ответ на этот вопрос дает известная откупная грамота 1460 г.: *У великого князя наместника у Григориа у Васильевичя се купи Яким Гуреев и Матфеи Петров обонискыи суд князя великого: вниз по Волхову, и на Паши на реке, и на Кожеле, и на Кукоевском погосте, и на Кукоеве горе, и в Лепни, и на Сетомле, и на Ояти на реке, и на Свере на реке, и на Олонце на реке, а Кукоевского погоста, где ни буди, или в городе или в селе, ино платити им суд князя великого по старине. А суд им судити и пошлины имати им по старине и верное им имати...*[383].

383 ГВНП, с. 149, № 93. О дате грамоты см.: Янин В. Л. К хронологии новгородских актов Василия Темного.— Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981.

Описанная в откупной грамоте территория совпадает с территорией Обонежского ряда. Суд здесь был особо урегулирован. Находясь целиком в княжеском распоряжении, он был изъят из системы смесного с посадником суда. Для периода расцвета Новгорода Обонежье и Заволочье составляют как бы два противоположных полюса. В Заволочье князь не имеет прав. В Обонежье его права безраздельны: *А хто згонит или замешает, даст князю великому гривну золота, а борцам серебро въдвое*[384].

384 ГВНП, с. 149, № 93

Свидетельство откупной грамоты указывает на то, что в эпоху, когда постановления собственно Устава Святослава уже не имели законной силы, положения приписок к нему сохраняли характер действующего законодательства. Сам по себе этот факт является решающим аргументом в пользу позднейшего происхождения приписок.

Другое важное свидетельство содержится в договоре князя Ярослава Ярославича с Новгородом, заключенном в 1265—1267 гг.: *А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати*[385]. Упомянутое постановление князя Дмитрия Александровича датируется временем не позднее 1264 г., коль скоро к моменту составления цитированного докончания не истек названный в нем трехлетний срок. Приведенное свидетельство также ставит Обонежье, а вместе с ним и Бежецкий Верх в особое по отношению к княжескому суду положение, возникшее до 1264 г. Здесь князь имеет какие-то преимущественные права в области суда и извлечения судебной пошлины.

385 ГВНП, с. 11, № 2.

Приведенные сопоставления позволяют сформулировать вывод о смысле соединения приписок об Обонежском и Бежецком ряде с Уставом Святослава. Возникновение особого статуса этих территорий, надо полагать, было результатом изъятия из юрисдикции князя суда в «новгородских волостях», в частности суда на тех землях, которые перечисляются в ст. 4 Устава Святослава. Коль скоро таким изъятием в момент формирования самого отмежевания «новгородских волостей» ликвидировался вопрос об извлечении судебной десятины с территории Заволочья, неизбежно на повестку дня должна была встать проблема пересмотра норм десятины и порядка ее извлечения.

Предположение о времени этого решительного пересмотра отношений между Новгородом и князем было сделано А. В. Кузой. Исследователь связал с ним летописное сообщение конца 1228 — начала 1239 г. о том, как новгородцы предъявили князю Ярославу Всеволодовичу требование: *Поиде к нам, забожничье отложи, а судии ти по волости не слати; и на всеи воли нашеи и на всех грамотах Ярославлих тъ ты наш князь*[386]. Эти условия были приняты Ярославом в декабре 1230 г.: *И целова святую богородицю на всех грамотах Ярославлих и на всеи воле новгородчкои*[387]. А. В. Куза отмечает, что упоминание об этом крестоцеловании как о первом прецеденте вошло в формуляры всех докончаний Новгорода с Ярославом Ярославичем: *На семь ти, княже, крест целовати, на цем то целовал хрьст отець твои Ярослав*[388].

386 НПЛ, с. 67, 273.

387 Там же, с. 70, 278.

388 Куза А. В. Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975, с. 160-161.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ, 60-Е ГОДЫ XIII В.

Введение

Принятый в 60-х годах XIII в. Устав князя Ярослава о мостех принадлежит к числу важнейших памятников новгородского административного законодательства. Он посвящен организации мощения главных торговых магистралей Новгорода и дорог, ведущих к пристаням и на городской Торг.

Памятник содержит подробные сведения о разверстке мостовой повинности в Новгороде, а в приписках — об организации строительства и ремонта Великого моста через Волхов, в которой участвуют все городские и провинциальные сотни, а также об организации сплава строительных материалов для мощения торговых проездов и ремонта мостов.

В силу сложности датировки время издания Устава разными исследователями определялось в широком хронологическом диапазоне — от XI в. (время княжения Ярослава Мудрого) до второй половины XIII в. Истинная дата его происхождения определяется анализом упомянутых в тексте закона имен соцких.

Известные к настоящему времени списки Устава о мостех принадлежат к пяти видам: Археографическому, Пушкинскому, Троицкому, Оболенскому и Бальзеровскому.

Важнейшей проблемой, решение которой должно предшествовать комментированию статей Устава, является вопрос об определении наиболее исправного списка памятника. Известные сейчас 15 списков Устава о мостех могут быть разделены на две группы. К первой (Пушкинской) относится единственный список Пушкинского вида и 4 списка Археографического вида. Ко второй (Карамзинской) — единственный список Троицкого вида, 3 списка Оболенского вида и 6 списков Бальзеровского вида.

Сравнивая обе группы, вряд ли можно сомневаться в предпочтении Пушкинской генерации перед Карамзинской как наиболее сохранившей полноту исходного текста. Карамзинская группа в целом характеризуется необратимыми потерями, к числу которых следует отнести утрату слова *изгои* в словосочетании *а с другими изгои до Острои городни*, а также отсутствие слов *трои риле* после обозначения Волховской сотни. Сопоставляя списки Карамзинской группы, наиболее исправным из них следует признать Троицкий, в котором еще не появились свойственные другим спискам этой группы искажения: *тиможеном* или *тигорожаном* вместо *тигожаном*, *Бискупли* вместо *Пискупли*, *Неретьского* вместо *Нередичьского*, *Загорожаны* вместо *Загородьцы*, *Володьская* или *Волоцкая* вместо *Водьская*. Еще дальше в этом искажении идут отдельные списки Бальзеровско-

го вида Карамзинской группы: *варяджан* вместо *вережан, за горожаны* или *с горожаны* вместо *с загорожаны*, *Холопьская* вместо *Лопьская*.

Спискам Оболенского вида свойственно непроникшее в Бальзеровский вид искажение *до Острои улици* вместо *до Острои городни*, а это значит, что Оболенский и Бальзеровский виды развивались независимо один от другого, восходя к общему архетипу, близкому к списку Троицкого вида.

Что касается списков Пушкинской группы, то из них более сохранным оказывается Археографический вид. В Пушкинском списке потеряны слова *коломляном до Нередичьского мосту, от великого ряду, огнищаном*, присутствующие не только в списках Карамзинской группы, но и в списках Археографического вида. В нем также искажены некоторые слова: *бережан* вместо *вережан*, *Клемяных* вместо *Климятиных*. В списках Карамзинской группы эти слова переданы в звучании, близком к тому, какое дает Археографический вид.

В списках Археографического вида имеются невоспроизводимые во всех других списках выражения, имеющие принципиальный смысл. Только в них есть слово *мостити* после упоминания Бориса и Глеба, слова *до софьян*, на месте которых во всех остальных списках стоит *до торгу*. 18-я сотня называется Поволховской, тогда как в других списках она Волховская. Наконец, только в них назван Алфердов вымол, в остальных списках называемый Гералдовым или Гелардовым. Пушкинский список относительно этих последних случаев родствен спискам Карамзинской группы. Поскольку же иные его особенности не реализуются в Карамзинской группе, следует утверждать, что Пушкинский и Карамзинские списки восходят к общему протографу, занимающему промежуточное положение между ними и списками Археографического вида.

Сравнение списков Археографического вида позволяет признать наиболее исправным тот из них, который помещен в приложении к Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи. В других списках этого вида имеются существенные отклонения: *Быкова* вместо *Бовыкова*, *Афедорова* вместо *Алфердова*, отсутствие слов *до от заднего, а от Алфердова вымола*.

Воссоздание схемы взаимоотношений основных групп списков Устава подтверждается самим существом последовательных искажений текста, что связано с «биографией» памятника. Характер этих искажений — стихийное, нецеленаправленное, нарастающее отклонение от правильного написания топонимов. Группировка списков не обнаруживает каких-либо следов редактирования. Их деление на Пушкинскую и Карамзинскую группы обозначает не разные редакции, а только разные изводы. И если в Пушкинской группе (в первую очередь, в списках Археографического вида) новгородская топонимика оказывается безупречной, то Карамзинская группа (и в меньшей степени Пушкинский вид) обнаруживает незнание переписчиками местных наименований. Отсюда происходят бессмысленные *тиможе-*

ны и *тигорожане, бережане, Неретьский мост, загорожаны, Володьская* и *Холопьская* сотни, *Клемяные сени.* Такой характер нарастающих искажений позволяет признать Пушкинскую группу в целом новгородским изводом, а Карамзинскую группу — вненовгородским изводом. Этот вывод подтверждается и происхождением списков, дающих возможность несколько уточнить различия между новгородскими и вненовгородскими текстами.

Все списки Археографического вида извлечены из новгородских сборников или же из сборников, по своему происхождению непосредственно тяготеющих к Новгороду. Списки остальных видов содержатся в сборниках, к Новгороду не имеющих отношения. Между теми и другими, таким образом, стоит архетип Пушкинского и Троицкого видов, давший начало вненовгородской традиции в переписке Устава. Новгородская же традиция сохраняется лишь в Археографической генерации. Устав о мостех, возникший как локальное новгородское постановление, органически связался в Новгороде с Пространной Правдой, но он не имел никакого значения для остальных русских территорий и, выйдя в составе Пространной Правды за пределы Новгорода, отложился в некотором количестве списков Русской Правды как непонятный и практически ненужный довесок.

Выделяя в качестве наиболее достоверных списки Археографического вида, а среди них в первую очередь текст, сохранившийся в Новгородской Первой летописи, мы, естественно, не отождествляем его с авторским текстом. Допуская и в нем наличие возможных искажений, мы можем выяснить их только анализом самого памятника и поисками в нем внутренних противоречий. Однако первый вопрос, возникающий при переходе к такому анализу, касается общей композиции источника, выяснения единства или сложности его состава.

М. Н. Тихомиров обратил внимание на наличие в тексте Устава несомненной интерполяции. Перечисление сотен явно разбивает связный текст, а изъятие этого перечисления возвращает ему должную логичность и последовательность[389]. Развивая эту мысль, А. Н. Насонов писал: «В истории рукописных текстов довольно обычно, что запись, сделанная на полях рукописи, при переписке попадает в середину текста. Так как все без исключения списки «Устава о мостех» содержат перечисление сотен, то надо полагать, что вся запись о сотнях попала в текст устава вскоре после его составления, в XIII в., во всяком случае не позднее начала XV в.»[390]. Правильнее было бы написать: «не позднее XIV в.», поскольку Пушкинский список датируется этим столетием.

Еще одна интерполяция хорошо видна при первой же попытке осмыслить последовательность топонимов Устава. Речь идет о перечислении тигожан, коломлян, нередичан, вережан и пидьблян (ст. 2), не имеющих никакого отношения к тому сюжету, изложение которого нарушено их упоминанием.

389 Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде, с. 140.

390 Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 124.

Наличие этих интерполяций позволяет разбить весь текст Устава на три статьи: собственно Устав (ст. 1) и две вставки (ст. ст. 2 и 3).

Тексты
Археографический вид

Известен в 4 списках:

1. Ар. — середины XV в., в приложении к Комиссионному списку Новгородской Первой летописи (ЛОИИ СССР, Археогр. 240). Используется как основной;
2. СлН — 1493 г., в приложении к Кормчей книге (ГПБ, Сол. 858/968);
3. ВА — 1495 г., в сборнике (Центральная библиотека АН Лит. ССР, ф. 22, № 49);
4. Е — первой половины XVI в. (ГБЛ, Егор. 245); здесь находится только начало Устава, со слов «Устав Ярослава» до слов «до Пискупли улици».

А се устав[391] Ярослава князя[392] о мостех[393], осмеником поплата.

1. В[394] Людин конец через греблю к Добрыни улици в городная ворота до Пискупли улице[395], с прусы[396] до[397] Бориса и[398] Глеба[399] мостити.

2. А тигожанам до коломлян[400], а коломляном до Нередичьского мосту, нередичяном до вережан, а вережаном до пидьблян, а пидьбляном до Чюдинчеве улице[401].

1а. Чюдинчеве улице[402]с загородци до городьних ворот, а владыце сквозе городнаа ворота с изгои и с другыми изгои до Острои городне.

3. 1-я Давыжа ста[403], 2 Слепчева ста, 3-я Бьвыкова[404] ста, 4-я Олексина ста[405], 5-я Ратиборова ста[406], 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 княжа ста, 11 княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа[407], 17 Лопьскаа[408], 18 Поволховьскаа трои риле[409], 19 Яжолвичьскаа двои риле.

1б. До софьян, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вощьник, от вощник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Иваня вымола, гтом[410] до Алфердова[411] вымола[412] до от заднего, а от Алфердова вымола[413] онищяном[414] до Будятина вымола, ильинцам до Матфеева вымола, михаиловцам[415] до Бардовы улице, а Виктовцам[416] до[417] Климятиных сенеи.

Пушкинский вид

Известен в одном списке:

Пш — второй половины XIV в., в сборнике (ЦГАДА, ф. 135, V отд., рубр. I, № I).

А се устав Ярославль о мостех, осмеником поплата.

1. В Людин конець черес греблю до Добрыни улици в городнаа ворота до Пискупли улици, с прусы до Бориса и Глеба.

2. А тигожанам до коломлян, а нередицанам до бережан, а бережанам до пидьблян, а пидьблянам до Чюдинцеве улице.

1а. А Цюдинцеве улице с загородци до городних ворот, а владыце сквозе городняа ворота с изгои и с другыми изгои до Острои городни.

3. 1-я Давыжа ста, 2-я Слепчева ста, 3-яя Бобткова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6-я Кондратова ста, 7-я Романова ста, 8-я Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10-я княжа ста, 11 княжа ста, 12 Ржевьская, 13 Бежичкая, 14 Вочкая, 15 Ообниская, 16 Луская, 17 Лопьская, 18 Волоховьская 3-и риле, 19 Яжелбичкая двои риле.

1б. до торгу, софьяном до тысячкого, тысячкому до вощник, от вощник посаднику до великого ряду, князю до Немецкого вымола, немцемь до Еваня вымола, от Еваня вымола гтом до Гералда вымола до задьнего, от Вералдова вымола до Бутятина вымола прочь, ильинцам до Матфеева вымола, Михаилове улице до Бардове улици, а витковлянам до Клемяных сеньи.

Троицкий, Оболенский и Бальзеровский виды

Троицкий вид известен в одном списке:

Т — первой половины XV в., в сборнике (ГБЛ, Тр 765).

Оболенский вид представлен 3 списками:

1. О — второй половины XV в., в составе летописи (ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. II, № 3);
2. К — конца XV в., в составе летописи (ГПБ, 0.IV. 298);
3. Б — 1680-х гг., в сборнике (ГБЛ, Муз. 6689).

Бальзеровский вид представлен 6 списками:

1. АрБ — второй половины XV в., в составе летописи (ЛОИИ СССР, Археогр. 23);
2. Л — конца XV — начала XVI в., в сборнике (ГБЛ, Муз. 3841);
3. Ун — третьей четверти XVI в., в сборнике (ГБЛя Унд. 820);
4. В — конца XVI — начала XVII в., в сборнике (БАН, 34.2.31);
5. Т — конца XV в., в сборнике (ГПБ, Г.IV. 211);
6. Вс — середины XVI в., в составе летописи (ГИМ, Воскр. 154-б).

О городских мостех, осменики поплата[418].

1. В[419] *Людин конець чрес греблю*[420] *от Добрыни*[421] *улици в городняя ворота до Пискупли*[422] *улици*[423]*, а*[424] *Пискупле*[425] *улице*[426] *с прусы*[427] *до Бориса и*[428] *Глеба,*

2. А тигожаном[429] *до коломлян*[430]*, а коломляном до Норе-*

дичкого[431] моста, а нередичаном до вережан[432], а вережаном до пидблян, а пидбляном до Чюдинчеве улице.

1а. А Чюдинцеве улице с[433] загородци[434] до городних[435] ворот, а владыце сквозе городняя ворота с изгои, а[436] с другими до Острои городни[437],

3.1 Давыдьжа ста, 2 Слепьцева[438], 3 Бовыкова[439] ста, 4 Олексина[440] ста, 5 Ратиборова[441] ста, 10[442] княжа ста, 11 княжа, 12 Ржевская, 13 Бежицская, 14 Водская[443], 15 Обонезьская, 16 Лузьская, 17 Лопьская[444], 18 Волховская[445], 19 Яжелбичьская двои[446] рили.

1б. до торгу[447], софьяном до тысяцкого, тысячкому до вощник, от вощьник посаднику до великого ряду[448], от великого ряду[449] князю до Немецкого вымола[450], немцем до Еваня[451] вымола, гтом до Гелардова вымола до заднего, от Гелардова вымола[452] огнищаном до Будятина[453] вымола[454], ильинцам[455] до Матеева вымола[456], а[457] михаиловцем до Бардове[458] улки, а видковцем[459] до Климятиных сенеи.

РАЗНОЧТЕНИЯ

391
Е *А се нет;* СлН далее *великого князя;*

392
СлН нет;

393
СлН *мосте,* далее на поле номер главы 105;

394
ВА нет;

395
СлН далее *а Пискупли улици;*

396
ВА *Прускои;*

397—399
СлН *Борисоглеба;*

398
ВА нет;

400
ВА *коломнян;*

401—402
ВА нет;

403
СлН *стия;*

404
СлН, ВА *Быкова;*

405
ВА нет, оставлены чистые строки;

407
СлН, ВА *Лучкаа;*

407—408
ВА нет;

409
ВА далее оставлена чистая строка;

410
СлН *готвом;* ВА *гостом;*

411
СлН *Афедорова;* ВА *Афердова;*

412—413
СлН, ВА нет;

414
СлН, ВА *огнищаном;*

415
ВА *михаловчам;*

416
СлН *видковцам;* ВА *витьковцам;*

417
ВА нет.

418
В *по плата;*

419
Обол., Бальз. *А в;*

420
Бальз. *гроблю;*

421
О, Л, Ун, Т, ВС *Добрынины;*

422
Обол., Бальз. *Бискупли;*

423—427
Обол. нет;

424
Л, Ун, В, Т, Вс, далее *от*, АрБ *от а;*

424—426
В, Вс нет;

426
Бальз. *Бискупли;*

427
АрБ, Л, Ун *пругы;*

428
АрБ, В, Т, Вс нет;

429
Обол. *тиможеном;* Бальз. *тигорожаном;*

430
О *коломнян;*

431
О *нерецьскога;* К, Бальз. *нерецьского;* Б *перетского;*

432
В *варяджан;*

433
Вс *за;*

434
Обол., АрБ *загорожаны;* Ун, В, Вс *горожаны;*

435
В *городовых;*

436
В нет;

437
Обол. *улици;*

438
Обол., Бальз. далее *ста;*

439
Ун *Быкова;*

440
Л, Ун *Ратиборова;*

441
Л, Ун. *Олексина;*

442
В нет;

443
О, К, Т, Вс *Володьская;* Б *Волоцкая;*

444
Обол. *Лобьская;* Вс *Холопьская;*

445
АрБ *Волхвовьская;*

446
Бальз. *два;*

447
Л, Ун далее *убо;*

448—449
АрБ, Л, Ун нет;

450—452
В нет;

451
Обол., Бальз. *Иваня;*

453
Обол. *Будитина;* Бальз. *Будетьтьна;*

454—456
Б нет;

455
О, К *ильицаном;*

456
В далее *до заднего, от Гелардова вымола огнищевам до Будеттина вымола;*

457
В *и;*

458
Обол. *Бардины;*

459
Обол., Бальз. *видьковичам.*

КОММЕНТАРИЙ

Заголовок

В нем автором Устава назван князь Ярослав. Поскольку в дальнейшем тексте упоминаются церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце, впервые построенная в 1146 г.[460], а также тысяцкий, должность которого в Новгороде известна впервые в летописном рассказе 1191 г.[461], автором документа может быть один из трех одноименных новгородских князей конца XII — XIII вв.: Ярослав Владимирович (1182—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), Ярослав Всеволодович (1215—1216, 1223—1224, 1226—1228, 1230—1236 гг.) или Ярослав Ярославич (1265—1270 гг.). В современной литературе существуют три возможных варианта датировки. С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров связывали Устав с концом XII в., Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин — с 30-ми годами XIII в., В. Л. Янин — со временем княжения Ярослава Ярославича.

Подробный хронологический анализ документа см. в комментарии к ст. 3.

Вслед за собственно заголовком Устава помещена фраза *осмеником поплата*, т. е. плата осменикам. Существо этой должности характеризуется уставной грамотой великого князя Литовского Александра киевским мещанам 1494: *Которыя перекупники на ряду седят и хлебы продают... тыи вси мають давати осмънику воеводину в каждую субботу от товару по дензе... Таковую татьбу побережную маеть судити осмник воеводин*[462]. В договорной грамоте тверского князя Бориса Александровича с Василием Темным 1456 г. определяется порядок взимания осмничего: *А тамга и осмничее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свои мыт да костъки, а боле того пошлин нет*[463]. Следовательно, осменики контролировали в фискальных целях торг, взимая пошлину с действительного оборота (*а тамги с осмничего от рубля алтын*)[464]. Отметим эту их связь с торгом, важную для понимания документа в целом; Устав хотя и трактует порядок мощения улиц, связан с торговыми делами.

Статья 1

Отсутствие в сборнике 1494 г. начального предлога «в» позволяет обратить внимание на то, что во всех остальных списках в первой фразе предлоги используются нелогично. Людин конец примыкал к Детинцу с юга и юго-запада, будучи отделен от него греблей (рвом). Связь Людина конца с Детинцем осуществлялась через Спасские ворота. Время возникновения последнего названия (отсутствующего в Уставе) определяется не ранее 1264 г., когда при городских воротах от Людина конца была впервые сооружена Спасская церковь[465]. К Спасским воротам подходила Добрыня улица Людина конца, на которой летописи определяют место нахождения стоявшей около Спас-

460 НПЛ, с. 27, 213-214.

461 Там же, с. 39, 230, 472.

462 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I (1340-1506). Спб., 1846, № 120

463 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л., 1950, с. 188, 191. № 59.

464 Там же, № 59. См. также: Семенов А. И. Осменники «Устава о мостех».— Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961.

465 «Церковь Преображения господня возле Спасских ворот на воеводцком дворе построена в прошлом 7772 году майя в 18 день при великом князе Ярославе» (Воробьев А. В.

ских ворот церкви Образа[466]. Следовательно, первой фразой Устава жителям Людина конца предписывается мостить через ров, примыкающий к Добрыне улице, и городские ворота до Пискупли улицы. Местоположение последней определяется в северной части Детинца по ее названию, связанному с владычным (епископским, пискуплим) двором[467]. Надо полагать, что в первоначальном тексте документа предлог «в» в начале первой фразы отсутствовал.

Прусы — обозначение Прусской улицы (у границы Людина и Загородского концов Софийской стороны), жители которой участвуют в мощении продолжающейся на территории Детинца Прусской улицы до церкви Бориса и Глеба. Эта церковь, построенная впервые в 1146 г., находилась в южной части Детинца[468].

Статья 1а

Жителям Чудинцевой улицы, находившейся в Загородском конце, предписывается вместе *с загородци*, т. е. с остальными жителями этой части города, мостить до городских ворот (имеются в виду ворота, позднее названные Воскресенскими, когда при них в 1296 г. была сооружена Воскресенская церковь[469]).

Статья 1а разрезана вставкой (ст. 3). Последнюю фразу этой статьи следует читать: *а владыце сквозе городнаа ворота с изгои и с другыми изгои до Острои городне, до софьян.* Здесь речь идет о проезде, пересекающем Детинец с запада на восток от Воскресенских до Пречистенских ворот (последние выводили на Волхов к Великому мосту). С севера к этому проезду примыкали владычный двор (северо-западный сектор Детинца) и часть территорий Софийского собора (северо-восточный сектор Детинца). Владыке предписывается *с изгои* и *с другыми изгои* мостить свою часть проезда, противолежащую его двору, *до Острои городни*, т. е. до софьян. Под *Острой городней*, находившейся, таким образом, на стыке епископского и соборного участков, можно понимать северную береговую городню моста через Кремлевский ручей, пересекавший Детинец с запада на восток и проходивший южнее рассматриваемого проезда, вплотную к нему. Именно в направлении этого моста производились работы, предписанные жителям Людина конца, поскольку от него начиналась Пискупля улица, ограничивавшая Владычный двор с востока и разделявшая епископский и софийский участки.

Статья 1б

Софьянам предписано мостить *до тысяцкого*, а тысяцкому — *до вощник*. Конечный пункт этого сообщения бесспорен — церковь Ивана на Опоках, которая была центром купеческой корпорации вощников. Очевидно и направление мощения — от Острой городни через Великий мост до церкви Ивана на Опоках. Требует решения только вопрос о границе между участка-

Росписи строительства Воеводского двора XVII в. в Новгороде.— Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. I. М., 1975, с. 64).

466
НПЛ, с. 275.

467
Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 101-102.

468
Там же, с. 123-125.

469
НПЛ, с. 328.

ми софьян и тысяцкого. Трудно, однако, назвать какой-либо иной стык, кроме первой (западной) городни Великого моста.

К софьянам сооружение моста через Волхов отношения иметь не могло, это было общегородское и общегосударственное дело, непосильное для софийских попов, дьяконов, дьячков и просвирниц и требовавшее совершенно иной организации[470]. Оно могло финансироваться только *всей землей*. Иногда допускались исключения, как, например, в 1338 г., когда *делаша мост нов, что было вышибло, повелением владыкы Василья: сам бо владыка пристал тому, и почал и кончал своими людьми*, но тогда сама исключительность события побуждала летописца к панегирическим оценкам: «...и много добра створи християном»[471], чего мы не видим в других многочисленных случаях возобновления строительства Великого моста. Поэтому, выбирая между софьянами и тысяцким, вряд ли можно сомневаться в обязанности именно тысяцкого организовывать сооружение и ремонт моста через Волхов.

Посаднику предписано мостить *от вощник*, т. е. от церкви Ивана на Опоках, *до великого ряду*. Великий ряд новгородского Торга показаниями лавочных книг XVI в. локализуется на участке между церковью Успения на Торгу и Великим мостом[472]. Общее направление мостовой, обязанность сооружения которой лежала на посаднике, — от церкви Ивана на Опоках к церкви Успения.

Князь мостит от Великого ряда до Немецкого вымола. Великий ряд, находясь на южном краю Торга, соседствовал с княжеским участком Ярославова дворища. Обязанность князя сооружать именно эту мостовую вполне естественна. Князь мостил от Великого ряда (по-видимому, вдоль него) к берегу Волхова, где и находился Немецкий вымол — пристань немецких купцов.

Если князь обеспечивал сообщение между Торгом и Немецким вымолом, т. е. в первую очередь экспорт новгородских товаров, то на обязанности немцев лежало сооружение мостовой от Немецкого двора до Иваня вымола, который в силу этого возможно признать пристанью, принимавшей импорт. Местоположение Немецкого двора определяется данными лавочных книг XVI в. к востоку от церквей Успения на Торгу и Параскевы Пятницы. Общее направление мощения немцами — от Немецкого двора (южнее княжеского участка) к берегу Волхова, выше Немецкого вымола.

Готам, т. е. администрации Готского двора, предписано мостить до *Алфердова вымола, до заднего*. Местоположение Готского двора определяется как данными письменных источников, так и отчасти раскопками, проведенными в 1968—1970 гг. на его территории[473]. Он располагался к югу от Ярославова дворища у берега Волхова, ближе к реке, нежели Немецкий двор. Последнее обстоятельство подтверждается и показаниями проекта договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом, датируемого 1269 г.: «Возчикам в Новгороде брать с каждой ладьи за перевозку в Новгороде с берега в Немецкий

470
Традиционное отношение к финансовой организации строительства Великого моста хорошо выражено в царской грамоте 1623 г. о сборах в Новгороде и на мостовое дело. Выделив треть средств на городские мосты из новгородских доходов только «для их разоренья» (имеется в виду шведское «разорение»), царь указал «развытить и собрать с Новагорода, с посаду и с уезду, с сох, по сошному разводу, со всех земель с дворянских и с детей боярских, и с монастырских сох и со всяких белых людей с дворов со всех без выбору, чтобы никто в избылых не был, потому что дело всее земли и мостами ездят всякие люди» (Акты Археографической экспедиции. Ч. III. Спб., 1836. № 146).

471
НПЛ, с. 349.

472
Семенов А. И. Топография новгородского Торга в 1583 г.— Новгородский

двор 15 кун, а в Готский двор 10 кун»[474]. Алфердов вымол, очевидно, был пристанью Готского двора. Почему он называется «задним», сказать трудно.

Огнищане должны мостить от Алфердова вымола до Будятина вымола. Под огнищанами (иное название бояр[475]) здесь могут пониматься только владельцы усадеб Славенского конца. Кончанская застройка Славна выходила к берегу Волхова лишь на участках, расположенных к югу от Готского двора; севернее этих мест она была отделена от берега Торгом, Ярославовым дворищем и Готским двором. Поэтому, не локализуя с топографической точностью Будятин вымол, мы можем утверждать, что он находился на берегу Волхова южнее Алфердова вымола.

Ильинцам положено мостить до Матфеева вымола. Традиционное мнение комментаторов Устава, полагающих, что *ильинцы* — жители Ильиной улицы[476], представляется неверным. Устав, перечисляя участки мощения на Торговой стороне, последователен в своем движении с севера на юг. Искать ильинцев, следовательно, нужно в южной части Славенского конца. В самом деле, в южной его точке находится церковь Ильи на Славне, упоминаемая в летописи с 1105 г.[477]. Ее прихожане и являются искомыми *ильинцами*, на обязанности которых было мощение у самого южного вымола Новгорода — Матфеева.

Предписание михайловцам мостить до Бардовой улицы, а витковцам — до Климятиных сеней нарушает строгую последовательность отмеченного движения к югу, поскольку Михайлова и Виткова улицы располагались в районе Готского двора, сходясь у церкви архангела Михаила, которую источники локализуют то на Михайловой, то на Витковой улице[478]. Это нарушение объяснимо. В указанном районе Торговую сторону с востока на запад пересекал ручей, в XIV в. заключенный в дренажную трубу (в XVI в. линия древнего русла этого ручья носила название «Труба»). Между тем поперек ручья проходили главные магистрали Торговой стороны. Речь здесь, по-видимому, и идет о сооружении мостов через ручей, возложенном на жителей Михайловой и Витковой улиц. Указанный район принадлежал к территории древнего Торга, о чем говорит летопись под 1152 г.: *Априля 23 загореся церкві святого Михаила в сред Търгу, и много бысть зла; и погоре вcь Търг и двори до ручья, а семо до Славна, и церквии съгоре 8, а 9-я Варязьская*[479].

О чем же в целом говорится в Уставе? Археологические исследования позволяют утверждать, что в Новгороде мостились практически все улицы, иначе в условиях повышенной влажности почвы движение по ним было бы невозможным. Между тем Устав в высшей степени избирателен. Он разверстывает мостовую повинность, касающуюся лишь общественных центров: Детинца и непосредственных подходов к нему, главных магистралей Торга, дорог, соединяющих Торг, иноземные фактории и город как таковой с пристанями. Вероятно, забота о возобновлении рядовых уличных настилов лежала на самих горожанах. Однако в то же время в Уставе нет ни слова о столь

исторический сборник. Вып. I. Л., 1936, с. 27-31; он же. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода.— Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959, с. 62-63.

473 Рыбин Е. А. Раскопки Готского двора в Новгороде.— Советская археология, 1973, №3, с. 100-107.

474 ГВНП, с. 60, № 31.

475 Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX-XV вв.— Советская археология, 1974, № 3, с. 100.

476 Памятники русского права. Вып. первый, с. 216.

477 НПЛ, с. 19, 203.

478 Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода, с. 56-60.

важных общественных территориях, как, например, вечевые площади; не предусматривает он и мощение въезда в Детинец со стороны Неревского конца. Главная цель Устава — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. Это относится непосредственно и к улицам Детинца, выводящим к Великому мосту: именно по ним шло торговое движение с Софийской стороны города. Поэтому не приходится удивляться, что «поплату» Устав адресует осменникам — сборщикам торговой пошлины.

Статья 2

Перечисление в ст. 2 тигожан, коломлян, нередичан, вережан и пидьблян в контексте раскладки мостовой повинности на территории Детинца понуждало исследователей робко говорить о привлечении в кремль каких-то окрестных жителей. Приведенная вставка, однако, имеет отношение к иному сюжету.

Тигожане — это не «жители одного из новгородских предместий»[480], а население погоста Тигоды, находящегося неподалеку от впадения в Волхов реки Тигоды, в 100 верстах от Новгорода вниз по течению Волхова[481]. Ильинский Тигоцкий погост граничил с расположенным ниже Солетцким погостом, на землях которого начиналась порожистая часть Волхова (так называемые Пчевжские пороги)[482].

Коломляне не могут быть жителями Коломцов или Колмова, находящихся вблизи Новгорода[483]. Под этим названием подразумевается население Коломенского погоста, находящегося в 35 верстах от Новгорода вниз по течению Волхова[484].

Нередицкий мост хорошо известен летописцу, записавшему под 1421 г.: *Того же лета бысть вода велика в Волхове и снесе Великыи мост и Нередичкои и Жилотужьскыи*[485]. Система мостов соединяла Новгород по правому берегу Волхова с восточным ильменским берегом. Жилотужский мост, упоминаемый в первый раз под 1338 г.[486], был перекинут через исток Жилотуга (нынешний исток М. Волховца), а Нередицкий мост — через древний исток М. Волховца к югу от Городища.

Вережане — не жители «Неревского побережья»[487], а население Поверяжья, местности по течению р. Веряжи, впадающей в Ильмень в 25 верстах южнее Новгорода в Паозерье, но в своем среднем течении отстоящей от Новгорода на 3 версты[488].

Наконец, *пидьбляне*, хорошо известные летописцу в связи с рассказом о крещении новгородцев[489], — жители Никольского Пидебского погоста в 6 верстах от Новгорода, ниже по течению Волхова[490].

Если соединить все эти пункты в той последовательности, в какой они перечислены в тексте вставки, то получим маршрут движения по Волхову от Тигоды к Коломне, оттуда сначала по Волхову, а потом по Волховцу к Нередицкому мосту, затем через широкий исток Волхова на западный берег Ильменя к Веряже, наконец, от Веряжи к устью Пидьбы. Такой маршрут в связи с главной задачей Устава о мостех мог иметь только од-

479 НПЛ, с. 29, 215.

480 Памятники русского права. Вып. первый, с. 215.

481 НПК, т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г., 1-я половина. Спб., 1868, с. 358.

482 Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I, тетр. 1: Новгородская губерния. Спб., 1844, с. 58.

483 Памятники русского права. Вып. первый, с. 215.

484 НПК, т. 3, стб. 455.

485 НПЛ, с. 413.

486 Там же, с. 348.

487 Памятники русского права. Вып. первый, с. 215.

488 Андрияшев А. М. Материалы

нозначный смысл. Для мощения улиц и сооружения моста нужен был строевой лес, который требовалось заготовлять и доставлять в Новгород. Сама повинность по транспортированию этого леса должна была быть разверстана, а результаты такой разверстки мы и видим в рассматриваемой интерполяции.

Транспортировка леса из районов, расположенных ниже порогов, очевидно, была затруднительной. Не потому ли так легко новгородцы предоставляли право порубки на Неве иноземным гостям: *А приедет гость на Неву и понадобится ему дерево или мачтовый лес, рубить их ему по обеим берегам реки, где захочет*[491]. Иное дело — область между Новгородом и порогами. Здесь лес, собранный в поймах Тигоды и Пчевжы[492], транспортируется тигожанами до Коломны, затем коломнянами направляется дальше по Волхову до Нередицкого моста. Обходное вокруг Новгорода движение хорошо объяснимо: плотогонам нужно было избежать прохода под Великим мостом. При сравнительно небольшой ширине Волхова (около 200 саженей) мост, опирающийся более чем на 20 быков, оставлял крайне узкие проходы, которые годились лишь для движения ладей. Другим препятствием для прохода под мостом была его незначительная высота, что хорошо передано на одном из клейм новгородской иконы Варлаамия Хутынского[493]. Показательно также, что все вымолы — пристани расположены выше Великого моста, будучи наиболее доступны для подхода со стороны Ильменя[494].

Нередичане собирали волховский лес и, вероятно, сплавной из Помостья, перегоняли его в Новгород. Следующий участок связан с повинностями веряжан. Верховья Веряжи, бывшей в древности достаточно полноводной, граничат с землями Никольского Питебского погоста. Думается, что слова *до торгу*, стоящие в начале ст. 16 в ряде списков вместо слов *до софьян* в оригинальном тексте вставки, завершали ее: *а пидьбляном до торгу*. Замена *а пидьбляном до Чюдинчеве улице* могла возникнуть для логической связи со следующей фразой: *А Чюдинчеве улице с загородци до городьних ворот*, относящейся, однако, к основному тексту Устава.

Некоторым противопоказанием изложенному пониманию рассмотренной вставки является то обстоятельство, что значительная часть маршрута по транспортировке леса направлена против течения Волхова и Волховца. Однако обратимся за справкой к квалифицированной характеристике Волхова, изданной задолго до изменения свойств этой реки в результате строительства Волховской гидроэлектростанции: «Падение Волхова на протяжении 206 верст не более 47 футов и 10 дюймов. Если из этого вычесть 2/3 для порогов, то для остального пространства 180 вер. останется не более 15 фут. склону. После этого не удивительно, отчего судоходство по Волхову чрезвычайно медленно; в безветрие, даже по течению, суда тянутся бичевою. При сильном напоре льда весною Волхов иногда останавливается и принимает обратное течение»[495].

по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. Т. 1: Списки селений. М., 1914, с. 3-15.

489 НПЛ, с. 160.

490 НПК, т. 3, стб. 13.

491 ГВНП, с. 59, № 31 (1269).

492 Об особом лесопромысловом значении этого района в древности говорит его специализация даже в XVIII в., когда из него в Петербург в течение одного года поступил 1141 плот сосновых бревен (Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т. 4, кн. 5. М., 1976, с. 641).

493 Гусев П. Л. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия».— Вестник археологии и истории. Вып XIII. Спб., 1900, с. 46.

494 В 1533 г. новго-

родцы берут лес для постройки церкви «на рли во Славне» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 550).

495 Описание Российской империи, т. I, тетр. 1, с. 57-58.

496 Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. — Исторические записки, № 2, 1938, с. 132-152.

497 Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 245 (под 1563 г.).

498 Там же, с. 131 (под 1435 г.).

499 Памятники русского права. Вып. первый, с. 215.

500 Новгородские летописи. Спб., 1879, с. 262.

501 Там же, с. 47.

502 Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов.

Статья 3

Во второй интерполяции названо 10 городских и 9 провинциальных, волостных сотен. Отсутствие 10-й провинциальной сотни наводит на мысль о неисправности списков уже на стадии Археографического вида, об утрате в них названия этой сотни. Б. А. Рыбаков локализовал провинциальные сотни Устава, связав их с хорошо известными по писцовым книгам XV — XVI вв. полупятинами. Естественно, что полупятин не девять, а десять, и одна из них не находит соответствия в сотнях Устава о мостех. Это случилось с Белозерской половиной Бежецкой пятины, называемой в древности Помостьем[496]. Не говорит ли разночтение списков Археографического вида (*18 Поволховская*) и остальных списков (*18 Волховская*) о неисправности этого места? В оригинале оно могло выглядеть так: *18 По(мостьская, 19) Волховьская.* Объединение двух сотен в одну должно было повлечь и перемену нумерации последних сотен — Волховской и Яжелбицкой.

В списках сотен в двух случаях упоминаются *рили*: *Волховьская трои риле, Яжелвичьскаа двои риле*: *А на Волхове вода была до релеи мостовых*[497]; *Того же лета наяли псковичи наимиты на новои мост на Пскове реке, а запас балки наимитов, а рилины и городни и дубья псковская*[498]. Это обстоятельство позволяет принять в качестве достоверного мнение многих исследователей о том, что речь во вставке идет о разверстке по сотням «поплаты» за сооружение Великого волховского моста[499]. Риль в данном случае служит единицей измерения мостового звена, поскольку трудно предполагать, что этот термин не обнимал и городню — самую трудоемкую и самую емкую по расходу строительных материалов деталь моста. Великий мост, следовательно, делился по меньшей мере на 22 рили, а с учетом предполагаемой неисправности списков — не меньше чем на 23 рили. Заметим, что в 1421 г. во время сильнейшего наводнения *снесе великого моста 20 городень*[500], при этом летописец отмечает, что *мало убо некая отчасти древеса у брега суши остася*[501]. На плане «Новгородского каменного города» 1701 г. Великий мост показан с 25 опорами, из которых 4 были береговыми, а 21 — на воде[502].

Связывая перечисление сотен с их обязанностью финансировать сооружение Великого моста, мы поймем, почему эта запись оказалась на полях документа как раз против упоминания тысяцкого. На нем лежит организация работ на Волховском мосту, но ведь именно он является и главой соцких.

Таким образом, обе вставки имеют прямое отношение к содержанию Устава, уточняя существенные аспекты разверстки мостовой повинности. Наличие их во всех списках Устава позволяет присоединиться к мнению А. Н. Насонова и считать, что они находились на полях оригинального документа, будучи присоединены к нему вскоре после его составления. Если это так, то для дальнейших хронологических наблюдений

следует рассмотреть имена городских соцких во вставке о сотнях.

Поскольку следующим этапом административной и политической карьеры соцких была должность тысяцкого, имеются все основания сравнить этот список со списком новгородских тысяцких в поисках совпадающих имен. Устав называет следующих соцких: Давыда, Слепца, Бовыку, Олексу, Ратибора, Кондрата, Романа, Сидора и Гаврилу. В летописном списке «А се тысячьскыи новгородскыи» имеются два имени, совпадающих с именами соцких Устава, — Кондрат и Ратибор. Оба названы там в следующей очередности: «...Вячеслав (1228 г.), Борис Негочевич (1228 г.), Микита Петрилович (1230 г.), Фед Якунович (1234 г.), Клим (1255 г.), Жирохне (Жирослав, 1257, 1262—1263 гг.), Кондрат (1268 г.), Ратибор Клуксович (1268—1270 гг.)...»[503]. В скобках мы приводим даты летописных упоминаний этих тысяцких, доказывающие, что очередность имен в списке была хронологической. Очевидно, что наиболее поздней возможной датой составления вставки о сотнях может быть только год избрания Кондрата на должность тысяцкого, иными словами, год, когда Кондрат перестал быть соцким.

Л.-М., 1953, с. 186, рис. 137.

503 ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 626; т. 23. Спб., 1910, с. 166.

Предшественник Кондрата Жирохне (иначе Жирослав) был избран на должность тысяцкого в 1257 г.[504], его служба продолжается и в 1262 г., поскольку Жирослав является одним из авторов договора, заключенного в этом году[505]. О тысяцком Кондрате летопись сообщает только в связи с Раковорской битвой 18 февраля 1268 г., в которой он пропал без вести. Наконец, Ратибор Клуксович избран в 1268 г. на место Кондрата[506].

504 НПЛ, с. 82, 309.

505 ГВНП, с. 56, № 29.

506 НПЛ, с. 86-88, 317-319.

Упоминание о Кондрате как о тысяцком встречается не только в летописи. Он назван также в двух докончаниях Новгорода с князем Ярославом Ярославичем, составленных между 27 января 1265 г. и 18 февраля 1268 г.[507], но не ранее. Следовательно, в самый начальный период новгородского княжения Ярослава Ярославича Кондрат мог еще быть не тысяцким, а только соцким.

507 ГВНП, с. 9-10, № 1, 2. О дате этих докончаний см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 112-115.

Что касается наиболее ранней из возможных дат, то представляется весьма сомнительной возможность относить Устав ко времени князя Ярослава Всеволодовича, т. е. до 1236 г. Б. А. Рыбаков, придерживающийся такой датировки, полагает, что Кондрат и Ратибор, ставшие тысяцкими в 60-х годах XIII в., вполне могли быть соцкими еще в 30-х годах этого столетия[508]. Такая возможность, разумеется, не исключена, но маловероятна. Б. А. Рыбаков пытался в летописных рассказах о времени Ярослава Всеволодовича отыскать лиц, с которыми можно было бы связать имена соцких Устава. Кроме Кондрата и Ратибора, действовавших в позднейшее время, он называет Олексу Путиловича, Гаврилу Игоревича, Гаврилу Милятинича, Романа Михайловича, Давида и Сидора. Однако все эти отождествления неправомерны. Соцкие, представительствовавшие от непривилегированных сословий, не могут быть ни боярами,

508 Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в., с. 148.

509 НПЛ. с. 88. 319.

ни духовными лицами. Между тем Олекса Путилович, оба Гаврилы и Роман Михайлович — бояре, Давид — стольник архиепископа, а Сидор — хутынский игумен. На наш взгляд, больше шансов на правильное отождествление с соцкими Устава имеют «приятель» Ратибора Гаврила Кыяниновиць, Олекса Мъртькинич и Роман Болдыжевич, упомянутые в летописном рассказе 1270 г.[509]. Однако более важен другой аргумент. Между временем Ярослава Всеволодовича и избранием в тысяцкие Кондрата эту должность в Новгороде занимали Фед Якунович, Клим и Жирослав. Если бы Устав относился ко времени Ярослава Всеволодовича, мы нашли бы в списке соцких этого документа не только Кондрата и Ратибора, но и Жирослава, и Клима, и Феда. Но их там нет, названы совсем другие лица. Это позволяет нам датировать Устав о мостех в пределах первой половины княжения Ярослава Ярославича — между 1265 и 1267 гг.

НОВГОРОДСКИЙ УСТАВ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХ СУДАХ, ЛЮДЯХ И МЕРИЛАХ ТОРГОВЫХ

Введение

Памятник, носящий название «Устав великого князя Всеволода», представляет собой документ, фиксирующий соотношение власти основных государственных органов Новгородской республики — епископа, князя, выборных представителей городской верхушки. По этому Уставу контроль над торговыми мерами и связанный с ними суд, а также взимание торговых пошлин принадлежит городу.

Устав представляет собой компиляцию, основанную на тексте Устава князя Владимира о десятинах Синодальной редакции с дополнением местных (новгородских) материалов, характеризующих положение в Новгороде. С. В. Юшков, определивший этот основной источник документа, считал, что при его создании в конце XIII в. был использован и текст не дошедшей до нас уставной грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича (1130—1137 гг.), который сохранился фрагментарно в трех статьях Устава[510]. Об Уставе Всеволода как памятнике XII в. писал М. Н. Тихомиров. По мнению Б. А. Рыбакова, Устав князя Всеволода, поновленный в XIII — XIV вв., был составлен в начале 1136 г., и в нем князь частично отменял привилегии, данные недавно купечеству в своем «Рукописании» — грамоте купеческому братству при церкви Ивана на Опоках[511].

Однако источниковедческое изучение памятника не позволяет выявить в нем бесспорные следы документа XII в. По мнению В. Л. Янина, при создании в конце XIII в. компиляции была использована несохранившаяся грамота первой четверти XIII в., устанавливавшая торговый суд в Новгороде. Она могла принадлежать законодательству князя Всеволода — Петра Мстиславича (1219—1221)[512]. Я. Н. Щапов видит в Уставе фальсификацию, возникшую в Новгороде в конце XIII в. в ходе борьбы республиканских органов с великими князьями и основанную на Синодальной редакции Устава кн. Владимира[513]. К более позднему времени относит памятник А. А. Зимин, считая, что он сложился в конце XIV в.[514].

Устав сохранился в двух изводах — старшем, Археографическом и младшем, Соловецком. Археографический извод принадлежит второй половине — концу XIV в. Соловецкий извод (так же, как и новгородский) относится ко второй половине XV в. Он имеет поновления, относящиеся к этому времени.

Вслед за основной частью Устава кн. Всеволода в списках следуют дополнительные статьи, не входящие в этот памят-

510 Юшков С. В. Устав кн. Всеволода.— В кн.: Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927, с. 405-424. Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 217-221.

511 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966, с. 636-637.

512 Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 89-93.

513 Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь Древней Руси XI-XIV вв., с. 165-177.

514 ПРП, вып. 2, с. 161, 166-169.

ник, но примыкающие к нему. В Археографическом изводе это статьи *О прелюбодейной части*, трактующие о праве наследования детей, не признанных законными. В Соловецком изводе вслед за этими дополнительными статьями следуют еще три о праве наследования дочерей. Данные статьи в настоящем издании выделены и снабжены особой нумерацией.

В основе издания — Археографический список одноименного извода (Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, собр. Археографической комиссии № 240, серед. XV в., Новгород, лл. 174 об. — 178, в приложении к Новгородской I летописи). Для вариантов использован список Соловецкого извода (Публичная библиотека в Ленинграде, собр. Соловецкой библиотеки № 858/968 1493 г., Новгород, лл. 552—557, в приложении к Кормчей книге).

Текст дается по изданию: Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв., с. 154—158.

Текст

УСТАВ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХ СУДАХ, И О ЛЮДЕХ, И О МЕРИЛАХ ТОРГОВЫХ

1. Се аз, князь великый Всеволод, нареченный в святем крещении ИГФШЬ[515]*, правнук Игорев и блаженныя прабабы Олгы, нареченныя в святемь крещении Елена и матере Володимеровы, нареченного в святем крещении Василие, и тые господа прияле святое крещение от греческыих царей и от Фотия патриарха цареградскааго, взяша первaго митрополита Михаила*[516] *Киеву, иже крести всю Русьскую землю.*

2. По том же летом многым минувшемь моляся Спасу и пречистей его матери святей Богородици приснодевей Марии, устроиша церковь святую Богородицу Десятинную и даша ей десятину в всей Русской земле и с всих княжений в съборную церковь святые Богородица, иже в Киеве, и святей Софии киевской, и святей Софии новгородской, и митрополитом киевъскым, и архиепископом новгородскым от всякого княжа суда десятую векшу, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето и от всякого стада, и от всякого жита десятое святому Спасу и пречистей его матери и премудрости божии святей Софии.

3[517]*. А се изъобретохом*[518] *в греческом номоканоне, что сих судов и тяжь не судити князю, ни его детем, ни его наместником, ни его боляром, ни его тиуном, ни десят(и)ника*[519] *не дръжати.*

4. И[520] *съзвал есмь 10 сочких, и старосту Болеслава, и бириця Мирошку*[521]*, и старосту иваньскаго Васяту и погадал есмь с владыкою, и с своею княгынею, и с своими боляры, и с десятию сочьскыми, и с старостами, дал есмь суд и мери-*

ла, иже на Торгу святей Богородици в Киеве и митрополиту, а в Новегороде святей Софии, и епископу, и старосте иваньскому, и всему Новгороду мерила торговаа, скалвы вощаныи, пуд медовый и гривенку рублевую, и локоть еваньскый и свой оброк кубець черницам, а попу иваньскому[522] рускаа пись с борисоглебьскым напол, а сторожю иваньскому[523] руской порочици пятно да десять конюхов соли.

5. А не въступатися в тыи оброкы моим детем, ни моим наместником, ни моим болярам на дом святии Софии и святого Ивана.

6. А дом святей Софии владыкам строити с сочьскыми, а старостам и торговьцам докладываа владыки или кто будеть нашего рода князе и Новагорода строить[524] дом святого Ивана.

7. А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковнаго не обидети, ни судити без владычня наместника.

8. А се дах в олтарь святей Софии и причту церковному вседеньник сенаник, венце; что суды церковныя — то святей Софии; а кто нашего роду пограбить или отъиметь, того повелехом владыце събором в синанице проклинати.

9. А се суды церковныя: роспускы, смилное, заставание, умычка, пошибалное, промежи мужем и женою о животе[525] и о бездетном животе[526], в племени или в сватовьстве поимутся, потворы, чrandеяние, влъхвования, ведьство, зелейничество, зубоежа, урекания три: бляднею, зелии, еретичьство; отца или матерь биеть сын или дщи, или сноха свекровь, братия или дети тяжутся о заднице, церковная татба, мертвеци съвлачають, крест посекуть или[527] на стенах режють, или два мужа имутся бити и единого жена иметь за лоно другаго, раздавить, или кого застануть с (че)твероногою, или кто молится под овином, или в рощении, или у воды, или девка детя повержеть, скот, или псы, или поткы, или ино что неподобно церкви подеють.

10. А тыи суды вси церкви даны суть, епископу, а князю и болярам, и судиям в ты[528] суды не вступатися. А то дал есмь по перьвых царев уряжению и по вселеньскыих святых 7 съборов великих святитель[529].

11. А по сем не въступатися детем моим, ни внучатам моим, ни всему роду моему до века в люди церковныи, ни в вси суды их.

12. Аже кто преобидить нашь устав, таковым непрощеном быти от закона божиа, и горе себе наследують, и мука вечнаа ждеть их.

13. А[530] о всех[531], что преди писано, дръжах за своими боляры, аже они обидять гостей, а где живуть, тым наровять, а княжю душю топять.

14. И[532] аз въсмотрех в Фотея патриарха цареградьскаага грамоты, что принесл на Русь князь великый Владимер, нареченный в святемь крещении Василие, сын Святославль, а внук Игорев и преблаженныя княгыни прабабы Олгы, аже стоить в грамоте.

15. Торговыя вся весы, мерила и скалвы вощаныя, и пуд медовый, и гривенка рублеваа, и всякая известь, иже на Торгу промежи людьми от бога тако исконе уставлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити, а на всякый год извещивати. А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его на-трое: треть живота святей Софии, а другаа треть святому Ивану, а третьая треть сочьским и Новугороду.

16. А епископу, не управив того, за все то дати ему слово в день великааго суда, а печяловатися ему о том управлении, яко же и о душах человечьскыих. Аще же управить епископ сия управления наша, блажен будеть и небесному царствию наследник будеть, а не урядить, а мы то с своей души сводим.

17. А се церковныи люди: игумен, игумениа, поп, диякон и дети их, а кто в крилосе, попадия, чернець, черница, проскурниця, паломник, свещегас, стороник, слепець, хромець, вдовица, пущеник, задушьный человек, изгои трои: попов сын грамоты не умееть, холоп из холопьства выкупится, купець одолжаеть. А се четвертое изгойство и себе[533] *приложим: аще князь осиротееть; монастыреве, болници, гостиници, страннопримъници.*

18. То люди церковныи, богаделныи. Или митрополит, или епископ тыи ведають между ими суд, или обиду, или кому прикажють, или которого задниця.

19. Или будеть иному человеку с тыми людьми речь, ино обчии суд.

20. Своим тиуном приказываю суда церковнааго не обидети, а с суду давати 9 чястей князю, а десятую святей Софии за княжю душю.

21. А кто приобидить суды церковныи, платити ему собою, а пред богом тому же отвещяти на страшнем суде пред тьмами ангел, идеже когождо дела не съкрыются благаа же и злаа, идеже не поможеть никто же никому же, но токмо правда избавить от вторыя смерти и от вечныя мукы, и от огня негасимааго, яко же есмы управиле по святых отець правилом и по первых царей и князей уряжению.

22. А кто иметь преступати сия правила, или дети мои, или внучата[534]*, или правнучата, или в коем городе наместник, или тиун, или судиа, или кто, а*[535] *пообидить суды церковныи, да будуть прокляти в сии век и в будущии седмию съборы святых отець вселеньскыих.*

23. А та вся дела приказах святей Софии и всему Новугороду моим мужам[536] *и 10-ти*[537] *сочьскыим*[538]*. Вы блюдите, а не възблюдете*[539]*, и вы сами за то ответ дадите в день страшнаго суда пред лицем царя славы. Аминь.*

Дополнительные статьи О прелюбодейной части

1. А се[540] *изъисках у третией жене и у четвертой детем прелюбодейнаа чясть в животе. Аще будеть*[541] *полн живо-*

том[542], ино дасть детем третией жене и четвертой по уроку, занеже те и от закона отлучене, а[543] человеку ся получяеть по грехом, занеже прелюбодейнии, а не благословении богом[544]. И аз[545] сам видех[546] тяжю промежю первую женою и[547] детей с третьею женою и с детьми, и с четвертою женою и с детьми[548]. Из велика живота дати урочнаа чясть по оскуду, а из мала живота како робичичю часть[549]: конь да доспех и покрут по рассмотрению живота[550].

2. А тое все приказах епископу управливати, а смотря в маноканон. А мы с[551] своей души сводим[552].

Дополнительные статьи Соловецкого списка о наследовании дочерей

А СЕ ОТ ТОГО ЖЕ ПРАВИЛА.

1. ИЖЕ ЕСТЬ останутся сынове и дщери у коегождо человека, братии со сестрами равная часть от своего имения.

2. Иже или сестра девою блуд сътворить, а истыи сведители обличають, таковая да не възметь у братии от имения отечьскаго части.

3. Или братия имения ради лжу составять на сестру, а будеть познано дело их лжа, таковый по закону камением да побиен будеть.

РАЗНОЧТЕНИЯ

515
С *Василии;*

516
С далее
от земля Трапизоньскыя к белой Руси х граду;

517—518
С *Сказание от греческаго номаканона. Обретох;*

519
в осн. списке *десятника,* дается по С и другим спискам;

520
С далее
по сему смотрению;

521
С *Митрошку;*

522—523
С нет;

524
С далее *им;*

525—526
С нет;

527
в осн. списке далее *и;*

528
в осн. списке далее *ся;*

529
С *святых;*

530
С нет;

531
С далее *сих;*

532
С нет;

533
С *сего;*

534
С далее *мои;*

535
С нет;

536—537
С *18;*

538—539
С нет;

540
С далее *правило собора Никейскаго сия;*

541—542
С *доволен в животе;*

543—544
С *сия случаються человеком по грехом, еже есть их обдержить немощь, занеже суть прелюбодейнеи, а не богом благословени есть;*

545
С далее *сия;*

546
С *ведих пред собою и управих заповедми по преданию святых отець;*

547
С нет;

548
С далее *яже есть;*

549
С далее *по указу;*

550
С далее статьи *А се от того же правила... да побиен будеть;*

551
С *сие в;*

552
С далее Свиток *от правила еже есть суд* и текст Пространной Правды.

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

Устав не имеет инвокации, отличаясь этим от Синодальной редакции Устава кн. Владимира.

Статья воспроизводит текст этого Устава с изменением имени князя — его создателя. *Князь великый Всеволод, нареченный в святем крещении ИГФШЬ,* — с каким князем Всеволодом связан Устав своим названием, не ясно. В тексте нет отчества князя, вместо крестного его имени дается условный набор букв. Это затрудняет отождествление его с новгородским князем XII в. Всеволодом, Мстиславичем по отчеству и Гавриилом в крещении, хорошо известным в истории Новгорода и Пскова, а затем канонизированным церковью. В. Л. Янин предлагал видеть в нем Всеволода Мстиславича, княжившего в Новгороде в 1219—1221 гг., Я. Н. Щапов — новгородского князя Всеволода Юрьевича (1222 и 1223—1224), внука великого князя Всеволода III Большое Гнездо. Вместе с тем именование создателя Устава «великим князем» позволяет считать, что новгородские составители Устава конца XIII в. могли иметь здесь в виду самого Всеволода III Юрьевича, Великого князя Владимирского, получившего этот титул после 1174 г., который добивался реальной власти над Новгородом через своих сыновей и племянников.

Крещение от греческих царей и от Фотия патриарха цареградскаго.., митрополита Михаила — см. комментарий к

Уставу кн. Владимира. *От земли Трапизоньскыя* — в Соловецком списке упоминается Трапезундская империя, пережившая Византийскую на несколько лет и завоеванная турками в 1461 г.

Статья 2

Статья воспроизводит ст. 2 Устава кн. Владимира об учреждении Десятинной церкви и установлении десятины. *Церковь св. Богородицу Десятинную, дашя ей десятину* — см. там же. Упоминание церкви Софии в Киеве появилось в Уставе в результате осознания традиции, связывающей новгородский кафедральный храм с киевским. *Архиепископом новгородскым* — некоторые главы церкви в Новгороде имели титул архиепископа уже в XII в.: Иван (1110-е гг.), Нифонт (1148), Илья (1165), а по списку новгородских владык XV в. Ильей начинался непрерывный ряд архиепископов.

Статья 3

Статья, в соответствии со ст. 4 Устава кн. Владимира, отказывает в праве вершить суд по церковным делам князю и боярам, добавляя в этот перечень наместника и десятинника. *Наместник* — в XIII в. великие князья осуществляли власть над Новгородом через своих наместников — сыновей, племянников. *Десятинник* — митрополичий чиновник, производивший сбор с местного духовенства доли его доходов в пользу высшей церковной власти (*десятины* в ее позднем значении). Слова *ни десятинника не держати*, содержащие запрет великого князя митрополиту посылать своих чиновников в Новгород, являются позднейшей вставкой XIV в. Возможно, что они связаны с историей отказа Новгорода от традиционного митрополичьего суда, приведшего к конфликту с митрополитом в 1389 г.

Статьи 4 и 6

Статьи содержат новые установления, отсутствующие в Уставе кн. Владимира. В ст. 4 говорится о процедуре составления документа в результате достижения соглашения не только с княгиней, но и с представителями церковной, купеческой и ремесленной организаций города. Князь закрепляет за городом право использовать эталоны торговых мер и весов и передает им полномочия взимать некоторые другие пошлины. *Сочские* (сотские) — руководители городских сотенных организаций, объединявших свободные социальные низы Новгорода — ремесленников, мелких торговцев, земледельцев. О городских сотнях в Новгороде XIII в. см. Устав князя Ярослава о мостех. Староста *иваньский* — один из руководителей купе́ческого объединения при церкви Ивана на Опоках. *Мерила торговые, иже на Торгу* — официальные эталоны объема и веса, применявшиеся в торговле. Они хранились в городских соборных церквах. Доходы за их использование делили епи-

Старосты — руководители купеческих объединений;

Бирич — судебный чиновник, служивший для оглашения решений и других целей;

Скалвы вощаные — весы для взвешивания воска;

Пуд медовый — весы для взвешивания меда или эталон веса;

Гривенка рублевая — эталон веса серебра, равный половине веса гривны (фунта);

Конюх — мера объема, вид ковша («ковш конюх красен»);

Пятно — пошлина за клеймение скота.

скоп, Иванское сто и представители сотенных организаций. *Локоть еваньский* — эталон меры длины для измерения тканей, принадлежавший церкви Ивана на Опоках. В 1948 г. на Ярославовом дворище в Новгороде (на новгородском Торгу) найден обломок такого эталона с надписью *Святого еваноск... Свой оброк кубец черницам* — князь передает какую-то пошлину, называемую кубком, монахиням. *Руская пись, десять конюхов соли* — соляные пошлины, которые платили жители города Русы (Старой Русы), известного соляными месторождениями. В XV в. они были известны также под названием «сотной соли писчей»[553]. *Попу иваньскому... с борисоглебьскым напол* — пошлина делится поровну между попами церкви Ивана на Опоках и церкви Бориса и Глеба. Церковь Бориса и Глеба исследователи связывают или с Новгородом (такой храм, заложенный в 1167 г., известен в Детинце), или с Русой (летописное указание о постройке там каменной церкви новгородскими купцами относится к 1403 г.).

553 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV— начала XVI в. Т. III. М., 1964. с. 37.

Статья 5

Статья запрещает получать эти пошлины и перечисляет потенциальных нарушителей данного запрета: потомки князя — издателя Устава, княжеские наместники и бояре.

Статья 6

В управлении хозяйством кафедрального собора наряду с епископом предусматривается участие сотских, а церковь Ивана на Опоках должна управляться старостами и купцами с привлечением епископа или правящих в Новгороде князей. Эта статья закрепляет за представителями торгово-ремесленного населения города участие в функционировании двух важнейших новгородских церквей как хозяйственных и политических учреждений.

Вседенник сеаник — вседневный синодик, помянник, книга с перечнем имен (зд. — членов княжеской семьи), которые должны читаться в церкви в ответ на благодеяния, оказанные этой церкви князьями

Венцы — употреблялись для свадебного венчания.

Събором — широко, во всех церквах, входящих в соборную организацию.

О бездетном животе — о наследстве человека, не имеющего детей, — прямых законных наследников.

Статья 7

Статья повторяет ст. 8 Устава кн. Владимира, упоминая в качестве возможных нарушителей судебного иммунитета церкви наряду с тиунами также наместников князя.

Статья 8

Статья — новая в Уставе. В ней говорится о передаче князем духовенству Софийского собора синодика для ежедневного чтения и венцов, а также угрожает тем, кто нарушит право церковного суда, принадлежащее этому собору, проклятьем, вписанным в синодик.

Статья 9

Статья содержит перечень дел, подлежащих ведению церкви, и воспроизводит ст. 9 Устава кн. Владимира. Кроме дел, появившихся уже в списках Синодальной и других редакций

XIII в., здесь упоминаются споры о наследстве. Это свидетельствует о претензиях церковной власти в конце XIII — начале XIV вв. на включение указанных дел в свою юрисдикцию.

Статьи 10—11

Статьи воспроизводят ст. ст. 10—11 и ст. 6 Устава кн. Владимира, подтверждая принадлежность перечисленных судебных дел церкви, запрещая нарушать ее юрисдикцию и указывая в качестве источника этих норм ранние установления византийских императоров и правила вселенских соборов.

Статья 12

Статья содержит санкцию, также повторяющую ст. 12 Устава кн. Владимира с небольшим добавлением.

Статья 13

Статья не имеет аналогии в Уставе кн. Владимира, и значение ее не совсем ясно. Можно понять, следуя переводу М. Шефтеля, что все, относящееся к *переди писано*, князь прежде поручал своим боярам, но они притесняли *гостей* — крупных купцов и оказывали предпочтение тем купцам, которые жили около них[554]. Однако слово *переди* значит *ранее* и должно относиться к предшествующим статьям, а не к последующим, где речь идет о закреплении руководства городскими мерами и весами за епископом.

Норовити — поступать в угоду кому-либо.

554 Documents de droit public relatifs á la Russie médiévale par M. Szeftel. Bruxelles, 1963, p. 272.

Статья 14

Статья содержит пересказ от имени князя Всеволода ст. 2 Устава кн. Владимира, которая выдается за грамоту патриарха Фотия, упоминаемого в этой статье.

Статьи 15—16

Статьи основаны на ст. 15 Устава кн. Владимира, но содержат существенные дополнения, отражающие изменения в принадлежности торговых мер в Новгороде конца XIII — начала XIV вв. По ст. 15 торговые весы и меры номинально продолжают принадлежать епископу, который несет за их правильное использование ответственность *в день великого суда*. Но в этой же статье установлена и реальная, земная кара тому, кто допустит их искажение, — наказание *близко смерти* и конфискация имущества, которое передается республиканским институтам: кафедральной церкви, купеческой организации и сотским. Таким образом, фактически ведомство мер и весов в Новгороде ушло из монопольного обладания епископа, утратившего две трети реальных доходов. Такое же ограничение прав владыки относительно службы мер и весов наблюдается и в других областях Руси, в том числе в Турово-Пинской зем-

Извесь — весы и гири.

ле в середине XIV в.[555]. Статья 15 предписывает ежегодный контроль за городскими мерами, сличение их с эталонами.

Статья 17

Статья содержит перечень церковных людей, восходящий к Уставу кн. Владимира. Он отличается некоторыми изменениями, из которых наиболее существенны упоминания пущенника и изгоев. В статье дается уникальное указание на различные значения слова *изгои* в XIII — XIV вв. Изгои здесь не социально-экономический термин. Этим словом обозначено более широкое социально-бытовое понятие — лица, порвавшие со своей средой, но не вступившие еще в другие социально-юридические группы. Наследственное социальное положение и связанное с ним профессиональное занятие в средневековье было естественным явлением не только в среде крестьян и феодалов, но и у духовенства, и неграмотность поповича выталкивала его из своей среды, не превращая, естественно, ни в феодала, ни в купца. Церковь настаивает на том, что он должен и дальше принадлежать этой среде. Холоп, выкупившийся из холопства, превращался в крестьянина или горожанина, который в условиях феодального строя неизбежно оказывался зависимым от феодальных отношений, и церковь претендовала на юрисдикцию над ним, которая была выражением такой зависимости. Купец-банкрот, пользовавшийся кредитом и утративший взятые в долг деньги и товары, по ст. 54 Пространной Правды не продавался в холопы, сохраняя определенные льготы. Потеряв ряд своих сословных преимуществ, о которых говорит ст. 55 Пространной Правды, он в соответствии с Уставом кн. Всеволода также оказывался *изгоем*, церковь и здесь не упускала возможности превратить такого человека в своего слугу. Не исключено, что она могла оказать ему финансовую помощь с расчетом на соответствующее возмещение.

Пущеник — отпущенный холоп.

В этой статье наряду с Уставом кн. Владимира использован дополнительный источник, устанавливающий три способа перехода в изгои. Составитель Устава кн. Всеволода, по его собственным словам, добавил к ним и осиротевшего князя. *Князь осиротеет* — лишится не только близких родственников, но, вероятно, и княжества. Однако трудно думать, что автор этого добавления претендовал на включение князей в церковную юрисдикцию; на службе у церковных сюзеренов в качестве вассалов были известны только бояре.

Статья 18

Статья воспроизводит текст ст. 17 Устава кн. Владимира, незначительно его изменяя, дополняя его указанием на то, что церковный суд могут осуществлять не только митрополит и епископ, но и те, *кому прикажут*, т. е. их чиновники. Это отражает развитие аппарата церковного управления в XIII в.

555 См.: Щапов Я. Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII-XV вв.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 182.

Статья 19

Статья о совместном участии светской и церковной властей в решении конфликтов между лицами, входящими в сферы их юрисдикции, воспроизводит текст ст. 18 Устава кн. Владимира.

Статья 20

Статья повторяет ст. 13 Устава кн. Владимира, изменяя общие указания «святой церкви» применительно к конкретному новгородскому кафедральному собору.

Статья 21

Статья содержит духовную санкцию, заимствованную из ст. 14 Устава кн. Владимира, и новую ссылку на традиционные источники права — правила святых отцов, установления первых византийских императоров и древнерусских князей (Устав кн. Владимира), входившие в конце XIII — начале XIV в. в состав русских кормчих книг.

Статья 22

Статья также содержит духовную санкцию и перечисляет потенциальных нарушителей церковной юрисдикции. Статья воспроизводит ст. 19 Устава кн. Владимира.

Статья 23

Статья, завершавшая первоначально Устав кн. Всеволода, до дополнений XIV в., не имеет аналогии в Уставе кн. Владимира. Она закрепляет суд по церковным делам за кафедральной церковью и 10 сотскими и вновь угрожает нарушителям духовной санкцией. *Приказах святей Софии... моим мужам* — дал распоряжение своим мужам о передаче этих дел церкви. Слово *приказах*, появившееся впервые в ст. 13 Синодальной редакции Устава кн. Владимира и неизвестное ранним памятникам, указывает, что ст. 23 появилась после создания этой редакции.

Дополнительные статьи
Статьи О прелюбодейной части

Эти статьи являются позднейшим добавлением к Уставу. Расположенные после его санкции и слова *аминь*, они трактуют иные вопросы, чем те, которые регламентирует Устав, — не о том, какие судебные дела подлежат ведению епископа и как должны делиться судебные пошлины, а некоторые сложные случаи наследственного права. Есть основания рассматривать их в качестве самостоятельного юридического памятника, примыкающего к Уставу. С. В. Юшков полагал, что эти статьи не входили не только в состав грамоты XII в., но и в Устав XIII в., а принадлежали позднейшему составителю или переписчику[556]. А. А. Зимин видел в них «позднейшую церков-

556 Юшков С. В. Устав кн. Всеволода, с. 419-420.

ную приписку»[557]. Однако автор статей сообщает, что он сам рассматривал, изучал наследственное право, принимал участие в суде между наследниками, а это свидетельствует, что перед нами не переписчик, а юрист — кодификатор права, выполнявший судебные функции. Это скорее светский законодатель, чем церковный: действительно, церковному составителю-редактору Соловецкого извода единственная религиозная сентенция, содержащаяся в нем, показалась недостаточной, и он значительно ее расширил. Этим законодателем мог быть один из новгородских князей XIV в., продолжавших обладать правом суда, достаточно правомочный для разработки норм наследственного права.

557 Памятники русского права. Вып. второй, с. 170.

Статья 1

Прелюбодейнаа часть в животе — часть наследства (*живота* — имущества), выделяемая незаконной жене и ее детям. По нормам церковного права, человек мог венчаться не более двух раз. Если умирала и вторая его жена, он не имел права больше жениться и фактически третья и следующие его жены и дети от этих жен законными не признавались, права наследования не имели. *Изысках* — обнаружил в результате изучения или рассмотрел, установил (*И мы ныне по первым ярлыком изыскавши и удумав не изыначиваем* (не изменяем) *первых ярлыков*[558]).

558 Срезневский И. И. Материалы для словаря, т. I. стб. 1059.

Статья изменяет традиционное право наследования незаконных детей. Согласно ей, состоятельный человек (*полн животом*) может оставить небольшую часть наследства (*урок*) своим детям от третьей и четвертой жен, не включая их в число основных наследников. Такое ограничение прав этих детей оправдано здесь тем, что они незаконные. Если оставивший наследство небогат, то незаконный его сын получает только то, что полагается оставить *робичичю* — сыну от рабыни-наложницы, а именно лошадь и боевое снаряжение (*доспех*), а также другое имущество (*покрут*), необходимое для службы, в зависимости от общего размера наследства. Упоминание доспеха и коня говорит о том, что здесь рассматривается наследственное право в семье феодалов.

В Соловецком списке источником права рассматриваемой статьи названо *правило Никейского собора*, но постановления ни I, ни II Никейских соборов не касаются таких вопросов.

Нормы статьи исходят из наследования по закону, а не по завещанию.

Статья 2

Установив порядок наследования незаконных детей, законодатель вновь традиционно закрепляет суд по этим делам за епископом, предлагая ему следовать нормам права Кормчей книги (номоканона).

Статьи Соловецкого списка о наследовании дочерей

Статьи устанавливают особый порядок наследования дочерей и сыновей — их братьев, отличный от традиционного древнерусского права. По Пространной Правде (ст. ст. 91, 95), дочери лично свободных людей и феодалов при наличии сыновей не наследовали, что подтверждалось Судебниками 1497 (ст. 60) и 1550 гг. (ст. 92). В. О. Ключевский отмечал, что «эта норма была чужда русскому наследственному праву и никогда в нем не действовала», она была внесена «на всякий случай, в чаянии, что и она может пригодиться»[559]. Вместе с тем нормы этих статей имеют соответствия в византийском праве (Прохирон-Закон Градский, грань 29, гл. 11; грань 33, гл. 9). Составитель статьи — образованный церковный книжник, знавший о падении Константинополя и особой роли, которую играла после этого Трапезундская империя, знакомый с собраниями переводных памятников права по Кормчим книгам.

559 Ключевский В. О. Курс русской истории, т. I, с. 260-261.

Истыи свидетели — настоящие, достойные доверия.

РУКОПИСАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА. XIII В.

Введение

«Рукописание князя Всеволода» — ценнейший памятник, сохранивший единственный дошедший до нас устав купеческой корпорации в Новгороде. Он посвящен регулированию отношений князя, епископа и города с церковью Ивана на Петрятином дворище, которой было предоставлено право извлечения в свою пользу доходов от взвешивания воска, а также отношений этой церкви с корпорацией «пошлых» купцов.

«Рукописание» составлено от имени новгородского князя первой половины XII в. Всеволода Мстиславича, однако, будучи пронизано многочисленными анахронизмами относительно времени его деятельности, в действительности закрепляет порядок, сложившийся в Новгороде не ранее второй трети XIII в.

Памятник известен в двух изводах — Троицком и Археографическом. Первый сохранился в единственном списке третьей четверти XVI в., но более полно отражает древний оригинал. Второй известен не менее чем в 23 списках XV — XIX вв., объединяемых в четыре вида: Археографический, Соловецкий, Летописный и Житийный.

Списки Археографического извода содержат материалы, свидетельствующие об изменении порядка организации финансов церкви Ивана в XIV в., и, следовательно, дают возможность исследовать динамику существенных преобразований новгородского права.

Тексты
Троицкий извод

Список третьей четверти XVI в. в приложении к Новгородской I летописи (ГБЛ, МДА, IV 54).

1. Се аз, князь великии Гаврил, нареченыи Всеволод, самодрьжець Мьстиславичь, внук Володимир, владычествующю ми всею Рускою землею и всею областью Новгороцкою, божиим благоволением поставил есми церков святыи великыи Иван на Петрятине дворище и устроил есми ю иконами многоценнами, и еуангелием многоценным, и всеми книгами исполнь, устроил есми попы и дьяконы в зборнои виликои церкви.

2. И даю святому великому Ивану от своего великоимения на строение церкви и в векы вес вощанои, а в Торжку пуд вощанои: половина святому Спасу, а половина святому великому Ивану на Петрятино дворище.

3. А оброка попом, и дьякону, и дьяку, и сторожам из весу вощаного: имати попом по осми гривен серебра, а дьякону четыре гривн серебра, а дьяку три гривны серебра, а сторожам три гривны серебра. А имати им тои оброк и в векы на всякии год по моему данью великого князя Всеволода.

4. А попом пети у святого Ивана вседенная, у святого Захарьи на полатех пети по неделям и в векы. А дьякону пети у святого Ивана субота да неделя ис того оброка и в век.

5. И яз, князь великии Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, от житьих людеи и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела иванская, и торговая, и гостинная, и суд торговои.

6. А Мирославу посаднику в то не вступатца и иным посадником в ываньское ни в что же, ни боярам новгороцкым.

7. А хто хочет в купечство вложится в ыванское, даст купьцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святыи Иван полътретьяцать гривен серебра. А не вложится хто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлыи купець. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом.

8. А весити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати.

9. А весити старостам иваньским, двема купцем пошьлым добрым людем. А не пошлым купцем старощениа не дръжати, ни весу им не весити иваньского.

10. А у гостя им имати: у низовьскаго от дву берковска вощаных пол гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьского по две гривны кун от берковъска вощаного, у новоторжанина полторы гривны от берковъска вощаного, у новогородца шесть мордок от берковска вощаного.

11. А куны им класти святого великого Ивана в дом, что вывесят по правому слову.

12. А новгородцю не весити ни на которого гостя.

13. А по моем животе, великого князя Всеволода, стояти за дом святого великого Ивана брату моему великому князю всея Русии, и владыце новгороцкому, и старостам купецьким, и купцам, и за вся церковникы святого Ивана.

14. А взять князю великому из весу вощаного полтретьяцать гривен серебра через год.

15. А праздник рожество святого великого Ивана почесть створити и празновати старостам купецким и купцам. А имати старостам купецким и купъцем из весу из вощаного на полътретьяцать гривен серебра на всякыи праздник святого Ивана и в век. А старостам купецким святого великого Ивана ставити на праздник святого Ивана семъдесят свечь, и темъян, и ладан. А пети в празьдник владыце, а старостам купецким и купцам дати владыце гривна серебра да сукно ипьское, а на завтрее пети анхимандриту святого Егоргиа, а взять ему пол гривне серебра, а на третеи день пети игумену святеи Богородици из Онътонова манастыря; взять ему пол гривне серебра.

15а. И яз, князь великии Всеволод, дал есми пошлины попом святого великого Ивана Петрятино дворище с купець в Руси на память князем великым дедом моим и прадедом имати с купець таи старина и в векы с тверского гостя, и с новгородцкого, и з бежицкого, и з деревьского, и с всего Помостья.

16. А буевище Петрятино дворище от прежних двереи святого великого Ивана до погреба, от погреба до Концаньского мосту. А того буевища имати куны старостам иваньским и старостам побереским. А класти куны в дом святого великого Ивана.

17. А попов святого великого Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожов призирати старостам иваньским, и купцам, и старостам побереским, и побережаном.

18. А в дому святого Ивана не дръжати никому ничего же, разве свечи и темъяна.

19. А городу, ни владыце, ни боярам весу не отимати у святого великого Ивана, ни продавати моего данья, великого князя Всеволода.

20. А хто почнет вес отимати, или продавати, или дом обидити святого великого Ивана и святого Захарьи, на того Спас, и пречистая, и святыи великыи Иван, будет им тма, и съблазнь, и казнь божия.

Археографический извод

Дается по 13 основным спискам:

Археографический вид

1. **Ар** — середины XV в., в приложении к Комиссионному списку Новгородской Первой летописи (ЛОИИ АН СССР, Археогр. 240). Используется как основной;

2. **ВА** — 1495 г., в сборнике (Центральная библиотека АН ЛитССР, ф. 22, № 49);

Соловецкий вид

3. **СлН** — 1493 г., в приложении к Кормчей книге (ГПБ, Сол. 858/968);

Летописный вид (в приложении к Псковской летописи)

4. **ВЗ** — 1548 г. (Национальная библиотека в Варшаве,[1] ф. Библиотеки майората Замойских, № 78);

5. **П-1** — 2-й половины XVI в. (ГПБ, Погод. 1404);

6. **П-2** — конца XVI в. (ГПБ, Погод. 1402);

7. **А-I** — XVII в. (БАН, Петровск. I.A.II);

8. **АрМ** — XVII в. (ЛОИИ СССР, Археогр. 252);

9. **ОК** — XVII в. (ГПБ, Г.IV.603);

10. **Рж-2** — XVII в. (ГБЛ, Рогож. 83);

11. **Ов** — 1630-х гг. (ГБЛ, Овчин. 482);

Житийный вид (в приложении к Житию Всеволода-Гавриила)

12. **Е** — конца XVI в. (ГБЛ, Егор. 593);

13. **Тл** — XVII в. (ГПБ, Q.I.70 — Толст. II, 79).

А[560] *се рукописание* [561] *князя*[562] *Всеволода*[563].

1. Се аз, князь великыи Гавриил[564], *нареченыи Всеволод*[565], *самодержець Мстиславець*[566], *внук Володимеров*[567], *властвующе*[568] *всею Рускою землею и*[569] *властию новгородскою*[570] *и*[571] *божиим благоволением*[572] *поставил*[573] *есмь церковь святыи*[574] *Иван*[575] *Великыи*[576] *на Петрятине дворищи и устроил есмь иконами многоценными*[577], *и еуангелии многоценными*[578], *и всеми книгами исполон*[579], *и устроил есми попы, и диакона, и дияка к съборнои великои*[580] *церкве.*

2. А даю святому великому Ивану от своего[581] *великого имения*[582] *на строение церкви и*[583] *в векы вес вощанои, а в Торшку даю пуд вощаныи: половина*[584] *святому Спасу, а половина*[585] *святому великому Ивану на Петрятино дворище.*

3. А оброк даю попом, и диякону, и дияку, и сторожам из весу из[586] *вощаного: имати попам по*[587] *осми гривен сребра, диакону 4 гривны сребра*[588], *диаку 3 гривны сребра*[589]. *А имати им*[590] *тои оброк*[591] *и*[592] *в векы по моему данию князя великого*[593] *Всеволода.*

4. А попом пети у святого великого Ивана вседенна[594], *а у святого*[595] *Захарии на полатех пети*[596] *по неделям и*[597] *в векы. А дьякону пети у святого Ивана субота да*[598] *неделя из того оброка и*[599] *в векы.*

5. А[600] *яз, князь великыи Всеволод, поставил есмь*[601] *святому Ивану 3 старосты, от житьих людии и от черных тысячкого, а от купьцев 2 старости, управливати им*[602] *всякаа дела торговаа*[603], *иваньскаа и гостиннаа.*

6. А Мирославу посаднику в то не въступатися, ни[604] *иным посадникам, в иваньское ни в что же, ни бояром новгородскым.*

7. А кто хочет[605] *в купечество вложитися*[606] *в иваньское, и*[607] *дасть купцам пошлым людем вклада 50*[608] *гривен сребра, а тысячскому*[609] *сукно ипьское, ино купцам положити*[610] *в святыи Иван*[611] *полътретьятьцать*[612] *гривен серебра. А не*[613] *вложится*[614] *в купечьство, а не дасть пятидесять*[615] *гривен сребра, ино то не пошлыи купець. А пошлым купцам ити им пошлиною, и вкладом, и отчиною.*

8. А вес весити в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати.

9. А весити старостам иваньскыим двема, купцам пошлым, добрым людем. А не пошлым купцам старощениа им не дръжати, ни весу им не весити иваньского.

10. А у гостя имати: у низовьского от дву берковьсков[616] *от*[617] *вощаных пол гривны сребра да гривенка*[618] *перцю, а у полочкого и*[619] *у смоленьского по*[620] *две гривны кун от берковьскаго*[621] *от*[622] *вощаного, а у новоторжанина полторы гривны кун от берковьска*[623] *от*[624] *вощяного, а у новгородьца 6 мордок от берковьска*[625] *от*[626] *вощяного.*

11. А куны класти[627] *в дом*[628] *святого*[629] *Ивана велика-го*[630], *что вывесять*[631] *по правому слову.*

12. А новоторжьцу в бологодеть не весити ни у которого же гостя.

13. А по моем животе, великого князя Всеволода, стояти за дом святого[632] Ивана великого[633] брату моему князю великому всея Руси и владыце новгородскому и за вся церковникы святого[634] Ивана.

14. А взяти князю великому из весу из вощаного пол[635] третьятьцать[636] сребра чрес год.

15. А праздник рожество святого[637] великого Ивана почесть творить и праздновати старостам иваньскым купцам. А петь в[638] праздник обедняя[639] владыце, а на завътрее архимандриту святого Георгия, а на 3 день игумену святеи богородици из[640] Онтонова монастыря. А взяти владыце дару рубль. А князя великого наместником дару по сукну[641] ипьскому, а дати им[642] 20 пудов меду[643] на подсласту чистого[644] пошлины. А дворечьскому сукно ипьское, а[645] 10 пудов меду[646] на подсласту[647] чистого пошлины по старине. А тиуну дару[648] сукно тумаское[649], а дати ему[650] 5 пудов меду[651] на подъсласту[652] чистого[653] пошьлины[654] по старине. Архимандриту[655] взяти[656] дару[657] сукно ипьское. А игумену онтоновьскому[658] взяти дару полтина, а пошлины[659] от него идеть[660] 40 колачев, да[661] сорок хлебов, да капуста и уксус.

16. А буевище Петрятино дворище от прежних дверии святого Ивана до погреба, а от погреба до Кончяньскаго[662] мосту. А с того буевища имать куны старосте иваньскому и поберескому[663], тыи куны къласти в дом святого[664] Ивана великаго[665].

17. А попов, и дьякона[666], и дьяка[667], и сторожов святого Ивана призирати старостам[668] иваньскым и[669] старостам поберескым[670] и паберетжанам.

18. А в дому святого[671] Ивана великого[672] не держати никому[673] ничего же[674], развее[675] свечь и[676] темиана.

19. А городу, и[677] владыке, ни[678] бояром весу[679] не отимати у святого[680] Ивана великого[681], ни продавати моего даниа, князя великого Всеволода.

20. А кто почнеть вес отимати, или продавати, или дом обидити[682] святого и[683] великого Ивана и святого пророка Захарии, ино[684] на того Спас[685], пречистаа[686], и святыи великии Иван, и святыи пророк Захарии; и будеть им тма, и огнь, и съблазн, и[687] казни божия[688].

РАЗНОЧТЕНИЯ

560—563 (заголовок)
Тл Рукописание великого князя Всеволода о устроении церковнем святого Иоана Предтечи в Новеграде на Опоке;

561
Летоп., Е далее *великого;*

562
СлН далее *великого;*

564
П-1, П-2, А-1, АрМ, ОК *Всеволод;*

565
Летоп., Жит. *в святом крещении Гаврил;*

566
Летоп., Жит. *сын Мстиславль;*

567
Летоп., Жит. далее *Мономаха;*
СлН далее *и;*

568
СлН *властьствующему ми;*

569
СлН *сице же;*

570
ВА далее *землею;*

571
ВА, Тл нет;

571—572
ВА, Летоп., Жит. *благоволением божиим;*

573
ВЗ *поставлен;*

574
СлН *святого великого;*

575
СлН *Иоанна;*

576
СлН нет;

577—578
СлН, Летоп., Жит. нет;

579
СлН *доволно по разуму людеи;*

580
П-2, А-I, АрМ, ОК нет;

581—582
ВЗ, П-1, А-I, АрМ, ОК, Рж-I, Ов, Жит. *имениа великаго;*

583
ВЗ, П-1, А-I, АрМ, ОК, Рж-I, ОВ, Е нет;

584—585
ВА нет;

586
Тл нет;

587
СлН, ОК нет;

588
П-1, ОК, АрМ, Рж-I далее *да;*

589
Летоп., Жит. далее *сторожам 3 гривны сребра;*

590—591
Тл *оброк тои;*

592
ВЗ, П-2, ОК, Рж-I, Тл нет;

593
Рж-I нет;

594
ВЗ, П-1, П-2, ОК, АрМ, Рж-I, Жит. *вседневнаа;* Тл далее *служба;*

595
СлН далее *пророка;*

596
ВЗ, П-1, П-2, А-I, ОК, Ов, Жит. нет;

597
Летоп., Жит. нет;

598
ВА *и;*

599
ВЗ, П-1, П-2, А-I, ОК, Рж-I, Ов, Жит. нет;

600
ВА, СлН, Летоп., Жит. нет;

601
Рж-I *ему;*

602—603
ВЗ *всякое;*

604
ВЗ *и;*

605
ВЗ, П-1, А-I, ОК, Рж-I, Е *восхочет;*

606
ВЗ далее утрата одного листа с текстом до ст. 13;

607
Тл нет; АрМ *а;*

608
П-1, П-2, А-I, ОК, Рж-I, Ов, Е *и;*

609
Тл *тысяцким;*

610
ВА, СлН *вложити;*

611—612
П-1, П-2, А-I, ОК, АрМ, Ов, Тл по 30;

613
СлН нет;

614
АрМ *вложитися;*

615
П-1, А-1, АрМ, ОК *и;*

616
СлН *белковьсков;*

617
Тл нет;

618
ВА *пол гривенке;*

619
АрМ *да;*

620
А-1, ОК, АрМ, Жит. нет;

621
ВА, СлН, ОК *бельковьска;* АрМ *берковска;*

622
Тл нет;

623
ВА, СлН *белковьска;*

624
Тл нет;

625
ВА, СлН *бельковьска;*

626
Тл нет;

627
СлН *слати;*

628
П-1, П-2, А-1, ОК, Жит. *дому;*

629—630
СлН *и великаго Иоана;*

631
П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Рж-1, Тл *веситца;*

632
ВЗ далее текст продолжается;

632—633
СлН *и великаго Иоанна;*

634
СлН далее *и великаго;*

635
Тл *по;*

636
ВА, ВЗ, П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Ов, Тл далее *гривен;*

637
ВА нет;

638
Рж-1, нет;

639
Тл нет;

640
СлН *от;*

641
СлН далее *по;*

642
СлН далее *противу того дару;*

643
ВА, СлН далее *чистаго;*

644
ВА, СлН нет;

645
СлН далее *против того дару дати ему;*

646—647
СлН нет;

648
ВА нет; СлН *дати;*

649
ВЗ *тамаское;*

650
СлН далее *против того дару;*

651
СлН далее *чистаго;*

652
Тл *подсыту;*

653
ВА, ВЗ, П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Жит. нет;

654
СлН далее *святого Георгия;*

655
ВА, ВЗ, П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Рж-1, Жит. нет;

656
П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Жит. нет;

657
СлН *Онтоньева монастыря;*
Тл *Онтоновского монастыря пошлины:*

658
СлН нет;

659
СлН далее *из монастыря пошлины;*

660
СлН *д;* ВА, ВЗ, П-2, А-1, ОК, АрМ, Ов, Жит. нет;

661
ВЗ, П-1, А-1, ОК, АрМ, Рж-1, Ов, Жит. *коньца Иванъского;*

662
СлН, Летоп., Жит. *побережскому а;*
Ва далее *а;*

663—664
СлН *и великаго Иоанна;*

665—666
ОК, Ов нет;

667—668
ВА нет;

669
СлН, ВЗ, П-1, А-1, ОК, АрМ, Тл *побережскым;*

670—671
СлН *великаго Иоанна:*

672
ВЛ, СлН далее *же;*

673
ВЗ, П-1, А-1, ОК, Рж-1, Ов нет;

674
СлН далее *книгы;*

675
СлН нет;

676
ВА, Тл *и;*

677
Тл *и;*

678—679
Тл *у святого Иоанна великаго Иоанна;*

680—681
СлН *великаго Иоана:*

682
ОК нет;

683
ВА, СлН, ВЗ, Тл, Е, Рж-1, П-1, П-2, А-1, ОК нет;

684
ОК далее *обидети;*

685
ВА далее *и;*

686
ОК, Тл, Ов далее *Богородица;*

687
СлН далее *многия;*

688
Тл *от бога;* ВЗ, Тл, Е, Рж-1, Ов, П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ далее *от них же да избавит ны господь нашь Исус Христос, ему же слава* (Тл далее *со отцем и со святым духом*) *и* (Тл *и* нет) *ныне, и присно* (П-1, П-2, А-1, ОК, АрМ, Тл, Е, Рж-1, Ов далее *и во веки векомь. Аминь*). СлН далее *яко и на егуптянех быша. Сиа писах и преписах в славу богу отцу и сыну и святому духу и ныне, и присно, и в веки векомь. Амин.*

КОММЕНТАРИЙ

Статья 1

В начальной статье «Рукописания» говорится о создании князем Всеволодом Мстиславичем церкви св. Ивана на Петрятине дворе и ее *устроении*, т. е. снабжении иконами и книгами и придании ей штата клириков.

Церковь Рождества Иоанна Предтечи была заложена новгородским князем Всеволодом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха, в 1127 г.: *В лето 6635. Заложи церковь камяну святого Иоанна Всеволод Новегороде, на Петрятине*

дворе, в имя сына своего. В следующем году *преставися Иоанн, сын Всеволожь, вънук Мьстиславль, априла в 16,* а в 1130 г. *коньця церковь святого Иоанна*[689]. Эти летописные сообщения являются очевидным источником ст. 1 «Рукописания», которая вместе с тем содержит ряд анахронизмов, свидетельствующих о более позднем происхождении памятника.

Вопреки утверждению ст. 1 Всеволод Мстиславич никогда не был великим князем, т.е. не *владычествовал всею Рускою землею.* На титуловании его *великим* князем сказался сложившийся со второй четверти XIII в. порядок, согласно которому новгородский стол сделался принадлежностью великих князей. Вероятным источником оборота *владычествующю ми всею Рускою землею* является титулатура грамоты отца Всеволода — киевского князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю: *Се аз Мьстислав Володимирь сын, дьржа Русску землю, в свое княжение...*[690].

Такой же характер имеет и титул *самодръжец,* употреблявшийся в источниках как синоним *великого князя* (см., например, в Ипатьевской летописи под 6707, 6709, 6770 гг..)

Анахронизмом является также упоминание попов и дьяконов (в Археографическом изводе — только попов) во множественном числе. В Уставе князя Всеволода говорится только об одном *попе иваньском.* Это свидетельствует об отсутствии поначалу у церкви Ивана придельного храма и о том, что в первый период своего существования церковь не имела соборного статуса.

Между тем в ст. 4 «Рукописания» упоминается придел св. Захарии, а в ст. 1 присутствует еще один анахронизм: церковь именуется *зборнои,* т. е. собором. Предоставление соборного статуса храму Ивана на Петрятине дворе (он назывался также церковью Ивана на Опоках или церковью Ивана на Торгу) можно отнести к 1184 г. Под этой датой Новгородская I летопись сообщает: *Заложи архиепископ Илия с братомь церковь святого Иоанна камяну на Търговищи*[691]. Связь этого сообщения именно с церковью Ивана на Опоках подтверждена археологическими раскопками, в ходе которых было установлено, что в конце XII в. Иванская церковь была капитально перестроена[692]. Между тем в Новгородской Третьей летописи церковь, строившаяся в 1184 г., именуется храмом *во имя собора св. Иоанна Предтечи*[693]. Храма, посвященного такому празднику (отмечаемому 7 января по старому стилю), в Новгороде никогда не было, что дает основание предполагать ошибку летописца, принявшего сообщение о строительстве собора в использованном им источнике за наименование праздника, которому якобы был посвящен этот храм.

О Петрятине дворище см. в комментарии к ст. 16 «Рукописания».

689 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. с. 21-22. 206.

690 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949, с. 140, №81.

691 Новгородская Первая летопись.

692 Раппопорт П. А. Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладоге. В кн.: Археологические открытия 1979 года. М., 1980. с. 28.

693 Новгородские летописи. Спб., 1879. с. 194.

Статья 2

Статья трактует о праве церкви Ивана взимать пошлину *на строение церкви* со взвешивания воска в Новгороде и в Торжке от княжеского *великоимения*, т. е., надо думать, не с гостей, торгующих воском, а с тех поступлений в новгородскую княжескую казну, которые шли в нее в виде налогов. Иными словами, этой статьей назначается *руга* (жалование на содержание причта и приобретение церковных припасов) из княжеских доходов.

Та часть дохода от взвешивания воска, которая собиралась в Торжке (Торжок — иначе Новый Торг — находился в совместном владении Новгорода и князя: *а в Торожку, княже, держати тивун на своеи чясти, а новгородець на своеи чясти*[694]), делилась пополам. Одна половина поступала в распоряжение церкви Ивана на Петрятине дворе, другая передавалась церкви Спаса в Торжке. А. А. Зимин, настаивая на датировке «Рукописания» концом XIV в., утверждал, что эта церковь была построена только в 1364 г.: *В лето 6872. Поставиша в Торжьку церковь камену в имя святого и боголепного Преображениа господа бога спаса нашего Исуса Христа, замышлением богобоязнивых купець новгородчкых, а потягнутием всех правоверных крестиян, а на зиму свяща ю архиепископ новгородчкый Алексии, с попы и диаконы и с крилосом святыя Софея*[695]. Между тем это неверно. В имеющихся источниках упоминание церкви Спаса в Торжке встречается уже около 1304—1305 гг. В грамоте Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу, составленной в указанные годы, говорится: *А кто живеть в Търъжку на Новотързьскои земли, а к святому Спасу не тягнеть к Търъжку...*[696]. Здесь святой Спас выступает синонимом Торжка (как, например, св. Троица была синонимом Пскова, а св. София — синонимом Новгорода). Поскольку в основе такой синонимичности лежало именование города по его главному собору, надо полагать, что церковь Спаса в Торжке была древнейшим храмом этого города, и ее упоминание в «Рукописании» не является анахронизмом по отношению даже к XII в.

Статья не содержит указания на норму весовой пошлины. По-видимому, эта норма была традиционной и повсеместно хорошо известной. Для ее примерной оценки полезны установления поздних грамот конца XVI в., демонстрирующих, однако, определенную зависимость от «Рукописания». В Таможенной новгородской грамоте 1571 г. говорится: *А Новгородец... и Псковитин, кто извесит мед, или икру, или иное что взвесит, и пудовщикам имати с рубля по две денги*[697]. Те же нормы, в том числе касающиеся и воска, названы в Откупной грамоте на весчую пошлину у Ивана на Опоках 1587 г.: *А весчее имати ему пошлины по сей грамоте с ноугородцов и со всех торговых людей Московского государства и с граммотчиков и с смольян по 2 денги по московскую с рубля, с*

694 Обычная формула докончаний Новгорода и князя, фиксируемая уже в древнейшем из дошедших до нас договоре 1265-1267 гг. (ГВНП, с. 11, № 2).

695 Новгородская Первая летопись, с. 368-369.

696 ГВНП, с. 18, № 7.

697 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук (в дальнейшем — ААЭ), т. I. Спб., 1836, № 282.

купца денга, а с продавца денга ж... А откуды ни буди привезут воск, и откупщику имати от весу по тому ж, как с купца москвитина[698]. Согласно этим грамотам, весовая пошлина равнялась 1% с оборота (в московском рубле было 200 денег).

698 ААЭ. т. I. № 334.

Статья 3

В статье устанавливается распределение *руги*. Из доходов со взвешивания воска ежегодно попам (их, судя по более поздним источникам, двое) назначается жалование по 8 гривен серебра, дьякону — 4 гривны серебра, дьяку — 3 гривны серебра, сторожам — 3 гривны серебра.

В начале 80-х гг. XVI в. клир Ивановской церкви состоял из 2 попов, дьякона, дьячка и 2 пономарей. Последние вместе получали такую же сумму, как один дьячок[699]. Таким образом, совокупное указание жалования сторожам — не ошибка. Общая смета расхода на жалование клиру равняется 26 гривнам серебра в год, что соответствует примерно 5,2 кг серебра.

699 Макарий Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в новгородских пятинах.— Временник ОИДР, кн. 24. М., 1856. Смесь, с. 31-32; Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода.— Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. с. 63.

Статья 4

Эта статья определяет обязанности клира за указанное в ст. 3 жалование. Попам полагается вести ежедневные службы в главном храме, а по воскресным дням еще и в приделе св. Захарии, а дьякону участвовать в субботних и воскресных службах в основном храме.

Статья 5

Статья определяет персональный состав служителей церкви Ивана — три старосты: один — от житьих и черных людей — тысяцкий, двое — от купцов. В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что здесь говорится не о трех, а о шести старостах: 3 — от житьих, 1 — от черных (тысяцкий) и 2 — от купцов. В новейшее время такого толкования придерживается К. Расмуссен[700]. Однако еще В. О. Ключевский, а за ним М. Н. Тихомиров считали, что старост трое.

700 Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода.— Scando-slavica, t. 25. Copenhagen, 1979, p. 95-103

Это мнение подтверждается традиционной формулой новгородских актов, исходящих, как правило, *от посадника, тысяцкого и всего Новгорода*. В актах, регулирующих международные торговые сношения Новгорода, в ряде случаев участвуют и купеческие старосты; тогда начальная формула документов выглядит следующим образом: *От архиепископа новгородского Алексея, и от наместника великого князя Андрея, и от посадника Юрия, и от тысяцкого Матвея, и от старост купеческих Сидора и Еремея, и от всех купцов новгородских* (1371 г.)[701]; *От архиепископа новгородского Алексея, от великого князя наместника Александра, от посадника Михаила, от тысяцкого Матвея, от старост купеческих Якима и Федора, от всех купцов и от всего Новгорода* (1372 г.)[702]. Купеческих старост, действительно, было одновременно двое, и если посадник являлся представителем бояр, то тысяцкий в этих ак-

701 ГВНП, с. 74, № 42.

702 ГВНП, с. 76, № 43.

тах выступает как единственный представитель всех остальных — непривилегированных — сословий Новгорода, в том числе и *житьих*. Никаких особых старост от *житьих* источники не знают.

А. А. Зимин и вслед за ним Ю. Г. Алексеев[703] считают, что термин *житьи люди* возникает очень поздно, в последней трети XIV в. Для А. А. Зимина это послужило одним из главных оснований датировать возникновение «Рукописания» концом XIV в. Действительно, первое упоминание житьих в существующих источниках содержится в новгородском Наказе послам к тверскому князю Михаилу Александровичу 1372 г.[704], а в Новгородской Первой летописи о них впервые говорится под 1380 г.[705]. Однако необходимо учитывать, что в Новгородской Первой летописи, кроме того, житьи упоминаются только два раза — под 1398 и 1441 г.[706], причем характер этих упоминаний во всех случаях связан с представительством в критические периоды истории Новгорода. В актах они фигурируют также крайне редко: кроме 1372 г. только в 1461 г.[707]. В обоих случаях характер акта требовал дифференцированного представительства от всех слоев новгородского населения. Обычно новгородские акты исходили *от всего Новгорода* или *от всех старейших и всех меньших и от всего Новгорода*, причем в последней формулировке, употребляемой уже в 60-х гг. XIII в., *меньшим* соответствует совокупность житьих (т. е. зажиточных) и черных людей формулы более дифференцированного представительства. Принимая во внимание такой характер редчайших упоминаний термина и консервативность актовых формуляров, мы не имеем оснований считать, что термин *житьи люди*, равно как и обозначаемая им сословная группа, не могли существовать до 1372 г. Решительная разница между феодализирующейся верхушкой небоярской части новгородского общества (в которую, в частности, входили тысяцкий и сотские) и беднейшими категориями свободного населения города существовала и в XIII в.

Упоминание тысяцкого в «Рукописании» является очевидным анахронизмом по отношению ко времени княжения Всеволода Мстиславича. Первым новгородским тысяцким был Милонег, упоминаемый в этом качестве в Новгородской Первой летописи впервые под 1191 г.[708]. Его именем (в форме «Миронег») открывается и список новгородских тысяцких в Комиссионной рукописи Новгородской Первой летописи младшего извода[709].

Вместе с тем уже в акте 1269 г. отражен порядок участия тысяцкого в делах, связанных с деятельностью церкви Ивана по судебному регулированию гостиных конфликтов: *А поспорят вышеназванные лоцманы с гостями по пути вверх или вниз, и помирятся они между собою в пути, то тому быть твердо; а не смогут они помириться, итти им на суд перед тысяцким и перед новгородцами на двор святого Ивана; А будет у зимних и у летних гостей дело до суда, то кончать им это*

703 Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины).— Исторические записки. 103. М., 1979. с. 254-260.

704 ГВНП. с. 32. № 17.

705 Новгородская Первая летопись, с. 376.

706 Там же. с. 391. 421.

707 ГВНП. с. 38. № 21

708 Новгородская Первая летопись, с. 39. 230.

709 Там же. с. 472.

дело перед тысяцким, старостами и новгородцами и ехать своим путем без пакости[710].

Связь тысяцкого с церковью Ивана на Петрятине дворе демонстрируется также Уставом князя Ярослава о мостех, составленным в 1265—1267 гг. В нем определена обязанность тысяцкого мостить *от софьян до вощник*, т. е. ремонтировать Великий мост через Волхов и уличные мостовые от моста до церкви Ивана (от вощников до Великого ряда в торгу мостит посадник)[711]. Этот документ, как видим, также фиксирует и наименование иванской организации «вощниками».

Купеческие старосты упоминаются во многих документах XIII — XV вв.[712]. В ряде других актов их присутствие скрывается за обобщенным обозначением *купцы, дети купеческие*. С деятельностью купеческих старост связан также большой массив сохранившихся, но еще в древности оторванных от документов свинцовых печатей *новгородских тиунов*[713]. Древнейшая из датированных печатей этого массива носит имя Юрия Сбыславича[714], который в летописи упомянут под 1269 г.[715].

Статья «Рукописания» включает в сферу деятельности иванских старост (тысяцкого и двух купеческих) дела *иванская, и торговая, и гостиная. Иванские дела*, несомненно, связаны с внутрицерковными проблемами. Торговые, коль скоро они отличны от гостиных, — разбор конфликтов между новгородцами на Торгу. *Гостиные* — конфликтные дела, связанные с *гостями*, т. е. иногородними и иноземными купцами. В Троицком изводе «Рукописания» упоминается также находящийся в ведении иванских старост *суд торговои*. В Археографическом изводе эти слова отсутствуют, из чего А. А. Зиминым сделан вывод о падении значения Иванской корпорации в конце существования Великого Новгорода[716]. Однако эти слова не имеют принципиального значения, коль скоро совокупность конфликтов торговых и гостиных и составляла торговый суд, пример чему демонстрирует уже цитированная грамота 1269 г. Слова *и суд торговои* могли быть включены в Троицкий извод в позднейшее время; они могли быть, напротив, и потеряны при создании Археографического извода. Существо деятельности старост от наличия или отсутствия этих слов не изменяется, поскольку контроль над делами *иванскими, торговыми и гостиными* предписан им в обоих изводах «Рукописания».

Статья 6

Статья декларирует независимость иванской организации от боярства, возглавляемого посадником. Мирослав Гюрятинич дважды посадничал в Новгороде при Всеволоде Мстиславиче: в 1126—1128 гг. и в 1134—1136 гг. (он умер 28 января 1136 г.)[717]. Источником сведений о совместной деятельности этого посадника с князем Всеволодом в «Рукописании» служит Новгородская Первая летопись.

710 ГВНП, с. 60, № 31.

711 См.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 91-122

712 ГВНП, с. 58, 60, № 31 (1269 г.); с. 62, № 33 (1301 г.); с. 73, № 41 (1342 г.); с. 74, № 42 (1371 г.); с. 76, № 43 (1372 г.); с. 87-88, № 49 (1409 г.); с. 107, № 64 (1434 г.); с. 110-112, № 67 (1436 г.); с. 113, № 68 (1439 г.); с. 120, 123, № 73 (1448 г.); с. 125-126, № 74 (1450 г.); с. 127-129, № 76 (1466 г.)

713 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси, т. 2. М., 1970, с. 105-111.

714 Матюшкина Г. И. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970-1973 гг.— Вестник МГУ, Сер. IX: История, 1976, № 1, с. 70, (табл. II, 7, ж).

715 Новгородская Первая летопись, с. 88.

Принципу независимости иванской организации от посадника, на первый взгляд, противоречит одно место в проекте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г.: *А будет ссора между немцами и новгородцами, кончать ссору на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами*. Однако это видимое противоречие разъясняется следующим далее текстом: *А придет кто-нибудь с острым оружием в Немецкий двор или в Готский двор и там ранит кого-нибудь или возьмет товар, а поймают его, то вести его на суд и судить по преступлению. А порубят ворота или тын, то судить по преступлению...*[718]. Участие посадника определялось характером конфликта, который в обоих обусловленных случаях отнюдь не был торговым или гостиным, а имел отношение к сфере уголовного права. Примеры подобного участия посадников в разборе уголовных конфликтов между новгородцами и иноземными гостями демонстрируют немецкие документы 1331 и 1439 гг.[719].

716 Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953, с. 179.

717 Новгородская Первая летопись, с. 21-24, 205-208.

718 ГВНП, с. 60, № 31.

719 Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М., 1909, с. 76-80, № XI; Клейнберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.).— Новгородский исторический сборник, т. 2 (12). Л., 1984.

Статья 7

Статья открывает новую тему «Рукописания», связанную с существованием в Новгороде организации наиболее состоятельного купечества, члены которой именовались *пошлыми* (т. е. исконными) купцами. Чтобы стать членом такой «гильдии», необходимо было *вложиться* в нее вкладом в 50 гривен серебра (около 10 кг серебра) и, кроме того, дать тысяцкому *ипское* (*ипрское* — от названия фландрского города Ипр, где выделывались такие сукна) сукно. Лица, совершившие этот вклад, приобретали наследственное членство в организации: *а пошлым купцам ити им отчиною и вкладом* (Троицкий извод); *а пошлым купцам ити им пошлиною, и вкладом, и отчиною* (Археографический извод). По-видимому, упоминание вклада в цитированных текстах предусматривает тот случай, когда наследниками умершего пошлого купца оказывались двое или больше сыновей, а не единственный его преемник.

Организация *пошлых* купцов в «Рукописании» именуется *иванским купечеством*, поскольку ее финансы являются еще одним, кроме вощаного веса, источником бюджета церкви Ивана на Опоках. Из каждого 50-гривенного вклада половину — 25 гривен серебра *пошлые* купцы обязаны были *положить в святыи Иван*.

В литературе постоянно фигурирует термин *Иваньское сто* как обозначение организации *пошлых* купцов. Однако этот термин является вымышленным. Он никогда не встречается в источниках и изобретен в связи с осмыслением другого термина — *купецьское съто* в духовной новгородца Климента — документе, составленном в третьей четверти XIII в. (не позднее 1270 г.): *А про куны, чимь то ми ся было вам платити: в купецьском съте у Фомы 8 гривен възмите, а у Борькы 4 гривне, у Фомы у Моръшиия особьнеи 2 гривне без 2-ю ногату...*[720].

720 ГВНП, с. 163, № 105.

В Новгороде существовали и другие купеческие организации. Об одной из них, объединяющей купцов, которые вели заморскую торговлю, летопись говорит по поводу строительства ими церкви Параскевы Пятницы на новгородском Торгу: в 1156 г. *поставища заморьстии церковь святыя Пятнице на Търговищи*[721]; в 1207 г. эта церковь была выстроена в камне: *того же лета съвершиша церковь святыя Пятниця заморьскии, августа в 30*[722]. Особая организация, по-видимому, существовала и у прасолов (купцов, торгующих скотом): в 1403 г. *поставиша купце новгородскыя прасоле в Русе церковь камену святыи Борис и Глеб*[723].

721 Новгородская Первая летопись, с. 30. 217.

722 Там же. с. 50. 247.

723 Там же. с. 397.

Статья 8

Содержание этой статьи тесно связано с содержанием группы последующих статей «Рукописания», которые трактуют порядок взимания весчей пошлины с воска.

Статья определяет место взвешивания воска — не в служебном помещении храма, а в его притворе, т. е. в пристроенной к церкви части здания перед западным входом в храм. Археологические раскопки установили, что первоначально у церкви 1127—1130 гг. притвора не было: он впервые сооружен при капитальной перестройке церкви в 1184 г.[724]. Это еще раз подтверждает анахроничность «Рукописания» относительно времени Всеволода Мстиславича.

724 Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 28.

Слова *где дано, ту его и дръжати* относятся к установленным в притворе весам.

Статья 9

Статья определяет, что купеческими старостами в церкви Ивана могут быть только *пошлые* купцы, т. е. члены иванской купеческой организации, и что только им принадлежит право взвешивания воска.

Статья 10

Статья определяет еще один источник дохода церкви Ивана на Петрятине дворе. Если в ст. 2 говорилось о *руге*, т. е. о взятии вощаного веса с княжеского *великоимения*, а в ст. 7 — о независимом от князя вкладе купеческой организации, то ст. 10 определяет еще один такой способ организации церковной казны: сбор вощаной пошлины от торговли воском. В числе таких торговцев названы низовские, полоцкие и смоленские *гости*, а также новоторжцы и новгородцы; последние две категории торговцев для Новгорода *гостями*, естественно, не были. Единицей обложения здесь признается *берковец*, т. е. 10 пудов.

Упоминание в тексте ст. 10 *мордок* послужило А. А. Зимину одним из оснований датировать памятник концом XIV в., поскольку эта денежная единица впервые фигурировала в известных прежде источниках только в 1396 г.[725], но в Новгороде она якобы была отменена в связи с принятием в обраще-

725 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950, с. 42, № 15.

ние прибалтийской серебряной монеты в 1410 г.[726]. Однако в 1954 г. в Новгороде при раскопках в слоях первой четверти XIII в. была найдена берестяная грамота № 108, в которой упомянуты мордки: *...у суме две гривьнь корстокыхо мородоко*[727]. Этот пример лишний раз показывает, как опасно опираться на термины, не имеющие в источниках массового распространения. Анализ записи XVII в. — *Памяти, как торговали доселе новгородцы*, устанавливает, что в структуре новгородских денежных единиц мордка составляла одну десятую гривны кун, а позднее монетной гривны XV в.[728].

Из содержания ст. 10 может быть понят определенный хронологический момент для датировки «Рукописания» в целом. В ней говорится о размерах пошлины, взимаемой иванскими старостами с торгующих воском *гостей*. Норма этой пошлины дифференцирована следующим образом:

у низовского гостя — 0,25 гривны серебра и 0,5 гривенки перца,

у полоцкого и смоленского — 2 гривны кун,

у новоторжца — 1,5 гривны кун,

у новгородца — 6 мордок.

Очередность наименования норм находится здесь в очевидной связи с уменьшением расстояния Новгорода от тех мест, откуда приезжают с воском торговцы. Для ориентировки назовем эти расстояния по прямой: до рубежей Низовской земли (прежние Ростово-Суздальские владения) — 400—450 км, до Смоленска — 400 км, до Полоцка — 360 км, до Торжка — 275 км. Норма пошлины новоторжца выше, чем у новгородца; у полоцкого и смоленского гостей — выше, чем у новоторжца; следовательно, и у низовского гостя она должна быть выше, чем у полоцкого и смоленского. В то же время разница между нормой низовского и смоленского гостя не могла быть большой, коль скоро расстояние до Новгорода от рубежей Низовских земель и от Смоленска практически одинаково. Даже разница между смоленской и новоторжской нормами достигает всего лишь 0,5 гривны кун.

Некоторые трудности может вызвать отсутствие в «Рукописании» указания на цену перца, необходимую для приведения всех названных в ст. 10 норм к общему знаменателю. Однако эта трудность преодолима. В Откупной новгородской грамоте, опирающейся в исчислении вощаной пошлины с иноземцев на нормы «Рукописания», но составленной в 1587 г., установлено, что *с иноземцов пошлины имати по старине с берковска воску, с 10 пудов московских, полполтины новгородскую да полгривенки перцу, а за полгривенки перцу 5 денег новгородская*[729]. В новгородской полуполтине, т. е. четверти рубля, было 54 новгородских денги. Значит, соотношение в пошлине серебра и перца было близким 11:1, и добавление полгривенки перца к четверти гривны серебра лишь ненамного увеличивало выраженную в серебре норму.

726
ПСРЛ, т. XI. Спб., 1879, с. 236. Использование этого известия представляется не вполне корректным, поскольку оно имеется только в Никоновской летописи. В аналогичном сообщении Новгородской Первой летописи говорится не о мордках, а о кунах (НПЛ, с. 402). Мордки упомянуты и в новгородском документе 1461 г. (ГВНП, с. 39, № 21).

727
Арциховский А.В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953-1954 гг.). М., 1958, с. 38.

728
Янин В. Л. «Память, как торговали доселе новгородцы». (К вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.).— Новгородский исторический сборник, № 2.

729
ААЭ, т. I, № 334.

Попытаемся использовать изложенное выше наблюдение применительно к новгородским денежным системам разных эпох.

Система вощаных пошлин «Рукописания» не может быть ориентирована на нормы русского денежного обращения XII — первой трети XIII вв. Согласно показаниям торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., в то время гривна серебра приравнивалась к 4 гривнам кун[730]. Такое соотношение возникло еще в XI в. на базе обращения в русских землях западноевропейского динария[731]. Следовательно, четверть гривны серебра тогда была тождественна одной гривне кун. Применив этот расчет к норме вощаной пошлины низовского *гостя*, мы выяснили бы, что он платит чуть больше гривны кун, т. е. меньше не только полоцких и смоленских гостей, но и новоторжца, что является очевидным нонсенсом.

Норма новгородской гривны кун XIV в. равнялась одной пятнадцатой части гривны серебра[732]. Применительно к этому времени четверть гривны серебра равна 3,75 гривны кун, а с учетом полугривенки перца пошлина низовского гостя в этом случае соответствовала бы примерно 4 гривнам кун, превзойдя вдвое пошлину смоленских и полоцких гостей. Это также представляется нелогичным.

Между тем нормы «Рукописания» идеально соответствуют промежуточной денежной системе Новгорода XIII в., в которой, как об этом свидетельствует дополнительная статья Русской Правды *А се бещестие*, гривна серебра равнялась 7,5 гривнам кун: *а за гривну сребра пол осме гривне*[733]. В этой системе четверть гривны серебра приравнивается к 1,875 гривны кун, а с добавлением полугривенки перца норма вощаной пошлины низовских *гостей* чуть превышает 2 гривны кун, что ставит низовских и смоленских *гостей* в примерно равные условия.

Особо льготная пошлина в «Рукописании» установлена для новгородцев. Как уже отмечено, мордка составляла одну десятую часть гривны кун. Следовательно, новгородцу полагалось платить с берковска воска только 0,6 гривны кун.

Важнейшее значение для датировки «Рукописания» имеет упоминание в ст. 10, а также в ст. ст. 3, 7, 14 и 15 гривен серебра как основной денежной единицы Новгорода. Отметим, что впервые термин *гривна серебра* упомянут в акте 30-х гг. XII в.[734], в последний раз — на рубеже XIII — XIV вв.[735]. В новгородских летописях позднейшей датой употребления этого термина оказывается 1316 г.[736]. С того же времени в источниках появляется новое обозначение основной единицы новгородской денежной системы — рубль, древнейшие случаи употребления которой фиксируют берестяные грамоты рубежа XIII — XIV вв. Смена терминов отражает и преобразование денежной системы, после которого прекращается литье серебряных слитков по норме *гривны се-*

730 Смоленские грамоты XIII-XIV вв. М., 1963. с. 36, 40.

731 Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

732 Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.— Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 3. Л., 1970.

733 Новгородская Первая летопись, с. 498.

734 ГВНП, с. 140, № 81. Правда, в этом документе термин может означать не денежную единицу, а вес. Достоверное упоминание «гривны серебра» как денежной единицы впервые — в грамоте конца XII в. (ГВНП, с. 55-56, № 28).

735 ГВНП, с. 317-318, № 331, 332.

ребра[737]. Следовательно, ранним рубежом создания «Рукописания» может быть признано начало XIV в.

С другой стороны, важное хронологическое значение имеет упоминание *низовскаго гостя*. Термин *Низ, Низовская земля, низовские люди*, широко употребляемые для обозначения Владимиро-Суздальской земли, в новгородских актах известны уже с 1270 г.[738], но обращение к материалам летописей показывает, что эти термины для указанного времени были сравнительно молодыми: впервые о *низовцах* в летописи говорится под 1234 г.[739]. Таким образом, упоминание *низовского гостя* в «Рукописании» является еще одним анахронизмом относительно времени Всеволода Мстиславича[740].

Статья 11

Статья является прямым продолжением предыдущей, определяя церковь Ивана получателем весчей пошлины с торговых операций воском.

Статья 12

Эта статья в Троицком и Археографическом изводах «Рукописания» резко различается по смыслу. В Троицком изводе устанавливается: *А новгородцю не весити ни на которого гостя*, что не имеет подтверждения в предшествующих статьях документа. Напротив, в ст. 9 уже определено, что весовщиками могут быть только купеческие старосты, которые, естественно, принадлежат к числу новгородцев.

В Археографическом изводе говорится: *А новоторжьцу в бологодеть не весити ни у которого гостя*. Новый Торг (Торжок) уже упоминался в ст. 2, где указано, что половина вощаного веса («пуда») от княжеских доходов в Торжке назначается церкви Ивана на Петрятине дворе. Слово *бологодеть* означает *дар* (ср. летописный текст под 1567 г.: *царь и великий князь послал бологодеть от своей казны*[741]). Оно прямо указывает на характер идущей в Новгород из Торжка половины *пуда вощаного* в связи с запрещением пополнять эту сумму вощаной пошлиной с торговых операций. Поэтому чтение в Археографическом изводе следует считать более исправным, а текст ст. 12 в Троицком изводе — искаженным.

Статья 13

Статья определяет гарантов поддержания прав церкви Ивана, поручая заботу *о доме святого великого Ивана и о всех церковниках святого Ивана брату моему великому князю всея Руси* и новгородскому архиепископу. Слово *брат* употреблено здесь не в прямом смысле указания родства, а в значении *нашей братьи князей*, т. е. социального и юридического равноправия. Титул *великий князь всея Руси* анахронистичен относительно XII в., но соответствует порядку замещения новгородского княжеского стола, установившемуся со второй четверти XIII в.

736 Новгородская Первая летопись, с. 336.

737 Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.

738 ГВНП, с. 13, № 3.

739 Новгородская Первая летопись, с. 283.

740 Упоминание *низовцов* или *низовичей* в Новгородской Четвертой летописи и в Софийской Первой летописи под 1131 г. (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. I. Прг., 1915, с. 145; т. 5. Спб., 1851, с. 156) имеет в виду иную территорию — на юге Руси. См.: Брарина Л. М., Добродомов И. Г., Кучкин В. А. Рец.: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.— История СССР, 1973, № 1, с. 188.

741 ПСРЛ, т. 13. Спб., 1906, с. 408.

В Троицком изводе гарантии поручаются не только великому князю и владыке, но также *и старостам купецьким, и купцам*, что представляется несколько противоречивым. Купеческие старосты сами входили в администрацию церкви Ивана и, таким образом, являлись объектом гарантии. Если же статья имеет в виду как гаранта организацию «пошлых» купцов в целом, тогда непонятно отсутствие среди гарантов тысяцкого, который, будучи иванским старостой, в то же время не принадлежал к числу старост купеческих.

По правому слову — без обмана, справедливо.

Здесь, скорее всего, следует предположить влияние на Троицкий извод ст. 17 «Рукописания», об особенностях которой см. соответствующий комментарий.

Статья 14

Источники дохода церкви Ивана, согласно этой статье, находятся в раздельной собственности церкви и князя, который один раз в два года (*через год*) изымает из церковной казны 25 гривен серебра в свою пользу.

В дальнейшем этот порядок подвергся изменению. В договорных грамотах Новгорода с Василием Темным 1456 г. и Иваном III 1471 г. говорится: *А крюк князю великому по старине, на третеи год*[742]. Словом *крюк* здесь обозначена весовая пошлина (ср. в новгородской Таможенной грамоте 1571 г.: *А воск... весити по старине на крюк у Ивана Святого под церковью на Петрятине дворище...*[743]). То, что уже в докончании 1456 г. этот измененный порядок возводится к «старине», представляется весьма важным для общих хронологических наблюдений над «Рукописанием», в котором порядок отчисления сумм в пользу князя иной.

742 ГВНП, с. 41, № 23; с. 49, № 27.

743 ААЭ, т. I, № 282, с. 327.

Статья 15

В статье 15 в Троицком и Археографическом изводах совпадают только начальные формулы, в которых организация церковного престольного праздника Рождества Ивана Предтечи (24 июня по старому стилю) поручается иванским купеческим старостам, хотя и здесь имеется разночтение: в Троицком изводе *старостам купецким и купцам*, в Археографическом — *старостам, иваньскым купцам*. Более исправное чтение — в Археографическом изводе: оно отличается конкретностью, поскольку старосты и были иванскими (т. е. *пошлыми*) купцами. В остальной части оба извода резко отличны в изложении ст. 15, хотя трактуют один и тот же сюжет. Поэтому их следует рассмотреть отдельно и в противопоставлении друг другу.

Согласно Троицкому изводу, *старосты купецкие и купцы* ежегодно берут из вощаного веса на организацию праздника 25 гривен серебра. Из этой суммы часть идет на свечи (нужно было поставить в церкви 70 свечей), на темьян и ладан, т. е. на церковные благовония. Другая часть идет на оплату архиепископа, совершающего богослужение в самый день праздника за одну гривну серебра, и ипское сукно, юрьевско-

му архимандриту, который за службу на второй день праздника получает полгривны серебра, и антониевскому игумену, который за службу в третий день праздника получает также полгривны серебра. Других расходов в Троицком изводе не указано, и можно только догадываться, что известная часть из огромной суммы 25 гривен серебра шла на оплату братчинного пира, поскольку сумма, остающаяся за вычетом 2 гривен серебра, назначавшихся владыке, архимандриту и игумену, слишком велика, чтобы быть истраченной только на свечи, темьян, ладан и штуку сукна. Как будет показано ниже, стоимость ипского сукна определяется в половину гривны серебра. Относительно темьяна Псковская летопись под 1463 г. отмечает: *Того же лета бысть во Пскове темьян дорог — по 60 денег рублевая гривенка* (около 200 г)[744]. *Торговая книга* начала XVII в. сообщает: *Ладан желтой купят пуд за 1 рубль 21 алтын и 4 деньги, а коли дорог, за 7 рублей. Ладан белой купят пуд за 2 рубля, а коли дорог, за 9 рублей. Темьяну пуд купят за 20 алтын, а коли дорог, за 1 рубль*[745]. Источник конца XVI в. определяет цену воска в 40 алтын за пуд, т. е. в 1 рубль 20 копеек московскими деньгами[746]. Таким образом, расход на свечи, ладан и темьян сравнительно с суммой в 25 гривен серебра был относительно невелик. Поэтому не исключено, что ст. 15 в Троицком изводе сохранилась не во всем объеме.

Два термина, фигурирующие в этой статье, А. А. Зимин считал анахронистическими не только относительно XII в., но и относительно XIII в. Он писал, что сведения об ипском (ипрском) сукне характеризуют торговлю Новгорода с Западной Европой XIV — XV вв., а не XIII в., сославшись на первое упоминание ипрских сукон в связи с Новгородом только в 1327 г. Однако широкое распространение таких тканей в Северной Европе фиксируется письменными памятниками уже конца XIII в.[747]. А. Нахлик, исследовавший обширную коллекцию тканей из новгородских раскопок, доказал, что активное внедрение фламандских сукон на новгородский рынок для всей второй половины XIII в. было уже вполне характерно[748].

Второй термин, по мнению А. А. Зимина, анахронистичный, — юрьевский архимандрит, который якобы впервые конституируется «после 1297 г., но до 1324 г.». Это неверно: архимандриты новгородские, резиденцией которых был Юрьев монастырь, упоминаются в Новгородской Первой летописи старшего извода уже под 1226 и 1270 гг.[749]. Таким образом, оба этих термина анахронистичны для XII в., но никак не для XIII в.

Более важным представляется то, что и в этой статье, и на протяжении всего текста Троицкого извода, как уже отмечено, употребляются в качестве основной денежной единицы Новгорода гривны серебра, существовавшие до начала XIV в., но не рубль, который пришел на смену гривне серебра в указанное время.

744 Псковские летописи, вып. 2. М., 1955. с. 157.

745 Торговая книга.— Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества, т. I. Спб., 1851, отд. III, с. 124.

746 Макарий. Указ. соч., с. 25-39.

747 Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV веках. М., 1963, с. 178.

748 Нахлик А Ткани Новгорода.— Материалы и исследования по археологии СССР, № 123. М., 1963, с. 285-292.

749 Новгородская Первая летопись, с. 65, 88. О новгородских архимандритах см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород, с. 136-149.

Археографический извод ничего не сообщает об использовании для организации праздника 25 гривен серебра из вощаного веса, о необходимости ставить свечи, темьян и ладан, однако отражает тот же порядок участия в праздничной службе архиепископа, юрьевского архимандрита и антониевского игумена. Между тем вознаграждение этим лицам установлено в денежных единицах, появившихся не ранее рубежа XIII—XIV вв.: владыке положен рубль, архимандриту — ипское сукно, антониевскому игумену — полтина. Поскольку архимандрит и игумен в Троицком изводе выступают как равноправные в отношении оплаты, заключаем, что стоимость ипского сукна приравнивается к вознаграждению антониевского игумена, т. е. в данном случае к полтине. Кроме этих расходов, церковь Ивана на праздник должна выдать *дар* княжеским наместникам (их было два) — княжескому дворецкому — ипское сукно и княжескому тиуну — тумасское сукно.

Церковь не только несет расходы, но и кое-что получает, а именно: от наместников — 20 пудов меда, от дворецкого — 10 пудов меда, от тиуна — 5 пудов меда; всего 35 пудов меда, необходимого *на подсласту*, т. е. на угощение, а от антониевского игумена — 40 калачей, 40 хлебов, капусту и уксус. Поскольку тиун дает вдвое меньше дворецкого, то и получаемые ими дары, надо полагать, находятся в обратной пропорции, т. е. тумасское сукно стоило вдвое меньше ипского, а именно четверть рубля. Поэтому расход церкви на дары можно определить в 1,75 новгородского рубля, иначе — в 378 новгородских денег (216 денег в рубле).

Попытаемся подвести баланс доходов и расходов церкви Ивана при организации праздника, как она изложена в Археографическом изводе. Для этого необходимо знать торговую цену меда. Из источников конца XVI в. известно, что в Новгороде за пуд меда тогда платили 25 копеек, которые в новгородском счете соответствовали деньгам. Следовательно, 35 пудов меда стоили 876 копеек-новгородок. Баланс доходов и расходов составляет 497 новгородок, что соответствует 2 новгородским рублям 65 новгородским деньгам.

Чтобы оценить этот результат, следует обратиться к источнику начала 80-х гг. XVI в. — «Записи о новгородских ружных церквах». В ней относительно руги церкви Ивана на Опоках сообщается следующее:

На Опоке к церкве Иванна Предтечи идет годовые руги двем попом Ивану Иванову да Микуле Обросимову тридцать четыре рубли и осмнадцать алтын и четыре денги, по семинадцати рублев и по десяти алтын и по две денги попу, дьякону Роману Семенову восмь рублев и двадцать один алтын и две денги, дьячку Федку Ларионову шесть рублев и шестнадцать алтын, да за воск и за свечи четыри рубли и десять алтын четыре денги, да на вино и на темьян полтина, двем пономарем Михалку Офанасьеву да Овдейку Федотьеву шесть рублев и шеснадцать алтын. И всего годовые руги попом, и

дьякону, и дьячку, и пономарем, и за воск, и за темьян денег шесдесят рублев и тридцать два алтына и четыре деньги.

Архиепископу Александру идет от службы два рубли и пять алтын и две деньги, что он служит у Ивана Предтечи на Опоках на праздник. Юрьевскому архимандриту идет от службы рубль и два алтына и четыре деньги, что он служит у Ивана Предтечи на Опоках на другой день праздника, а июня в 27 дано, взял слуга Гриша Пиминов.

Спаского Хутыня монастыря игумену Селивестру идет от службы рубль и два алтына и четыре деньги, что он служит обедню у Иванна Предтечи на третий день праздника, а июня в 27 день те деньги дано, взял слуга Сошко Сухлянско́й.

Да в пределе святаго пророка Захарии на полатех идет годовые руги попу Игнатью Ондрееву четыре рубли, дьячку Калинке Офонасьеву да понамарю Данилку Иванову по полтине человеку, за полпуда воску на свечи по осминадцати алтына, да на понахиды по великого князя родителех да полпуда меду четыре алтына с деньгою, да на вино служебное и на темьян и на ладан шесть алтын и четыре деньги. И всего годовые руги к той церкве денег и за воск и за темьян, за вино и за ладан пять рублев и двадцать восмь алтын и две деньги.

Проскурнице Анне Омельянове дочере, что печет просфиры к трем престолом Иванна Предтечи, да в придел Захария Пророка на полатех, да к церкве Бориса и Глеба в Торгу, дают Иванские попы с Опок и за свечи рубль и два алтына и четыре деньги, по осминадцати алтын с попа, да Иванской же проскурнице четыре лавки, а поземских идет проскурнице рубль и четыре алтына[750].

750 Макарий. Указ. соч., с. 31-32.

Наблюдения над слагаемыми этой руги показывают, что в ее расчете проявляются два разновременных пласта. Все суммы выражены в единицах московской денежной системы (в рубле 200 денег, иначе 100 копеек; в алтыне 3 копейки), но в одних случаях назначены круглые суммы (например, «попу... четыре рубли, дьячьку... да понамарю... по полтине человеку»), в других они производят впечатление громоздких и неудобных (например, «по семинадцати рублев и по девяти алтын и по две денги попу»). Перевод последних в «новгородское число» (в рубле 216 копеек-новгородок, в гривне 14 копеек-новгородок) обнаруживает, что в единицах новгородской денежной системы эти суммы обретают логическую закономерность (например, 17 рублей 9 алтын 2 денги равны 8 новгородским рублям). Это значит, что выраженные в «неудобных» цифрах частные нормы руги восходят к более раннему времени, чем «удобные».

Приведя для удобства сопоставления, фигурирующие в «Записи о ружных церквах», к единицам новгородской денежной системы и сравнив их с нормами «Рукописания», получим:

«Рукописание Всеволода»	«Запись о ружных церквах»
попам — по 8 гривен серебра	попам — по 8 рублей

дьякону — 4 гривны серебра	дьякону — 4 рубля
дьяку — 3 гривны серебра	дьячку — 3 рубля
сторожам — 3 гривны серебра	2 пономарям — 3 рубля
владыке — 1 гривна серебра	архиепископу — 1 рубль
архимандриту и игумену — по 0,5 гривны серебра	архимандриту и игумену — по 0,5 рубля.

Это поразительное соответствие цифр может свидетельствовать только о том, что исчисление главных позиций руги иванскому клиру в конце XVI в. опиралось на традицию времен новгородской независимости, запечатленную в «Рукописании Всеволода». Однако существует один весьма важный аспект анализа слагаемых руги конца XVI в. Кроме жалования клиру и вознаграждения владыке, архимандриту и игумену (в конце XVI в. служить в третий день праздника предписано не антониевскому, а хутынскому игумену), существуют еще суммы расходов на праздник. И если в Троицком изводе на праздник положено 25 гривен серебра, то Археографический извод, как мы убедились, определяет эти расходы резко сокращенной суммой в 2 рубля 65 денег (в «новгородское число»). Опирается ли и в этой позиции «Запись о ружных церквах» на «Рукописание», и если да, то на какой из его изводов?

Сумма дополнительных расходов в «Записи о ружных церквах» слагается следующим образом: за воск и за свечи в церковь Ивана 4 рубля 10 алтын 4 денги (т. е. 2 рубля новгородских); за вино и темьян — полтина (т. е. 50 денег новгородских); за воск в придел Захарии — 36 алтын (по 18 алтын дьячку и пономарю, т. е. новгородская полтина); на вино, темьян и ладан в придел Захарии — 6 алтын 4 денги (т. е. 20 денег новгородских). Общая сумма здесь равна 2 рублям 178 денгам. Однако иванские попы от себя платят проскурнице 1 рубль 2 алтына 4 денги (т. е. новгородскую полтину). Баланс, таким образом, равен 2 рублям 70 деньгам новгородским, что при самой минимальной разнице цифр совпадает с дополнительными расходами по Археографической редакции «Рукописания».

Изложенные наблюдения характеризуют ст. 15 в Археографическом изводе как, несомненно, более позднюю сравнительно с аналогичной статьей Троицкого извода. Поскольку Археографический извод фиксируется в списке середины XV в., а ст. 15 в нем содержит ссылки на *пошлины по старине* и оперирует рублями, а не гривнами серебра, время возникновения Троицкой редакции в значительно более ранний период подтверждается и этими наблюдениями.

Существует еще одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что порядок финансирования церкви Ивана на Петрятине дворе в середине — третьей четверти XV в. существенно изменился сравнительно с более ранним. Во время последних переговоров Новгорода с Иваном III, закончившихся потерей новгородской независимости, 13 января 1479 г. шла речь и об иванской руге: *Да и о попех Ивановских говорили.., чтобы*

попом ругу отдали, задние годы, что им не дали, да и впредь бы давали ругу[751]. По смыслу установлений, отраженных в «Рукописании», материальное обеспечение церкви Ивана не зависело от прямых выдач денежных сумм княжеской администрацией: старосты сами собирали определенные существовавшим порядком суммы вощаного веса. Задолженность великого князя, образовавшаяся к 1479 г., свидетельствует, что на протяжении какого-то периода еще в эпоху новгородской независимости старый порядок был упразднен, а организация иванской руги перешла в руки великокняжеских наместников. Выяснение времени этого изменения остается пока нерешенной проблемой. А. А. Зимин возводил Археографический извод «Рукописания» к гипотетически реконструируемому юридическому сборнику, составленному около 1421 г. Указания ст. 15 этого извода на *пошлины по старине*, по-видимому, подтверждают такое мнение, коль скоро они фигурируют в Комиссионном списке «Рукописания» середины XV в.

751 ПСРЛ, т. XII. Спб., 1901, с. 186.

Статья 15а

Весь заключительный раздел «Рукописания», начиная с этой статьи, по-видимому, представляет собой текст, основанный на ином источнике, нежели все предыдущие статьи.

Статья 15а имеется только в Троицком изводе «Рукописания» и отличается крайней неконкретностью и противоречивостью. Она начинается с дублирующего ст. ст. 1 и 2 утверждения о предоставлении церкви Ивана Петрятина *дворища* и *пошлин* с купцов *в Руси*. Последнее установление как бы дублирует и дополняет ст. 10, но бесполезно в практическом отношении. Предписание *имати тая старина* с *гостей* тверского, новгородского, бежецкого, деревского и всего Помостья по своему смыслу является свидетельством того, что к моменту составления статьи такой порядок уже существовал и даже был *стариной*, что как бы превращает пожалование в подтверждение. Это предписание к тому же не сопровождается разъяснением, какого размера должна быть упомянутая пошлина. Платит ли тверской купец по низовскому тарифу? Приравниваются ли к новгородцу деревский, бежецкий и помостский *гости*? Ведь все они были жителями Новгородской земли. Имеет ли эта статья отношение к торговле воском или касается каких-то иных пошлин? Почему, говоря о купцах *в Руси*, статья ограничивает пределы *Руси* Тверью и прилегающими к ее земле районами новгородских владений? Весьма противоречива и терминология этого текста. Новгородские купцы отнюдь не являются *гостями*: этот термин употреблялся в Новгороде применительно к иногородним купцам, совершающим дальние поездки. Трудно представить себе деревского, бежецкого и помостского *гостя*. Эти сельские территории Новгородской земли не располагали условиями для возникновения здесь купеческих сословных групп, а про-

дукты с этих территорий поступали в Новгород в виде феодальной ренты.

Упоминание в ст. 15а тверского *гостя* является анахронизмом относительно времени княжения Всеволода Мстиславича. Тверь в летописях упоминается только с 1209 г.[752], а в «Сказании об иконе Владимирской богоматери» — в 60-х гг. XII в., но это сказание существует только в поздних записях[753].

Статья 16

Статья начинается определением границ *буевища Петрятина дворища*, т. е. территории, принадлежащей церкви Ивана на Опоках. Указаны три опорных ориентира: *прежние двери святого Ивана, погреб* и *Кончанский мост*. Последнее указание использовалось исследователями как свидетельство о том, что *буевище Петрятино дворище* простиралось до Федоровского ручья, который отстоит от церкви Ивана на Опоках на полкилометра к северу. В соответствии с таким определением ориентира значительный район Торговой стороны Новгорода изображался в виде некой площади, «на которой с появлением Торга были устроены пристани и торговые склады»[754]. А. А. Зимин объяснял *буевище Петрятино дворище* как место остановки гостей, центр, «куда съезжались купцы из разных земель еще задолго до составления «Рукописания» князя Всеволода, а также месте взимания с них пошлины»[755]. Этот комментарий, к слову, был дан А. А. Зиминым к ст. 15а.

Между тем, как показали археологические раскопки, указанный район уже на рубеже X — XI вв. был занят обычными жилыми постройками. В частности, раскопки 1967 г. на древней Буяной улице в 100—120 м к северу от церкви Ивана на Опоках выявили мощение этой улицы уже в 20-х гг. XII в.[756]. Под *Кончанским мостом* в действительности следует понимать мост через несуществующий ныне ручей, разделявший в древности Славенский и Плотницкий концы Торговой стороны и протекавший в непосредственной близости к церкви Ивана, южнее ее.

Сопоставление ст. 16 «Рукописания» с писцовыми материалами 80-х гг. XVI в. установило, что церковный участок храма Ивана на Опоках имел в плане близкую к треугольной форму, его площадь равнялась примерно 3000 кв. м, а углы совпадали с пересечением главной улицы Торговой стороны — Пробойной — с упомянутым ручьем (*Кончанский мост*), участком церкви Бориса и Глеба на *погребище скудельном* (*погреб* — кладбище). Третий угол, таким образом, должен был бы соответствовать *старым дверям святого Ивана*, т. е. первоначальным воротам, ведущим на указанную усадьбу, местоположение которых затем изменилось, когда непосредственно у северной стены храма был проложен широкий проход, превратившийся впоследствии в Иваньскую улицу. Слово *буевище* в древнерусских текстах и в позднейших диалектах озна-

752 ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стб. 435.

753 Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. Спб., 1877.

754 Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода.— Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1961, с. 148-149.

755 Памятники русского права. Вып. второй, с. 181-182.

756 Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 177.

чает собственно церковный участок, заключенный в ограду[757].

Наименование этого участка Петрятиным двором или Петрятиным дворищем возможно связать с использованием для строительства церкви бывшей усадьбы посадника Петряты[758], деятельность которого приходится на конец XI — начало XII вв.

Для хронологии исследований важными представляются два обстоятельства. Во-первых, *погреб* превратился в *погребище* тогда, когда кладбище в этом месте перестало существовать, а в конце XIII в. на этом участке уже существовала церковь Бориса и Глеба. Названная церковь в Новгородской Первой летописи впервые упоминается под 1300 г.[759], но она была *срублена* после большого пожара 1299 г., когда на Торговой стороне сгорело 12 церквей[760]. Поэтому можно предполагать, что в числе пострадавших храмов была и уже существовавшая к тому времени Борисоглебская церковь.

Во-вторых, упоминание *Кончанского моста* свидетельствует, что к моменту составления ст. 16 «Рукописания» ручей еще существовал и не был заключен в трубу (по материалам XVI в., все его древнее русло, пересекавшее Торговую сторону с востока на запад в самой ее широкой части, именовалось «Трубой»). Надо полагать, что столь сложные мелиоративные работы (длина ручья была не меньше 1 км) велись на протяжении длительного времени, и важны были бы данные о дате ликвидации ручья на участке самого буевища. Пока археологически исследованы только мощные водоотводные сооружения, связанные с дренированием этого ручья примерно в 250 м выше церкви Ивана по его течению, где они с помощью дендрохронологии датируются 1304 г.[761].

Таким образом, оба изложенных предположения склоняют к датировке ст. 16 временем не позднее рубежа XIII — XIV вв.

Статья 16 устанавливает, что *того буевища имати куны старостам иваньским и старостам побереским* (Троицкий извод) или *старосте иваньскому и поберескому* (Археографический извод) и *класть* эти куны в дом св. Ивана. При этом остается совершенно неясным, идет ли здесь речь об уже известных нам доходах от вощаной пошлины и половины вступительного взноса *пошлых* купцов или о каких-то иных формах *пошлины*. В частности, из источников XVI в., цитированных выше, известно, что на церковной земле существовали торговые лавки, сдававшиеся в аренду, арендная плата с которых (*позем*) поступала в распоряжение проскурницы, будучи при этом весьма небольшой (1 рубль и 4 алтына *в московское число*).

Нуждается в обсуждении вопрос о предпочтительности чтения *старостам* или *старосте*. В ст. 17 обоих изводов «Рукописания» говорится о *старостах иваньских и старостах побересских и побережанах*. Это решает проблему в пользу большей исправности ст. 16 в Троицком изводе. Под старостами побережскими, вероятно, следует понимать уличных старост вол-

757 Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде.— Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 80-91.

758 Новгородская Первая летопись, с. 164, 471; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 54-62.

759 Новгородская Первая летопись, с. 91.

760 Там же, с. 90.

761 Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1974, с. 37.

ховского побережья, противолежащего церковному участку св. Ивана, а под побережанами — жителей этого участка. Где-то здесь, согласно показаниям «Устава князя Ярослава о мостех», находился *Ивань вымол* — пристань, возможно, связанная с хозяйством иванского купечества.

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие сведений о *побережских старостах* в предшествующих статьях «Рукописания», очевидная неожиданность их появления в ст. 16 и неясность их организационных взаимоотношений с церковью.

Статья 17

Статья по существу дублирует ст. 13 «Рукописания», в которой, однако, предписывалось *стоять* за дом св. Ивана великому князю и владыке. Таким образом, она находится и в противоречии с указанным установлением, передавая гарантию прав церкви Ивана в руки *старост иваньских и старост поберерских и побережан*. В Троицком изводе к числу этих гарантов добавлены купцы: *старостам иваньским и купцам, и старостам поберeским и побережанам*. По-видимому, имеющееся только в Троицком изводе упоминание в ст. 13 также *старост купецких и купцов* является результатом воздействия на нее ст. 17.

Статья 18

Статья запрещает хранить в церкви Ивана какие-либо товары, кроме свечей и темьяна. В деревянном городе, каким был средневековый Новгород, каменные церкви постоянно использовались для хранения в них ценностей прихожан, о чем упоминает летопись и говорят берестяные грамоты. В летописном описании пожара 1299 г. рассказывается, что, воспользовавшись всеобщей паникой, *злеи человеци падоша на грабежи: что в церквах а то все разграбиша, а в святом Иване над товаром сторожа убиша*[762]. Однако это сообщение относится к другой одноименной церкви — на Софийской стороне, поскольку следующая фраза летописного рассказа начинается словами: *на Торговом же полу...* Сохранился документ XVII в., отражающий эту древнюю традицию. Пономарю церкви Филиппа на Торговой стороне предписывалось: *и в подцерковьях и в чуланах всякого улицкого поставленья ото всего береги накрепко, ото всяких лихих людей.., а в подцерковых всех и чуланов никому на сторону кроме своей улицы уличаном ни на какое поставленье не отдавать.*

762 Новгородская Первая летопись, с. 90, 329.

Статья 19

Статья снова дублирует предшествующий текст «Рукописания», на этот раз ст. 6, в которой говорится о запрещении посаднику и боярам вмешиваться в *иванское*. Здесь к числу отстраненных от вмешательства в иванские дела добавлены

еще город и владыка, хотя последний по ст. 13 является одним из гарантов сохранения и поддержания прав церкви Ивана на Петрятине дворище.

Статья 20

Заключительная статья «Рукописания» угрожает отмщением небесных сил тем, кто попытается нарушить установления — *почнет вес отимати, или продавати* (т. е. облагать поборами), *или дом обидити святого великого Ивана и святого Захарьи.*

Последовательное рассмотрение статей «Рукописания» позволяет сделать общий вывод о времени создания этого памятника. Очевидно, что он не мог возникнуть в княжение Всеволода Мстиславича вопреки прямым ссылкам на *данье* этого князя. Такой датировке противоречат княжеский титул самодержца всея Руси, соборный статус церкви Ивана, наличие в ней придела, упоминание тысяцкого и, вероятно, житьих людей. В XII в. не могло быть низовских и тверских гостей, не могло быть тогда и юрьевского архимандрита.

В то же время «Рукописание» содержит ряд признаков, не позволяющих датировать его создание позднее начала XIV в. К числу таких признаков относятся прежде всего использование для денежных расчетов в качестве основной единицы гривен серебра, которые с появлением на рубеже XIII — XIV вв. рубля перестают употребляться в Новгороде. Анализ денежных соотношений в ст. 10 прямо указывает на XIII в., поскольку они основываются на соотношении гривны серебра и гривны кун, равном 7,5:1, которое было характерным только для указанного времени. К рубежу XIII — XIV вв., по-видимому, уже не существовало ни «Кончанского моста», ни «погреба», упомянутых при описании церковного участка св. Ивана — буевища Петрятина дворища. Все реалии памятника находят подтверждение в фактах и явлениях XIII в., тяготея к его середине и второй половине.

Сказанное выше относится целиком к Троицкому изводу «Рукописания», тогда как в Археографическом изводе ст. 15 дана в иной редакции, использующей уже счет на рубли. Это обстоятельство характеризует Троицкий извод как более ранний, основывающийся на тексте, стоящем ближе к первоначальному, хотя в ряде мест Археографический извод более точно воспроизвел первоисточник. В ст. 15 Археографического извода отражен и иной порядок назначения руги в той части, которая касается организации престольного праздника. Этот новый порядок, фиксируемый Комиссионным списком «Рукописания», существовал уже в середине XV в. Он действует и в более позднее время, будучи отражен в документе 80-х гг. XVI в.[763]. Это обстоятельство дополнительно характеризует Троицкий извод как сохранивший реликтовые сведения более ранней поры. Вместе с тем ссылки в Комиссионной рукописи на *пошлину по старине* и возможное восхождение ее текста к сборнику начала 20-х гг. XV в., в котором, следо-

763 Новый порядок назначения руги существует и позднее. Он отражен в документе 1621 г. о назначении руги новгородским церквам и монастырям (ЦГАДА, ф. 137. Боярские и городовые книги. Новгород, ед. хр. 13, л. 38 об.).

вательно, имелись и указанные ссылки, позволяют предположительно отнести возникновение нового порядка, а вместе с ним и Археографического извода «Рукописания» еще к XIV в.

Внутренняя противоречивость памятника, свойственная ему уже на стадии Троицкого извода и проявляющаяся в дублировании отдельных установлений, сравнение которых не дает адекватной картины, позволяет высказать осторожное предположение о соединении в основном тексте «Рукописания» двух источников. Один из них лежит в основе ст. ст. 1—15 и, возможно, ст. 20. Все его установления весьма конкретны и логично связаны между собой. Другому соответствуют ст. ст. 15а — 19. Он не обладает должной конкретностью. Именно в этой части «Рукописания» появляются дублирующие статьи и упоминаются *побережские старосты* и *побережане*, о которых прежде не говорилось и роль которых в системе организации *дома св. Ивана* надлежащим образом не разъяснена. Если такое предположение правильно, история создания «Рукописания Всеволода» оказывается более сложной, нежели это представлялось ранее. Оба предполагаемых источника относятся к XIII в., так как датируемые этим временем реалии памятника содержатся в обеих частях «Рукописания».

Для общих хронологических наблюдений над «Рукописанием» важным оказывается его сравнение с «Уставом великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых». Этот памятник, возникший в конце XIII в., включал в свой состав фрагменты более древнего документа, который касается и некоторых прав церкви Ивана. На относительную древность этого документа указывает участие в его составлении десяти сотских, но отсутствие каких-либо упоминаний о тысяцком, указание на одного, а не на нескольких иванских попов и только на одного иванского старосту.

Согласно Уставу, князь распоряжается передачей из-под своей юрисдикции не только вощаного веса. Он дает *суд и мерила, иже на торгу.., мерила торговаа, скалвы вощаныи, пуд медовыи, и гривенку рублевую, и локоть еваньскыи*, но не церкви Ивана, а *в Новегороде святеи Софии, и епископу, и старосте иваньскому, и всему Новугороду*. В случае нарушения этого пожалования кем-либо Устав грозит: *А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его на трое: треть живота святеи Софии, а другаа треть святому Ивану, а третьая треть сочьским и Новугороду*. В распоряжение церкви Ивана передается также половина какой-то пошлины с *Русы*: *а попу иваньскому рускаа пись с борисоглебьскым напол, а сторожю иваньскому рускои порочици пятно да десять конюхов соли*. Не ясно, подразумевается ли под борисоглебским попом священник церкви Бориса и Глеба на Погребище (в которую, как это видно из «Записи о ружных церквах», делались выплаты иванскими попами) или церкви Бориса и Глеба в Старой Руссе (к организации которой, судя по летописному сообщению 1403 г., имели какое-то отношение

новгородские купцы). Однако очевидно, что характер княжеского пожалования церкви Ивана в Уставе отличен от того, какой представлен «Рукописанием».

Если «Рукописание» устанавливает монопольное право церкви Ивана контролировать взвешивание воска и отчислять в свою пользу обусловленную пошлину с вощаного веса, то в Уставе речь идет о взвешивании и измерении широкого ассортимента товаров, о *торговых всех весах, мерилах и скалвах вощаных и пуде медовом, и гривенке рублевой, и всякой извести, иже на торгу проможи людьми*. Здесь термином *известь*, очевидно, обозначается все, что имеет отношение к взвешиванию (ср. в новгородской Таможенной грамоте 1571 г.: *А Новгородец... и Псковитин, кто извесит мед, или икру, или иное что взвесит, и пудовщикам имати с рубля по две денги*[764]). Однако право контроля в Уставе не закреплено монопольно за церковью Ивана: нарушители этого права рискуют конфискацией имущества и разделом его между Софийским собором, церковью Ивана и сотскими (последние олицетворяют также «весь Новгород»).

Имеем основания утверждать, что описанный Уставом порядок и связь его с церковью Ивана не только декларированы, но и применялись на практике. Во время археологических раскопок 1948 г. на Ярославовом дворище в Новгороде был найден обломок мерной линейки XIV в. (палеографическая дата) с надписью *Святого Еваноск*.., трактованной М. Н. Тихомировым как иванский локоть[765]. Этот предмет, естественно, не имеет отношения к измерению воска, но соответствует *локтю еваньскому* «Устава Всеволода».

Упомянутая Таможенная грамота 1571 г. сообщает: *А воск, и мед, и олово, и свинец, и квасцы, и ладан, и темьян весити по старине на крюк у Ивана Святого под церковью на Петрятине дворище, а таможником в то не вступатися ни во что*[766]. В Откупной новгородской грамоте 1587 г. на весчую пошлину у Ивана на Опоках наряду с воском в числе весчих товаров называются темьян, ладан, медь, олово, свинец, «сера горячая», киноварь, ртуть и «всякие краски красильницкие»[767]. За сто лет до этого, в 1489 г., по распоряжению Ивана III весовщики, приставленные к весам при церкви св. Ивана, должны были взимать у иноземцев весчую пошлину не со всего товара целиком, а с каждого корабельного фунта его веса[768]. В этой связи, обращаясь уже к эпохе новгородской независимости, мы получаем возможность объяснить формулу докончаний 1456 и 1471 гг.: *А крюк князю великому по старине, на третеи год*. По-видимому, в какой-то момент великий князь вернул себе треть доходов от весчей пошлины. Можно даже догадываться, о какой трети идет речь: коль скоро софийская казна была общегосударственной, иначе городской, трети св. Софии и сотских, по Уставу, имели по существу одного и того же адресата, что и могло послужить поводом для указанного перераспределения доходов. Можно также предположить, что такое перераспределение произошло одновременно

764 ААЭ, т. I, № 282.

765 Арциховский А.В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, с. 48, № 7.

766 ААЭ, т. I, № 282. Выражение «под церковью» означает, что к этому времени церковь Ивана была разгорожена на два этажа и прежнее место взвешивания оказалось в подцерковье.

767 ААЭ, т. I, № 334.

768 Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI вв. Л., 1975, с. 198.

с изменением иванской руги, отмеченным при анализе Археографического извода «Рукописания». Если это так, то новый порядок организации иванских дел и организации взаимоотношений великого князя и церкви Ивана имел в своей основе оба документа — «Рукописание» и Устав.

Сопоставление «Рукописания» и Устава свидетельствует о том, что во второй половине XIII — начале XIV вв. в Новгороде велась оживленная работа по юридическому оформлению сложившегося к тому времени способа распределения доходов от взвешивания товаров. Отсутствие документа, всесторонне обосновывающего эту практику, вызвало к жизни фальсификации, одна из которых опиралась на подлинный, но в значительной мере устаревший документ XII в., а другая обстоятельно излагала установившийся к тому времени порядок. Использование подлинного документа в первой фальсификации позволило именовать его Уставом. Проекция второй фальсификации на время Всеволода Мстиславича при отсутствии подтверждающего ее истинность оригинала привели к именованию его «Рукописанием», т. е. завещанием давно умершего князя. Совпадение же фиксированных в обоих документах норм с реальной практикой послужило в дальнейшем к их восприятию как нормативных документов новгородского законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. Вып. I. Пг., 1914.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. I (разные издания).

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

Памятники русского права. Вып. первый. М.,1952.

Русская историческая библиотека, т. XXXVI. — Памятники древнерусского канонического права, ч. II, вып. 1. Пг., 1920.

Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и десятинах. Изд. имп. Археографической комиссии. Пг., 1915.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I, полутом 1. М.,1880; 2-е изд. М.,1901.

Евгений (Болховитинов). Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев.,1825.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1816; 2-е изд. М.,1818.

Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Ч. 1. Т. 1. М.,1956.

Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. I. Спб., 1857; 2-е изд. Спб., 1868.

Неволин К. А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого.— Полн. собр. соч., т. VI. Спб., 1859.

Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Пг., 1917.

Павлов А. С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902.

Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославского и русского права. М., 1892.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. Спб., 1883.

Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому. — Сборник в память 900-летия крещения Руси. Изд. Историческим обществом Нестора-летописца. Под ред. Соболевского А. И. Киев, 1888.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I — III. Спб., 1893—1903.

Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.

Суворов Н. С. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. М., 1893.

Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период первый. 4-е изд. Чернигов, 1862.

Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972.

Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Вып. I. Устав князя Владимира. Новоузенск, 1925.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Устав кн. Ярослава о церковных судах

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. Вып. I. Пг., 1914.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. I. Ярославль, 1871; 2-е изд. Киев, 1876 (и последующие издания).

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976.

Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. Спб., 1913.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. — Записки Московского археологического института. Т. XVIII. М., 1913; то же отдельно: Харьков, 1916.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I, пол. 1. М., 1880; 2-е изд. М., 1901.

Карамзин Н. М. История государства Российского. I. II. М.. 1818.

Ключевский В. О. Курс русской истории. — Сочинения. т. 1. М., 1956.

Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. Спб., 1843.

Мысовский К. Древнерусское церковное право в связи с правом византийским. — Православный собеседник, 1862, март, июнь, июль.

Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. I. Спб., 1857; Изд. 2-е. Спб., 1868.

Неволин К. А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. — Полн. собр. соч., т. VI. Спб., 1859.

Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Пг., 1917.

Павлов А. С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902.

Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI — XIII вв.). Л., 1947; Изд. 2-е. М.-Л., 1966.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. Спб., 1883.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М., 1914.

Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. Спб., 1876.

Щапов Я. Н. Редакции Устава кн. Ярослава Владимировича. — Проблемы источниковедения. Т. XI. М., 1963.

Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — Византийский временник. Т. 31. М., 1971.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI — XIV вв. М., 1972.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Уставная грамота Владимиро-Волынского князя Мстислава Даниловича

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись (подготовлено к изданию Шахматовым А. А.). Спб., 1908 (переиздание: М., 1962), стб. 932.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 131.

Генсьорський А. I. 3 коментарів до Галицько-Волинського літопису (Волинські і галицькі грамоти XIII ст.). — В кн.: Історичні джерела та їх використання. Вип. 4. Київ, 1969, с. 174.

Смоленские уставные грамоты

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Памятники русского права. Под ред. Юшкова С. В. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII — XV вв. Составитель Зимин А. А. М., 1953, с. 37—53.

Смоленские грамоты XIII — XIV вв. (Подготовили к печати Сумникова Т. А. и Лопатин В. В.). М., 1963, с. 75—80.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.). М., 1976, с. 153—158.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 37—47.

Поппе А. Учредительная грамота Смоленской епископии. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 59—71.

Poppe D. i A. Dziedzice na Rusi. — Kwartalnik historyczny, 1967, z. 1.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 136—150.

Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. — В кн.: Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 85—113.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX — XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980, с. 20—25.

Устав Новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. I (разные издания).

Памятники истории Великого Новгорода и Пскова (подготовил к изданию Кочин Г. Е.). Л.-М., 1935.

Памятники русского права. Вып. второй. Под ред. Юшкова С. В. Сост. Зимин А. А. М., 1953.

Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 (факсимильное изд.).

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.). М., 1976.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Л., 1949.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Устав князя Ярослава о мостех

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Правда Русская под ред. Б. Д. Грекова, т. I, тексты. М., 1939; т. 2, комментарии. М.-Л., 1947.

Правда Русская. М.-Л., 1940.

Памятники русского права. Вып. первый. Под ред. Юшкова С. В. Сост. Зимин А. А. М., 1952.

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.). М.,1976.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыбаков Б. А. Деление новгородской земли на сотни в XIII в. — Исторические записки, кн. 2, 1938.

Мавродин В. В., Орлов С. Н. К вопросу об «Уставе» князя Ярослава «о мостех».— Советская археология, 1975, № 2.

Янин В. Л. Еще раз об «Уставе князя Ярослава о мостех».— Советская археология, 1976, № 3;

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.,1977.

Новгородский Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Под ред. Бычкова А. Ф. и Бестужева К. Н. Єпб., 1889, с. 271—272.

Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. Под ред. и с предисловием Насонова А. Н. М.-Л., 1950, с. 485—488.

Памятники русского права. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII — XV вв. Составитель Зимин А. А. М.,1953, с. 160—173.

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (Издание подготовил Щапов Я. Н.). М.,1976, с. 153—158.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Юшков С. В. Устав кн. Всеволода (до зовнішньої історії памятки).— В кн.: Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927, с. 405—424.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 216—221.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М.,1962, с. 82—93.

Рыбаков Б. А. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве».— В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966, с. 636—637.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв., М., 1972, с. 165—178.

Рукописание князя Всеволода

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Памятники русского права. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. Составитель Зимин А. А. М., 1953, с. 174—185.

Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. (издание подготовил Щапов Я. Н.). М.,1976, с. 158—165.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

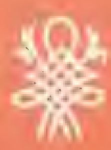
Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952, с. 123—131.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв. М., 1955, с. 181—188.

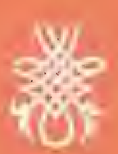
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 82—89.

Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 60—68.

Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде. — В кн.: Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 80—91.

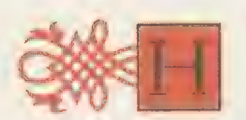

Судные грамоты

НОВГОРОДСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА

Введение

Новгородская Судная грамота — важнейший правовой документ Новгородской феодальной республики. Содержание правовых документов Новгорода (и Судной грамоты в том числе) отражает своеобразие его общественно-политического строя, определявшееся особенностями прежде всего экономического развития этого крупнейшего торгового и ремесленного центра Древней Руси, с огромными зависимыми территориями, население которых платило дань «господину Великому Новгороду», что являлось дополнительным источником обогащения новгородской знати.

Республиканские порядки в Новгороде сложились не сразу. Борьба между князем и боярством шла многие десятилетия и привела к установлению приоритета боярской власти после событий 1136 г., когда, воспользовавшись восстанием новгородцев, боярство присвоило право приглашать князя и заключать с ним договор, четко определявший права и обязанности. По-видимому, наиболее существенным преобразованием 1136 г. была организация совместного суда князя и посадника с приоритетом в нем князя, что в дальнейшем отразилось в формуле новгородских докончаний с князьями: *А без посадника ти, княже, суда не судити.* Постепенно на протяжении конца XI — XIII вв. оформились все элементы политической системы Новгорода — вече, посадничество, тысяцкий, боярский Совет (*осподе*) во главе с *владыкой* — архиепископом новгородской Софии.

Псковская земля входила в Новгородскую республику до середины XIV в., хотя уже в начале XIII в. в Пскове утверждается особый княжеский стол. В 1348 г. Псков отделился от Новгорода, также став феодальной республикой. Среди исторических документов Пскова особое место занимает Псковская Судная грамота, относящаяся к XV веку.

Феодалы Новгородской и Псковской республики, их крупнейшие землевладельцы были тесно связаны с торговлей и ремеслом. Кроме феодальной ренты, бояре получали доходы от торговли, ростовщичества, поборов с зависимых территорий.

Крупными земельными собственниками были новгородский *владыка* — архиепископ Софийского собора, высшее духовенство, монастыри. Но духовенство Новгородской земли имело свои интересы и в торговле (внешней и внутренней), покровителем которой оно себя объявило. Новгородские купеческие корпора-

ции объединялись вокруг патрональных храмов. Церковь непосредственно участвовала в торговле и осуществляла контроль над мерами длины, веса и т. п. *Локоть иванский, гривенка рублевая, скалвы* (весы) *вощаные* и т. п. хранились в церкви.

Новгородский архиепископ скреплял своей печатью торговые договоры с иностранцами. Таким образом, интересы новгородского духовенства и боярства были тесно связаны.

Политический строй Новгорода (а затем, после получения независимости, и Пскова) отличен от других русских земель и может быть определен как феодальная (боярская, аристократическая) республика. Новгород не только столица Новгородской земли, но как бы олицетворение государства, носитель государственного суверенитета — «господин Великий Новгород». Юридически высшим органом считалось вече — собрание полноправных жителей города мужского пола. Но реальная власть принадлежала Совету. Этот Совет формировался из бояр и высших чинов новгородской администрации: посадника, тысяцкого, *старых* посадников и тысяцких, старост городских концов. Возглавлял Совет *владыка*. Боярский Совет собирался по мере надобности и решал важнейшие вопросы государственной жизни: подбирал кандидатуры князя, посадника, других должностных лиц, готовил вечевые собрания, необходимые документы, решал вопросы внешней политики.

Победа республиканского строя не привела к ликвидации князя как политической фигуры в Новгороде. Князья приглашались в Новгород после того, как их кандидатура предварительно обсуждалась на Совете. Затем эта кандидатура рекомендовалась вече, после чего с князем заключался договор, подробно регламентировавший его права и обязанности. На последнем этапе существования Новгородской феодальной республики великий князь посылал в Новгород своего наместника.

Важнейшую роль в политической жизни Новгорода играл архиепископ (*владыка*). Он — глава новгородской церкви, но одновременно и лицо, имевшее значительные прерогативы политической власти. Архиепископ возглавлял Совет, представлял Новгород во внешних сношениях, скреплял печатью договоры и грамоты Новгорода, а с первой половины XIV в. ведал и всеми тяжбами по земельным делам. Суд высшей инстанции заседал в его резиденции. Архиепископ вершил также и церковный суд.

Новгородская администрация существенно отличалась от системы управления княжеств периода феодальной раздробленности. Во главе управления в Новгороде стоял посадник — первое по важности должностное лицо, избиравшееся на вече из представителей знатнейших боярских фамилий. Посадник был председателем на вече, контролировал деятельность князя, выполнял вместе с ним важнейшие функции (командование вооруженными силами, суд), ведал администрацией, внешнеполитическими делами, следил за взысканием податей

с населения. С середины XIV в. в Новгороде избирают одновременно шесть посадников с пожизненными полномочиями, но одного из них ежегодно избирают на должность главного — степенного — посадника. В основе формирования этого органа власти лежит представительство от *концов* города. В конце первой четверти XV в. число одновременно действовавших посадников достигает 24, затем — 36.

Второе по значению должностное лицо в Новгороде — тысяцкий. Его избирали на вече поначалу из числа лиц небоярского происхождения, поскольку он, судя по «Рукописанию князя Всеволода», представлял интересы житьих и черных людей. Однако уже в первой половине XIV в. эта должность была узурпирована боярством. Со второй половины XIV в. число тысяцких достигло 5 (по числу концов), один из них ежегодно избирался в степенные тысяцкие. Тысяцкий возглавлял систему сотских, ведавших десятью сотнями. Тысяцкий ведал прежде всего торговлей и судом по торговым тяжбам, решал он и другие вопросы управления, помогая посаднику.

Управление Новгородом строилось следующим образом: город делился на пять *концов* (соответствовавших исторически возникшим посадам): Плотницкий, Славенский, Загородский, Неревский и Гончарский. Каждый *конец* созывал свое кончанское вече с выборным кончанским старостой во главе.

Как уже указывалось, многие особенности политического строя Новгородской феодальной республики нашли отражение в статьях Новгородской Судной грамоты — одного из интереснейших документов русского феодального права. Она дошла до нас не в подлиннике, а в одном из списков XV в. в составе сборника новгородских и двинских актов, хранящегося в Ленинградской государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Список дефектен: в нем нет конца, а часть имеющегося текста утрачена.

Впервые Новгородская Судная грамота была опубликована Н. М. Карамзиным (История государства Российского, т. 5, прим. 404). Позднее ее включили в Акты, собранные Археографической экспедицией в библиотеках и архивах Российской империи (ААЭ, т. I, № 92, 1836). Публикацию текста Новгородской Судной грамоты с разбивкой на статьи и некоторыми комментариями предпринял М. Ф. Владимирский-Буданов. Деление на статьи стало общепринятым и в основном сохранялось в последующих изданиях Новгородской Судной грамоты.

Советские историки неоднократно публиковали текст Новгородской Судной грамоты. Так, в 1935 году был издан сборник «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», подготовленный Г. Е. Кочиным; в 1953 году вышел в свет второй выпуск «Памятников русского права» (под редакцией С. В. Юшкова, составитель А. А. Зимин). Последняя публикация, несколько отступая от принятой разбивки текста грамоты, выделяет из ст. ст. 4 и 5 ст. ст. 4а и 5а.

Вопрос о времени составления Новгородской Судной грамоты дискуссионен. Исследователи относят ее к разным периодам XV в. (1440[1], 1446[2], 1456[3]).

Нам известна редакция 1471 г. Дата этой редакции устанавливается по упоминанию в ней нареченного на архиепископство священноинока Феофила. Такой титул присваивался архиепископам, избранным на кафедру, но еще не получившим утверждение от митрополита. Феофил был избран в ноябре 1470 г. и утвержден 15 декабря 1471 г. В то же время переговоры Ивана III и его сына Ивана с представителями Новгорода происходили в конце июля — первой половине августа 1471 г. после шелонского поражения Новгорода. К этому времени и относится вручение великому князю Новгородской Судной грамоты, потребовавшейся при подготовке Коростынского договора. Однако 1471 год нельзя считать датой составления данного документа, так как в других актах, относящихся к этому времени, о грамоте говорится как о существующем факте. Например, в ст. 5 проекта договора короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV с Великим Новгородом, датируемого концом 1470 г. или первой половиной 1471 г., содержится прямое указание на Новгородскую грамоту: *а пересуд... имати по Новгородцкой грамоте...* В ст. 25 Коростынского договора Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире, заключенном в августе 1471 г., говорится о Новгородской грамоте, определившей *заклад* (наказание) *на наездъщиков, на грабежщиков, на наводщиков*. В то же время некоторые статьи Новгородской Судной грамоты свидетельствуют об усилении влияния в Новгороде великого князя Московского и отражают содержание договора с ним (например, ст. ст. 6, 10, 28 устанавливают судебные штрафы в пользу как великого князя, так и Новгорода; это же положение содержится в ст. ст. 25 и 26 Коростынского договора московской редакции со ссылкой на Новгородскую грамоту).

Видимо, редакции 1471 г. предшествовала более ранняя, основанная на *старине*, т. е. на обычае, на судебной практике, постановлениях вече и договорах с князьями.

Л. В. Черепнин сделал новую попытку определить время составления первой редакции Новгородской Судной грамоты, указав на возможную связь между событиями 1385 г., судебной реформой в Новгороде того времени и составлением грамоты.

В 1385 г. новгородцы высказались против права митрополита как судить их в своей резиденции в Москве, так и производить периодически суд в Новгороде. Церковный суд по вечевому решению 1385 г. должен был осуществляться новгородским архиепископом при участии представителей новгородских бояр и *житьих* людей (по два от каждой из тяжущихся сторон). Одновременно был определен и состав суда посадника и тысяцкого, на которых также должны были присутствовать по два боярина и по два *житьих* человека от каждой стороны[4].

1 См.: Михайлов М. М. История русского права. Спб., 1871, с. 221-222: Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. «Юридический вестник». М., 1884. № 5-6. с. 117-123.

2 См.: Филиппов А. Н. Учебник по истории русского права (пособие к лекциям). Ч. 1. Юрьев, 1914, с. 127-129: Кочаков Б. М. Новгородская Судная грамота. Ученые записки Ленинградского педагогического института. Л., 1940, т. V, вып. I, с. 9-12.

3 См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888, с. 291-297.

4 Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. М.-Л., 1948;

Эта реформа, без сомнения, отражена в ст. ст. 1 и 5 Новгородской Судной грамоты. Но достаточно ли такого факта для датирования всей грамоты? Вряд ли. Скорее он свидетельствует об источниках документа, относящихся к разным периодам истории Новгорода[5].

Новгородская Судная грамота имеет заголовок *О суде и закладе на наездщики и на грабещики* (т. е. о суде и наказаниях за нападения и грабежи) и содержит в основном нормы, относящиеся к судопроизводству. По мнению некоторых историков (А. А. Зимина, Л. В. Черепнина), заголовок этот является, очевидно, припиской составителя сборника новгородских и двинских актов.

Публикация текста Новгородской Судной грамоты дается по изданию: Акты, собранные Археографической Экспедицией в библиотеках и архивах Российской империи (ААЭ). Т. I, № 92. Спб., 1836.

Деление на статьи общепринятое, соответствующее изданию М. Ф. Владимирского-Буданова[6].

Текст

О СУДЕ И О ЗАКЛАДЕ НА НАЕЗДЩИКИ И НА ГРАБЕЩИКИ

Доложа господы великих князеи, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архиепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Феофила. Се покончаша посадникы Ноугородцкие, и тысяцкие Ноугородцкие, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концов, весь государь Велики Новгород на вече на Ярославле дворе:

1. Нареченному на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Феофилу судити суд свои, суд святительски по святых отецъ правилу, по манакануну; а судити ему всех равно, как боярина, так и житьего, так и молодчего человека.

2. А посаднику судити суд свой с наместники великого князя, по старине; а без наместников великого князя посаднику суда не кончати.

3. А наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине.

4. А тысецкому судить свой суд.

А судить им право, по крестному целованью.

5. А сажати в суду по два человека; а кто кого в суду посадит, ино тот с тем и ведается.

А посадника и тысецкого и владычня наместника и их судей с суда не сбивати.

6. А истцю на истца наводки не наводить, ни на посадника, ни на тысетцкого, ни на владычня наместника, ни на иных судей, или на докладшиков. А кто наведет наводку на посадни-

---

его же. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960.

5 Позиция Л. В. Черепнина не получила поддержки среди историков как недостаточно аргументированная. См.: Зимин А. А. Памятники русского права. Вып. второй, с. 211; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. Изд-во МГУ, 1980, с. 132.

6 См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Ярославль, 1872 и другие издания.

ка, или на тысецкого или на владычна наместника, или на иных судей, или на докладщиков, или истець на истца у суда или у доклада или у поля, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублев, а на житьем дватцать рублев, а на молодшем 10 рублев за наводку; а истцю убытки подоймет.

7. А кому будет о земле дело, о селе, или о дву, или болши, или менши: ино ему до суда на землю не наезщать, ни людеи своих не насылать, а о земле позвати к суду. А утяжет в земле, ино взяти ему грамота у судьи в земле и в убытке на истце; а от земли судье кун не взять.

8. А от суднаго рубля взять владыке, и его наместнику, и ключнику от печати гривна, а от безсуднаго рубля от грамоты взять владыке и его наместнику и ключнику три денги; а посаднику и тысесскому, и их судьям, и иным судьям имати от судного рубля по семи денег, а от безсуднаго рубля по три денги.

9. А орудье судить посаднику, и тысецкому и владычню посаднику, и их судьям, и иным судьям месяць; а дале того им орудья не волочить.

10. А кто на ком поищет наезда, или грабежа в земном деле, ино судити наперед наезд и грабеж, а о земли после суд, а кого утяжут в наезде и в грабежи, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом, на боярине пятдесят рублев, а на житьем двадцать рублев, а на молодцем десять рублев; а истцю убытки подоймет; а о земле суд, а не будет суда в Новегороде, а о наезде и о грабеже суд.

11. А кои истець похочет искать наезда или грабежа и земли вдруг, ино другому истцю ему отвечать; а утяжет в земле и в наезде и в грабежи, а судье дать на него грамота в земле и в наезде и в грабежи.

12. А кто кого утяжет в земле и судную грамоту возмет, ино ему ехать на свою землю по судной грамоте, да и володеть ему тою землею; а в том пени нет.

13. А в котором деле позовет истец истца, а поищет своего дела, а будет тому истцю до своего истца дело; ино ему позвать своего истца, а поискать ему одиного ж дела; а иных позвов на него не класти в ыном деле, ни ноугородцов не научивати без хитрости по крестному целованью, доколе те суды кончают.

14. А кто на ком какова дела поищет, а креста не целовав на сей грамоте: ино крест поцеловав одинова да искать: а кому будет отвечивать, а креста не целовав на сей грамоте, ино ему крест поцеловав да отвечать, а не поцелует креста, тем его и обвинить.

15. А от коего истца ответчик станет на суд, а истец тот будет креста не целовал на сей грамоте, ино тому истцю крест целовать одинова, а ответчику в его место отвечивать; а не поцелует креста, ино тем его и обвинить.

16. А кому будет какое дело до старейшей жены или до житьеи, кои вдовы, а у коей есть сын, ино сыну ее целовать

крест на сей грамоте за собя и за матерь однова; а не поцелует креста сын за матерь, ино целовать крест матери однова у собя в дому перед истцом и перед приставы Ноугородскими.

17. А целовать боярину и житьему и купцю, как за свою землю, так и за женню.

18. А позовут боярина и житьего и купца в его земле, или в женне, ино ему отвячать, или ответчика послать в свое место и в женне, по тому крестному целованью.

19. А ответчику с послухом на учане крест целовать.

20. А при которых докладчикех суд роскажет, ино тем докладчиком тот суд кончать.

21. А судьям как розказщики укажут, ино коему ни есть судье велети своему дьяку тое дело записать, а розказщиком к тем списком свои печати приложить.

22. А послуху на послуха не быть, а Пъсковитину не послуховать, ни одерноватому холопу, а холоп на холопа послух.

23. А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а подвойским и софьяном, и биричем, и изветником на сто верст четыре гривны. А кой истець скажет послуха дале ста верьст, а похочет и другои истець слатся на того послуха; ино слаться на него; а не всхочет другои истець слаться дале ста верст, ино поставить ему своего послуха у суда, а срок ему взять на послуха на сто верст по три недели, а заклад дать виноватому истцю на сто верст шестнику.

24. А кто с кем ростяжется о земле, а почнет просить сроку на управы, или на шабъры, ино ему дать один срок на сто верст три недели, а дале и ближе а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кем управы лежат, по крестному целованью, да и по руце ему ударити с истцом своим; а посаднику приложить к срочнои грамоте своя печать. А иному сроку не быть. А от сроку взять гривна. Также и иным судьям давать срок по тому ж. А кой истець не возмет срочной за печатью, ино тем его и обвинить тому судье, пред коим суд был, а сроку не ждать. А о иных делех срок по старине.

25. А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду крест поцеловав на сей на крестнои грамоте.

26. А докладу быти во владычне комнате, а у докладу быть из конца по боярину да по житьему да кои люди в суде сидели, да и приставом, а иному никому же у доклада не быть. А докладчиком садиться на неделю по трижды, в понедельник, в середу и пяток. А кои докладчик не сядет на тот день, ино взять на боярине два рубля, а на житьем рубль. А докладшиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованью. А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестнои грамоте однова.

27. А посаднику и тысятцкому и владычню наместнику и

их судьям и иным судьям, всим крест целовать да судить им в правду.

28. А земное орудье судити два месяця, а болши дву месяць не волочити. А как межник приедет с межи, ино той суд кончати посаднику в другие два месяця тому ж посаднику, а дале не волочить. А кой посадник, межника дав, а поедет прочь из города не кончав того суда, ино великим князем и Великому Ноугороду на том посаднике пятьдесят рублев, а истцю убытки подоймет; или тысетцкой поедет прочь из города не кончав суда, или владычень наместник, ино взять великим князем и Великому Ноугороду пятьдесят рублев, а истцю убытки подоймет.

29. А не кончает судья земного орудья в два месяця, ино истцю взять на него приставы у Великого Новагорода, ино ему тот суд кончати перед тыми приставы. А не укажут судьи докладшики в тую два месяця, ино итти судье с истцом к Великому Ноугороду да взяти приставы на докладшиков, а докладшиком указати судьи тое дело перед тыми приставы, а судье кончати истцю тое дело перед теми же приставы.

30. (Ил)и[7] *истци у коего судьи возмут срок и срочные за печатми, а той судья переменится, а кто будет судья на его место, ино тым истцом стать перед тыми судьями да и срочные свои положити на той срок, а тому судье судити той суд да и кончати.*

31. А один истець станет на той срок перед судьею да и срочную свою грамоту положит, а другой не станет, ино тому судье дати на него грамота да и срочная грамота к той же ему грамоте припечатать, а отсылки ему не отсылати.

32. А во чье будет место ответчик срок взял, а до тово сроку сведется ответчику смерть, ино на той срок стать самому истцю, или иного ответчика поставить в свое место; а не станет сам, или иного ответчика не поставит, ино тым его и обинить.

33. А кто кого утяжет в татьбе с поличным, или в розбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевой грамоте, ино взять судьям от суднои грамоты четыре гривны, а от безсуднои две гривны.

34. А кто на кого возмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариваться с ними месяць: а не почнет переговариватьця в тот месяць, ино взять на него приставы с веча, да имать его в городе и в селе с тыми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом.

35. А кого опослушествует послух, ино с ним уведается в две недели; а в те две недели не дастъся послух позвати, ино позвати истця; а послух истець хорониться, ино то послушество не в послушство, а другого истця тым и оправить. А кто не почнет позывать в те две недели послуха или истца, ино дать на него грамота судная по тому послушству.

36. А кому будет дело до владычня человека, или до боярьского, или до житеиского, или до купетцкого, или до ма-

настырьского, или до кончанского, или до улитцкого, в волости о татбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слово а рука дать по крестному целованью, что тот человек тать и разбоиник, или грабезжщик, или пожегщик, или душегубец, или холоп; ино в коей волости будет от владыки волостель, или поселник, ино им поставить того человека у суда; а боярину и житьему и купцю, и монастырьскому заказщику и поселнику, и кончанскому и улитцьскому, также своих людей ставить у суда; а срок взять на сто верст три недели, а ближе и дале по числу; а до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обинить.

37. А кого утяжут, а дался в грамоту, ино ему у того осподаря в волости не жить, а имет жить у того осподаря в волости, а доличят, ино тои государь те убытки подоймет; а бежит в иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю, а в иную ему волость не отсылати по крестному целованью, ни его людем; а о иных делех, ино знать истцю истца. А не скажет кто того человека у собя по крестному целованью да и руку даст, что там ему не быть, а уличат, что у него в волости, ино тои государь тому истцю убытки подоймет; а к коему государю в ыную волость прибежит, ино тому государю поставить его у суда по крестному целованью. А кто не поставит, ино взять на том заклад по Ноугородской грамоте.

38. А кто на кого взговорит на владычня человека, или на боярьского, или на житьего, или на купетцкого, или на манастырьского, или на кончанского, или на улитцкого, а будет сам креста не целовал на сей грамоте, и он сам уведается с своим истцом по своей исправе, опрочь осподаря.

39. А кто обечается к суду к коему дни, ино после обета отсылки к нему не слать; а не сядет судья того дни, ино коли судья сядет ино тогда к нему отсылка; а не видит отсылки, и почнет хорониться, ино слать к нему отсылка в двор трижды, да и биричем кликать; а не станет к суду, ино дать на него грамота обетная, а обету болши трех денег не быти.

40. А примут позовника в селе, а почнут над ним силу деять, ино дать в позовниково место грамота безсудная племеннику его или другу.

41. А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели, а дале и ближе, а то по числу.

42. А от конца или от улици и от ста и от ряду, итти ятцом двемя человеком, а иным на пособье не итти к суду на к росказу. А будет наводка от конца или от улици или ото ста или от ряду, ино великим князем и Великому Ноугороду на тых дву человекех, по Ноугородской грам...

7
В тексте перед «и» пропуск. Составители ААЭ текст не восстановили,

А. А. Зимин предложил читать «или» (См.: Памятники русского права. Вып. второй, с. 216).

КОММЕНТАРИЙ

Вводная часть

В вводной части документа говорится о принятии Новгородской Судной грамоты на вече, на Ярославовом дворе в присутствии архиепископа Великого Новгорода и Пскова, новгородских посадников, тысяцких, а также находившихся на вече бояр, *житьих* людей, купцов, *черных* людей всех пяти *концов* Новгорода.

Заклад — наказание.

Наезд — нападение.

Текст свидетельствует об усилении влияния в Новгороде великого князя Московского, так как в нем требуется сообщить (*доложа*) великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его великому князю Ивану Ивановичу всея Руси о принятии грамоты.

Манyканун — номоканон.

Вряд ли в вводной части говорится об утверждении (или подтверждении) Судной грамоты Иваном III, как полагает А. А. Зимин[8].

Власть великого князя в Новгороде была еще не настолько сильна, и республиканские порядки продолжали существовать до 1478 г.

Скорее можно согласиться с мнением Л. В. Черепнина о том, что «новгородцы, утверждавшие грамоты на вече до Яжелбицкого докончания, продолжали делать это и после 1456 г.»[9].

Вводная часть дает перечень основных слоев населения Новгорода, его важнейших должностных лиц.

8
Памятники русского права. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII-XV вв. М., 1953, с. 228.

9
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV-XV вв. Т. I. М.-Л., 1948, с. 363.

Статья 1

В статье идет речь о суде архиепископа Новгорода (владычном суде), которому были подсудны не только церковные люди, но и светские (*бояре, житьи* — средние феодалы, *молодчии* — низшие слои городского населения).

Се покончаша — постановили, решили; обычная формула вечевых грамот.

Церковные люди подлежали церковному суду по всем преступлениям в соответствии с действовавшими в Новгороде церковными уставами. Последние определяют и людей, относившихся к церковным (см. также Псковскую Судную грамоту (ст. 109): *А попы, и диаконы, и проскурница, и черньца, и черница судить наместнику владычьню*).

Пять концов — судебно-административные единицы, на которые делился Новгород (Славенский, Плотницкий, Неревский, Людин (Гончарный) и Загорский).

Статья свидетельствует не только о сохранении владычного суда, но и об огромном политическом влиянии архиепископа Великого Новгорода до конца существования в нем республики. Как считает В. Л. Янин, владычный суд в XV в. до

1478 г. не только сохраняет, но и расширяет сферу своего влияния[10]. Об этом пишет также А. С. Хорошев, рассматривая специально роль архиепископии в республиканском судопроизводстве Новгорода в XIV — XV вв.[11]. Л. В. Черепнин указывает на важность реформы 1385 г., направленной на усиление значения владычного суда в Новгороде[12]. Статья содержит указание на *манаканун*, т. е. церковное, каноническое право.

10 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2. М., 1970, с. 60; он же. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 39.

11 Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 130-131.

12 Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках, 1960, с. 692.

Статья 2

Статья содержит сведения о важном должностном лице Новгородской республики — посаднике и, в частности, о его судебных функциях. Она свидетельствует о стремлении московского правительства усилить влияние своих представителей — наместников. Если ранее в Новгороде существовало положение, при котором князь не мог судить без посадника (*А без посадника ти, княже, суда не судите*), то в XV в. возросшее влияние посадника, с одной стороны, и стремление подчинить Новгород Московскому государству — с другой, порождают новую формулу организации суда в Великом Новгороде (*А посаднику судите суд свой с наместники великого князя...*).

Исследованные В. Л. Яниным сфрагистические материалы Новгорода свидетельствуют, что до 10-х гг. XV в. решения совместного суда скреплялись княжеской печатью, а позднее — до самого конца независимости Новгорода — вечевыми печатями степенных посадника и тысяцкого, что отражает переход в совместном суде от приоритета князя к приоритету вечевых магистратов. С указанным нововведением, как полагает тот же исследователь, связано требование Василия Темного в 1456 г. и Ивана III в 1471 г.: *А печати быти князеи великих*.

Статья 3

В статье говорится о *пересуде*, т. е. о повторном рассмотрении дел в высшей судебной инстанции, коей являются наместник великого князя с *тиуном* — специальным должностным лицом новгородской администрации.

В Новгороде были тиуны княжеские и тиуны новгородские; последние в некоторых документах назывались купеческими старостами.

Здесь, вероятно, имеется в виду именно новгородский тиун, что подтверждает тем самым общий принцип, запрещавший князьям судить (и совершать *пересуд*) самостоятельно, без представителя новгородской администрации.

В. О. Ключевский полагает, что новгородские *тиуны* — уполномоченные представители посадника[13]. В. Л. Янин связывает появление новгородских тиунов с расширением юрисдикции торгового суда — суда тысяцкого[14]. Княжеские тиуны (судя по другим документам Новгорода) рассматривали

13 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. М., 1970, с. 131.

14 Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 37.

дела только совместно с представителями новгородской администрации (новгородскими приставами). Об этом, например, говорится в проекте договора короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1470—1471 гг. в ст. 3. В ст. 25 Новгородской Судной грамоты также говорится, как нам представляется, о княжеском тиуне, который мог рассматривать дела вместе с новгородскими приставами[15].

Статья 4

Статья подтверждает право тысяцкого на осуществление судебных функций. Новгородская Судная грамота не определяет сферу деятельности суда тысяцкого, подчеркивая лишь, что к ней относятся *свой* суд, т. е. дела, подсудные тысяцкому. Другие источники Новгородской республики прямо относят к юрисдикции суда тысяцкого торговые дела (см., например, ст. 2 «Рукописания» князя Всеволода Мстиславича)[16].

В статье содержится требование судить *право*, т. е. в соответствии с законом. Видимо, предполагалась специальная процедура принесения присяги *(крестное целование)* должностными лицами в том, что они будут действовать по закону — *по грамоте*.

Статья 5

Ответчик или истец, имевшие представителей в судебном процессе *(а кто кого в суду посадит, ино тот с тем и ведается)*, должны были иметь дело только с ними.

Статья, видимо, связана с судебной реформой в Новгороде 1385 г., когда новгородцы решили ввести в состав суда по два боярина и по два житьих человека от каждой стороны. Об этом говорит Никоновская летопись (год 1385): *А посаднику и тысяцкому судите свои суды, по Русскому обычаю, по целованию, а на суд пошлите двема истцом по два боярина и по два мужа житейска от каждой страны*[17].

Статья запрещает вмешиваться *(сбивати)* в суд посадника, тысяцкого, владычного наместника и их судей. В законе, вероятно, говорится о случаях, когда спорящие стороны пытались воздействовать на суд с помощью своих родичей или сторонников. Эта статья может быть сопоставлена со ст. 42 Новгородской Судной грамоты (к сожалению, не имеющей окончания) и ст. 58 Псковской Судной грамоты.

Наряду с судом посадника и тысяцкого ст. 5 впервые упоминает владычного наместника. Должность владычного наместника появляется в конце XIII в.[18]. К юрисдикции новгородского владычного наместничества относился широкий круг вопросов, в том числе имущественные споры (включая и поземельные) светских лиц. Владычные наместничества существовали также в областях, перешедших в архиепископское управление.

«Новгородское правительство, — как верно указывает

15 См.: Памятники русского права. Вып. второй, с. 248.

16 «И яз князь... поставил... управливати им (т. е. тысяцкому и купеческим старостам) всякие дела Иванская, и торговал, и гостинная, и суд торговыи...».

17 См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1871, с. 189.

18 Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 38; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 129-131.

А. С. Хорошев, — в стремлении удержать в своей орбите владение республикой... опиралось на авторитет и власть церковного князя. Тем самым происходило усиление роли новгородского владыки в системе государственного управления»[19].

Статья 6

В статье запрещается *наводить наводки*, т. е. побуждать толпу к нападению на суд либо на противную сторону. В литературе имеется и другое истолкование данного термина. По мнению А. А. Зимина, «наводить наводку» значит клеветать, дискредитировать[20]. Статья устанавливает наказания за эти действия, совершенные против посадника, или тысяцкого, или владычного наместника, а также других судей и докладчиков (должностных лиц — членов суда высшей инстанции). Размер наказания (штрафа) различен в зависимости от сословного положения виновного; потерпевшему возмещаются убытки.

В статье дан перечень всех судебных органов Новгорода: суды посадника, тысяцкого, владычного наместника, докладчиков (членов высшей судебной коллегии), низшие городские и провинциальные суды; упоминаются также судьи-сотские и рядовичи, выборные от новгородских сотен и рядов. О последних говорится также в ст. 27 договора Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем 1471 г.: *А сотцким и рядовичам безо князей великих наместника и без посадника не судите нигде*[21]. О сотских говорится еще и в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, данной жителями Двинской земли в 1397 г.[22]. Двинская земля — часть Новгородской земли, временно захваченная великим князем Московским в 1397 г. Статья устанавливает равные права великого князя и Новгорода на получение штрафов с виновных. Она интересна также тем, что в ней содержится указание на *поле*, т. е. поединок, — примитивную форму обвинительно-состязательного процесса, характерную для раннего феодализма (О *полевой грамоте* говорит также ст. 33 грамоты)[23].

19 Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе... с. 136.

20 См.: Памятники русского права. Вып. второй, с. 232 и 219.

21 Памятники русского права. Вып. второй, с. 258.

22 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 127.

23 Владимирский-Буданов М. Ф. считает, что ст. 33 говорит не о *поле* — судебном поединке, а о *полевой* грамоте, т. е. документе, принятом в результате решения спора о земле (Хрестоматия.., с. 200)

Статья 7

Статья определяет порядок ведения судебного спора о земле, запрещая при этом ее самовольные захваты.

Сторона, выигравшая судебный спор, получает в суде грамоту и право требовать возмещения убытков у противной стороны. При спорах о земле суд пошлин не получает.

Статья 8

Доклад — перенос дела в высшую судебную инстанцию в связи со сложностью дела, отсутствием или неясностью закона.

В статье говорится о размерах судебных пошлин в случае судебного разбирательства, а также при решении дел без судебного разбирательства, которое заменялось принятием *бессудной* грамоты. *Бессудная* грамота могла быть выдана стороне в связи с неявкой другой стороны на суд.

Статья 8 устанавливает пошлины по имущественным спорам. Ее можно сравнить со ст. 33 о *бессудной грамоте*;

см. также Уставную грамоту великого князя Василия Дмитриевича, данную жителям Двинской земли в 1397 г. (ст. 9)[24], и Псковскую Судную грамоту (ст. ст. 50, 82).

Статья 9

Статья устанавливает месячный срок рассмотрения дела (*орудье*) в суде. Исключение составляют тяжбы о земле — для них устанавливался срок в 2 месяца (см. ст. 28 Новгородской Судной грамоты).

24 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 132.

Статья 10

Статья определяет порядок рассмотрения земельного спора, осложненного нападением (*наездом*) и грабежом. Грамота требует вначале незамедлительного рассмотрения дела о *наезде* и грабеже, и лишь последующего решения земельного спора. Земельный спор может быть даже отложен, если в Новгороде в это время не будет требуемого состава суда («а не будет суда в Новгороде...»).

Статья устанавливает различные штрафы с виновных (*кого утяжут*) за нападения и грабежи в зависимости от их сословного положения и требует возмещения убытков истцу.

Подоймати возместить (убытки)

Наезщать — самовольно захватить.

Куна — деньги, денежные пошлины.

Судный рубль — цена иска.

Владычный посадник — то же, что и наместник.

Статья 11

Статья, являясь как бы продолжением ст. 10, дает право истцу требовать одновременного разбирательства дела о нападении (*наезде*), грабеже и земельном споре. Судья должен вынести судебное решение по всем указанным вопросам.

Статья 12

Статья дает право истцу, выигравшему дело о земле (*кто кого утяжет в земле*) и получившему *судную грамоту* (судебное решение), ехать на свою землю и осуществлять право владения ею.

Статья 13

Статья решает вопрос о порядке рассмотрения встречного иска (*а будет тому истцю до своего истца дело*). Встречный иск рассматривался лишь в пределах одного и того же (*одиного ж дела*) судебного дела (*а иных позвов* — вызовов — *на него не класти* — не делать — *в ыном деле*). Статья еще раз говорит о запрете прибегать к помощи *ноугородцов* (толпы) для оказания давления на суд. Дело должно рассматриваться *без хитрости по крестному целованью*.

Статьи 14 и 15

В статьях говорится о порядке принесения присяги перед началом процесса.

Присяга приносилась путем целования креста на Новгород-

ской Судной грамоте. Таким образом, это было не обычное крестоцелование, а присяга (обязательство) выполнять требования Новгородской Судной грамоты.

Если одна из сторон отказывалась совершить указанную процедуру, она проигрывала процесс. Статья 15 упоминает ответчика в смысле поверенного (*а от коего истца ответчик*).

Вступление князя Ярослава Всеволодовича в Новгород. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век

Статья 16

Статья определяет положение женщины в судебном процессе. Вдовы знатных (*старешеи*) и *житьих* людей могут вместо себя выставлять своего сына, который должен принести присягу за себя и за свою мать. Если же сын этого не сделает, вдова может принести присягу дома в присутствии истца и приставов (судебных должностных лиц) Новгорода.

Таким образом, вдовы знатных людей освобождались от личной явки в суд.

Старейшие жены — жены знатных людей.

Статьи 17, 18, 19

По этим статьям боярину, житьему человеку и купцу предоставляются права вести судебный спор как относительно своей земли, так и земли, принадлежащей жене. Муж, таким образом, был представителем жены в судебном процессе.

Статьи 18 и 19 определяют также и участие в процессе специального представителя — *ответчика*. Представитель (*ответчик*) стороны в процессе и свидетель (*послух*) должны были приносить присягу[25].

Статья 20

Статья закрепляет важное процессуальное требование ведения дела в высшей судебной инстанции одними и теми же судьями от начала до конца процесса (о докладчиках см. также ст. 26).

Статья 21

В статье говорится о протоколе судебного заседания. Судебные дьяки должны были записывать выступления участников процесса (*розказщиков*). Последние должны были ознакомиться с записью и в знак согласия с нею приложить свои печати. Понятие *розказщика* в науке спорно. М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что *розказщики* — это стороны и их представители[26].

А. А. Зимин полагал, что здесь речь идет о порядке доклада дела судьями низшей судебной инстанции (*розказщиками*) в высшей судебной инстанции.

Статья 22

Статья устанавливает порядок оценки свидетельских показаний. Показания одного *послуха* (свидетеля) не могут быть отвергнуты в связи с показаниями другого свидетеля. Для

25 Статья 19 говорит о принесении присяги на *учане*, т. е. на речном судне. Есть мнение, что в статье речь идет об *учине* — границе, меже. См.: Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953, с. 235. Если сравнить с Псковской Судной грамотой, то последняя требовала в случае спора о земле посылки для осмотра на место *межников* — специальных должностных лиц (см.: Псковская Судная грамота, ст. 10).

26 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 194.

Кнзь же Ѧрославъ Всеволодичь скоро же прі
иде из Переславлѧ
в Новъгород
Новогород
цы срѣти
ша его
чтно

этого требуются дополнительные доказательства. Статья указывает также на ограничение прав *одерноватого* холопа, который не мог быть свидетелем в суде, за исключением дел о холопах. Не мог быть свидетелем в суде и житель Пскова. Это специальное указание появилось, видимо, в связи с тем, что Псков был долгое время (до середины XIV в.) пригородом Новгорода, но затем отделился и стал независимым государством.

Докладчики — судьи высшей судебной инстанции.

Одерноватый холоп — полный холоп.

Статья 23

Статья определяет порядок вызова свидетеля в суд и оплаты действий различных судебных должностных лиц — *шестников, подвойских, софьянов, биричей*, в функции которых входили: привод в суд, вызов свидетелей и сторон, объявление решений.

Софьяне — лица, принадлежавшие ко двору Новгородского архиепископа, выполнявшие поручения владыки.

В статье говорится о совместном указании обеих сторон на одного и того же свидетеля: пошлины при этом платила проигравшая сторона. Суд обязывался доставить свидетеля, находившегося не далее 100 верст от места суда. Если расстояние было большим, истец или ответчик должны были обеспечить явку свидетеля сами (на это им давалось 3 недели).

Шестник, как принято считать,— представитель низшей судебной администрации. Но относительно этого слова есть и другое толкование. В. Л. Янин полагает, что под *шестником* Новгородская Судная грамота понимает пришлых людей, пришлых истцов, так как необходимость искать послуха в пределах обширной округи радиусом в сто верст могла возникнуть только у чужеродных для данной округи лиц.

Заклад —зд. деньги, взятые на поездку для вызова *послуха*.

Шестник — должностное лицо, осуществляющее вызов в суд.

Статья 24

Статья определяет процедуру отсрочки в процессе о земле. Могла быть дана лишь одна отсрочка (3 недели), причем она оформлялась специальной *срочной грамотой*, утвержденной печатью посадника.

Подвойский — должностное лицо для поручений при вече и других учреждениях.

Просить срок на управы, т. е. на получение документов, *или на шабры* — на вызов совладельцев земли.

Отсрочка могла быть взята по договору с другой стороной (*по руце ему ударити*) и с согласия суда, который выдавал *срочную грамоту* с печатью[27]. Если же сторона не оформит эту грамоту, то дело должно быть рассмотрено без отсрочки.

27 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия.., с. 195.

Статья 25

В статье рассматривается порядок суда *тиуна*. Тиун должен был рассматривать дело вместе с приставами с каждой стороны (из *добрых людей*), принесшими соответствующую присягу судить по закону (по грамоте). Требование присяги распространялось и на тиуна (ср. ст. 27 Новгородской Судной грамоты). В статье, видимо, говорится о княжеском тиуне, так как вместе с ним в суде участвуют новгородские приставы.

Одрина — помещение, изба.

Статья 26

Статья определяет порядок суда высшей инстанции. На суде присутствовали по одному боярину и *житьему* с каждого *конца* Новгорода, судьи первой судебной инстанции и приставы. Суд происходил во владычной комнате три раза в неделю. Члены суда (*докладчики*), не явившиеся на заседание, наказывались специальным штрафом. Статья запрещает брать взятки (*посулы*) и решать дела по дружбе (*не дружить никоею хитростью*). Видимо, приносилась специальная присяга в том, что ни то, ни другое не имело места (*А докладшиком от доклада посула не взять, а доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованью; А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестнои грамоте...*).

Статья 27

Статья определяет общий порядок принесения присяги посадником, тысяцким, владычным наместником, их судьями и всеми другими судьями.

Изветник — должностное лицо для поручений при суде.

Статья 28

Статья устанавливает два месяца для рассмотрения земельных споров (*земное орудье*), тогда как для рассмотрения других дел (ст. 9) устанавливался срок в один месяц.

Статья регламентирует также порядок рассмотрения дела о земле одним составом суда. Подобное требование содержится и в ст. 6 Псковской Судной грамоты. Новгородская грамота определяет наказание (штраф) и возмещение убытков истцу в случае, если посадник, или тысяцкий, или владычный наместник не закончат дело (*а поедет прочь из города не кончав суда*). Так же как и по другим статьям, штраф шел в пользу великого князя и Новгорода.

Статья 29

Статья повторяет требование о двухмесячном сроке рассмотрения спора о земле и в случае нарушения указанного срока предусматривает привлечение к рассмотрению дела представителей высшей судебной инстанции (*докладшиков*). Как представляется, содержание статьи свидетельствует о контроле суда владыки за поземельными сделками[28].

[28] См. об этом: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 207; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 136.

Статьи 30, 31, 32

Статьями регламентируется порядок рассмотрения судебных дел в случае, если одна из сторон получила специальную *срочную грамоту*, дающую право на отсрочку. Дело должно было рассматриваться в соответствии с указанным в грамоте сроком даже в случае, если произошла замена судьи. Таким образом, замена судьи была возможна до начала рассмотрения дела по существу.

Неявка одной из сторон в суд не служила основанием для

откладывания дела: суд решал дело в пользу явившейся стороны. Если отсрочка была оформлена представителем стороны (*ответчиком*), а тот умер, то сторона должна была в срок, указанный в *срочной грамоте*, либо явиться сама, либо выставить нового представителя. Указанные статьи подтверждают возможность получения лишь одной отсрочки.

Статья 33

Поголовщина — убийство.

Полевая грамота — грамота по делам, решенным путем поединка (поля).

Статья определяет размер судебных пошлин в случаях рассмотрения дел о воровстве, разбое, грабеже, убийстве, холопстве, о поле, поединке (*полевой грамоте*). Уголовные дела и споры о холопах и тяжких уголовных преступлениях объединяются в статье в одну группу дел. Устанавливаются разные по размеру пошлины: в зависимости от того, разрешалось ли дело в порядке судебного разбирательства (*судная грамота*) или без такового (*безсудная грамота*).

Статья 34

Статья определяет один месяц для уплаты судебных пошлин и исполнения судебного решения (*а кто на кого возьмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца*). Если за этот срок пошлины не будут выплачены, виновный принуждается к уплате приставами новгородского вече. При попытке уклониться от платежа (*а почнет хорониться от приставов*) наказание устанавливается *всим Великим Новымгородом.*

Статья 35

Статья назначает двухнедельный срок для вызова свидетеля (*послуха*) в суд. Если свидетель не является (*хоронится*), то грамота разрешает вызвать ту сторону, которая назвала этого свидетеля, и решить дело в пользу другой стороны. Если сторона, начавшая дело, не вызывает в течение двух недель свидетеля или другую сторону, то дело решается в пользу последней.

Статья 36

Монастырский заказщик — управитель, распорядитель.

Поселник — сельский приказчик.

Рука дать — поручиться.

В статье говорится о процедуре привлечения к ответственности за наиболее тяжкие преступления, совершенные в новгородских волостях (воровство, разбой, грабеж, поджог, убийство), и перечисляются субъекты таких преступлений. Грамота требует принесения истцом специальной присяги в подтверждение того, что обвиняемый действительно является преступником. После этого дело рассматривается представителями владычного суда (*будет от владыки волостель или посельник, ино им поставить того человека у суда*).

Для доставки в суд преступника устанавливается срок — *на сто верст три недели.*

Грамота запрещает произвол, расправу (*а до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обвинить*).

Аналогичная процедура устанавливалась и по делам о холопах.

Статья свидетельствует о широкой юрисдикции владычного суда в Новгороде.

Статья интересна также тем, что требует доставки в суд преступника официальными должностными лицами (*ино в коей волости будет от владыки волостель, или поселник, ино им поставить того человека у суда*). Если же это человек боярина, или житьего, или купца, или монастырского заказщика (т. е. управителя), то обязанность доставки возлагается на них. То же требование обращено и к выборным лицам: *поселнику, кончанскому* и *улитцьскому* старостам.

Статья 37

В статье рассматривается случай, когда лицо, виновность которого установлена судом (*кого утяжут*), поступит в холопство (*дался в грамоту*) к какому-нибудь господину. Убытки при этом платит господин. За попытку скрыть, спрятать преступника установлен штраф (*заклад*).

Статья 38

Статья является как бы дополнением ст. 36. Последняя требует принесения истцом присяги на грамоте и только после этого разрешает начать дело о привлечении к ответственности владычного человека, или боярского, житьего, купеческого, монастырского, людей, или жителя новгородского конца или улицы. В статье 38 рассматривается случай, когда требование принесения присяги не выполнено. В этом случае истец сам должен урегулировать свои отношения с ответчиком, без помощи господина последнего (*уведается с своим истцом по своей исправе, опрочь осподаря*). Но возможно и другое толкование — без помощи *осподаря* Великого Новгорода, т. е. без новгородского суда.

Статья 39

Статья определяет порядок вызова в суд лица, обязавшегося (*обечается*) явиться в суд в определенный срок. В этом случае вызов (*отсылка*) не посылался. Если установленный срок будет нарушен судьей, то суд сам должен вызвать неявившегося специальным документом — отсылкой. Вызов посылается трижды, затем за указанным лицом посылается бирич. Если вызываемый в суд не явится, он считается проигравшим дело. Статьей устанавливается пошлина за составление решения.

Статья 40

В статье предусмотрены последствия в случае применения насилия к *позовнику* (в данной статье термин означает, видимо, сторону, истца, который предпринимал меры по вызову в суд противной стороны). Дело решалось без судебного раз-

бирательства; принималась *безсудная грамота*, которая могла быть вручена родственнику (*племеннику*) или другу *позовника*.

Статья 41

Статьей определены сроки вызова в суд либо *позовкою*, либо должностным лицом — *дворянином*. При расстоянии в сто верст устанавливался срок две недели.

Позовка — повестка, документ о вызове в суд.

Дворянин — должностное лицо, вызывавшее в суд от имени князя.

Статья 42

Статья не имеет окончания — часть грамоты повреждена. В сохранившейся части статьи говорится о составе суда, что является как бы дополнением ст. 5. В суде могли участвовать по два человека от *конца*, улицы, от *ста* (купеческой корпорации) или *ряда* (предположительно, это также объединение по договору, корпорация). Далее, видимо, предусматривалась процедура, связанная с возможным нападением толпы на суд (*А будет наводка от конца или от улици, или ото ста или от ряду...*), тогда (конец статьи, как уже указывалось, оторван), по смыслу статьи, на представителей (*ятцов*) налагался штраф.

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА

Введение

1.

Псковская Судная грамота — крупнейший памятник феодального права эпохи феодальной раздробленности на Руси.

Специфика периода феодальной раздробленности — временное ослабление политического единства русских земель, своего рода феодальный полицентризм. Однако и в это время сохраняется культурное и идеологическое единство — залог будущей национальной консолидации в рамках Русского централизованного государства, продолжается развитие феодальных отношений во всех областях экономики и общественной жизни, развиваются русская культура, государственность, право.

Татаро-монгольское нашествие и установление политической зависимости Русской земли от Золотой Орды в середине XIII в. хотя и привело к огромным человеческим, материальным и духовным потерям и замедлило на какое-то время процесс общественного развития, не могло все же изменить его характер и основное содержание. В самые тяжелые для Русской земли времена сохранялось известное единство в политической и культурной сфере, продолжалось (хотя и замедленными темпами) прогрессивное общественно-экономическое развитие.

Памятником такого развития в области феодального права и является Псковская Судная грамота. Некоторые ее нормы находят широкое распространение много веков спустя после ее принятия в самых разных районах Руси. Поэтому Псковскую Судную грамоту нельзя рассматривать только как сборник местного, псковского права. Однако коренные общерусские процессы развития феодальных отношений отражены в грамоте через призму городского строя, характерного для феодальных вечевых республик в отличие от политического устройства других русских земель.

Основной особенностью общественного строя феодальных республик XII — XV вв. является сосредоточение политической власти в руках боярства — верхушки крупных феодалов-землевладельцев местного (городского) происхождения. Если во главе класса феодалов в княжествах Северо-Восточной и Юго-Западной Руси стоит князь и принадлежность к правящей группировке обусловливается здесь той или иной степенью близости к князю, то в феодальной республике участие в управлении государством определяется принадлежностью к правящей боярской группировке.

Высшим органом власти такой республики является вече — собрание всех ее полноправных граждан. Вечевое собрание генетически связано с дофеодальным периодом, когда на нем

были представлены все свободные члены данной общины. В раннефеодальный период вече противостоит власти князя и его аппарата, отстаивая политические и экономические интересы свободного населения. По мере развития феодальных отношений, приводящих к росту социального и экономического неравенства внутри городской общины, роль и характер вечевых собраний меняются.

В Северо-Восточной и Юго-Западной Руси с XII в. реальная и номинальная власть все в большей степени сосредоточивается в руках князя и приближенных ему феодалов. Князь выступает в качестве главы политической власти и верховного распорядителя земель своего княжества. Он наделяет светских и духовных феодалов землей с зависимым населением, обеспечивая себе тем самым социальную и политическую опору. Все жители города и деревни, не попавшие в непосредственную зависимость от светских и духовных феодалов (*черные* люди), рассматриваются как подданные князя — главы феодального государства. Князь выступает в качестве верховного законодателя, судьи и управителя; свободное население выплачивает ему налоги, судебные штрафы и пр. и несет всякого рода повинности. Этими доходами князь частично делится с другими представителями класса феодалов.

Другой путь развития лучше всего прослеживается на примере Великого Новгорода — старейшей и крупнейшей феодальной республики. Городская община Новгорода сумела отстоять свою относительную независимость от княжеской власти. В дальнейшем она сильно ограничила власть князя и фактически отстранила его от осуществления важнейших политических функций. Новгородское боярство сумело сохранить за собой непосредственное управление огромным земельным фондом Новгорода, которым оно распоряжалось без всякого участия княжеской власти. Возглавляя местную городскую общину, новгородское боярство руководит вечевыми собраниями, обеспечивает за своими представителями важнейшие выборные должности посадников, тысяцких, сотских и через них держит в своих руках фактически всю политическую власть на громадной территории Новгородской земли. Необходимо подчеркнуть, что новгородские бояре, в отличие от бояр Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, отнюдь не связаны с князем какими-либо служебными или вассальными отношениями. Они являются исконными членами городской общины и именно через эту общину, через ее вечевые собрания, через ее должностных (формально — выборных) лиц осуществляют свою политическую власть. По мере роста феодального землевладения, по мере развития процессов социально-экономической дифференциации растет экономическое могущество и политическая власть боярства, развиваются противоречия между ним и массой мелких землевладельцев и ремесленников (*черных* людей), приводящие к острым классовым столкновениям на вече и вне его. К XV в. новгородское вече, формально сохраняя свое зна-

чение, превращается на деле в орган власти боярской олигархии.

Итак, существование феодальной республики обусловлено развитием крупного феодального землевладения и сосредоточением политической власти в руках боярской олигархии, возглавляющей местную городскую общину.

Власть городской общины во главе с боярством вела к полному политическому бесправию основной массы сельского населения (смердов), лишенного представительства на вече. Сохраняя свое внутреннее общинное самоуправление, смерды несли все повинности в пользу города. Земли смердьих общин являлись источником роста феодального землевладения — вечевые власти раздавали эти земли светским и духовным феодалам.

Перед нами — особый вариант социально-политического развития феодальных отношений. Для него характерны два основных момента: привилегированное положение городской общины и отсутствие развитой системы феодальной бюрократии. Феодальной республике свойственны два типа противоречий. Во-первых, это противоречия между господствующей городской общиной и подвластными ей смердами. В условиях развития феодальных отношений эти противоречия принимают характер классовой борьбы крестьян против феодалов (к числу наиболее ярких вспышек классовой борьбы смердов относится их движение 1483—1486 гг. на Псковской земле). Во-вторых, это противоречия внутри самой городской общины. Они отражают нарастающее социальное неравенство, раскалывающее горожан на привилегированных феодалов и малоимущих или неимущих *черных* людей (история Новгорода и Пскова насыщена эпизодами выступлений *черных* людей, что в ряде случаев использовалось противоборствующими боярскими партиями в политических целях).

Развитие феодального Пскова идет в XII — XV вв. именно по такому пути. Первоначально псковская городская община подчинялась новгородской — псковские посадники назначались «старшим городом». Однако уже в первой половине XII в. Псков проявляет признаки самостоятельности. В 1136 г. псковичи приняли князем Всеволода Мстиславича, изгнанного перед этим из Новгорода. Псковский летописец расценил это событие как отделение Пскова от Новгорода: *Приидоша псковичи и пояша Всеволода княжити к себе, а новгородци отложишася*[29]. В дальнейшем союз Новгорода с Псковом сохраняется, и Новгород по-прежнему выступает в роли «старшего брата», но во второй половине XII в. Псков добивается фактической независимости. К этому же времени относятся первые известия о псковских боярах (*вящих мужах*), возглавлявших политическую жизнь феодального Пскова[30]. Косвенным свидетельством политической роли псковского боярства является изгнание из Пскова князя Владимира в 1213 г.[31].

Развиваясь в основном по тому же пути, что и Великий

29 Псковские летописи. Вып. I. М.-Л., 1941, с. 10.

30 ПСРЛ, т. I, стб. 305; Новгородская Первая летопись, с. 35; ПСРЛ, т. II, стб. 608 и др.

31 Новгородская Первая летопись, с. 52.

Новгород, Псковская феодальная республика имела некоторые особенности. Во-первых, Псков не располагал такими огромными территориями, как Новгород, и возможности развития крупного феодального землевладения были здесь более ограниченными. Поэтому, хотя псковское боярство держало в своих руках политическую власть на вече, монополизировав важнейшую должность посадника, однако оно все же не могло добиться такого политического и экономического могущества, какого достигла феодальная олигархия, и вынуждено было в гораздо большей степени считаться с рядовыми членами городской общины.

Во-вторых, местоположение Пскова на самом рубеже Русской земли делало его объектом почти непрерывных нападений немецких и литовских феодалов. Это заставляло Псков обращаться за военной помощью к Новгороду и великому князю. Помощи со стороны Новгорода часто бывало недостаточно, а главное, она могла привести к усилению зависимости от новгородского боярства, все время стремившегося расширить сферу своей политической власти и влияния. Отсюда — тенденция вечевых властей Пскова к непосредственному контакту с великим князем — номинальным главой Русской земли. В союзе с великим князем Псков искал защиту не только от внешних врагов — Ордена и Литвы — но и от притязаний своего «старшего брата». Поэтому сепаратистские настроения у псковского боярства были развиты гораздо слабее, чем у новгородского. В большинстве случаев Псков выступал за сохранение единства русских земель. Тяга Пскова к союзу с великим князем увеличивается в XIV — XV вв. по мере усиления московской великокняжеской власти, обострения московско-новгородского конфликта и роста внешней опасности со стороны Ордена и Литвы.

Псковская Судная грамота отражает основные особенности феодальной государственности и права Псковской земли XIV — XV вв. При чтении текста грамоты обращает на себя внимание отсутствие многих норм, известных Русской Правде. Так, грамота не содержит развернутых разделов о наказаниях за убийство и другие преступления. В ней нет статей об охране феодальной собственности, нет статей о смердах, закупах и холопах. Отсутствие этих статей объясняется, по-видимому, именно тем, что соответствующие правовые нормы были хорошо разработаны в Русской Правде и имели общерусское значение. В XIV — XV вв. эти нормы Правды продолжали действовать, почему и не попали в местный псковский кодекс законов. Внимание составителей грамоты приковано главным образом к тем вопросам, которые не были затронуты в Правде, а также к тем, трактовка которых устарела или не отвечала условиям псковской действительности XIV — XV вв.

Если в центре внимания Правды — феодальная вотчина, противостоящая окружающему ее миру крестьянских общин, то Псковская Судная грамота имеет дело прежде всего с миром городской общины, а действующими лицами в ней явля-

ются члены этой общины, формально равноправные, но подвергающиеся нарастающему социально-экономическому расслоению. Такую среду мы видим в феодальном законодательстве впервые, и в этом — большое значение грамоты как источника не только по истории русского права, но и по истории общественно-экономических отношений средневековой Руси. Грамота сосредоточивает свое внимание на процессах классообразования, порождающих новые социальные типы члена древнерусского общества.

К этим новым типам, не известным из более ранних источников, относятся *наймит* и *изорник*. Наймит по Псковской Судной грамоте — это свободный человек, пользующийся гражданскими и политическими правами как член городской общины, но находящийся в экономической зависимости от *государя* — более состоятельного члена той же общины. Закон до известной степени охраняет права наймита, но из контекста выясняется возможность долголетнего наймитства, которое хотя и не приводит к потере гражданских прав, но тем не менее свидетельствует о глубоко зашедшем процессе социальной и имущественной дифференциации — о появлении людей, фактически не имеющих возможности себя прокормить и жить иначе, как во *дворе у государя*[32].

Еще более интересной фигурой, свидетельствующей о нарастании процесса феодального классообразования, является *изорник*, которому посвящены многие статьи грамоты (что само по себе говорит о значении этой фигуры в жизни Пскова)[33]. *Изорник*, — как и близкие к нему *огородник* и *котечник*, — свободный человек, работающий в сельском хозяйстве своего *государя*. По сравнению с *закупом* Русской Правды и с зависимыми крестьянами в феодальной вотчине XV — XVI вв. *изорник* пользуется гораздо бо́льшими гражданскими правами. Он может в установленное законом время уйти от *государя*, взяв *отрок*, может в известных случаях возбудить иск против *государя* о своем движимом имуществе (конь, корова). *Государь* не может самовольно и бесконтрольно распоряжаться личностью и имуществом *изорника* — спорные вопросы между ним и *изорником* решает суд.

В то же время изорник живет на земле *государя*, отдает ему часть урожая, выполняет другие повинности. Средством закабаления *изорника* является *покрута* — ссуда, даваемая ему *государем*. Запись *изорника* в *покруте* служит для *государя* важным средством установления зависимости *изорника* и членов его семьи: по требованию *государя* покрута должна быть выплачена при любых обстоятельствах, в противном случае с *изорником* поступают так, как с неисправным должником. По существу, изорник занимает промежуточное место между свободным человеком и зависимым крестьянином. Развитие изорничества свидетельствует об усилении социального и имущественного неравенства в среде свободных членов общины, что служит доказательством развития феодальных отношений.

32 Псковская Судная грамота, ст. ст. 39-41.

33 Там же, ст. ст. 42-44, 51, 63, 75, 76, 84-87, 93.

Социальным потомком изорника является половник, хорошо известный на русском Севере в XVII—XVIII вв.

Характерная черта Псковской Судной грамоты — предпочтение, которое она отдает письменному акту перед всеми другими видами судебных доказательств. В этом предпочтении заключен глубокий классовый смысл: обладателем такого письменного акта по большей части является феодал или, во всяком случае, представитель зажиточной части общества. В то же время для отдельных случаев сохраняются и старые формы доказательств, например показания свидетелей. Именно при помощи таких показаний решается спор о земле, если только это не *лешая земля*, на которую требуется особая грамота.

Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой отражает новый этап развития русского феодализма — в этом ее ценность как исторического и историко-правового источника.

Псковская Судная грамота сохранилась в двух списках — Воронцовском (в составе ст. ст. 1—120 по принятому в настоящее время делению)[34] и Синодальном (в составе ст. ст. 109—120 по этому же делению)[35]. В публикации Археографической комиссии 1914 г. оба списка воспроизведены способом фототипии и дана их наиболее полная транскрипция[36]. Второе фототипическое издание Воронцовского списка выполнено И. И. Полосиным[37]. Оба списка были неоднократно описаны в литературе. По мнению исследователей, Синодальный список выполнен в середине XVI в.[38] (М. Н. Тихомиров), Воронцовский — в конце XVI — начале XVII в.[39] (В. П. Любимов). И. И. Полосин относил этот список к первой половине XVI в.

Вопрос о соотношении списков грамоты подвергался специальному изучению. В предисловии к изданию Археографической комиссии было высказано мнение, что оба списка независимы друг от друга. И. И. Полосин нашел, что последние двенадцать статей Воронцовского списка или его протографа списаны с Синодального списка или его протографа[40]. Ю. Г. Алексеев, напротив, пришел к выводу, что не только сам Воронцовский список не связан с Синодальным, но не связаны между собой и их непосредственные протографы[41]. Тем большее значение приобретает факт текстуальной близости списков: ст. ст. 109—120 (по нынешней нумерации) воспроизводятся в обоих списках почти без разночтений. Это говорит о большой стойкости текста памятника и косвенно свидетельствует о его официальном характере и происхождении.

Все издания грамоты делят ее текст на 120 статей (в некоторых изданиях введены статьи 42-а, 75-а, 103-а). В основу этого деления положен принцип вычленения более или менее логически законченных грамматических конструкций. К одной статье отнесено либо одно законченное по мысли предложение, либо несколько предложений, логически и грамматически связанных между собой. При этом издатели определяют начало

34 БАН. 34.2.31. лл. 56-72 об.

35 ГИМ. Синодальное собрание. № 645. лл. 3-4.

36 Псковская Судная грамота. Спб., 1914.

37 Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий проф. Полосина И. И. — Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1952. т. XV. кафедра истории СССР. вып. 3.

38 Тихомиров М. Н. Летописные памятники Синодального собрания.— Исторические записки. Т. 13. М., 1942. с. 272-275.

39 Правда Русская. Т. 1. М.-Л., 1940. с. 368-369.

40 Псковская Судная грамота. Изд. МГПИ. с. 110.

41 Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты.— Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л., 1978. с. 77.

и конец статьи, исходя не из палеографических особенностей списков, а из чисто логических соображений. Таким образом, деление грамоты на статьи носит в значительной степени условный характер, оно отражает в первую очередь логическое осмысление памятника его издателями и исследователями, а не подлинную структуру его текста.

Ю. Г. Алексеев предпринял попытку разделить статьи памятника по палеографическим признакам, положив в основу систему прописных букв в тексте Воронцовского списка. В ряде случаев статья списка, выделенная прописной буквой, оказалась в изданиях разделенной на несколько самостоятельных статей. Так, ст. ст. 1 и 2 изданий соответствуют первой статье рукописи, ст. ст. 3 и 4 — второй, ст. ст. 7 и 8 — пятой, ст. ст. 9, 10 и 11 — шестой и т. д. Шестнадцатая статья списка оказалась в изданиях разделенной на пять самостоятельных статей — ст. ст. 20—24. Всего, по наблюдениям Ю. Г. Алексеева, четырнадцать статей рукописи оказались в изданиях раздробленными на 32 статьи. С другой стороны, в некоторых случаях в изданиях статьи рукописи слиты. Так, ст. 14 объединяет статьи девятую, десятую и одиннадцатую, ст. 30 — двадцать первую и двадцать вторую, ст. 42 — тридцать вторую и тридцать третью. В общей сложности 12 статей изданий объединили текст двадцати восьми статей рукописи. Деление по палеографическим признакам тоже не является бесспорным, учитывая позднее происхождение существующих списков грамоты и не всегда четкое выделение прописных букв. Однако оно не может игнорироваться ни издателями, ни исследователями грамоты: в ряде случаев оно помогает осмыслению текста памятника и доносит до нас особенности юридического мышления средневекового кодификатора[42].

2.

Псковская Судная грамота была впервые введена в научный оборот Н. М. Карамзиным, опубликовавшим ее последние 12 статей (по принятому в настоящее время делению) по Синодальному списку. Воронцовский список был обнаружен Н. Н. Мурзакевичем в архиве М. С. Воронцова и опубликован им в 1847 г. с кратким введением и комментарием[43]. С этого времени начинается научное изучение Псковской Судной грамоты как памятника русского права.

Первыми исследованиями, специально посвященными грамоте, явились работы И. Е. Энгельмана и Ф. Н. Устрялова, вышедшие в 1855 г. И. Е. Энгельман поставил задачу систематического изучения норм гражданского права грамоты[44]. Ф. Н. Устрялов дал общий очерк содержания грамоты с историко-юридической точки зрения[45].

В дальнейшем в работах историков-юристов второй половины XIX — начала XX в. грамота изучалась главным образом как историко-юридический документ. Хотя специальных монографических исследований о ней в этот период не было опуб-

42 Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 101-103.

43 Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Одесса, 1847.

44 Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. Спб., 1855.

45 Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. Спб., 1855.

ликовано, Псковская Судная грамота заняла видное место в трудах И. Д. Беляева, Н. Л. Дювернуа, М. Ф. Владимирского-Буданова, П. Н. Мрочек-Дроздовского, А. И. Никитского, В. И. Сергеевича, М. А. Дьяконова и других представителей русской буржуазной историко-юридической науки[46]. Грамота издается, комментируется и многократно переиздается в составе «Хрестоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова. Выходят и другие издания памятника.

Начиная с И. Е. Энгельмана исследователи пытаются установить связь грамоты с Русской Правдой и другими памятниками XII — XV вв. Необходимо, однако, отметить, что догматическая по своему характеру буржуазная историко-юридическая мысль не смогла в полной мере проникнуть в диалектическую сущность истории права, отражающего в конечном счете процесс развития социально-экономических отношений. Буржуазные историки-юристы не смогли понять классовую природу феодального законодательства. Развитие права они по сути дела не связывали с развитием исторического процесса в целом.

Новый и наиболее плодотворный этап изучения грамоты начинается в советское время. Советские историки стремятся к комплексному изучению памятника как исторического источника, исследуя его происхождение и содержание с позиций исторического материализма. При этом особое внимание уделяется характеристике социально-экономических явлений, отраженных в грамоте. В работах М. К. Рожковой, Б. Б. Кафенгауза, Л. В. Черепнина, И. И. Полосина[47] ставятся вопросы истории текста и структуры памятника, делаются попытки определить его последовательные редакции. И. И. Полосин[48] и А. А. Зимин[49] предпринимают издания грамоты с постатейным комментарием. И. Д. Мартысевич посвящает грамоте специальное историко-юридическое исследование[50]. Вопросы уголовного права грамоты изучены М. М. Исаевым[51]. В работе Ю. Г. Алексеева сделана попытка монографического изучения грамоты как источника по истории феодальных отношений XIV — XV вв.[52].

В современной историографии Псковской Судной грамоты можно выделить несколько основных проблем. Одной из них является проблема датировки дошедшего до нас текста.

Непосредственные указания на время составления грамоты, а также на ее источники содержатся в заголовке памятника по Воронцовскому списку. Однако можно без преувеличения сказать, что заголовок грамоты принадлежит к числу ее самых загадочных мест. Основное противоречие в тексте заголовка — противоречие между ясным и точным указанием на пять соборов, существующих в Пскове, и таким же ясным и точным указанием на дату составления грамоты. Согласно первому указанию, грамота могла возникнуть не раньше 1462 г. (когда был создан пятый псковский собор), согласно второму — она *списана* в 1397 г. (6905). Противоречия заголовка по существу своему неразрешимы. Какое из указаний заголовка пра-

46
Беляев И. Крестьяне на Руси. М., 1861; он же. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867; Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней Руси. М., 1869; Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права (разные издания); Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов.— Юридический вестник Московского юридического общества, 1884, май — июнь; Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. Спб., 1873; Сергеевич В. Древности русского права (разные издания); Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (разные издания).

47
Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Л.-М., 1927; Кафенгауз Б. Б. Псковские

вильнее и почему в нем возникли такие противоречия, об этом в настоящее время сказать трудно.

Наиболее простым и естественным казалось с самого начала предположение об описке писца, пропустившего в написании года SЦОЕ (6975=1467) предпоследнюю букву. Тогда все становится очень понятным: грамота утверждена на вече в 1467 г., когда существовали уже все пять соборов. По этому пути пошел первый издатель грамоты Н. Н. Мурзакевич, а за ним — большинство дореволюционных исследователей. Из советских историков такой точки зрения придерживалась М. К. Рожкова.

Однако предположение об ошибке писца далеко не всем казалось убедительным. Ряд дореволюционных исследователей (Н. В. Калачов, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов) и большинство советских историков отвергают такое объяснение как искусственное и произвольное. Они считают дату 1397 г. реальной и отражающей один из этапов создания грамоты. Упоминание же пяти соборов эти исследователи рассматривают как указание на время окончательного редактирования дошедшего до нас текста. В настоящее время наиболее вероятным представляется мнение И. Д. Мартысевича о том, что последняя переработка псковского законодательства была произведена между 1462 и 1471 г., т. е. в период существования в Пскове пяти соборов.

К числу нерешенных относится и вопрос об источниках Псковской Судной грамоты. Заголовок называет три из них: Александрову грамоту, Константинову грамоту и псковские пошлины (т. е. местные обычаи). Спорным является вопрос о личности того великого князя Александра, которому заголовок приписывает составление соответствующей грамоты. Большинство дореволюционных исследователей начиная с Н. Н. Мурзакевича, а из советских ученых — М. К. Рожкова, И. Д. Мартысевич и А. А. Зимин, принимают упомянутого Александра за тверского князя Александра Михайловича, занимавшего псковский стол с 1327 по 1337 г. (с перерывом в полтора года). Н. В. Калачов, И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич, Б. Б. Кафенгауз, Л. В. Черепнин считают автором Александровской грамоты Александра Невского. По нашему мнению последнее предположение является более вероятным.

Весьма важным и не до конца ясным является вопрос о редакциях грамоты, т. е. о последовательных этапах составления дошедшего до нас текста. С этим связан и вопрос о структуре текста грамоты.

В дореволюционной историографии преобладало мнение, что памятник образовался путем постепенной приписки новых статей к старым и что существующий порядок статей отражает историю составления текста грамоты. Наиболее последовательно эта мысль проведена в исследованиях И. Е. Энгельмана и П. Н. Мрочек-Дроздовского. Однако еще Н. Н. Мурзакевич высказал мысль (развитую впоследствии П. Е. Михайло-

«изорники». Ученые записки МГПИ им. К. Либкнехта. Т. 4. Серия историческая, вып. II. М., 1939; он же. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты.— Историч. записки, т. 18. М., 1948; Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий.— Исторические записки, т. 6. М., 1940; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. п. I. М.-Л., 1948.

48 Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий проф. И. И. Полосина.— Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV.

49 Псковская Судная грамота. Перевод, историко-правовой обзор и текстологический комментарий Зимина А. А.— Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953.

вым)[53] о возможности перемещения листов грамоты при ее переписке: после ст. 76 (по наиболее распространенному делению) первоначально следовали ст. ст. 84—87.

Вопрос о редакциях и составных частях грамоты по-новому поставлен в советской историографии. М. К. Рожкова считает древнейшими последние двенадцать статей памятника. Весь остальной текст грамоты она делит на две части (ст. ст. 1—57 и ст. ст. 58—107), выделив ст. ст. 77—83 как вставку более позднего происхождения.

По мнению Л. В. Черепнина, «Правда» Александра Невского (ст. ст. 1, 109—120), Судебный Устав князя Александра Михайловича (ст. ст. 7—13, 20—27, 34—37, 46—50), торговый устав (ст. ст. 14—19, 28—33, 38—41, 45), а также ст. ст. 21 и 36 составили первую редакцию грамоты (1397 г.). Ко второй редакции (1417 г.) Л. В. Черепнин отнес ст. ст. 53—71, 101—107. Третья редакция (1435—1440 гг.) включала ст. ст. 72—74, 88—92, 94—100. Статьи 3—5 и 77—83 — результат переработки старого текста, сделанной в 1480-х гг.; ст. ст. 42—44, 51, 63, 75, 84—87 — отрывки какого-то цельного устава, к которому, по мнению Л. В. Черепнина, относились и статьи о смердах, изъятые в 1480-х гг.

Б. Б. Кафенгауз считает теперешний порядок статей результатом ряда позднейших редакций грамоты, а также ошибок переписчиков, имевших дело с весьма ветхим оригиналом. Решив добиться восстановления первоначального порядка статей, он предпринял полную реконструкцию существующего текста, исходя из логических и палеографических соображений. Согласно этой реконструкции, статьи грамоты располагаются в следующем порядке: 1—5, 77—83, 64—71, 6—19, 28—33, 45—50, 20—27, 34—44, 51—63, 72—76, 84—108, 109—120.

В противоположность этому И. И. Полосин поставил задачей «не переставлять с места на место... отдельные статьи, не ломать памятника», а рассматривать грамоту как юридический сборник, построенный в принципе в прямом хронологическом порядке, хотя этот порядок зачастую нарушается «вставками» и «выписками», по которым и можно судить о последовательных редакциях памятника. По таким признакам И. И. Полосин выделил двенадцать редакций, датируя некоторые из них с точностью до одного года.

По нашему мнению, первой редакцией грамоты был Свод 1397 г., в который вошли выписки из грамоты Александра Невского и приписки псковских пошлин. Этот Свод в дальнейшем подвергался переделкам путем включения новых статей, исключения старых и систематизации текста, ввиду чего реконструкция первоначального содержания Свода едва ли возможна. Трудно также сказать, сколько раз редактировался Свод 1397 г.: содержание грамоты и другие источники не дают убедительного ответа на этот вопрос. Можно только предполагать, что одна из редакций (условно — вторая) была связана с включением в закон выписок из грамоты князя Константина, княжившего в Пскове дважды — в 1407 и 1414 г. Эта редак-

50 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951.

51 Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII-XV вв. 1-6 июля 1946. М., 1948.

52 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л., 1980.

53 Михайлов П. Е. Новые данные для комментария Псковской Судной грамоты.— Известия ОРЯС Академии наук, т. XVIII, кн. 2, 1913.

ция может быть датирована по ст. 107 — единственной, время записи которой можно установить довольно точно: в ней идет речь о *пенязях* — денежной единице, существовавшей в Пскове (по летописным данным) с 1409 по 1424 г. Можно думать, что после 1424 г. полного редактирования Свода не пред принималось: ст. 107 осталась со старым денежным счетом.

Дошедший до нас памятник можно условно назвать третьей редакцией грамоты. Она включила второй свод по ст. 108 с дополнениями, сделанными позже и еще не успевшими подвергнуться редакторской переработке и систематизированию[54].

54 Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты.— Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. с. 66-67.

К числу источников грамоты (кроме грамот Александра и Константина, конкретное содержание которых установить трудно) относятся записи действовавших в Пскове обычаев. Надо полагать, что подавляющее большинство статей грамоты относится именно к этому основному источнику. Составители грамоты проявили знакомство и с другими памятниками права.

Не говоря о Русской Правде, представляющей основу средневекового русского феодального права, им, вероятно, были известны распространенные на Руси юридические сборники — Кормчая Книга и Мерило Праведное. Знали они, по-видимому, и византийскую Эклогу, причем не в том переводе, в котором она имела хождение на Руси в составе Мерила Праведного (об этом можно судить по ст. 8 грамоты, близкой к греческому, а не к древнерусскому тексту). Используя известные им памятники права, составители грамоты не слепо копируют их нормы, а перерабатывают в соответствии с реальными условиями Псковской земли и с содержанием псковской пошлины.

Несмотря на отдельные неувязки, отражающие длительную и сложную историю памятника, грамота в целом представляет собой лишенный логических противоречий цельный свод средневекового русского феодального права, свидетельствующий о внимательной и квалифицированной редакторской работе и о достаточно высоком уровне юридического мышления ее составителей.

Текст

Ся[55] грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковъских пошлин по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божиа священьства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е.

1. Се суд княжей, ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или вь яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70

гривен, а княжая продажа 19 денег, да 4 денги князю и посаднику.

2. И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите.

3. А которому посаднику сести на посадниство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мстится ни на кого ж, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду на вечи.

4. А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в правду по крестному целованью. А не въсудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику.

5. А которому княжому человеку ехат на приго(ро)д наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судит прямо по крестному целованью, а коли ему ехати на которое...[56] *.*

6. А которой посадник слезет степени своей, орудиа и судове самому управливати, а иному насед его судове не пересужати.

7. А крим(с)кому[57] *татю и коневому*[58] *и переветнику и зажигалнику тем живота не дати.*

8. [59]*Что бы и на посад(е) но крадется*[60] *ино двожды е пожаловати, а изличив*[61] *казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромъскому татю.*

9. А коли будет с кем суд о земли о полнеи, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосед человек на 4 или на 5. А суседи став, на коих шлются, да скажут как прав[62] *пред Богом, что чист, и той человек которой послался стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивень в те лета, ни его судил ни на землю наступался, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целованиа ему нет, а тако не доискался кто не судил, ни наступался в ты лета.*

10. О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество сьимут ино им присужати поле.

11. А которои своего истца перемож(ет)[63] *...*

12. А которои истець[64] *... там. Ино того человека повинити, и грамоты его посудить, а правому человеку на ту землю и судница дати; а подсудничье князю и посадником и сь сотскими всеми взяти 10 денег.*

13. А кто у кого иметь землю отимати выкупком, а старые грамоты у того человека, у кого землю отимают, ино воля того человека, у кого[65] *старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкупке покуду отнимаст.*

14. А кто положит доску на мрътваго о (з)блюденъ(е), а имет искати на приказникох того соблюдениа, сребра или платиа, или круты, или иного чего животнаго, а тот умръшей с подряднею и рукописание у него написано и в ларь положено, ино на тых приказникох не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказникох не искати ничего. А толко будет заклад или запись, ино волно искати по записи, и и[66] кто животом владеет по записи или по закладу; а у приказников умръшаго а не будет заклад, ни записи умръшаго на кого, ино им не искати ничего ж, ни съсудиа, ни торговли, ни зблюдениа ничего ж.

15. А у котораго умръшаго а будет отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближняго племени, а а[67] животом владеет, а толко не сторонний людие, ино им волно искати без заклада, и без записи умръшаго, а на них волно ж искати.

16. А о зблюдении, кому[68] ... в пожару или по грехом на кого род ополчится, а у того времяни что кому даст на зблюдение, а имет просит своего, и тот человек запрется, у него взем, ино кому искат, явити ему.

17[69]. ... чюжой земли приехав или под пожар за неделю или по грабежу, и тот имет записатся, ино тот суд судить на того волю[70] ... хочет сам поцелует, или на поле лезеть, или у креста положит своему исцу.

18. А кто[71] по волости ходит закупен, или скотник, а имет искати тако же соблюдениа, или верши, ино г(оспо)дне обыскать правда тако же присужает на ком сочат, хочет сам поцелует, или на поле с ним лезет, а хочет ему у креста положит.

19. А кто имет искати зблюдениа по доскам безимено, старине, ино тот не доискался.

20. А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовници, и князь и посадником и сотцким обыскати как послух, где будет обедал, и(л)и где начавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; такоже и битого опросить, где есть били и грабили, явили кому, и на тех ему слатся, а на кого сошлются, а тот став скажет как право пред Богом, што битый являл бой свой, и грабежь, а послух на суде став а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат, хочет с послухом на поле лезет, или послуху у креста положит, чего искал.

21. А против послуха[72] ... стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет.

22. А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался.

23. Или который истец пошлется[73] ... на послуха, а на котором сочат[74] ... а ркучи: тот мене сам бил с тым своим послухом, а нонеча на нево ж шлется, ино тот послух в послух, которого на суде наимянуют.

24. Или паки тойже истец, на ком соча(т) розбоя, не почнет слатся на послуха, ино што б не слался один истец, ино госпо-

де послать с суду своих людей, а каторой не слался, ино его в том не повинити, что не слался, а то господе от Пскова без дива.

25. А которой позовник поидет исца звати на суд, и той позваный не поидет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попом; или пакы той ж позваный позывницею, не емля оброку да не станет на суд пред господою, ино господе дать на него грамота на виноватаго на 5 ден позовником.

26. А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочму поимав по грамоте не мучит, ни бить, поставить пред господою; а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотися, а толко имет сечися, или колотися, да учинит головшину, ино быти ему самому в головшине.

27. А где учинитса бой у торгу или на улицы во Пскове, или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бой многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру, а ставши перед нами человеки 4 или 5, а ркучи слово: того бих, ино кто бился, того человека их[75] *душа выдати*[76] *... битому человеку, а княжая про(дажа). Той же бит учнет клепать грабежом, ино ему ходит исца послухом одным человеком того деля, занеже и поле присужати.*

28. А кто на ком имет сочить съсуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит, ино воля того человека, кто имет серебра сочить по закладу, хочет сам поцелует да свое серебро возмет, а хочет заклад ему у креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет, а поле через заклад не присужати, а закладных доск не посужати.

29. А которой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего исца изневести, или перед господою изгодит своего исца, а у того исца, у кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити, нять вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит, хочит сам поцелует на своем серебри, или у креста ему положит и поцеловав да свои заклад возмет.

30. А кто имет дават серебро в заим, ино дати дати[77] *до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь*[78] *... ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.*

31. Хто на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот заклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: у тебе есми того не закладал, а у тебе есми не взимал ничего ж, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат.

32. А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымет против своего исца рядницу, а молвит

так: аз, брате, тобе заплатил то се(ре)бро за тою рукою, а у мене и рядница што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники, ино тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты ж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал.

33. А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля.

34. А у которого псковитина у какова учинится татба в Пскове или на пригороди, или в сели на во(ло)сти, ино явить старостам, или околным суседом, или иным сторонным людем, а в пиру, ино в[79] *пировому старосте, или пивцам явити, а государю пировому*[80] *... нет, а псковитину*[81] *... волости во Пскове на волную роту не взяти, весть ему к роте, на кого ему не любовь.*

35. Кто из церкви, где татба учинилась, тако ж и пригорожане, или селянин псковитин на пригороде, или на тору[82] *не звати, вести ему к роте псковитину, где татба учинилася.*

36. А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет.

37. А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы, а на трупу кун[83] *не имати, толка ему доспех сняти или иное што, в чем на поле лезет, а виноватому платить и княжа продажа и приставное двема приставом, толка побьются, по 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет.*

38. А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в рядницы будет написано о торговли же, а противу тои рядницы не будет во Святеи Троицы в лари в те ж речи другой, ино тая рядница повинити.

39. А которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит[84] *... свое дело отделает*[85] *... на государех и взакличь сочит своего найма.*

40. А которой наймит дворной пойдет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету, а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши найма сочить как отиде за год сочить, толко будет найма неймал у государя, а толко поидет болши года, ино им не сочити на государех.

41. А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государи, а дела его не отделает, а поидет прочь, а ркучи так государю, у тебе есми отделал дело свое все, и государь молвит: не отделал еси всего дела своего, ино государю у креста положыть чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет.

42. А которой государь захочеть отрод[86] *дати своему (и)зорнику или огороднеку, или кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговеине, також захочет изорник о(т)речися с*

села, или огороднику, или (ко)четник, ино тому ж отроку быти, а иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от котечника[87], ни от огородника, а запрется изорник или огородник, или котечник[88] отрока государева, ино ему правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбной[й] части.

43. А которой котечник[89] заложи весну, или исполовник у государя, ино ему заплатить весна своему государю, как у другоичате доставалося на том же [и]саде.

44. А государю на изорники или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярон или[90] озимой, и по отруку государеву или сам отречется.

45[91]. А кто имет сочит торговли, или поруки, или зблюдениа или съсудиа, или выморшини безимянно, ино той не доискался.

46. А которой человек у человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогож есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался.

47. А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу.

48. А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел.

49. А княжим людем или подвоским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга, а штобы двое или трое ехали, а езд им взять один. А княжой человек не поедет ис тово или подвойской, ино псковитину послать ис того волно ис тех же ездов.

50. А княжей писец възмет по силе истъцово от позовницы или от безсудной грамоты, или от приставной, а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать, а не запечатает князь ино у Святей Троицы запечатать, в том измены нет.

51. А коли изорник имет запиратся у государя покруты, а молвит так: у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставить люди сторонние человеки 4 и(ли) 5, а тым людем сказати как прямо пред Богом, как чисто на селе седел, ино государю правда давши взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А толко государь не поставит людей на то, что изорник на селе седел, ино тот человек покруты своей не доискался.

52[92]. А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти.

53. Аже сын отца или матерь не скормит до смерти, а пойдет из дому, части ему не взять.

54. А штобы и по суду, или у креста поставить своего исца у кого купил, ино суд с тем человеком, кто искал, кто снял, а тот прорка[93], кто извод поставил.

55. А у кого поимаются за отморшину отца его, или приказной, а и суседом будет ведомо, или сторонным людем, а став человек 4 или 5, а молвят как право пред Богом, что чисто у него, отморшина отца его ли приказное, ино у кого поимался, и целованьа ему нет, а тот не доискался; а толко будет человек 4 или 5 скажут, как право пред Богом, ино ему правда дать, как чисто отморшина.

56. А такоже, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а то(т) не доискался.

57. А кто возмет пристава у князя или у посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику приставы отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом где будет татба обыскивати, а толко те приставе рекут то слово, приехали есмы на двор татбы обыскивати, и тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали, и тот человек кого было обыскивати а молвит то слово: у мене господо теи приставы не бывали, или той же человек взмолвит то слово: были тои есть у мене те пристави, и яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облыгают, ино князю и посаднику опросить приставов, есть ли у вас исправа какова на том пред ким вас тот человек з двора согнал, ино приставом на се поставить люди человека 2 или 3, а ты люди став на суде рекут, как право пред Богом: пред нами тот человек тех приставов со двора согнал, а обыскивати им не дал, ино тым приставом правда дати, а тот человек в татбе, или пакы тыи пристави, ино тии пристави не в пристави, а тот татбы своей не доискалъся, чии таковии пристави.

58. А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникома, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца или за черницу, или которой человек стар велми или глух, ино за тех пособнику быти; а хто опрочнеимет помогать или силою в судебню полезет, или подверника ударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князю рубль, а подверником 10 денег.

59[94]. А тым подверником быть от князя человеку а от Пскова человеку же, а целовать им на том крест, што праваго не погубити, а виноватаго не оправить, а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки.

60. А татю веры не нять, а на кого возклеплет, ино дом его обыскать и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.

61. А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить.

62. А кто на ком имет чего искать по доскам, или по закладом, а с молве у своего исца возмет от много мало по суду, и чтобы у креста, ино в том пени нет, чтобы и даром отпустил своего истца без целованья.

63. А который изорник отречется у государя села, или государь его отрьчет, и государю взять у него все половину своего изорника, а (и)зорник половину.

64. А которие пристави, княжей человек или подвоской, или псковитин, а поедет человека позвать на суд, или росковать, или сковати, а езд имать на 10 верст денга.

65. А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое, платить татю виноватому, а толко не вымет татбы, ино приставное и дверское платить тому, кто пристава взял.

66. А которой пристав, или дворянин а возмет своему узду конь, или иное что у него возмет, ино ему дать на руку стороннему человеку, а не возмет на руку, ино ему собою свести, а взять езды на том, кто его не утяжет.

67. А истец приехав с приставом а возмет что за свои долг силою, не утяжет своего исца, ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому.

68. А посаднику всякому за друга ему не тягатся, опрочь своего орудиа или где церковное старощение дръжит, ино им волно тягатся.

69. И всякому властелю за друга не тягатись, опрочь своего орудиа.

70. А за церьковною землю и на суд помочю суседи не ходят, итти на суд старостам за церковную землю.

71. А одному пособнику одного дни за 2 орудиа не тягатся.

72. А которому человеку будет кормля написанна в рукописании, и да грамотами владеть землеными учнет или исадскими, а продаст тую землю или (и)сад, или иное что, а доличат того человека, ино ему земля та, или или[95] исад, или иное выкупить, а свою кръмлю покрал.

73. А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а приидет зарок, ино ему явит господе о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свои гостинець; а толко не явит зарок господе, гостинца ино ему не взять по зароке.

74. А кто почнет имать своего исца в своем сребре до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем сребро имати, и тот человек до зароку учнет сребро отдавать, кому виноват, ино гостинца дать, по счету ему взять.

75. А которой изорник на государя положит в чем доску, ино та доска посудить. А старому изорнику вози вести на государя.

76. А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорнич живот на сели останется государю покрута имать на изорники, ино государю у князя и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич пред приставы и пред сторонными людми государю попродати да и поимати за свою покруту, а чего

не достанет, а по том времени явится изорник, ино государю доброволно искать остатка своего покруты, а государю пени нет, а изорнику на государи живота не сочит, а сочит псковским[96].

77. И судьям псковским[97] *и посадником погородским и старостам приго(ро)цким по тому ж крест целовать на том, што им судити право по крестному целованью, а не судеть право, ино суди им Бог вь страшный день втораго пришествиа Христова.*

78. А которому княжему человеку ездить на межу с сотьскими, ино ему такоже целовати крест.

79[98]. *А коли имуть тягатся о земли или о воде, а положать двои грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другие грамоты чести дьяку городскому*[99]. *А коли приидет грамота с пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.*

80. А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет.

81. А на приставное и на ссылку княжим людем ездить со псковскими подвоскими по половинам.

82. А княжой писец имет писати судницу о земли, ино ему от судницы взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безсудной и от приставной, все то им им[100] *имати*[101] *... по денги. А толко княжой писец захочет не по силе, ино инде волно написати; а князю запечатать; а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать, а в том измены нет.*

83. А которому псковитину имать грамота у князя и у по(садника)[102] *о своем деле за рубеж, и от тои грамоте княжому писцу взять денга, а печатная денга.*

84. А которой изорник поумреть у государя на сели, а не будет у него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю тако ж живот изорнич с приставами и(л)и сторонними людми попродавать, да за свою покруту поимати, а по тому племени изорничи, ни брату не сочит живота изорнича.

85. А у которого человека у государя изорник помреть в записи в пскрути[103], *а жена у него останется и дети не в записи, (и)но изорничи жене и детем откличи нет от государеве покруты, а та им покрута платит по той записи; а будет не в записи был изорник, ино их судити судом (по) псковской пошлине.*

86. А будет у (и)зорника брат или иное племя, и за живот поимаются, ино государю на них и покруты искать, изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки; а толко будет конь или корова, ино волно искати у государя.

87. А изорник поимается за жывот у государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свой жывот у государя, а сторонным людем ведомо будет и околным суседом, што государево, ино изорник не доискался, а государь прав.

88. А у которого человека помреть жена без рукописаниа,

а у ней останется отчина, ино мужу ея владети тою отчиною до своего живота толко не оженится, а оженится, ино кормли ему нет.

89. А у которой жены мужь помрет без рукописаниа и останется отчина или живот, ино жене его кормится до своего жывота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет.

90. А у которого человека помрет жена, а муж ея оженится, и женнях мать или сестра или иное племя а имут искать платья, ино мужу ея право по души платья отдать, а на останки мужеви о женни платьи и целованьа нет. Тако ж коли мужь помреть, а имуть мужня платья на жене его отець его или братьа, ино е и отдасть платья право по души, что у него останется; а на останки жене в мужни платьи целованиа нет.

91. А у кого помрет сын, а невестка останется, да учнет на свекри или на девери скруты своеа искати, или платья своего, ино свекру или деверю отдать платье или крута; а чем невестъка клеплет, ино свекру или деверю воля, чим хочет: хочет сам поцелует крест, или у креста невестка[104] *положит, чим учнет клепати.*

92. А кто на ком учнет искать сябренаго серебра, или иного чего опрочь купетскаго дела, и гостебного, да и доску положит на то, ино то судит на того волю, на ком ищуть, хочет сам поцелует, или своему исцу у креста положит, или с ним на поле лезеть.

93. А у кого стулится должник в записи, а на зарок не станет, или изорник в записи будет, а учнет тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповедь, ино все платить виноватому, кто тулится, и железное.

94. А которой вятший брат с меншим братом жиучи в одном хлебе, а скажут долгу отцово, а на отца записи не будет, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатит опчим животом, да остатком делится.

95. А которой менши(й) брат или братань, жиучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом, а искористуются сребром у брата своего или у брата, и учнет запиратися, ино ему правда дать, как за ним не будет, а животом делится.

96. А где учинится головшина, а доличат коего головника, ино князю на головникох взять рубль продажи.

97[105]*. А што бы сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа.*

98. А которой человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка в то время детя выверже, да пристава учнет головшинной окладати, или исца, ино в том головшины нет.

99. А которой истец на судней роте не станет, ино ему заплатит без целованья, а цена ему, что искали на нем.

100. А которой человек при своем животе, или пред смертию а что дасть своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом, или пред сторонными людми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и ру(ко)писаниа не было.

101. О торговли и о поруке. А кто имет на ком торговли искать, или порукы, или именного чего, ино того судить на того волю, на ком сочат, хочет на поле лезеть, или у креста положит.

102. А которой мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном, или ученику верить.

103. А подсуседник на государи (с)судьи[106] *или иного чего волно искати. А которому с ким суплетка была записью или закладом, и потом тот человек, которой в записи был или заклад закладывал кому, да учнет на том же чего искать, ссудья или зблюденья, или иного чего, по доскам, или торговли, ино то судить судом по псковской пошлине.*

104. А которыи исцы вымут на умершаго заклад, грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду, или на один двор, или на одну клеть, а у тех исцов, у кого заклад грамоты сверх того и записи и на того умершаго и на его заклад, и у иных истьцов не будеть записи, толко заклад грамот, ино им правда давши да деля(т) поделом, и по серебру, колко серебра ино и доля ему по тому числу, ожь ближнее племя восхощет заклад выкупить, а у коего исца заклад и записи на умершаго, ино ему целованья не на его дело.

105. А которой чюжеиземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ищуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему у креста положит, чего на нем ищуть.

106. А кто с ким ростяжутся о земли или о борти, да положат грамоты старые и кулленую свою грамоту, и его грамоты заидут многых бо сябров земли и борти и сябры вси станут на суд в одном месте, отвечаючи кто ж за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут, и тои отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части. А целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует.

107. А кто коли заклад положит в пенезех, что любо, а по том времяне имет пенязи отдавати, а своего заклада просит, и он запрется его закладу, а молвит так: тебе есми пенязи не давал, а у тебе есми заклад не взял, ино тои суд как зблюдению на три воли тому человеку на ком сочат: захочет сам поцелует, как за ним заклад не будет, или ему закладную цену ценою положить у креста, или с ним на поле лезет.

108. А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот.

109. А попы и дияконы и проскурница и черньца и черница судить наместнику владычнью. Аже поп, или диакон или противу черньца, или черницы ж, а будет обаи не простые люди

церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судиам не судить, занеже суд владычня наместника, а будет один человек простый истец мирянин, аже[107] церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычним наместником вопчи, також и судиям.

110. У которого человека имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тот молвит: то у мене свое рощеное, ино ему правда дати, как чисто рощеное.

111. А кто пред господою ударит на суде своего истьца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа.

112. А боран присужать 6 денег, а за овцу 10 денег государю, а судьи 3 денги старая правда. А за гусак и за гусыню присужать по 2 денги государю, на суде[108]; 3 денги; а за утицу и за селезня, и за кур, и за кокощь присужать по 2 денги.

113. А братьщина судить как судьи.

114. А кто с ким на пьяни менится чим, или что купит, а потом проспятся и одному исцу не любо будет, ино им разменится, а в том целованиа нет, ни присужати.

115. А княжим людем по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продовати.

116. А кто зажоги на ком учнет сочит, а долики ни каковы не будет, ино на волною роту позвать вольно.

117. А кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, ино ему крест целовати и битися на поли, а послух изможет, ино за бороду присудить два рубля, и за бои, а послуху быти одному.

118. А корову купить за слюблено, а по торговли телят не сочить, а толка корова кровью помачиватся имет ино тая корова назад воротить, чтобы и денги заплачены были.

119. А жонки з жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону.

120. А кто учнет на ком сочить бою, пять человек или десять, сколко ни буди, на 5 или на одном боев своих, да утяжут, ино им присужать всим за вси боеви один рубль, и княжая продажа одна.

РАЗНОЧТЕНИЯ

55

Текст приводится по изданию Археографической комиссии (Псковская Судная грамота. Спб., 1914). Все описки оговорены, буквы, написанные над строкою, внесены в текст. Не переданы надстрочные знаки, буквы ѕ, оу, з, А, Ь, і заменены с, у, з, я, е, и; ъ в конце слова не приводится, поставлено по современному правописанию й, которое в рукописи употребляется неправильно.

56

В рукописи пропуск трех с половиной строк; мог уместиться примерно 101 знак.

57

Рядом, на полях рукописи, приписка — храмскому.

58

В тексте рукописи буквы ко надписаны сверху, после слога во подчищены 2 буквы.

59
Сохранено принятое деление на статьи, хотя *что бы* в тексте рукописи написано явно с маленькой буквы и после запятой.

60
Так в рукописи; описка — *покрадется* (?).

61
В рукописи явная описка — *изличив*.

62
Так в рукописи; описка — *право* (?).

63
Пропуск приблизительно 26 знаков.

64
Пропуск приблизительно 17 знаков.

65
В тексте рукописи явная описка — *гого*.

66
Так в рукописи.

67
Так в рукописи.

68
Пропуск приблизительно 25 знаков.

69
Пропуск приблизительно 4 знаков.

70
Пропуск приблизительно 17 знаков.

71
В тексте рукописи явная описка — *нто*.

72
Пропуск приблизительно 5 знаков.

73
Пропуск приблизительно 5 знаков.

74
Пропуск приблизительно 19 знаков.

75
В рукописи слово *их* приписано над строкой.

76
Пропуск приблизительно 5 знаков.

77
Так в рукописи.

78
Пропуск приблизительно 4 знаков.

79
Так в рукописи; описка — *к* (?).

80
Пропуск приблизительно 10 знаков.

81
Пропуск приблизительно 9 знаков.

82
Так в рукописи; описка — *на роту* (?).

83
В рукописи: трупоукун.

84
Пропуск приблизительно 24 знаков.

85
Пропуск приблизительно 18 знаков.

86
Так в рукописи; но далее — отрок.

87—89
Так в рукописи.

90
Так в рукописи; описка — *ярой*.

91
Буква *А* в начале этой статьи в рукописи написана не так, как пишется обычно в начале статьи.

92
Буква *А* в начале этой статьи в рукописи написана не так, как пишется обычно в начале статьи.

93
Так в рукописи.

94
Буква *А* в начале этой статьи в рукописи написана не так, как пишется обычно в начале статьи.

95
Так в рукописи.

96
В тексте пропуска нет. Сразу идет текст следующей статьи, но начинается он со строчной буквы.

97
После этого слова в конце строки имеется пропуск в 3 знака.

98
Сохранено принятое деление статьи, хотя начинается она со строчной буквы *а*, а в последней фразе (*А коли*... буква *а* написана в начале строки и так, как обычно начинаются статьи).

99
После этого слова в конце строки имеется пропуск 3 знака.

100
Так в рукописи.

101
Пропуск приблизительно 8 знаков.

102
Пропуск приблизительно 6 знаков.

103
Так в рукописи; описка — *покруты*.

104
Так в рукописи; описка — *невестке*.

105
Буква *А* в начале этой статьи в рукописи написана не так, как пишется обычно в начале статьи.

106
В рукописи — судьи; видимо, описка — надо *ссудьи*.

107
Так в рукописи; описка — *а не* (?).

108
Так в рукописи.

КОММЕНТАРИЙ

Заголовок

В заголовке дается перечень источников, на основании которых составлена Псковская Судная грамота. Прежде всего называются грамоты, данные великими князьями Александром и Константином. В литературе имеются различные мнения о том, какой из трех Александров, княживших в Пскове в разное время, явился автором грамоты, которая легла в основу Псковской Судной грамоты: Александр Невский, Александр Тверской или Александр Ростовский. Князь Александр Невский, строго говоря, в Пскове не княжил, он освобождал его. Князь Александр Тверской княжил в Пскове в 1327—1330 и 1332—1337 гг. Александр Ростовский княжил в Пскове несколько раз на протяжении 1410—1434 гг. Но признанию его автором Псковской Судной грамоты мешает послание митрополита Киприана от 12 мая 1395 г. в Псков, в котором упоминается грамота великого князя Александра. Кого из князей имел в виду Киприан, ответить трудно, так как, с одной стороны, титул *великого* мог быть присвоен только Александру Невскому (по мнению Н. Калачова), а с другой — летописи именуют *великим* и Александра Невского, и Александра Тверского. В пользу признания последнего говорит тот факт, что Иван III отверг Псковскую Судную грамоту на том основании, что она составлена не великими князьями, чего он не мог бы сказать об Александре Невском (С. В. Юшков, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин).

Князь Константин — (Константин Дмитриевич Белозерский) — брат Василия I, княжил в Пскове в 1407 и 1412 г.

Помимо грамот князей и их последующих дополнений в Псковскую Судную грамоту вошли и нормы обычного права (псковские пошлины). По мнению некоторых авторов (например, Б. Б. Кафенгауза, Ю. Г. Алексеева), грамота являлась

правовым памятником, нормы которого постоянно развивались. Б. Б. Кафенгауз видит в Псковской Судной грамоте, во-первых, древнейшую псковскую грамоту, судебный устав, грамоту князя Александра (ст. ст. 1, 7—13, 20—27, 34—37, 46—50), во-вторых, специальный устав (подобный уставу о *резах* Владимира Мономаха — ст. ст. 14—19, 28—33, 38—41, 45).

Вместе же первые 50 статей составляли первую редакцию Псковской Судной грамоты, принятую на вече в 1397 г. Ю. Г. Алексеев также считает первой редакцией Свод 1397 г., в который в переработанном виде вошла грамота Александра Невского, вторую редакцию относит ко времени княжения Константина (1409—1424 гг.), и, наконец, дошедшую до нас последнюю редакцию ко времени после 1462 г.

Заголовок дает некоторое представление о законодательном процессе в Пскове: после одобрения духовенством закон принимался на вече.

Статья 1

Соотношение денежных единиц в XV в.:
1 рубль=220 денег;
1 гривна кун=7 1/3 денги,
т. е. 1 рубль=30 гривен=220 денег.

В статье говорится о княжеской юрисдикции. Выделены *кража, разбой, наход, грабеж.* В последующих статьях говорится о суде князя по делам о *бое*, об *убийстве*, о *земле* и др. Таким образом, можно согласиться с мнением А. А. Зимина и Ю. Г. Алексеева о широких судебных полномочиях князя. Князь судил в составе коллегии — *господы*, в которую входили посадники и сотские.

Закон не говорит о размере ущерба, нанесенного кражей, внимание обращено лишь на характер хищения: по существу, как отмечает Ю. Г. Алексеев, это разные случаи кражи из закрытого помещения.

Вторая часть статьи говорит о преступлениях, представляющих значительно бóльшую опасность: *разбой, наход, грабеж.* Разбой — наиболее опасное преступление. Он упоминается в Русской Правде, наказание за разбой самое суровое — *поток и разграбление*, или *вира*, в которую не вкладывается община.

В памятниках XV в. термин *разбой* сохранил значение неспровоцированного убийства с целью грабежа, вооруженной засады на дорогах с той же целью. По-видимому, в данном значении употребляется термин *разбой* и в Псковской Судной грамоте.

На тяжесть перечисленных преступлений указывает размер штрафа, определенного законом, — 70 гривен. Вряд ли можно согласиться с мнением В. О. Ключевского и А. А. Зимина о том, что 70 гривен — это описка, а правильно надо читать 9

Полсть (пълсть) — войлок, войлочный ковер.

Титяга — кожаное покрывало на возу.

Палуба — палуба, крыша на лодке для сохранения клади.

Или вь яме — имеется в виду хлеб, жито в яме.

Грабеж — хищение имущества с применением насилия (*с боем*).

Наход — нападение, вторжение; скорее всего, вооруженное вторжение с целью захвата чужого владения.

гривен. Сама тяжесть деяния предполагает суровость наказания.

Если учесть, что преступления, предусмотренные этой частью ст. 1, могли сопровождаться убийством или угрозой убийства, то вряд ли наказание за них могло быть равное наказанию за кражу сена из стога. Поэтому штраф в 70 гривен (или 2,3 рубля) представляется вполне допустимым (ср.: 2 рубля за оскорбление, выразившееся в вырывании бороды; 1 рубль за убийство).

Спорным является вопрос о характере 70-гривенного вознаграждения: компенсация ли это потерпевшему (Ю. Г. Алексеев) или штраф в пользу Пскова (А. А. Зимин)? Последняя точка зрения представляется верной. Несмотря на важную роль, какую играл в Пскове князь, он все же выполнял, пользуясь современным языком, функции чиновника. В отличие от Киевской Руси, где великокняжеская казна составляла единое целое с личным имуществом князя, в Псковской феодальной республике такого единства быть не могло. Поэтому в Русской Правде мы видим, как правило, два вида денежных взысканий за преступление: штраф в пользу князя (*вира*, *продажа*) и компенсация потерпевшему (*головничество*, *урок*); иногда определялись отчисления в пользу людей князя (вирника, емца). В Псковской Судной грамоте другая картина: *продажа* распределяется между князем, посадниками и Псковом (государством, казной). Денежная компенсация потерпевшему определяется в грамоте не всегда.

Статья 2

В статье речь идет о разграничении суда светского и духовного (*владычню наместнику* дела, подсудные светскому суду, не судить). Особо оговаривается княжеский суд: дела, подсудные княжескому суду, не могут рассматриваться и пересматриваться ни местным судом, ни судом духовным.

Статья дает представление о том, кем осуществлялся суд в Пскове.

Помимо княжеского суда, речь о котором шла в ст. 1, существовал особый суд наместника новгородского архиепископа (см. Новгородскую Судную грамоту), кроме этого, имелись судьи, вершившие суд на местах.

Комментирование статьи во многом зависит от того, относятся ли слова *князю и посаднику* к окончанию ст. 1 (как в настоящем издании, а также в изданиях Археографической комиссии 1914 г., И. Д. Мартысевича 1950 г., Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева 1940 г.) или к ее началу ст. 2 (как у А. А. Зимина в Памятниках русского права). В интерпретации А. А. Зимина речь в статье идет о невозможности пересмотра князем, посадником и владычным наместником дел, уже решенных местными судьями. Ю. Г. Алексеев предпочитает видеть в первых двух статьях грамоты одну статью, мотивируя

это палеографическими особенностями текста, однако внутри статьи вторую ее часть выделяет в смысловом отношении так же, как А. А. Зимин.

Статья 3

Статья содержит текст присяги, которая давалась посадником при вступлении в должность. Эта присяга является древнейшей из дошедших до нас. Так, в Новгородской Судной грамоте имеется только упоминание об обязанности судей судить по крестному целованию. Князь приносил присягу при вступлении на стол.

Конец статьи трактуется по-разному. И. И. Полосин считает, что текст не содержит пропуска и поэтому речь идет о суде на вече (*на суде на вечи*). И. Е. Энгельман, а за ним Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев при переводе этого фрагмента допускают возможность чтения *ни на суду, ни на вече*, а А. А. Зимин предлагает именно так и читать текст статьи, поскольку трактовка статьи И. И. Полосиным противоречит ст. 4 Псковской Судной грамоты, запрещающей князю и посаднику судить на вече.

В. О. Ключевский, считая, что общеуголовные дела рассматривались на суде князя *на сенях*, а политические — на вече, понимает слова *погубити на суду* как ложное обвинение в общеуголовном преступлении, а *погубить на вече* — ложно обвинить в политическом преступлении.

Употребление в статье термина *куны* говорит о раннем ее происхождении. Этим многие исследователи объясняют ее видимое противоречие со ст. 4, появившейся позднее.

Городские куны — пошлины, идущие в пользу Пскова.

Отчитись (отъчитися) — ублажать, потакать, считаясь родством.

Исправа — расследование.

Статья 4

В ст. 4 говорится уже вполне определенно о том, что на вече ни князь, ни посадник суд не осуществляют. Упоминаний о суде веча, за исключением данной статьи и ст. 3, в Псковской Судной грамоте нет, хотя во многих статьях говорится о суде князя, посадников, сотских (т. е. *господы*), владычного наместника, наместников князя. Поэтому можно признать справедливой точку зрения М. Ф. Владимирского-Буданова и Ю. Г. Алексеева об ограничении в XV в. функций псковского веча в области судопроизводства. Посадник не может судить на вече (а ведь именно он *ведет* народное собрание). Правда, летописи содержат примеры суда на вече в Пскове, относящиеся даже к 1509 г., а также вечевого суда в Опочке в 1477 г. (жители Опочки были наказаны за это).

Суд происходит в княжеском доме, но судят князь и посадник вместе, коллегиально. Судят по крестному целованию, по законам, по справедливости. Однако реальных гарантий от неправого суда грамота не дает, указывая лишь на наказание *на втором пришествии*.

Статья осуждает также и взяточничество — *тайный посул*. Представляется неверной точка зрения В. О. Ключев-

У князя на сенех — в палатах князя.

Взираа в правду — на основе права.

ского и А. А. Зимина, согласно которой законодатель обращает внимание на слово *тайный*, в то время как явный, «законный» гонорар чиновнику допускался. *Посул* — слово, имевшее в русском языке несколько значений. Это и обещанная плата, и выкуп, и пошлина, и взятка. Причем в нормативных актах и в сходном контексте *посул* употребляется в значении «взятка» (см., например, послание Белозерского игумена Кирилла князю Андрею 1408—1413 гг., договорную грамоту Новгорода 1426—1461 гг. и, наконец, Судебник 1497 г.). Сочетание *тайный посул* в данной статье имеет, таким образом, цель усилить смысл запрета, а не противопоставить тайный, запрещенный законом посул явному, вполне дозволенному.

Статья 5

Статья не завершена. Первая ее часть говорит о присяге при вступлении в должность наместника — должностного лица, осуществлявшего управление и суд в *пригороде*. Вполне справедлив, вероятно, вывод Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева и Б. Б. Кафенгауза о том, что вслед за этой статьей должны были идти ст. ст. 77—83, говорящие о суде и о присяге местных судей, о межевщиках, судейских приставах и т. п.

В состав Псковской феодальной республики входили 12 *пригородов*, т. е. городов и волостей, признававших власть Пскова. Несмотря на то что *пригороды* были вечевыми городами и самостоятельно избирали администрацию, наместников в *пригороды* присылали из Пскова. Причем в первые годы существования республики наместники эти назначались Псковом, но постепенно право назначать наместников получили и князья. До XV в. князь посылал своих наместников только в два *пригорода* — в пограничные, важные в стратегическом отношении города Изборск и Остров; но постепенно это право распространилось и на другие *пригороды*. С 1414—1428 гг. число *пригородов*, куда князь посылал своих наместников, увеличилось до 7, а с 1467 г. князь посылал своих наместников во все 12 *пригородов*. Но, как видно из статьи, наместник должен был принести присягу верности Пскову и его законам, подобную той, какая содержится в ст. 3 Псковской Судной грамоты (присяга посадника).

Степень — трибуна, помост, на котором сидели в Пскове представители власти.

Орудиа — дело, судебное дело.

Судовое — 1) судебное дело; 2) дела административные (В. О. Ключевский).

Насед (насадити) — утвердить.

Пересужать — пересмотреть дело.

Статья 6

В статье говорится о порядке рассмотрения дел в случае переизбрания посадника. Согласно сложившемуся правилу, дело должен был рассматривать и выносить по нему решение тот посадник, который начал его слушать (ср. Новгородская Судная грамота, ст. 20). Такой порядок достаточно справедлив и логичен. Дело не прерывается и не начинает рассматриваться вновь новым посадником, иначе открывалась возможность произвола и волокиты. Невозможность пересмотра уже решенного судебного дела вполне соответствует положениям ст. 2.

Статья 7

Статья вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде, — смертную казнь. Нельзя, однако, согласиться с И. Д. Мартысевичем в том, что с этого времени денежный штраф — *продажа* — хотя и применялся еще широко как наказание, однако уже отошел на второй план. Известны только две статьи (ст. ст. 7 и 8), предусматривающие смертную казнь; в подавляющем большинстве случаев по-прежнему применялась продажа. Сомнительно также утверждение А. А. Зимина, что введение смертной казни для изменников, поджигателей и воров (в случае совершения квалифицированной кражи) доказывает ярко выраженный классовый характер этого установления, использовавшегося против попыток открытых выступлений народных масс. Конечно, право любого государства, особенно уголовное право, всегда классово. В первую очередь оно защищает интересы господствующего класса, и особенно ярко это видно на примере феодального права — права привилегии, памятником которого является Псковская Судная грамота. Однако в ряде случаев можно говорить и об интересах общества в целом, которые защищаются правом. В ст. 7 перечислены преступления, представлявшиеся во времена грамоты наиболее опасными: измена, поджог, *кримская* кража, конокрадство. О случаях совершения этих преступлений доносит до нас летопись. И хотя летописание находилось в руках господствующего класса, мы не встречаем упоминаний о *перевете* в смысле выступлений народных масс.

Живота не дати — казнить смертной казнью.

Перевет — измена, переход на сторону врага. Примером может служить измена бояр в 1241 г. и сдача Пскова крестоносцам.

В статье содержится перечень наиболее опасных преступлений. Уровень развития уголовного права в то время не был достаточно высок для того, чтобы законодатель отграничивал преступления по объекту посягательства на государственные и общеуголовные. Поэтому деяния, которые с точки зрения современного уровня развития уголовного права относятся к категории особо опасных государственных преступлений (измена), стоят рядом с имущественными преступлениями (конокрадство). С точки зрения законодателя конокрадство было так же опасно, как и измена.

Много споров велось по вопросу о том, какое воровство называли *кримским*. Н. Н. Мурзакевич и Ф. Н. Устрялов считали, что это воровство из помещения, клети (храмины), М. Ф. Владимирский-Буданов и вслед за ним С. В. Юшков доказывали, что речь идет о краже церковного имущества, М. М. Исаев видит в этом преступлении кражу имущества из церкви, т. е. не только непосредственно церковного имущества, но и нецерковного, хранившегося в церкви (чаще всего в подклети). А. И. Яковлев, Л. В. Черепнин, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин, Ю. Г. Алексеев рассматривают *кримскую татьбу* как кражу из Кремля (Крома).

Такое разнообразие мнений было вызвано опиской при переписке грамоты. Уже в XVII в. неизвестный читатель Псковской Судной грамоты приписал на полях у трудно понимаемо-

го слова *кримской* слово *храмской*, т. е. увидел здесь кражу церковную. Толкование *кримской татьбы* как Кромской, т. е. кражи из Кремля, обосновывают значением Кремля как места хранения казны, припасов, документов и отсюда выводят особенную опасность такой кражи. Ссылаются также на указание ст. 8 о том, что вор-рецидивист наказывается так же, как *кромский* вор. Тем не менее представляется все же более верной точка зрения М. М. Исаева, поскольку значение кончанских церквей для *конца* было такое же, как Кремля, для всего Пскова: в них хранились и запасы пороха, и продукты, и товары. Поэтому они также нуждались в усиленной охране.

Конокрадство на Руси издревле рассматривалось как наитягчайшее преступление. Ю. Г. Алексеев считает, что есть закономерность в том, что преступления, караемые по Русской Правде потоком и разграблением (т. е. наиболее суровой мерой наказания), наказываются по Псковской Судной грамоте смертной казнью. К этим преступлениям относятся конокрадство и поджог. В грамоте к ним добавляются измена и *кримская татьба*, но нет упоминания об убийстве *в разбое*. Появление этих новых составов преступлений действительно было вызвано новыми условиями XIV — XV вв., пограничным положением Пскова. Однако объяснение отсутствия в грамоте статьи об убийстве *в разбое* действием норм Русской Правды в данном случае вызывает сомнение. Отношение к тем или иным видам преступлений со временем менялось, и то, что признавалось особо опасным в одно время, в другую эпоху таковым уже не считалось. Поэтому если во времена Русской Правды разбойников выдавали князю на *поток и разграбление*, то отсюда вовсе не следует, что во времена Псковской Судной грамоты их надо было казнить смертной казнью. В грамоте имеются ст. ст. 1 и 96, которых вполне достаточно для наказания разбойника-убийцы. Кроме того, в настоящее время трудно определить, что было опаснее с точки зрения древнего псковича: убийство *в разбое* или конокрадство? Во всяком случае, известно, что вплоть до XX в. конокрады в деревнях подвергались самосуду, а что касается разбойников, то их поимкой больше интересовались государственные органы.

Изличив — уличив.

Ряд — раз.

...е пожаловати — вероятно, описка. Большинство ученых соглашается с И. Е. Энгельманом — *е(го) пожалов.*

Крам — вероятно, описка: 1) как (Н. Мурзакевич); 2) кроме (М. Ф. Владимирский-Буданов); 3) прям, прямо, соответственно (В. О. Ключевский).

Статья 8

Несмотря на то, что текст статьи в значительной степени испорчен описками переписчика, смысл ее вполне ясен. Статья определяет наказание за кражу на посаде. В ней дается определение рецидива, которое характеризуется как троекратное совершение преступного деяния. Троекратность совершения преступления показывает особую опасность преступника, на которого не действуют меры, применяемые по отношению к ворам обычным. Это позволило приравнять вора-рецидивиста к *кромскому татю*. Санкция статьи относительно неопределен-

ная, как и в ст. 7: нет конкретного вида смертной казни. Летописи говорят о том, что Псков знал смертную казнь через повешение, сожжение, утопление.

Статья 9

Статья определяет порядок приобретения права собственности по давности владения. Разрешение подобных споров основывается на показаниях свидетелей. Ю. Г. Алексеев считает, что такой порядок связан с пережитками общинного строя и касается спора между общинниками. Но можно предложить и иное решение вопроса. Спор о земле разрешается на основании показаний свидетелей не потому, что на землю нет никаких документов, а потому, что документы эти, независимо от того, есть они или их нет, — не имеют значения. Суть заключается в том, что владение и пользование пахотной землей в течение 4—5 лет уже сами по себе предполагают возникновение права собственности. Возникновение права собственности на недвижимость по давности нельзя рассматривать как пережиток общинных отношений и связывать только с внутриобщинными отношениями. Напротив, наличие этого института свидетельствует о развитии права собственности, а не о том, что мы имеем здесь дело с «общинным правом». А поскольку ст. 9 говорит об оспаривании возникновения права собственности, то нет никакого противоречия между этой статьей и ст. 78, определяющей порядок разрешения споров на землю между собственниками. То же самое можно сказать и о ст. 106, которая приводится Ю. Г. Алексеевым в защиту аргумента об архаичности нормы, содержащейся в ст. 9. Статья 106 опять-таки говорит о случае, когда на землю претендуют два собственника, а ст. 9 неприменима, так как не прошло тех 4—5 лет, когда владелец пахотной земли мог бы приобрести на нее право собственности по давности.

Дело решается *господой*, как и в случае, предусмотренном ст. 10. Вполне справедливо замечание Ю. Г. Алексеева о том, что число свидетелей в статье названо не случайно: 4—5 свидетелей, причем свидетелей особых — соседей, называют и другие статьи Псковской Судной грамоты (27, 55, 56).

Статья 10

Статья говорит о порядке разрешения споров о праве собственности на лесные участки. В отличие от предшествующей статьи ст. 10 предлагает разрешать спор на основании изучения грамот на землю, представленных спорящими сторонами, а в случае недостижения решения — определить правую сторону при помощи поединка. Встает вопрос, почему по ст. 9 спор разрешается показаниями свидетелей, а по данной статье решающим доказательством являются грамоты и поединок. И. И. Полосин и вслед за ним Ю. Г. Алексеев усматривают в ст. 9 пережитки общинного суда; статья же 10 свидетельствует уже о новой стадии в развитии феодального права. Пред-

О земли полнеи (ополняя земля) — 1) наемная, договоренная, если непахотная (Н. Мурзакевич); 2) пахотная земля (Ф. Н. Устрялов); 3) бесспорная земля, подобно полному холопу (Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев).

Розстрадни — обработанные.

Стражет — пашет.

Истец — зд.: ответчик. Грамота не проводит различия между истцом и ответчиком в процессе: обе стороны — истцы.

Супротивень — зд.: истец, противная тяжущаяся сторона.

Целованиа — целование креста, клятва.

Лешея земля — 1) излишняя земля (Н. Мурзакевич); 2) лесная земля (И. Е. Энгельман); 3) земля, очищенная от леса отдельным общинником (Ю. Г. Алексеев).

Межники — лица, производящие размежевание.

ставляется верной, однако, иная точка зрения, предложенная И. Д. Мартысевичем. Он видит в ст. 9 способ возникновения права собственности по давности владения. Но этот порядок возможен лишь по отношению к пахотной земле: легко можно доказать пользование пашней на основании показаний соседей-свидетелей. Что же касается владения участками леса, то показания свидетелей здесь не могут быть применены. Поэтому не может возникнуть и право собственности по давности, а отсюда — и иной порядок разрешения спора: только на основании грамот, подтверждающих право собственности и *поля*.

Статья 11

Переможет — победит.

Статья не завершена. В тексте имеется пропуск. И. Е. Энгельман предлагает читать конец статьи так: *перемож(ет на поли, ино тому присужать землю по его грамотам)*. А. А. Зимин дает более краткий вариант: *перемож(ет, ино того человека повинити)*.

Если предположить, что статья является непосредственным продолжением предшествующей, то можно принять реконструкцию А. А. Зимина, т. е. побеждает сторона, выигравшая поединок. Правда, это было слишком уж очевидно для законодателя, чтобы специально оговаривать.

Статья 12

Повинити — обвинить.

Судница — 1) протокол судебного разбирательства; 2) письменное решение суда.

...грамоты его посудить — 1) по его грамотам производить судебное разбирательство (Ф. Н. Устрялов); 2) не принимать грамоты во внимание (Н. Н. Мурзакевич); 3) грамоты его признать недействительными (Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев).

В статье имеется пробел, где уместилось бы примерно 15 знаков. И. Е. Энгельман в своем варианте реконструкции текста предлагает читать: *истец (а будет побит с своими грамотами)*. А. А. Зимин несколько меняет текст: *будет побит по грамотам*.

Из текста статьи ясно, что земельный спор решается *господой* (князь, посадник, сотские); установлен размер судебной пошлины, вероятно, общий для всех случаев рассмотрения *господой* земельных споров, поскольку в предшествующих статьях ее размер не определен. Решающим доказательством в деле является результат судебного поединка. В зависимости от его исхода и определяется действительность грамот. В ст. 12 определена завершающая стадия судебного разбирательства: судебный поединок выявил выигравшую сторону, выносится решение, в котором одна из предъявленных грамот на участок земли признается недействительной.

Статья 13

Отъимати выкупком — 1) запись на выкуп проданной или заложенной земли (Ф. Н. Устрялов); 2) выкуп без определенного срока давности (И. Е. Энгельман); 3) отнимать землю, ссылаясь на право выкупа (А. А. Зимин).

Статья регламентирует порядок разрешения споров, возникающих из права выкупа земли. Право «родового выкупа» земли представляет древнейший институт феодального права (этот институт в России просуществовал практически до

1917 г.). Однако более интенсивное по сравнению с другими областями Русского государства развитие в Псковской земле товарно-денежных отношений наложило отпечаток и на право родового выкупа. Право выкупа ограничивалось, во-первых, сроками давности и, во-вторых, самим порядком разрешения спора. Лицо, владеющее землей на основании каких-либо сделок, удостоверенных грамотами, само решает, избрать для разрешения спора судебный поединок или присягу истца.

Статья 14

В Псковской Судной грамоте значительное место уделено регулированию гражданско-правовых отношений. Статья расчленяется некоторыми авторами на несколько небольших статей (например, Ю. Г. Алексеев полагает, что в ст. 14 содержатся три статьи).

Статья регулирует широкий круг отношений. Прежде всего она содержит положение о наследовании по завещанию — *рукописанию.* К завещанию предъявляются определенные формальные требования: оно подлежит хранению в архиве Кремля; в нем должны указываться все долги завещателя, а также, по-видимому, должны оговариваться все сделки, участником которых являлся наследодатель, и, в частности, должен содержаться перечень имущества, взятого или сданного наследодателем на хранение. Наследовать по завещанию, как показывают грамоты, найденные при раскопках Новгорода, могли не только члены семьи завещателя, но и иные лица. Часто в роли наследников по завещанию выступали монастыри. Тот факт, что письменно оформленные завещания были найдены и в Новгороде, говорит об их широком распространении. В завещаниях подробно указывалась судьба имущества завещателя.

Статья позволяет также установить порядок заключения ряда гражданско-правовых договоров, и прежде всего договора хранения. Если в Русской Правде это скорее товарищеская услуга, то в Пскове, крупном торговом центре Руси, договор поклажи в силу его распространенности, а также из-за того, что на хранение стали отдаваться значительные ценности (деньги, одежда, украшения), изменил свою сущность. Для того чтобы получить защиту закона в случае нарушения условий договора, необходимо было его юридически оформить, причем оформить письменно (документом, копия которого хранилась в архиве Троицкого собора). Точно такой же порядок существовал и при оформлении договора ссуды (за некоторыми исключениями). И. Д. Мартысевич считает, что речь в ст. 14 идет исключительно о ссуде, П. Н. Мрочек-Дроздовский видит здесь возможность понимать ссуду и как заем. Последнее вполне вероятно. Хотя Псковская Судная грамота и знает особый термин *заим*, все же из контекста ст. 14 можно заключить, что обязательства из договора займа также регулируются подобным образом. Договор ссуды мог гарантироваться

Покуду отнимет — 1) срок для выкупа (И. Е. Энгельман); 2) основание для срока давности (А. А. Зимин).

Доска (дъска) — письменный акт, примитивный юридический документ.

Сблюдение (зблюдение) хранение.

Приказчик — 1) душеприказчик (Ф. Н. Устрялов); 2) наследник по завещанию (И. Е. Энгельман).

Крута — украшение, драгоценности.

Рукописание завещательное распоряжение, завещание.

Ларь — архив и вечевая канцелярия, располагались в Троицком соборе Пскова.

не только записью, но и закладом. В. О. Ключевский считал, что запись должна была сочетаться с закладом.

В статье среди различных видов договоров упоминается и *торговля*. По-видимому, можно согласиться с А. А. Зиминым, что здесь имеется в виду договор «купеческого займа» (как в Русской Правде).

В случае если договор поклажи или ссуды был оформлен надлежащим образом, то обязательства из договора распространялись и на наследников по завещанию — в любом случае и в полном объеме.

Статья 15

Ближняго племени — близкие родственники.

А а животом владеет — И. Е. Энгельман читает этот фрагмент так: *а кто животом владеет.*

Сторонний люди — чужие люди.

Ст. 15 тесно связана со ст. 14: делается исключение для близких родственников наследодателя. При переходе к ним наследства не требуется соблюдения всех формальностей, обязательных для *сторонних* людей. Родственники могли *искать* и отвечать по договорам наследодателя и без записи или залога.

Возможно, что применение статьи ограничивалось случаями, когда дела по искам возникали между родственниками. Логически это подтверждается тем, что среди членов семьи сделки вряд ли заключались с соблюдением необходимых формальностей. Именно это обстоятельство и могло учитываться законодателем. Однако текст статьи не исключает возможности применения ее в случае, если наследником является близкий родственник, а противной стороной — чужие люди.

Статья 16

Запрется — запираться, отказываться.

Род ополчится — 1) междоусобица вследствие раздора на вече (Н. Мурзакевич); 2) восстание народа (М. Ф. Владимирский-Буданов).

Запрется у него взем — начнет отказываться, что взял у истца поклажу.

Явити ему — предъявить свои требования.

В первой части статьи имеется пропуск, который восстанавливается рядом исследователей Псковской Судной грамоты по смыслу ст. ст. 16—17. И. Е. Энгельман: *кому (искать, а он из чужой земли приехав, или) в пожару ..*; М. Ф. Владимирский-Буданов: *кому (даст из чюжой земли приехав, или) в пожару..*; А. А. Зимин: *кому (што даст, из чюжой земли приехав, а у него любо изгибнет в грабежу или) в пожару*. Таким образом, все ученые практически сходятся на том, что речь в статье идет о разновидности договора поклажи, который заключен между псковитянином и лицом, приехавшим из чужой земли. Далее, однако, взгляды расходятся. А. А. Зимин считает, что статья говорит о случае, когда имущество пропало у поклажепринимателя во время пожара, грабежа. И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов видят особые условия в момент заключения договора: пожар, восстание народа, т. е. именно эти обстоятельства и побудили собственника передать вещь на хранение. Н. Л. Дювернуа характеризует этот договор как depositum miserabile.

Последняя точка зрения представляется более соответствующей грамоте. Только в том случае, если договор поклажи заключается в условиях бедствия, к нему нельзя предъявлять требований, установленных ст. 14, о необходимости сделать за-

пись. При наличии записи, копия которой хранится в архиве Троицкого собора, вряд ли возможно «запирательство» поклажепринимателя, а при отсутствии записи нельзя предъявить иск.

Многие ученые объединяют ст. 16 со следующей статьей, рассматривая их как одну.

Статья 17

Начало статьи дефектно. Н. Н. Мурзакевич восстанавливает ее так: *(А кто с) чюжой земли...* И. Е. Энгельман объединяет ст. 16 со ст. 17: *...ино кому искать, явити ему (господе, что дал на зблюдение из) чужой земли.* Пропуск в середине статьи И. Е. Энгельман восстанавливает: *на ком сочат.* Статьи 16 и 17 близки, и многие современные исследователи их также объединяют (А. А. Зимин, Ю. Г. Алексеев).

Необычный порядок заключения договора хранения вызывает и необычные способы доказательства своей правоты. Суд принимает в качестве доказательства присягу ответчика, поединок, присягу истца.

И. Д. Мартысевич видит в статье указание на срок давности; по его мнению, иск в таком случае может быть подан только в течение недели после возвращения собственнику вещи, сданной на хранение, или спустя неделю после пожара. Л. В. Черепнин, наоборот, рассматривает выражение «за неделю» как предоставление истцу права требования лишь неделю спустя после происшествия.

Статья 18

В тексте статьи имеется, видимо, описка: вместо *господне* надо читать *господе.*

Статья 18 содержит, скорее всего, норму, регулирующую особый случай договора хранения (некоторые авторы, например А. А. Зимин, считают, что здесь *зблюдение* можно понимать и как ссуду деньгами). Договор заключается с лицом, не имеющим постоянного места жительства и живущим в сельской местности (*по волости ходит*). Видимо, это лицо, принадлежащее социальным низам, выполняющее работы на пашне или скотном дворе. Такое обстоятельство, а также сложность оформления записи в сельской местности приводили к тому, что разрешалось заключение договора без соблюдения общеустановленных правил.

Статья 19

Статья завершает раздел, посвященный договору хранения (ст. ст. 14—19). Здесь излагается общий порядок заключения договора поклажи. М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что иск из договора поклажи не подлежит удовлетворению, если договор: а) оформлен *доской,* б) нет поименного обозначения вещей, в) пропущен срок. М. М. Богословский, напротив, счи-

За неделю — 1) в течение недели (И. Д. Мартысевич); 2) через, спустя неделю (Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев).

Верши (вершь) — хлеб, жито.

Обыскать правда — выяснить.

Закупен — 1) закуп Русской Правды, наймит (Н. Мурзакевич, Ф. Н. Устрялов, И. И. Полосин и др.); 2) закупщик (И. Е. Энгельман).

Скотник — 1) работник на скотном дворе (А. А. Зимин, И. И. Полосин); 2) торговец скотом (И. Е. Энгельман); 3) заимодавец (Ф. Н. Устрялов).

Старине — с пропуском сроков исковой давности (М. Ф. Владимирский-Буданов); 2) по старым правилам (Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев).

тает, что иск по *доскам* и без поименного обозначения вещей не удовлетворяется лишь в случае истечения срока давности.

Статья 20

Статьи 20—24 посвящены процессу. Центральное место в процессе по делам о *бое* и грабеже отведено *послуху*. Послух в процессе играет активную роль: свои показания он должен защищать в поединке, причем заменить себя наймитом не вправе. Статья 20 определяет порядок допроса истца и его послуха. Прежде всего суд должен удостовериться, что послух действительно находился вместе с истцом. Затем допрашивается истец, выясняется, показывал ли он кому свои побои и говорил ли о грабеже. Люди, которым он предъявлял *бой и грабеж*, также допрашиваются. Они должны подтвердить показания истца. Но самым важным свидетельством правоты истца должно быть совпадение его показаний с показаниями послуха. Само дело решает поединок послуха с ответчиком или присяга.

Статья 21

Пропуск в статье реконструирован И. Е. Энгельманом: *А против послуха (истец будет)..*; а также А. А. Зиминым: *(будет)*.

В статье определен круг лиц, имеющих право поставить за себя наймита в случае обвинения в *бое* и грабеже (см. ст. 36 грамоты).

Статья 22

По статье можно определить значение показаний послуха. Неявка послуха в суд и противоречивость его показаний автоматически ведут к проигрышу дела истцом.

Статья 23

В статье имеются два небольших пропуска. В первом случае Н. Н. Мурзакевич предлагает восстановить текст следующим образом: *пошлется (в бою) на послуха*. И. Е. Энгельман читает этот фрагмент: *пошлется (в чем) на послуха*. Второй пропуск оба ученых реконструируют: *на котором сочат (станет слатся на своего послуха)*; А. А. Зимин предлагает иной вариант: *на котором сочат (не почнет слаться на него)*.

Статья излагает казус. Такой характер изложения (наличие прямой речи) свидетельствует о неразвитости юридической техники.

Статья очень тесно связана с предшествующей и особенно последующей статьями. Вряд ли можно согласиться с А. А. Зиминым в том, что в статье говорится об отводе послуха истца на основании показаний ответчика. Закон разрешает ответчику уже во время судопроизводства выдвигать послуха в свою защиту.

Сачит возбудить дело

Бою нанесение побоев.

Бою и грабежу злостное избиение, но без убийства, сопровождаемое насильственным отнятием имущества (Ю. Г. Алексеев)

Позовници повестка о вызове ответчика в суд

Обыскати — допросить.

Иночай — 1) соночлежник (И. Е. Энгельман); 2) единственный товарищ (В. О. Ключевский)

Изведется окажется.

Явил кому А. А. Зимин предлагает читать: явил ли кому.

Наимянуют назовут

Статья 24

Статья интересна тем, что подчеркивает активную роль судей в процессе, что не свойственно состязательному процессу. Суд ведет следствие, посылает своих людей на место для выяснения обстоятельств дела.

Статья 25

Статьи 25—26 определяют порядок извещения ответчика и доставки его в суд. Интересно, что вызов ответчика в суд производился публично, на церковной площади, являвшейся центром территориальной общины. Однако закон делает упор именно на то, что это церковная площадь и что *позывница* читается в присутствии священника. Если бы смысл статьи состоял в информировании в первую очередь общины, как полагает Ю. Г. Алексеев, то в качестве лица, которому зачитывается позывница, статья назвала бы старосту.

Видимо, нередки были случаи, когда ответчик пытался уклониться от суда: если в течение пяти дней он не являлся на суд, *господа* давала разрешение на его принудительную доставку.

Без дива — 1) нет дела (Н. Мурзакевич, И. Е. Энгельман); 2) не должно обращать внимания (Ф. Н. Устрялов, М. Ф. Владимирский-Буданов); 3) не должно удивляться (этому новому правилу, установленному вечем, Б. Б. Кафенгауз, А. А. Зимин).

Статья 26

Статья продолжает предшествующую и говорит о принудительной доставке ответчика в суд. Грамота на принудительную доставку выдавалась *господой* истцу, который мог сам доставить в суд своего противника, а мог предоставить это приставу. Согласно ст. 64 грамоты, последним мог быть как княжий человек, так и псковский чиновник; мог им быть и простой псковитянин. Статья 26 особое внимание обращает на предотвращение самосуда в случае доставки ответчика самим истцом. Однако вряд ли можно понимать положение о *головщине* буквально, как убийство истцом ответчика. Если истец убивает ответчика, он и так должен ответить за убийство. Здесь, представляется, законодатель устанавливает ответственность за любой случай попытки истца самостоятельно расправиться с ответчиком.

Наказанием за *головщину* по Псковской Судной грамоте был штраф (ст. 96), поэтому мнение Ф. Н. Устрялова о том, что виновного предают смертной казни, неверно.

Позовник 1) приказный служитель, вызывающий на следствие или в суд; 2) истец

Грамота на виноватаго [illegible] ([illegible] Владимирский-Буданов); 2) грамота о доставке ответчика силой (И. И. Полосин, И. Д. Мартысевич)

Статья 27

И. Е. Энгельман считает, что слова *пред нами* должны были первоначально находиться в ином месте: *пред нами того бих.*

В. О. Ключевский полагал, что слова *пред нами* находятся на месте, и делал вывод, что законодательные акты в Пскове принимались тем же органом, который осуществлял и суд, т. е. *господой.*

Пропуск в 5 знаков И. Е. Энгельман реконструирует: *выдати (в рубли)*, а В. О. Ключевский — *выдати (головою).*

Статья может быть условно разделена на две части. В пер-

Душа — совесть

Клепать — обвинять

вой говорится о *бое*, учиненном в публичном месте. Ю. Г. Алексеев рассматривает *бой на торгу* как самостоятельный новый состав преступления, появление которого свидетельствует о росте значения государственной власти. Однако такое мнение представляется недостаточно обоснованным. *Бой*, избиение — эти термины мы встречаем и в других статьях. Публичность *боя* не доказывает здесь того обстоятельства, что преступление преследуется по инициативе государства: суд начинается только по жалобе потерпевшего.

Особое внимание законодателя к месту совершения преступления объясняется особенностями процессуального рассмотрения дела. Дела подобного рода не требуют наличия послухов, так как правонарушение видело много людей, и свидетельств 4—5 из них вполне достаточно.

Вторая часть статьи говорит о случае, когда потерпевший обвинит своего обидчика еще и в грабеже. В этом случае судопроизводство идет обычным порядком, и потерпевшему необходимо выставить послуха, так как такое обвинение, как грабеж, влечет за собой возможность поединка послуха с ответчиком.

Ино быти ему самому в головшине — 1) предать его смертной казни (Ф. Н. Устрялов); 2) подвергнуть наказанию, как за убийство (М. Ф. Владимирский-Буданов).

Ходит — 1) обвинять, уличать (И. Е. Энгельман); 2) ходить, вызывать повесткой (В. О. Ключевский).

Съсудное серебро — деньги, отданные в долг.

Статья 28

Статья начинает раздел, посвященный договору займа. Договор займа — более распространенный вид договора, чем договор поклажи. Способы его заключения различны. В. О. Ключевский отмечает три способа, влекущие за собой защиту в суде: 1) заем под обеспечение заклада с оформлением записи; 2) заклад с оформлением закладной *доски*; 3) заклад. Договор займа, заключенный без необходимых формальностей, судебной защите не подлежал. Тем не менее закон говорит в некоторых случаях и об охране займа по *доскам* (см. ст. 38).

Первый способ — оформление договора займа закладом и записью — явление, во времена Псковской Судной грамоты, видимо, еще не очень распространенное. Записью пользуются в особо важных случаях, и ее нельзя оспорить в судебном порядке.

Со вторым способом оформления договора займа мы встречаемся в данной статье. Так как *доска* не рассматривается в качестве документа, безусловно свидетельствующего о заключении договора займа, то возможно возникновение споров. Исследователи грамоты по-разному определяют причину конфликта, легшего в основу ст. 28. И. Е. Энгельман, а вслед за ним и А. А. Зимин считают, что в данном случае истцом является кредитор, а должник-ответчик отрицает факт заключения договора займа, заложенную же вещь признает своей и считает отданной на хранение. М. Ф. Владимирский-Буданов видит в истце должника, отдавшего долг, а в ответчике — кредитора, не вернувшего залог. Первая точка зрения представляется более вероятной. Она, по крайней мере, соответствует тек-

сту статьи, согласно которому истец и залогодержатель должны быть одним лицом.

Законодатель явно стоит на стороне залогодержателя, кредитора, предоставляя ему, хотя он и является истцом, право выбора судебного доказательства, причем среди доказательств отсутствует *поле*.

О третьем способе заключения договора займа говорит следующая статья.

Статья 29

Статья показывает, какую большую роль играл заклад при заключении договора займа. Наличие заклада ставило закладодержателя в выгодное положение в случае возникновения спора. Ему было предоставлено право выбора доказательства: личная присяга или требование присяги другой стороны.

Статью трактуют по-разному. М. Ф. Владимирский-Буданов и другие видят здесь отрицание должником (пользующимся тем, что кредитор не успел еще получить закладную доску) самого договора займа. Залог же, находящийся у кредитора, должник объявляет своей вещью, отданной на хранение. В. О. Ключевский определяет в лице истца должника, который пытается выдать свой заклад за вещь, отданную на хранение.

Статья 30

Пропуск трех знаков в тексте рукописи М. Ф. Владимирский-Буданов восполняет как (*сочи*)*ти*, а И. Е. Энгельман — (*иска*)*ти*. *Ссуда* — 1) ссуда серебра (Энгельман И. Е.); 2) иногда читают как *с суда*, т. е. посредством суда (Н. Мурзакевич).

Статья устанавливает общий порядок заключения договора займа: суммы свыше 1 рубля даются в долг только под заклад или оформляются записью.

По подсчетам Ю. Г. Алексеева, 1 рубль по Псковской Судной грамоте равен 3 гривнам Русской Правды. Таким образом, сумма, начиная с которой требуется особый порядок при заключении сделки, остается прежней. Замечание А. А. Зимина о том, что такой порядок был выгоден залогодержателям — представителям псковской городской верхушки, мало что объясняет. Здесь справедливо высказывание Ю. Г. Алексеева о том, что разница в оформлении ссуды отражает разницу в социальном масштабе сделки. Сделки свыше рубля заключались зажиточными жителями Пскова.

Статья 31

В статье показана роль залога как способа обеспечения исполнения обязательства. Должник, отказываясь от уплаты долга, терял свой залог. Речь здесь в первую очередь идет о договоре займа, так как ссуду серебра иначе, как заем, понять нельзя.

Грамоты — 1) крепостные акты, удостоверяющие факт займа (В. О. Ключевский); 2) земельные акты, отданные под заклад: они удостоверяют факт займа (И. Е. Энгельман).

Изневести — неожиданно.

Изгодит — 1) просрочит (Н. М. Мурзакевич); 2) улучив время (И. Е. Энгельман); 3) начнет тяжбу (А. А. Зимин).

Нять — брать, взять.

Нять вера — верить, доверять.

Платной — 1) заклад, данный в обеспечение платежа, взятых в заем денег (Ф. Н. Устрялов); 2) состоящий из платья, одежды (Н. Н. Мурзакевич, И. Е. Энгельман).

Изготовление серебряных денег в Пскове 1424 [illegible] *Миниатюра Лицевого летопис*[illegible]

Статьи 32, 33

Статья знакомит с еще одной формой обеспечения исполнения обязательств — поручительством. Поручительство может применяться в тех случаях, когда сумма долга или иного денежного обязательства не превышает 1 рубля. Закон не определяет, каким образом оформляется поручительство, но, оговаривая сугубо формальный порядок возвращения долга должником в случае наличия поручительства, дает сведения о формальном способе заключения *поруки*. При возвращении денег должнику необходимо сделать соответствующие записи не только в документе, имеющемся у него на руках, но и на копии, хранящейся в архиве Троицкого собора. Отсутствие соответствующей отметки в архивной копии вело к признанию невыполнения должником своего обязательства.

На основании ст. 30 договор займа на сумму меньше 1 рубля не нуждается в оформлении записью. Поручительство допускается в сумме, не превышающей 1 рубль. Значит, не сумма долга, а поручительство заставляет оформлять договор специальным документом, составлявшимся в нескольких экземплярах, один из которых хранился в архиве Троицкого собора. По-видимому, мы встречаемся здесь с разновидностью записи.

Статьи 34—35

Два пропуска в статье были реконструированы следующим образом И. Е. Энгельманом: *государю пировому (целования) нет, а псковитину (всех суседов из села на) волости*. Во втором случае А. А. Зимин предлагает читать: *(человека из) волости*, а Л. В. Черепнин — ответчика из волости, так как предложенный И. Е. Энгельманом вариант явно не умещается в 9 знаков.

Большинство исследователей объединяют данную статью со следующей — 35-й. В. О. Ключевский и М. М. Богословский, а вслед за ними Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев и другие читают начало ст. 35 не *кто из..*, а *к той*, предполагая здесь описку, что весьма вероятно, так как весь текст изобилует описками, из которых одни явные, а другие вызывают споры. Например, слово *на тору* Чечулин предлагает читать как *на роту*, а Энгельман и Владимирский-Буданов — *на торгу*.

Статья регламентирует первый этап производства по краже: от момента обнаружения до приведения подозреваемого к присяге.

Прежде всего обращает на себя внимание состязательный характер процесса. Пострадавший, объявив о краже, сам разыскивает вора и ведет его к присяге.

Исследователи Псковской Судной грамоты особое внимание обращают на то, что в законе изменяется старый способ принесения присяги. Вместо *вольной роты* всех жителей села или пирового старосты к присяге приводится один подозреваемый (Ф. Н. Устрялов, И. Е. Энгельман, Ю. Г. Алексеев). Присяга

Назрячее
1) то, что можно *зреть*, вообще вещь (И. Е. Энгельман); 2) нечто такое, стоимость чего очевидна (В. О. Ключевский); 3) очевидное, явное, т. е. имеющее явную ценность, превосходящую величину ссудного серебра (А. А. Зимин).

Того серебра не судит
— 1) не стоит того серебра, имеет ценность меньше искомой (И. Е. Энгельман); 2) имеет ценность, превышающую величину долга (А. А. Зимин).

Рука (порука) — поручительство.

[illegible]
[illegible]

Тогоже лѣта ... псковичи ... ископаша денги серебря
ныя . и начаша ими то
рговати . а мо
ртки о
стави
ша.

приносится на месте совершения преступления, в том приходе, где совершена кража: *где татба учинилась*.

Статья 36

Статья говорит о случае, когда истец может выставить вместо себя наймита. Но интерес представляет тот факт, что основанием для судебного поединка послужило взыскание долга по *доскам*. Специально о досках как форме заключения договора займа в грамоте не говорится; напротив, имеются данные, позволяющие считать, что иски по доскам не принимались. Тем не менее прав и Ю. Г. Алексеев, утверждающий, что на практике *доски* применялись. Статья 36, вероятно, содержит норму, конкретизирующую норму ст. 38, частным случаем которой она является.

Поединок в гражданско-правовом споре постепенно перестает сохранять даже видимость *божьего суда*: в случае, если ответчик выставлял наймита, истцу также предоставлялось право взять наймита.

Статья 37

Слова *на трупу кун не имати* вызывают споры. Текст здесь дефектен. М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает читать *на трупу кун не имати*, т. е. с убитого на поединке денег не брать. Такого же мнения придерживаются большинство исследователей. Но подобное прочтение вызывало сомнения у Чечулина, так как здесь нарушаются грамматические правила: «оу» не встречается в конце слов (*трупоу*), с «оу» может начинаться слово.

Статья говорит о завершающей стадии процесса — поединке — и рассматривает три возможных случая его завершения: поединок кончается гибелью одного из сражавшихся, примирением или победой одного из них. Только в последнем случае на побежденного возлагается обязанность в полном объеме уплатить судебные пошлины. В случае смерти участника поединка взыскания на наследников погибшего не распространяются, истец ограничивается доспехами погибшего, княжеская же пошлина не уплачивается вовсе. В случае мировой пошлины сделки уплачиваются в половинном размере. Интересно, что процесс может быть по желанию тяжущихся прекращен на любой стадии, даже перед *полем*.

Статья 38

Кредитные операции в торговой среде предполагают некоторые особенности. Если в период Русской Правды это были неформальные сделки, заключаемые без свидетелей, то теперь они оформляются письменно. Ю. Г. Алексеев особо подчеркивает тот факт, что *доски* еще довольно широко распространены. Однако существенным является то, что *доски* отходят в прошлое и взамен появляются *рядницы*, копии которых хранятся в архиве Троицкого собора. Рост товарооборота, увели-

Рядница (порядня) — письменный документ, свидетельствующий об уплате.

Повинить — признать недействительной.

Староста — представитель местной администрации.

Околные суседи — ближайшие соседи.

Пировой староста — руководитель пиршества, ответственное лицо на пире.

Пивцы — гости; сообщники (Ю. Г. Алексеев).

Государь пировой — хозяин помещения, где происходит пир.

Волная рота — 1) добровольная присяга (И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин); 2) очистительная присяга (И. Е. Энгельман) 3) добровольная присяга группы лиц, напоминающая послушество 7 послухов ст. 18 Пространной Правды (Ю. Г. Алексеев).

чение численности купцов исключали и «домашние» способы заключения сделки. В связи с расширением круга лиц, ведущих торговые операции, уменьшается возможность неофициальных отношений между контрагентами. На первое место выступает *рядница*, но *рядница*, надлежащим способом оформленная. В противном случае это будет такой же неофициальный документ, как и *доска*, а законодатель по традиции отдает предпочтение в этом случае *доске*.

Статья 39

В тексте статьи имеются два пропуска. И. Е. Энгельман восстанавливает фрагмент следующим образом: *наймит (пойдет прочь от государя) свое дело отделает (ино ему найму взяти потому ж) на государех*. М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает второй пропуск читать так: *ино им волно*.

Статьи 39—41 посвящены регулированию отношений, вытекающих из договора найма.

Договор заключается, как правило, устно, без формальностей. Как об исключении упоминает ст. 41 о записи. Сторонами в договоре являлись *государь* и *мастер плотник или наймит*. Исследователи считают, что *государь* в памятниках того времени употребляется в различных смыслах: и как «феодал», и как «хозяин». Однако трактовка И. И. Полосина *господина* как «феодала» вряд ли применима к данной статье. Безотносительно, является ли *господин* в действительности феодалом, купцом, ремесленником, т. е. безотносительно к его социальной принадлежности, в данной статье государь выступает как наниматель, хозяин. Второй стороной в сделке является *мастер плотник или наймит*. Некоторые авторы, например Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев, А. А. Зимин, считают, что мастер-плотник — это одно лицо, т. е. самостоятельный ремесленник, а не ученик. Ю. Г. Алексеев полагает, что мастер — это подрядчик, плотник — ремесленник, наймит — общее название для вступающего в договор. Наймит — свободный. Он может расторгнуть договор и уйти (ст. 40), может *искать на государе*.

Договор заключается на время (*отстоит свой урок*) или для выполнения определенной работы (*свое дело отделает*).

Устный порядок заключения договора сказался и на порядке судопроизводства. Процесс начинается *закличем*, т. е. объявлением наймитом своих претензий к господину на торгу или в ином общественном месте. Ю. Г. Алексеев видит здесь сугубо межобщинные отношения. Однако представляется, что *заклич* необходим для выявления свидетелей — «окольных» соседей, сторонних людей, которым были известны условия договора и то, что он был выполнен истцом. Это не послухи, а именно *сторонние* люди, подобные тем, кто свидетельствуют о давности пользования полевой землей (ст. 9), о драке на

Рота — присяга.

Поможет — победит.

Приставное — судебная пошлина в пользу пристава.

Двема приставом — княжескому и городскому.

Прощение возмут — помирятся.

Оже истец чего не возможет — чего истец не возьмет.

Торговые деньги — торговые ссуды

Взакличь сочить — 1) искать, требовать свой долг с кого-либо публично, перед народом (П. Е. Михайлов) 2) оглашение своей претензии перед вервью, общиной, на торгу, своеобразная явка, делающая излишними все другие формальности (П. А. Аргунов, И. И. Полосин); иск без представления письменных доказательств (М. М. Богословский, Ю. Г. Алексеев).

торгу (ст. 27), т. е. свидетельствуют очевидное, а наличие таких свидетельств, естественно, должно упрощать процесс.

Статья 40

Статья является частным случаем ст. 39, когда договор заключается на срок.

Наймит дворной — наймит, работающий на дворе господина

И. Е. Энгельман предложил двоякое толкование статьи. Первое: в случае ухода *дворного наймита* до срока он может требовать плату только за год. К этому пониманию статьи присоединились М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. Н. Масленникова, И. И. Полосин. Второе: срок исковой давности равен году. Этот взгляд поддерживают М. М. Богословский, Н. Дювернуа, Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин, Ю. Г. Алексеев. Представляется, что статья дает больше оснований, чтобы признать справедливой вторую точку зрения.

Заставляет обратить на себя внимание статус наймита дворного, определяемый, с одной стороны, личной свободой, а с другой — утратой или сокращением хозяйственной самостоятельности (наймит годами живет у своего господина).

Статья 41

В статье говорится о договоре найма плотника на работу. Договор должен был быть оформлен путем *записи*. В случае, если договор не получил указанного оформления, *запись* не была составлена и возник судебный спор, то ответчик оказывался в сложном положении. Именно такой случай предусматривает ст. 41. Наймит — плотник, не выполнивший весь объем работы, мог претендовать на всю оплату: *ино государю у креста положыть чего сочить* (т. е. заплатить все, что требует наймит, относительно чего он *сочить* — предъявляет иск). Но ответчик (*государь*) может попытаться и защитить свои интересы, оспаривая в суде притязания наймита (*или государь сам поцелует*), принеся присягу и доказывая тем самым свою правоту.

Статья 42

Статья свидетельствует о процессе закрепощения крестьян в Псковской феодальной республике. *Государь* имел право отпускать (*дать отрок*) *изорника, огородника, кочетника* только в Филиппов день (т. е. 14 ноября по старому стилю). Это положение можно сравнить с Юрьевым днем (ст. 57) по Судебнику 1497 г. В случае отказа (если изорник, огородник, кочетник *запрется*, т. е. откажется уходить, оспорит *отрок* и при этом присягнет в своей правоте — *правда дать*), *государь* лишался четверти урожая, части огородной продукции или части рыболовного улова (*ысады рыбной части*). Изорник, кочетник, огородник — представители феодально-зависимого крестьянства, отличавшиеся по профессиональному признаку (*изорник*, видимо, пахарь; *кочетник* — рыболов; *огородник* — обрабаты-

вавший огород). Статья их объединяет в одну группу, так как они занимают одинаковое положение относительно феодала — *государя* (как справедливо отмечают Б. Д. Греков[109] и Л. В. Черепнин[110]).

Вопрос о природе изорничества в Пскове — один из самых спорных в литературе. Многие из дореволюционных историков (например, В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов) видели в изорнике арендатора земли по договору. С. В. Юшков, Б. Д. Греков, Б. Б. Кафенгауз, Л. В. Черепнин (на наш взгляд, совершенно обоснованно) определяют положение изорника как феодально-зависимого крестьянина. Подробный анализ положения псковских крестьян-изорников дан в работе Б. Б. Кафенгауза «Древний Псков» (М., 1969), в главе «Псковские крестьяне» и в книге Ю. Г. Алексеева «Псковская Судная грамота» (Л., 1980) в главе «Изорник и его государь». Там же дана и историография вопроса. Статья 42 говорит об изорнике (огороднике, кочетнике) как о феодально-зависимом человеке, который мог уходить от *государя* в определенные дни в году, уплатив при этом четверть урожая.

Статья 43

В статье говорится о возможности *кочетника* (в тексте — *котечника*) заложить ту часть дохода, которая будет получена на весеннем промысле (*заложи весну*). Статья содержит рекомендацию для определения размера отдаваемого в залог. За исходное следовало взять доход, полученный другим рыбаком (*другоичате*) на том же участке (*исаде* — в тексте *саде*). Есть и другие толкования этой статьи. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что в статье речь идет о *весняке* — жителе веси, который не заплатил *весну*, т. е. плату с поля[111]. А. А. Зимин полагает, что *кочетник* обязан был регулярно выплачивать возложенную на него часть улова, если бы даже он пропустил *весну* (заложил *весну*) и не производил лова рыбы в *исаде*[112]. Словарь русского языка XI — XVII вв. (1978, т. 5), определяя различные значения слова *заложи*, *заложити*, не указывает на возможность понимать его в смысле «пропустить». «не заплатить»[113].

Статья 43 упоминает также *исполовника*, т. е. человека, зависимого от господина-*государя* и отдававшего ему половину своего урожая в уплату феодальной повинности. Статья 43, таким образом, говорит о том, что возможность залога неполученного урожая имелась не только у рыбаков-кочетников, но и у других феодально-зависимых крестьян Пскова.

Статья 44

Статья определяет процедуру взыскания *покруты* (*подмоги*) — возвратной ссуды, взятие которой приводило к установлению большей зависимости крестьянина — изорника, огородника, кочетника — от господина (*государя*). Для понимания этой статьи следует обратиться к ст. 30 Псковской Судной гра-

109 См. Крестьяне на Руси... кн. 1 М., 1952. с. 452

110 Черепнин Л. В Из истории русского крестьянства XV в.— Доклады и сообщения института истории. М., 1954. вып. 3. с. 118.

111 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. с. 145

112 Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953. с. 354.

113 См. указанное издание. с. 234

моты, установившей порядок письменного оформления путем записи договора займа на сумму больше рубля (*болши рубли не давати без заклада и без записи*). Не допускалось даже простое письменное оформление договора путем *доски*. Для взыскания же покруты *государь* не должен был представлять письменное доказательство заключения договора. Для взыскания покруты он мог прибегнуть к *закличу*, указав точно, сколько серебра, другого имущества (*верши по имени*[114]), пшеницы яровой или озимой ему должен крестьянин. *Закличь* — объявление на торгу, в публичном месте претензий к ответчику — был известен еще Русской Правде. По Русской Правде он применялся чаще всего при краже. Псковская Судная грамота говорит о *закличе* в двух статьях — в ст. 39 (см. комментарий) и ст. 44. По ст. 44 *государь* прибегал к *закличу* в случае *отрока* крестьянина — изорника, огородника, кочетника — по его собственной инициативе или по инициативе крестьянина.

Содержание ст. 44 прямо связано со ст. 51 (см. комментарий). *Закличь* мог быть началом *свода* (см. ст. ст. 46, 54, 56).

114 «Верша» термин, имевший различное значение: так называли невод (см. Словарь русского языка XI-XVII вв., т. 2, с. 106); хлеб, зерно (там же, с. 110).

Статья 45

Торговли — денежные ссуды, связанные с совместным ведением торговли.

В статье говорится о порядке предъявления иска о возврате денег, данных в ссуду для торговли, или взыскания долга с поручителя (*поруки*), или требования вещей, отданных на сохранение (*зблюдениа*), или взыскания ссуды, долга или имущества после умерших родственников (*выморшины*) — имущества, оставшегося без владельца и без наследников. Иск должен быть составлен точно (*имянно*[115]) с указанием цены иска. Если это требование не соблюдено, то истец проигрывает дело. Статья интересна тем, что указывает на поручительство (*поруки*), а также на понятие «выморочного имущества».

115 *Имянно* — точно, с указанием названий, деталей, конкретно. См. Словарь русского языка, т. 6, с. 233.

Статья 46

Статья устанавливает порядок так называемого *свода* (ср. с соответствующими положениями Русской Правды). О своде говорят также ст. ст. 34, 39, 44, 46, 47, 54, 56. Статья интересна тем, что в ней придается большое значение присяге как судебному доказательству (что вообще является характерным для Псковской Судной грамоты). Человек, у которого нашли краденую вещь, должен был *правду дать*, т. е. присягнуть, что он купил на торгу, а с татем-вором не поделился. Человек, у которого нашли краденую вещь, не должен был искать вора (или человека, у которого он купил краденую вещь) и доставлять его в суд (*а не поставит его*). Статья указывает также и на следующее важное обстоятельство — ответчик ранее не был замечен в воровстве и не вызывал подозрений (*ни пословицы не было будеть*).

Статья 47

Статья устанавливает тот же порядок, что и ст. 46, в случаях, если кто-то купил вещь в чужой земле, или в городе (не на торгу), или нашел ее где-либо, а другой признает ее своей. Обе статьи защищают добросовестного приобретателя вещи.

Статья 48

В статье говорится о случаях, когда сторона в судебном процессе дала *посула* — взятку должностному лицу — волостелю. При этом волостель, видимо, вымогал взятку и отнял у человека одежду или коня. В случае обращения в суд с иском волостель отвечал за свои действия как за грабеж. Но возможно и другое толкование статьи. По мнению И. Д. Мартысевича[116], в ней говорится не о взятке, а о вознаграждении должностному лицу. Также переводит термин *посул* и А. А. Зимин[117]. Правильнее, как нам представляется, рассматривать посул как взятку. Именно в таком смысле говорится о посулах в ст. 4 Псковской Судной грамоты (*а тайных посулов не имати*) и ст. 26 Новгородской Судной грамоты (*а докладчикам от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью...*).

116 См.: Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. М., 1951. с. 159.

117 См. Памятники русского права. Вып. второй, с. 357.

Статья 49

Статья устанавливает оплату прогонов для княжих людей и подвойских — судебных должностных лиц (ср. Новгородскую Судную грамоту, ст. 23) — за 10 верст *денга*. В случае, если должностное лицо ехать отказывается, можно послать любое другое, оплатив его услуги по установленной таксе (*ис того*). Статья рекомендует *ездит дворит* (т. е. исполнять обязанности, исполнять службу) вдвоем или втроем, но при этом *езд* — оплату — брать одному.

Статья 50

Статья определяет порядок оплаты судебных пошлин и оформления различных судебных документов: *позовницы* — повестки в суд (ср. ст. 20 Псковской Судной грамоты); *безсудной грамоты* — судебного решения, вынесенного без судебного разбирательства в связи с неявкой стороны в суд; *приставной* — документа, доставлявшегося судебным приставом (например, о вызове в суд). Перечисленные документы могли быть исполнены княжим писцом, который мог взять за это с человека *по силе*, т. е. по таксе (ср. ст. 82 Псковской Судной грамоты). В случае если сторона не обращалась к княжему писцу, а составляла документы у другого лица (*ино волно инде написати*), то устанавливался обязательный порядок обращения либо к князю, либо в архив Троицкого собора (ср. ст. 14 Псковской Судной грамоты) для приложения печати. Статья указывает, что при обращении к Троицкому собору

за приложением печати к частным документам нет *измены* князю, нет, видимо, и оскорбления его власти, нарушения обычая (ср. ст. 82 Псковской Судной грамоты).

Статья 51

Статья возвращается к вопросу об изорниках и покруте, как бы продолжая ст. 44. В случае, если изорник станет отрицать получение подмоги (*покруты*) от господина и будет утверждать, что он жил в его селе, но *покруты* не получал, *государь* должен представить свидетелей — 4 или 5 *сторонних* людей, которые могут подтвердить факт предоставления покруты изорнику. *Государь* в этом же приносит присягу, но может допустить к присяге и изорника (*то воля государева*). В случае отсутствия свидетелей покрута не возвращается (*покруты своей не доискался*).

Статья свидетельствует о том, что Псковская Судная грамота придает большое значение свидетельским показаниям (см. ст. ст. 9, 27, 55, 56, 57).

Статья 52

Статья относится к нормам, регулирующим вопросы уголовного права (ср. ст. ст. 1, 96, 97, 111, 112, 117). Кроме *продажи* — штрафа за совершение преступления, поступавшей в пользу князя, виновный должен был уплатить денежное вознаграждение потерпевшему или его родственникам. Если суд не устанавливал последнее, то и *продажа* князю не уплачивалась. Речь идет, видимо, о случаях, когда суд не мог определить виновного в совершении кражи или разбоя, т. е. не мог удовлетворить поданный в суд иск. Есть и другое толкование статьи. И. Д. Мартысевич полагает, что в ст. 52 речь идет о случае отказа истца от иска[118]. Таким образом, продажа соизмерялась с требованием истца, доказанным в суде.

118 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 163

Статья 53

Статья лишает сына права на наследство, если тот отделился от отца и матери и отказал им в помощи (*не скормит до смерти*).

Статья 54

Статья продолжает рассматривать отношения, возникавшие в связи со *сводом*. Если человек, у которого обнаружили пропавшую вещь, представлял на суд или к присяге (*у креста поставить*) того, у кого он купил вещь, то судебный спор происходил между истцом и этим последним человеком. А добросовестный приобретатель, снявший с себя подозрение, становился поручителем в том, что новый ответчик явится в суд (*а тот порука, кто извод поставил* — в тексте ошибочно стоит *прорка*).

Статья 55

Это одна из многих статей, регулировавших нормы наследственного права. Статья говорит об *отморшине* — наследовании по закону и о *приказном* — наследовании по завещанию. В случае спора право на наследство могло быть доказано свидетельскими показаниями 4 или 5 соседей или *сторонних* людей. Конец статьи непонятен. М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «конец статьи дефектен, пропущено «не» перед словами «будет человек 4 или 5 скажут». Если это так, то смысл второй части статьи: в случае, если свидетелей нет, должна быть принесена присяга (*правда дать*) для доказательства прав на наследство[119].

119 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 149.

Статья 56

Статья продолжает рассмотрение случаев, связанных с добросовестным приобретением вещи, ранее украденной. Если у добросовестного приобретателя были свидетели 4 или 5 человек, то других доказательств не требовалось. Если же свидетелей не было, то следовало прибегнуть к присяге как доказательству (*правда дати*).

Статья 57

В статье говорится о таком следственном действии, как обыск в случае совершения кражи. Лицо, подозреваемое в краже, обязано было допустить в свой двор приставов для обыска. В противном случае оно обвинялось в краже. Обычно статьи Псковской Судной грамоты требуют представить суду 4—5 свидетелей. Судебным приставам достаточно было 2—3 свидетелей для доказательства того, что их не пустили обыскивать двор. Если же приставы сами не выполнили порученное им дело, они отстранялись от выполнения обязанностей, а истец проигрывал дело (*ино тии пристави не в пристави*).

Исправа — доказательства.

Статья 58

Статья определяет порядок рассмотрения дел в суде. В судебное помещение (*судебницу*) допускались только тяжущиеся стороны (*двема сутяжникома*). Судебное представительство допускалось только для защиты интересов женщин, малолетних, монахов и монахинь, стариков и глухих (*увечных*). Статья близка по содержанию ст. 5 Новгородской Судной грамоты, запрещавшей вмешиваться (*збивати*) толпе в суд посадника и других судей. Закон предусматривает ответственность за самовольное и насильственное вторжение в судебное помещение, за нанесение ударов *подвернику* — специальному должностному лицу, следившему за порядком в помещении суда. Устанавливалось наказание: заключение в колодки (*всадити его в дыбу*), штраф в пользу князя в размере 1 рубля и подвернику — 10 денег.

Статья 59

Статья специально посвящена подверникам, которых при суде было двое: один являлся представителем Пскова, другой — князя. Перед вступлением в должность они приносили присягу в том, *што праваго не погубити, а виноватаго не оправить*. Им полагалась пошлина, уплачиваемая стороной, проигравшей дело (*а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки*). Статья 65 называет эту пошлину *дверское*.

Статья 60

Показаниям вора Псковская Судная грамота предлагает не доверять. Но тем не менее обыск у человека, на которого *тать возклеплет*, производился. В случае обнаружения у него краденой вещи (*полишного*) человек признавался вором, если же ничего не находили, то его объявляли свободным от подозрения.

Статья 61

В статье говорится о стабильности решений, принятых судебными органами. *Правые* грамоты, т. е. судебные решения, не могли быть отменены князем и посадником (*а князю и посаднику грамот правых не посужати...*). Другое дело — подложные судебные решения и документы (*лживые грамоты и доски*). Последние после разбора дела могут быть признаны недействительными. Интересно, что речь идет в статье только о *досках*, но не о *записях* — специально оформленных документах. Есть и другое толкование статьи: А. А. Зимин полагает, что князь и посадник не могли признать недействительными подлинные, надлежащим образом оформленные документы[120].

120 Памятники русского права. Вып. второй, с. 362.

Статья 62

Статья предусматривает возможность для истца и ответчика договориться (*с молве*) уже во время судебного процесса. При этом истец не платил пени (штрафа).

Статья 63

Статья определяет условие ухода изорника от своего господина. *Половину своего изорника* исследователи обычно понимают как половину урожая за последний год[121]. Статья является продолжением ст. 42 Псковской Судной грамоты.

121 См. там же. с. 362: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 152.

Статья 64

Статья определяет плату за проезд (*прогоны*), которая полагалась приставам, княжьим людям или подвойским — судебным агентам, должностным лицам (см. также ст. 23 Новгородской Судной грамоты). Статья 64 является дополнением

к ст. 49. Она содержит указание на право не просто *позвать на суд*, а *сковати* или *расковать* подозреваемое лицо. Оплата труда пристава не зависит от цели его посылки.

Статья 65

Статья продолжает ст. 64 и устанавливает двойную плату приставу, осуществлявшему поездку в связи с татьбой. Эта плата вносится вором, виновным в совершении преступления. Если же вор не найден, пошлины (приставные и дверские — шедшие придверникам) платились истцом.

Статья 66

Статья устанавливает порядок выемки приставом коня или иного имущества во время выполнения им своих служебных обязанностей. Имущество следовало передать на поруки *сторонним* людям. Взять это имущество с собой пристав мог только в случае, если некому было его поручить. Статья еще раз повторяет, что *езд* (прогоны) оплачивает тот, кто проиграет процесс, кто окажется виноватым.

Статья 67

Статья запрещает самоуправство истца, приехавшего вместе с приставом и пожелавшего взять силой что-либо из имущества ответчика за долги. В случае, если истец проиграет дело (*не утяжет своего истца*), то он обвиняется в грабеже и несет соответствующее наказание (*ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем*).

Статьи 68—71

Статьи устанавливают правила относительно судебного представительства. Посадник не мог быть представителем в суде. Он имел право выступать в суде как сторона в случае спора о его собственных делах или имуществе (*опрочь своего орудиа*) или в том случае, если он — староста церкви (*или где церковное старощение дръжит*).

Статья 69 устанавливает более общую норму: всякое лицо, облеченное властью (*властель*), не может быть представителем в суде. Оно может быть стороной в процессе только в случае спора по его делу.

Статья 70 определяет порядок представительства по делам о церковной земле. Представителями по этим делам могли быть только старосты (*и на суд помочю суседи не ходят*). Судебному представителю (*пособнику*) в один день не разрешалось вести 2 дела.

Статья 72

Кормля — пользование вещью, имуществом.

Содержание статьи находит продолжение в ст. ст. 88 и 89 Псковской Судной грамоты. *Кормля* устанавливалась, видимо,

чаще всего для пережившего супруга (до его смерти или заключения нового брака).

Статья 72 запрещает продавать землю, рыболовный участок и другое имущество, полученное как *кормля* по завещанию (*рукописанию*). В случае продажи *кормли* человек обязан был ее выкупить. В наказание закон лишал его этого имущества (*а свою кръмлю покрал*). А. А. Зимин рассматривает *кормлю* в ст. 72 как условное феодальное держание земли и рыболовных угодий во Пскове и отличает ее от *кормли* по ст. ст. 88, 89. Как нам представляется, ст. ст. 72, 88, 89 говорят об одном институте вещного права — права прижизненного пользования вещью. В статье 72 говорится о *кормле*, данной по завещанию (*рукописанию*), а ст. ст. 88 и 89 определяют право на *кормлю* пережившего супруга без завещания, т. е. по закону.

Такого же мнения относительно указанных статей придерживались М. Ф. Владимирский-Буданов[122] и И. Д. Мартысевич[123]. Как нам представляется, *кормля* — не владение, а именно пользование вещью, т. е. извлечение из вещи выгод, получение доходов и плодов. Именно в таком смысле употребляют этот термин документы и материалы Пскова, которые подробно рассмотрены в монографии Ю. Г. Алексеева «Псковская Судная грамота»[124]. Словарь русского языка XI—XVII вв. определяет слово *кормля* как содержание, обеспечение[125].

122 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, с. 153.

123 Псковская Судная грамота, с. 71.

124 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Л., 1980. с. 102-105.

125 Словарь русского языка XI-XVII вв., т. 7. с. 324.

Статьи 73, 74

В статьях говорится о ссуде под проценты. Из содержания статей можно сделать вывод о том, что Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды не устанавливала максимального размера процентов. Вопрос о размере процентов определяется соглашением сторон путем оформления в *записи*. Кредитор имел право обратить свое требование, долговое обязательство (*имание*) в обозначенный соглашением срок уплаты (в *зарок*). Если кредитор заявляет в срок свое требование перед судом, то он получает проценты. Если же он это сделает не в срок (*не явит зарок господе*), пропустит срок уплаты ссуды, то проценты не получит. О *господе* как судебном органе Псковская Судная грамота упоминает во многих статьях (ст. ст. 10, 18, 24, 25, 29, 57, 73, 106, 111).

Статья 74 устанавливает права кредитора, пожелавшего получить свои деньги (*сребре*) до срока. Кредитор при этом теряет право на проценты. Если же должник начнет возвращать долг досрочно, то он должен заплатить проценты, но не все, а по расчету времени (*по счету ему взять*).

Статья 75

Статья объявляет недействительными претензии изорника к господину, основанные на *доске* — письменном документе без специального оформления. *Доска* не может быть принята во внимание (*доска посудит*). Вторая часть статьи (некоторые

исследователи делят эту статью на две самостоятельные[126]) говорит о дополнительной повинности, возлагаемой на изорника-старожила — *вози вести на государя*. Есть и другие толкования этой статьи[127].

Статья 76

Здесь определяется положение изорника и права *государя* на взыскание покруты в случае бегства изорника за рубеж, т. е. за границу псковской земли или куда-нибудь еще настолько далеко (*инде* где), что место пребывания его невозможно установить. *Государь* имеет право получить покруту, обратив взыскание на имущество изорника, но при этом он должен обратиться за помощью к государственным органам (князю и посадникам) и вместе с приставом, губскими старостами и свидетелями (*сторонними* людьми) продать имущество изорника и получить компенсацию за покруту. Если этого имущества не доставало, а изорник тем временем возвращался, *государь* мог *добровольно искать остатка своей покруты*, т. е. обратиться в суд. Закон этого не запрещал (*а государю пени нет*). Изорник же в отношении *государя* таким правом не обладал. Если он считал, что допущена ошибка, он мог обратиться с иском (или с жалобой?) к властям (*а сочит псковским*). Продолжением этой статьи являются ст. ст. 84—87.

126 См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права.., с. 154; Зимин А. А. Памятники русского права. Вып. второй, с. 296.

127 См. об этом подробно: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 168-172.

Статьи 77 и 78

Статьи устанавливают порядок принесения присяги всеми должностными лицами (*судьям псковским и посадником пригородским и старостам приго(ро)цским*) в том, что они будут судить *право*, т. е. по закону. Статья 78 подчеркивает, что и представитель князя обязан приносить присягу.

Эти статьи можно сравнить со ст.5 Новгородской Судной грамоты, содержащей требования к судьям судить *право*, т. е. в соответствии с законом. Видимо, имелась специальная процедура принесения присяги (*крестное целование*) должностными лицами и в Новгороде, и в Пскове.

Статья 78 могла появиться в период, когда князья пытались усилить свое влияние в Псковской феодальной республике.

Губьские старосты — должностные лица в *губе* — административной единице Пскова.

Статья 79

Статья также отражает стремление ограничить власть князя в судопроизводстве. В случае судебной тяжбы о земле или *воде* (рыболовном участке) грамоты (документы, представленные в суд) должны были читаться и княжеским дьяком, и дьяком городским (т. е. представителем городской администрации). Грамоты, присланные из пригородов, должен был обязательно читать представитель городской администрации.

В ст. ст. 78 и 79 речь идет о спорах о земле и *воде*, т. е. о важнейших делах. Именно по этим делам Псковская Судная грамота пытается ограничить влияние князя.

Искать бою и грабежу — обвинять кого-либо в нанесении побоев и в грабеже и предъявлять иск о похищении имущества.

Статья 80

Статья предусматривает возможность решить дело миром (*а промеж себе прощенье возмут*) в случае драки. В этом случае наказание не устанавливалось (*ино ту князю продажи нет*). Статья близка по содержанию к ст. 3 Уставной Двинской грамоты 1397—1398 гг. и ст. 53 Судебника 1497 г.

Статья 81

И. Д. Мартысевич определяет слово *приставное* как «пошлину в пользу пристава»[128]. В то же время при переводе конкретной ст. 81 он говорит о «производстве обыска». И действительно, Псковская Судная грамота дает основания для обоих толкований. Выбирая второе из них, следует, пожалуй, толковать данное понятие расширительно, т. е. включать в него все процессуальные действия, входившие в обязанности пристава как следственные действия (производство обыска, опрос свидетелей и т. д.), так и действия по исполнению судебных решений.

А. А. Зимин понимает слово *ссылка* как проверку показаний сторон или свидетелей[129] или вызов в суд свидетелей, на которых ссылаются стороны, как переводит И. Д. Мартысевич[130]. Оба перевода близки друг к другу.

По мнению И. Д. Мартысевича, слово *подвойский* обозначало судебного исполнителя, пристава[131].

Данная статья регулирует процессуальные вопросы и предусматривает участие в процессуальных действиях людей князя на паритетных началах с представителями псковской судебной администрации, вероятно, выборными. Ю. Г. Алексеев справедливо видит в этом определенный надзор за княжеской администрацией: «Княжеская администрация отдельно не существует — она всюду смыкается с независимой администрацией вечевого города — земли»[132].

Статья 82

В соответствии с общей нормой ст. 50 данная статья определяет размер судебных пошлин и повторяет общее правило ст. 50. В названных статьях четко оговаривается, что выписка судебных документов и приложение к ним печати не являлись исключительной прерогативой князя и его писцов. Сторонам разрешалось оформить судебные документы и помимо князя и его писцов.

Статья 83

Статья определяет размер пошлин, взимаемых княжеским писцом, за оформление выездной грамоты за границу. Следует обратить внимание на то, что выездные грамоты выдавались вместе — князем и посадником. А. А. Зимин неверно заменил при переводе текста союз «и» на разделительный союз «или»[133]. В действительности князь не имел права единолично выдавать выездные грамоты. Ю. Г. Алексеев подметил важ-

128 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951, с. 199.

129 Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953, с. 428.

130 Мартысевич И. Д. Указ. работа, с. 175.

131 Мартысевич И. Д. Указ. работа, с. 175, 199.

132 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л., 1980, с. 20.

133 Памятники русского права. Вып. второй, с. 317.

ную особенность в положении князя в Псковской республике: «Являясь формально главой господы, князь — судья и правитель — по рукам и ногам (был) связан вечевыми органами во главе с посадником»[134].

134 Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 20.

Статьи 84—86

Статьи регулируют вопрос о взыскании *государем* данной изорнику покруты после смерти изорника.

Статья 84

Тако ж — большинство исследователей рассматривает эти слова как ссылку на ст. 76, продолжением которой являлась ст. 84. Только И. И. Полосин относит эти статьи к разным редакциям, расценивая ст. 84 как более позднюю разработку законодательных идей ст. 76[135].

Статья предусматривает порядок взыскания хозяином данной изорнику подмоги. В случае, если после смерти изорника не оставалось наследников, хозяину предоставлялось право продать имущество изорника с соблюдением определенных в ст. 76 процессуальных форм, т. е. в присутствии приставов и посторонних людей. Соблюдение этих формальностей должно было служить гарантией того, что хозяин не возьмет из вырученных денег больше, чем ему причитается. Объявившимся впоследствии родственникам запрещалось требовать от хозяина имущество изорника. По смыслу статьи, хозяину предоставлялось право продажи имущества изорника в счет подмоги лишь в случае, если ему не было известно о наличии родственников у изорника или они действительно отсутствовали. Случаи же взыскания подмоги при наличии родственников определялись нижеследующими статьями.

135 Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий проф. И. И. Полосина.— Учен. записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1952, т. 65, вып. 3.

Судити судом (по) псковской пошлине — вести судебное разбирательство в соответствии с псковскими обычаями.

Откличи нет от государеве покруты — нельзя отказываться от уплаты хозяину долгов умершего изорника.

Статья 85

Данная статья указывает на переход к жене и детям долговых обязательств умершего изорника. Законодатель устанавливает, что не имеет никакого значения тот факт, что в письменном документе, которым оформлялся договор изорника с хозяином о покруте, такой переход специально не оговаривался. В случае же, если договор между изорником и государем не был письменно оформлен, вопрос о взыскании долгов изорника с его жены и детей решался по исконным обычаям Пскова. Вероятно, законодательное закрепление псковских обычно-правовых норм мы видим в ст. ст. 9, 51, 55 и др. Поэтому под указанием *на псковскую пошлину* следует понимать судебный процесс с приглашением 4—5 свидетелей, как это определяется, в частности, в ст. 51.

Статья 86

Государя не татбит ни лукошки, ни кадки — эта фраза очень трудна для понимания. Еще в 20-х годах нашего века ее толкование вызывало спор между П. А. Аргуновым[136] и

136 Аргунов П. А. Крестьянин и земледелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси.— Ученые записки Саратовского гос. университета за 1925 г. Т. IV, вып. 4, с. 38.

М. М. Богословским[137]. По-разному понимают ее И. Д. Мартысевич и А. А. Зимин. И. Д. Мартысевич рассматривает эти слова как запрет родственникам изорника утаивать от землевладельца лукошки или кадки с зерном. Из такого толкования вытекает предположение, что родственники изорника уже вступили в права наследников и фактически владеют имуществом умершего. Однако дальнейший перевод плохо согласуется с этим предположением: «если (после умершего) останутся конь или корова, то они (родственники) могут в свою очередь требовать их по суду от хозяина»[138]. Получается, что фактическим владельцем имущества после смерти изорника стал *государь*. Вряд ли здесь мы сталкиваемся с противоречием закона. Более последовательным представляется перевод А. А. Зимина: «ни брату изорника, ни его (другому) родственнику не (следует) предъявлять к господину (изорника) претензий, обвиняя его в присвоении (изорничьего) зерна в кадках и лукошках»[139].

Действительно, скорее всего, в ст. 86 имеется в виду случай, когда умирает одинокий изорник и *государь* завладевает его имуществом в счет выданной покруты. Если бы у изорника вообще не было родственников, то *государь* обязан был бы поступить в соответствии со ст. 84. Но в ст. 86 говорится о ситуации, когда до продажи имущества *государем* объявятся родственники изорника, желающие принять наследство. Законодатель возлагает на них долговые обязательства изорника перед *государем* и запрещает им предъявлять *государю* претензии по поводу мелких, к тому же индивидуально не определенных вещей. Закон допускает предъявление исков лишь по поводу коня или коровы. Ю. Г. Алексеев удачно подметил, что «в статьях ПСГ изорник предстает не нищим на грани холопства и челядинства, а хозяином, собственником своего живота»[140].

137 Богословский М. М. Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте. Историч. известия, изд. Ист. об-вом при Моск. ун-те. 1917, № 2.

138 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота.., с. 179.

139 Памятники русского права. Вып. второй, с. 318.

140 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.., с. 182.

За жывот поимается — захотят вступить в права наследников и станут предъявлять иски об имуществе умершего изорника.

Статья 87

Представляется возможным понимать глагол *изведется* как производный от слова *извод* или *свод*, знакомого по Русской Правде (см. ст. ст. 14—15 Краткой Правды, в которых употребляется и то и другое понятие). Понятие *извод* фигурирует и в Псковской Судной грамоте (в ст. 54).

В статье изложен, по-видимому, реальный казус, когда изорник предъявил иск к господину по поводу имущества. В статье регулируется порядок рассмотрения данного спора. *Государь* должен был привести того, у кого приобретена спорная вещь, а *сторонние люди* и *околные суседи* — подтвердить право собственности *государя*. В этом случае он признавался правым, а иск изорника отклонялся. Удивительно, почему А. А. Зимин, точно передав смысл статьи в переводе, в комментарии все же говорит об отвержении претензий изорника на «свое» имущество и делает вывод о том, что «закон последовательно защищал интересы псковских феодалов»[141].

141 Памятники русского права. Вып. второй, с. 368.

Но от кого? Как это видно из данного казуса, от не вполне добросовестного изорника, который оказался не прочь, если называть вещи своими именами, прихватить лишнее.

Статьи 88—89

Статьи регулируют порядок наследования движимого и недвижимого имущества после смерти супруга. Данные нормы охраняют порядок перехода родовой *отчины* по наследству. В случае вступления в новый брак супруг лишается права пользования имуществом умершего супруга. Так обеспечивается сохранение имущества в пределах одного рода. Свобода брачных отношений связывается с вопросами сохранения или упущения имущественных выгод.

Без рукописаниа — без письменного завещания.

До своего жывота — зд.: до конца своей жизни.

Статья 90

Статья предусматривает право ближайших родственников предъявить иск к пережившему супругу по поводу одежды умершего родственника. Закон, обязывая пережившего супруга отдать «по совести» искомые одежды, не подкрепляет это процессуально, поскольку запрещает приводить к присяге для выяснения вопроса об одежде умершего супруга.

О борти — о пчелином улье в дупле дерева.

Грамоты старые — документы, подтверждающие право собственности на землю или борть по давности владения.

Статья 91

Данная норма говорит о порядке разрешения имущественных споров между невесткой и свекром или деверем. Ситуация, описанная в этой статье, свидетельствует о намерении невестки отделить собственное имущество от имущества свойственников после смерти мужа. Закон признавал за ней право собственности на платья и на драгоценности. Имущественные споры невестки со свойственниками разрешались *крестоцелованьем*. Вопрос о том, кто должен целовать крест, определялся ответчиком.

Клеплеть, клепати — возводить несправедливые обвинения.

Статья 92

Статья регулирует вопрос о решении споров между сотоварищами. Правота той или иной стороны устанавливалась или присягой, или поединком. Выбор формы доказывания предоставлялся ответчику. Ю. Г. Алексеев верно обратил внимание на противопоставление в ст. 92 порядка рассмотрения споров между товарищами и купцами. Договоры между купцами регулировались еще Русской Правдой (ст. ст. 48, 54, 55 Пространной Правды). Псковская Судная грамота уже проникает во внутренний мир общинников — *сябров*[142]. Но это вторжение осуществлялось лишь при явных признаках распада товарищества, раз уже появились споры о серебре: присяга или даже поединок — вполне достойные способы выявления правоты в этом случае.

Искать сябренаго серебра — предъявлять иск к сотоварищам.

Доску положит — предъявит в качестве доказательства письменный документ.

142 Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 85.

Статья 93

Слово *железное* имеет два значения. Одно из них обозначает испытание железом — форму ордалий. Здесь же, в данной статье, имеется в виду пошлина за наложение оков (*желез*) на пойманного ответчика.

Статья предусматривает обязанность должника не только уплатить долг, но и погасить издержки, связанные с его розыском и поимкой, если он скрывался от кредитора.

Стулится, тулится — скроется

Проторы — расходы, издержки.

Статья 94

Статья предусматривает переход долговых обязательств отца к его сыновьям. Сыновья обязывались уплатить долг отца из общего имущества, а остаток разрешалось разделить.

Вятший — старший.

Живучи в одном хлебе — ведут совместное хозяйство.

Статья 95

Данная статья предусматривает раздел имущества, если в отношения вместе живущих братьев закрадывалась тень подозрений против одного из них в своекорыстном использовании общего имущества.

Искористуются — используются (от слова корысть).

Статьи 96—98

Статьи посвящены вопросам о преступном и непреступном убийстве.

Братань — И. Д. Мартысевич переводит это слово как «племянник», А. А. Зимин — как «двоюродный брат». Согласно словарю Даля, допустим и тот и другой перевод. Скорее всего, в статье имеется в виду двоюродный брат, который, разумеется, является племянником по отношению к умершему хозяину дома. Далее слово «братань» заменяется на слово «брат».

Статья 96

Ю. Г. Алексеев обратил внимание на то, что Псковская Судная грамота упоминает *головшину* лишь в двух местах: в ст. 26 и в ст. ст. 96—98. Он высказал предположение о том, что эти статьи Псковской Судной грамоты представляли лишь надстройку над соответствующими нормами Русской Правды, которые продолжали действовать в Псковской республике. Но в отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота не устанавливает никакой дифференциации *вир* в зависимости от социальной принадлежности убитого. Псковская Судная грамота упоминает лишь о рублевой *продаже* в пользу князя. А. А. Зимин справедливо предположил, что кроме продажи в пользу князя убийца должен был выплатить и материальную компенсацию семье убитого. Однако при сравнении виры Русской Правды и продажи за убийство, упоминаемой в Псковской Судной грамоте, А. А. Зимин, произведя расчеты, подсчитал, что *продажа* за убийство в Пскове равнялась 94 гривнам кун. Если вспомнить Русскую Правду, то вира равнялась 40 гривнам. Отсюда А. А. Зимин сделал вывод о «росте княжеской продажи», свидетельствующем о «дальнейшем усилении уголовных репрессий княжеской власти»[143]. Имеется и прямо противоположная точка зрения. Ю. Г. Алексеев произвел следующие расчеты. Он взял в качестве эталона стоимость овцы. Согласно ст. 45 Русской Правды Пространной редакции, за овцу уплачивался *урок* в размере 5 кун. В гривне се-

143 Памятники русского права. Вып. второй, с. 371.

ребра Ю. Г. Алексеев насчитывает 50 кун (следует оговорить, что в разное время в гривне серебра содержалось разное количество кун: 50-кунное содержание гривны сложилось к концу XII — началу XIII вв., в то время как раньше в гривне содержалось 25 кун)[144]. Таким образом, 40-гривенная вира должна равняться стоимости 400 овец. Согласно ст. 112 Псковской Судной грамоты, за овцу уплачивалось хозяину возмещение ущерба в размере 10 денег. В рубле, по мнению Ю. Г. Алексеева, насчитывалось 300 денег[145] (большинство специалистов считают, что псковский рубль равен 220 деньгам). Значит, говорит Ю. Г. Алексеев, *продажа* за убийство равнялась стоимости лишь 30 овец. Очевидно, что реальный размер штрафа за убийство в Пскове понизился по сравнению с Русской Правдой более чем в 10 раз[146]. Ю. Г. Алексеев высказал резонное предположение о том, что *продажа* в пользу князя могла умышленно назначаться низкой, поскольку псковские власти не были заинтересованы в обогащении князя[147].

144
Ключевский В. О. Курс русской истории, т. I, с. 216-219.

145
Такое соотношение рубля и деньги указывает Ю. Г. Алексеев со ссылкой на А. А. Зимина, однако у А. А. Зимина этого обнаружить не удалось (см. Алексеев Ю. Г. Указ. работа, с. 43; ПРП. вып. 2, 371).

146
Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.., с. 42-43.

147
Там же, с. 65.

Статья 97

Статья предусматривает взыскание *продажи* в пользу князя в случаях отцеубийства и братоубийства. Появление этой статьи в светском сборнике норм права, каковым является Псковская Судная грамота, заставляет выяснить вопрос о соотношении светской и церковной юрисдикции во Пскове. Русское обычное право предоставляло право кровной мести роду убитого. В Русской Правде (Пространной редакции) уже зафиксировано вмешательство княжеской власти в этот вопрос и отмена кровной мести. В Уставах кн. Владимира и кн. Ярослава о церковных судах вопросы регулирования семейных отношений закрепляются за церковью. В ст. 9 Устава кн. Владимира (Синодальной редакции) именно к церковным судам относятся случаи, когда *сын отца бьеть* (а в некоторых списках даже сказано *убьет*). В Уставе кн. Ярослава (в ст. 32 Краткой редакции) наряду с церковным упоминается и светское наказание в виде *волостельской казни*. Правда, в церковных уставах речь идет непосредственно об избиении, а не об убийстве, но вполне можно предположить, что церковь тем более не оставалась в стороне в случаях убийства сыном отца или братом брата. По-видимому, и в Псковской республике указанные в этой статье дела подлежали церковному суду. Псковская Судная грамота оговаривает участие князя в суде над отце- и братоубийцами и предусматривает «продажу» (по-видимому, в размере рубля, как это можно предположить на основании предшествующей статьи) в пользу князя. В Псковской Судной грамоте ничего не говорится о церковном наказании, но таких сведений и не следует искать в светском законе.

Правда дать, как за ним не будет — заставить присягнуть в том, что не пользовался в своекорыстных целях общим имуществом.

Головщина — убийство (см. ст. 26).

Статья 98

В данной статье описывается очень интересный казус, в котором следует видеть непреступное причинение вреда. Законодатель не ставит в вину истцу, который приехал с приставом *татя ... или длъжника имать*, случившийся у жены *татя* выкидыш. Ю. Г. Алексеев видит в этой статье защиту истца и пристава, которые, на его взгляд, «силой ворвались на двор», учинили «скандал, возможно, потасовку с хозяином и членами его семьи, что и привело к драматическому исходу»[148]. Закон, однако, дает мало оснований для такого понимания этой статьи.

148 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.., с. 71

Статья 99

На суднеи роте не станет — откажется принести присягу на суде. В отличие от *вольной роты* (очистительной присяги коллектива) *судная рота* индивидуальна[149] и отказ от нее ведет к безоговорочному признанию себя проигравшей стороной.

Данная статья обязывает сторону, отказавшуюся от присяги, уплатить цену иска и без присяги.

149 Там же, с. 69.

Детя выверже — см. комментарий к ст. 9 Устава кн. Владимира о церковных судах (Синодальной редакции).

Статья 100

На основании ст. 100 можно сделать вывод о том, что племянник не являлся наследником по закону. Чтобы передать ему движимое или недвижимое имущество по наследству, требовалось соблюдение определенных формальностей. Если племянник не был указан в завещании, то доказательством законности владения имуществом умершего могли служить лишь письменные *грамоты*, подтверждавшие акт дарения или договор купли-продажи, причем эта сделка должна была быть удостоверена попом или *сторонными людми*.

Истец — зд.: ответчик.

При своем животе — при жизни.

Платно или иное — платно или в дар.

Воля государеви — воля мастера

Статья 101

В данной статье предусматриваются процессуальные формы решения споров о торговых ссудах, о поручительских обязательствах или о взыскании *именного чего*. В зависимости от воли ответчика мог быть выбран поединок или присяга как форма доказывания. В отличие от ст. 45, в которой говорится о неудовлетворении *безымянных* исков, в настоящей статье говорится о приеме судом иска к рассмотрению, поскольку он *именной*, т. е. конкретно, индивидуально обозначенный.

Торговли искать, или порукы, или именно чего — предъявлять иски о торговой ссуде, об исполнении обязательств по поручительству или о чем-нибудь еще, конкретно обозначенном.

Статья 102

Данная статья, как и предшествующая, указывает на процессуальные формы, но упоминает лишь одну из форм — присягу. В отличие от обычного порядка, установленного в ст. ст. 92, 101, выбор того, кто будет присягать, предоставляется по вполне понятным причинам истцу — мастеру.

Статья 103

А. А. Зимин верно усматривает *по исковой пошлине* указание на псковские обычаи, закрепленные в ст. 101, предусматривающей решение споров поединком или присягой[150].

Данная статья предусматривает право *подсуседника* предъявлять иск к хозяину. Тот факт, что между *подсуседником* и *государем* был заключен письменный договор или долговое обязательство, обеспеченное залогом, еще не является препятствием для *подсуседника* предъявлять иски к *государю* по поводу ссуды или имущества, отданного на хранение, даже если доказательством служат лишь простые письменные документы (*доски*). Такие споры решались по псковским обычаям. Ю. Г. Алексеев справедливо замечает, что из норм Псковской Судной грамоты видно, что «социальное и имущественное расслоение зашло достаточно далеко, должника в записи можно уже «имать» с приставом как простого татя, врываясь к нему на двор. Однако этот должник еще не вовсе беззащитен перед лицом кредитора, он еще имеет возможность (по крайней мере в теории) ответить иском на иск и постоять за себя по старым законам — «по псковской пошлине»[151].

Статья 104

А. А. Зимин полагает, что в данном случае под словом *заклад* имеются в виду грамоты[152]. Думается, однако, что это понятие не меняет здесь своего обычного смысла-залога в виде перечисленных в статье объектов собственности: земли, воды, двора, клети.

В этой статье разбирается случай, когда после смерти должника объявляются истцы с *грамотами*, удостоверяющими их право собственности на заложенный должником один и тот же участок земли, воду и т. д. Истцы должны были присягнуть и поделить заложенное имущество пропорционально предоставленному умершему займу. Если же среди истцов были такие, которые обладали кроме *грамот* еще и *записями*, то их иски подлежали удовлетворению и без присяги. *Ближнему племени* предоставлялось право выкупить заложенное имущество и выплатить долги умершего. Так можно было избежать раздела имущества кредиторами. Данная статья развивает вопросы, затронутые в ст. ст. 14—15.

Статья 105

Судя по ст. 105, дела между гражданами Пскова и иностранцами решались по упрощенной процедуре (ср. ст. 20). Гражданин Псковской республики мог присягнуть в том, что не бил иностранца и не грабил, и тем самым отвести от себя обвинения. Следует заметить, что процедура, предусмотренная Псковской Судной грамотой, выглядит проще и выгоднее для соотечественников, чем процедура, установленная Русской

150 Памятники русского права. Вып. второй, с. 373.

Учебнаго — платы за обучение, а возможно и данных ученику материалов.

151 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.., с. 82.

152 Памятники русского права. Вып. второй, с. 373.

Подсуседник — зависимый наниматель дома или части дома, живший в усадьбе хозяина.

Ссудьи — ссуды.

Суплетка — договор.

Правдой. Согласно ст. 31 Пространной редакции, *варяг или колбяг* мог представить свидетелей драки, которые могли подтвердить факты под присягой.

Статья 106

Стариков — старожилов.

В данной статье рассматривается спор о земле или о пчелиных ульях между *сябрами* и лицом, купившим участок земли или леса с пчелиными ульями. Законодатель предписывает решать такие споры в присутствии всех *сябров* и перед *господою*. Межники должны были разграничить участки *сябров* и купленный участок и после присяги покупателя ему выдавалось судебное решение о праве собственности на купленный участок. Так разрешался спор, и решение суда доводилось до сведения каждого заинтересованного лица. Ю. Г. Алексеев расценивает ст. 106 как новый этап в развитии судопроизводства о земле в целом: проникновение грамотчика в круг общинников-сябров с необходимостью должно было привести к перестройке внутриобщинных отношений. Статья 106, на взгляд Ю. Г. Алексеева, «фактически отрицает нормы ст. 9. Последняя перестает действовать тогда и постольку, когда и поскольку в спор «о земли или о борти» вступают грамоты. С этого момента грамоты становятся основными аргументами тяжущихся сторон со всеми вытекающими отсюда последствиями — последствиями, заведомо благоприятными для обладателя грамоты, в ущерб страждущим владельцам и их соседям»[153].

153 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.., с. 116.

Статья 107

Как зблюдению — как при рассмотрении дел о хранении (см. комментарий к ст. ст. 14, 16, 18).

В данной статье обрисована ситуация, прямо противоположная той, которой посвящена ст. 31. В ст. 31 говорилось о случае, когда должник, взявший ссуду под залог, отказывался вернуть долг и забрать свой залог обратно. В данной же статье описывается ситуация, в которой должник и кредитор меняются местами: теперь кредитор (залогодержатель) отрицает факт получения залога, данного в обеспечение договора займа. В этом случае залогодатель предоставлял кредитору, к которому предъявлялся иск о возвращении залога в обмен на данные кредитором в ссуду деньги, выбрать подходящий для него вариант: или присягнуть в том, что не брал залога, или положить у креста цену иска и предоставить возможность присягнуть истцу, или состязаться с истцом в поединке. Иск о возвращении залога приравнивался по форме к искам о возвращении отданных на хранение вещей. Очевидно, что и в ст. 31, и в ст. 108 говорится о таких договорах займа, которые не были оформлены *записью*. В этом отношении Псковская Судная грамота похожа на Русскую Правду, не упоминавшую о каких-либо письменных документах: ведь в основном споры решались в зависимости от показаний *послухов*. Но в отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота предпочитает *послухам* поединок или присягу.

В пенезех — за деньги, полученные в ссуду (*пензи* — деньги).

Статья 108

А которой строке пошлинной грамоты нет — в этой фразе следует видеть указание на отсутствие той или иной статьи в Псковской Судной грамоте. Древние тексты правовых памятников не были разбиты на статьи. Классификация строк по статьям принадлежит исследователям. Поэтому под «строкой» понималась статья закона в современном смысле.

Данная статья имеет важнейшее значение для выяснения роли посадников и веча в законотворчестве в Псковской республике и для понимания всего закона. Право законодательной инициативы предоставлялось посадникам, которые должны были докладывать на вече о пробелах в законе. А вече предоставлялась роль законодательного собрания: от его воли зависела ликвидация пробелов и отмена устаревших, потерявших значение норм права. В этой связи представляется очень важным вопрос о социальном составе веча. По этому вопросу единой точки зрения нет. Четкую позицию занял В. Л. Янин, писавший, правда, о Новгородской, а не Псковской республике. На его взгляд, вече нельзя рассматривать как народное собрание, поскольку главную роль на вече играли представители привилегированных сословий[154]. Менее четко аналогичная точка зрения была высказана в ранней работе И. Д. Мартысевича. Показав разнородный состав веча («вече состояло из бояр, духовенства, купцов, житьих людей и черных, или молодших, людей»), он все же пришел к выводу, что «такой состав веча обеспечивал господствующему классу руководящую роль при решении вопросов, стоявших на повестке дня веча»[155]. Иначе расценивает роль народа на вече И. Я. Фроянов: «нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече является чем-то вроде послушной овечки в руках знати»[156]. «Громкий голос» простых горожан, влияющий на принятие тех или иных государственных решений, отмечал и Л. В. Черепнин[157]. Б. Б. Кафенгауз, специально исследовавший историю псковского веча, показал, что на «вечевых собраниях вместе с феодалами участвовали и «середние», «молодые», «мелкие люди» и даже «препростая чадь»[158]. По-видимому, все же нельзя отрицать роль народа в республиканском законотворчестве. Правовые нормы Псковской Судной грамоты не могли приобрести силы закона без одобрения веча. С одной стороны, участие народа в вечевых собраниях создавало возможность для народа влиять на внутреннюю и внешнюю политику. С другой стороны, непосредственные творцы политики могли, используя массовую психологию и рычаги влияния на массы, прикрывать законодательное закрепление собственных интересов ссылкой на «голос народа».

Статья 109

Статья содержит положения, аналогичные нормам ст. ст. 16—18 Устава кн. Владимира (Синодальной редак-

154 Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. История СССР, 1970, № 1, с. 50-51; подробный историографический обзор взглядов см.: Алексеев Ю. Г. Указ. работа, с. 21-26.

155 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 58-59.

156 Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146-1147 гг. в Киеве. Вестник Ленинградского ун-та. Серия — История. Язык. Литература. 1977, № 2, с. 35-36.

157 Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII-XIII вв.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 23-47.

158 Кафенгауз Б. Б. Вече в Древнем Пскове. — История СССР. 1966, № 6, с. 123.

ции). Смысл их заключается в оговаривании неподсудности церковных людей суду князя, а в Псковской республике — суду князя и посадника. Церковные люди подлежали суду владыки или его наместника. Лишь когда одной из сторон являлся церковный человек, а другой — мирянин, составлялся общий суд наместника владыки и князя с посадником. По такому же принципу должны были действовать и местные суды.

Имутся —станут отчуждать, предъявят иск;

Статья 110

Данная статья предоставляет ответчику, к которому предъявляется иск о домашних животных, отвести претензии истца путем присяги. Если ответчик присягал в том, что спорные животные были выращены в его хозяйстве, претензии истца отклонялись. На взгляд И. Д. Мартысевича, «такой порядок защиты права собственности соответствовал интересам только господствующего класса»[159]. Однако, как справедливо заметил Ю. Г. Алексеев, те же объекты собственности имелись и у крестьян. Простота выяснения вопроса, обычно-правовой характер судебного процесса и просто мелочность предметов иска указывают на то, что эта норма права защищала скорее мелких собственников, «патриархальных владельцев»[160].

Рощеное доморощенное.

159 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 70.

160 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 89.

Статья 111

Статья предусматривает санкции за нанесение побоев истцу на суде. Денежный штраф шел в пользу князя, и, кроме того, истец обязывался возместить моральный ущерб оскорбленному ответчику в материальной форме. Сумма этого взыскания равнялась, по-видимому, одному рублю.

Кокощь — петух.

А боран — зд. имеется в виду кража барана;

Статья 112

Статья устанавливает ставки возмещения хозяину украденных у него домашних животных, а также размер судебных пошлин.

Статья 113

Слово *братьщина* И. Д. Мартысевич понимал как группу «соседей, объединявшихся между собою с целью организации в складчину общественных пирушек»[161], которая могла рассматривать мелкие дела, вроде оскорблений и драк во время пира[162]. Однако Ю. Г. Алексеев подвергает сомнению мнение И. Д. Мартысевича. На взгляд Ю. Г. Алексеева, *бои в пиру* были не подсудны *братьщине*, а относились к юрисдикции князя, как это вытекает из ст. 27. То же относится и к *татьбе в пиру* (ст. 34)[163]. Соглашаясь с возражениями Ю. Г. Алексеева по поводу отнесения к юрисдикции *братьщины* дел о *боях*, следует заметить, что кражи на пиру, как это видно из ст. 34, вполне могли подлежать суду *братьщины*.

161 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 117.

162 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 118.

163 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 61-62.

Статья 114

Статья признает недействительным договор мены или купли-продажи, заключенный в пьяном виде, если, протрезвев, одна из сторон пожелает его расторгнуть. Законодатель предписывает произвести обмен без всяких затруднительных условий — без присяги.

Статья 115

Корец — ковш, мера жидкости.

Данная статья запрещала людям князя открывать в Псковской республике питейные заведения и торговать хмельными напитками в розницу. Вероятно, этот запрет преследовал цель ограничения доходов князя и ограждения республиканской монополии на *мед*. Как подметил А. А. Зимин, аналогичные запреты налагались и на немецких *гостей*[164].

164 Памятники русского права. Вып. второй, с. 377.

Статья 116

По мнению И. Д. Мартысевича, *вольная рота* означала присягу в невиновности, которую должен был принести подозреваемый в случае недостаточности улик[165]. Ю. Г. Алексеев рассматривает *волную роту* как очистительную присягу коллектива, готового поручиться за подозреваемого[166]. Однако следует оговорить, что четких доказательств для этой гипотезы закон все же не дает (см. также комментарий к ст. 34).

В отличие от ст. 7, в ст. 116 говорится о недоказанном поджоге.

165 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 128.

166 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 63.

Статья 117

Слово *послух* фигурирует еще в Русской Правде. Во времена Русской Правды оно заключало в себе по крайней мере два значения: свидетеля доброй славы и очевидца. В данном казусе *послуху* отводится, на взгляд Ю. Г. Алексеева, «роль стоятеля за правое дело»[167], что, по-видимому, не исключает роли очевидца происшествия.

167 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 56.

Зажоги на ком учнет сочит — станет обвинять в поджоге.

Долики — улики.

Данная статья очень сложна для понимания. Вызывает недоумение предписание закона *битися на поли* послуху, а не потерпевшему. Удивляет непомерно высокая ставка денежного взыскания в пользу потерпевшего. Два рубля — это самая крупная денежная санкция, названная в Псковской Судной грамоте. Следует заметить, что вырывание бороды каралось и по Русской Правде самой высокой *продажей* — 12 гривен (ст. 67 Пространной редакции). Если памятники светского права предусматривают случаи насильственного лишения бороды, то в церковном Уставе кн. Ярослава содержится запрет брить собственную бороду. Попытка объяснения смысла этого запрета, а также логики столь высоких санкций за вырывание бороды дается в комментарии к ст. 26 Устава кн. Ярослава о церковных судах (Краткой редакции).

Изможет — победит.

За слюблено — полюбовно, по обоюдному согласию.

Статья 118

Ю. Г. Алексеев полагает, что в данной статье речь идет о продаже коровы без телят, о которых просто забыли во время заключения сделки. На его взгляд, иск предъявляется к продавцу, интересы которого защищает закон[168]. Такое представление о данной статье кажется неверным. Прав И. Д. Мартысевич, толкующий статью иначе: «Лицо, продавшее стельную корову, не могло требовать возвращения телят, родившихся после продажи коровы»[169]. Такое понимание вполне согласуется с логикой правового решения вопроса о приплоде, сформулированного римскими юристами в афоризме «Принадлежность следует судьбе главной вещи».

Иное дело, когда продавалась вещь со скрытыми дефектами. Тогда такая сделка должна быть признана, согласно ст. 118, недействительной: корова возвращалась продавцу, а деньги — покупателю.

Статья 119

Статья предписывает решать споры между двумя женщинами поединком. Причем в отличие от ст. ст. 21 и 36 ст. 119 запрещает сторонам выставлять вместо себя наймитов для поединка. Очевидно, граждане Пскова не желали лишать себя столь любопытного зрелища, как поединок двух женщин.

Статья 120

В данной статье устанавливается единая ставка денежных взысканий в пользу потерпевших, а также единая *продажа* в пользу князя независимо от количества обвиняемых и потерпевших по делам о побоях.

168 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время, с. 89.

169 Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота, с. 70.

По торговли — после заключения договора купли-продажи.

Кровью помачивается имет — будет кровоточить. Вероятно, речь идет о больной корове.

Новгородская Судная грамота

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1 (разные издания).

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Памятники русского права. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII — XV вв. М., 1953.

Михайлов М. М. История русского права. Спб., 1881.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. Юридический вестник, М., 1884, № 5—6.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского права (пособие к лекциям). Ч. 1. Юрьев, 1914.

Кочаков Б. М. Новгородская Судная грамота. Ученые записки Ленинградского педагогического института, т. V, вып. I. Л., 1940.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XV вв. Ч. 1, М.—Л., 1948.

Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1950.

Псковская Судная грамота

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Псковская Судная грамота. Издание императорской Археографической комиссии. Спб., 1914.

Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий Черепнина Л. В. и Яковлева А. И. — Исторические записки, т. VI. М., 1940.

Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий проф. Полосина И. И. — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV, вып. 3.

Памятники русского права. Вып. второй. М., 1953.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты. — Вспомогательные исторические дисциплины, т. X. М.—Л., 1978.

Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980.

Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси. — Ученые записки / Саратовский государственный университет, Саратов, 1925. Т. IV, вып. 4.

Беляев И. Крестьяне на Руси. М., 1861; 4-е изд. М., 1903.

Беляев И. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М. — Л., 1961.

Богословский М. М. Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте. — Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете, 1917, № 2.

Богословский М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 г., вып. I (34). Л., 1927.

Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права. 4-е изд. Киев—Спб., 1905.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1871.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. I. 2-е изд. М., 1952.

Дебольский Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. Спб., 1903.

Демченко В. Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по судебным делам по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859.

Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. Спб., 1910.

Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869.

Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.

Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII — XV вв. — Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. 1—6 июля 1946 г. М., 1948.

Кафенгауз Б. Б. Вече в древнем Пскове. — История СССР, 1966, № 6.

Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. М., 1969.

Кафенгауз Б. Б. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. — Исторические записки, т. 18. М., 1948.

Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники». — Ученые записки Московского государственного педагогического института. Т. 4. Серия историческая, вып. II. М., 1939.

Ключевский В. О. Псковская Правда. — Соч., т. VI. М., 1959.

Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951.

Михайлов П. Е. Новые данные для комментария Псковской Судной грамоты. — Известия ОРЯС Академии наук, т. XVIII, кн. 2, 1913.

Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. Спб., 1914.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. — Юридический вестник Московского юридического общества, 1884, май-июнь.

Неволин К. История российских гражданских законов. Т. I — III. Спб., 1851.

Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. Спб., 1873.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. — Соч., т. III. Спб., 1910.

Пресняков А. Е. Княжеское право в Древней Руси. Спб., 1909.

Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Л.—М., 1927.

Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1895.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I — III, Спб., 1903.

Струмилин С. Г. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929.

Тихомиров М. Н. Летописные памятники Синодального собрания. — Исторические записки, т. 13. М., 1942.

Удинцев В. История займа. Киев, 1908.

Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. Спб., 1855.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. I. 5-е изд. Юрьев, 1914.

Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146—1147 гг. в Киеве. — Вестник Ленинградского университета. История. Язык. Литература. 1977, вып. 2.

Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков., 1870.

Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в. — Доклады и сообщения Института истории. М., 1954, вып. 3.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XV вв. Ч. I. М.—Л., 1948; ч. II. М., 1951.

Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. Спб., 1855.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 1939.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные Археографической Экспедицией в библиотеках и архивах Российской империи
БАН—Библиотека АН СССР
ГБЛ — Государственная библиотека · СССР им. В. И. Ленина
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЗСЛ—Закон Судныи людем
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
НПЛ — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов
НСГ — Новгородская Судная грамота
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
ПР — Правда Русская
ПСГ — Псковская Судная грамота
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

Э

Ю

Я

C

D

G

K

P

T

W

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

А

Н

О

П

Р

С

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В

Д

Е

Ж

З

К

Л

М

Н

О

П

С

Т

У

СООТНОШЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ

В Краткой Правде:

1 гривна = 20 ногат = 25 кун = 50 резан

В Пространной Правде:

1 гривна кун = 20 ногат = 50 кун (резан) = 150 векш

В Псковской Судной грамоте:

1 рубль = 30 гривен кун = 220 денег

СОДЕРЖАНИЕ

Российское законодательство X—XX веков. В девяти
Р76 томах. Т. I. Законодательство Древней Руси.— М.: Юрид. лит., 1984.— 432 с.

Книгой «Законодательство Древней Руси» начинается выпуск девятитомного издания «Российское законодательство X—XX веков». В ней помещены основные законы Древнерусского государства (X—XV вв.). Это первый свод законов Руси — Русская Правда, княжеские уставы, уставные грамоты, а также судные грамоты — Новгородская и Псковская. Тексты законов даются по первоисточникам или по лучшим научным изданиям. Введения и обширные комментарии подготовлены известными советскими историками права и источниковедами.

Книга рассчитана на историков, юристов, научных работников, студентов юридических и исторических вузов. Она также заслуживает внимания всех, кто интересуется историей Русского государства.

Р $\frac{1203010000-046}{012(01)-84}$ подписное 67.3

Российское
законодательство
X—XX веков.

В девяти томах.
Том I
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор
Ш. Ш. Какабадзе
Художник
В. И. Примаков
Художественный редактор
Е. П. Суматохин
Технический редактор
М. В. Гридасова
Корректоры
Л. В. Соколовская
Л. Г. Кузьмичева

ИБ № 1093

Сдано в набор 17.03.83.
Подписано в печать 28.02.84.
Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура академическая.
Печать офсетная.
Объем: усл.печ.л. 27;
усл.кр.-отт. 90,5;
учет.-изд.л. 117,5.
Тираж 25 420 экз. Заказ № 1429
Цена 3 р. 70 к.

Издание подготовлено к печати
на ЭВМ и фотонаборном
оборудовании в ордена
«Знак Почета» издательстве
«Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69,
ул. Качалова, 14

Московская типография № 5
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21

